

Российский военно-правовой сборник

**Актуальные вопросы
правового обеспечения
совершенствования и развития
военной организации
государства**

Международная научно-практическая конференция

Москва 2016

ББК 67.401.21

Р76

Р76

Российский военно-правовой сборник № 21 : Актуальные вопросы правового обеспечения совершенствования и развития военной организации государства : международная научно-практическая конференция / отв. ред. д. ю. н., профессор А.В. Кудашкин. – М. : За права военнослужащих, 2016. – Вып. 144. – 288 с. – Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант»). ISBN 978-5-93297-157-4

Книга продолжает серию изданий «Право в Вооруженных Силах – консультант», которая издается с февраля 1999 г. В книге опубликованы материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы правового обеспечения совершенствования и развития военной организации государства».

Издание предназначено для военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, для научных работников, а также для всех, кто интересуется проблемами военного права, военными проблемами международного права.

ББК 67.401.21

© «Право в Вооруженных Силах – консультант», 2016 г.

© Оформление. «За права военнослужащих», 2016 г.

ISBN 978-5-93297-157-4

Содержание

Указатель сокращений	5
Вопросы теории военного права	
<i>Бараненков В.В.</i> Понятие и сущность ведомства в современном российском военном праве	6
<i>Верховодов В.А.</i> Историко-правовые аспекты формирования правового режима закрытых военных городков в СССР в послевоенные годы	15
<i>Кибакин М.В.</i> Проблемы развития теоретико-правовых основ обеспечения военной безопасности Российской Федерации в интересах совершенствования управления национальной обороной	20
<i>Купалба Т.Г.</i> (Республика Абхазия). К вопросу об имплементации военного законодательства в Республике Абхазия	25
<i>Сморчкова Л.Н.</i> К вопросу о методологии правового регулирования военно-правовых отношений	32
<i>Старцун В.Н.</i> К вопросу о правовом регулировании создания и деятельности в Российской Федерации частных военных компаний	43
Военные аспекты гражданского права, гражданского и арбитражного процессов	
<i>Додоматов С.И.</i> (Республика Таджикистан). Некоторые аспекты приостановления течения сроков исковой давности в отношении военнослужащих Республики Таджикистан	51
<i>Жамойдик К.М.</i> О некоторых вопросах правовой защиты результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ при экспорте отечественных оборонных технологий за рубеж	57
<i>Зыкова И.В.</i> Особенности участия военных организаций в гражданских правоотношениях	61
<i>Корякин В.М.</i> Гражданско-правовая ответственность военнослужащих и военных организаций за коррупцию	68
<i>Кудашкин А.В., Аксенова Т.Г.</i> Члены семьи военнослужащего – кто они? (к вопросу о конкуренции правовых норм)	74
<i>Мишаков О.А.</i> Интеллектуальная собственность в составе конкурсной массы стратегического предприятия – должника	79
<i>Павлов А.В.</i> Правовые средства защиты прав и законных интересов предприятий ОПК в условиях применения экономических санкций	84
<i>Соколова Е.В.</i> О некоторых вопросах возмещения вреда, причиненного Вооруженными Силами Российской Федерации при пресечении террористических актов и проведении контртеррористических операций	89
<i>Сорокин А.В.</i> Способы определения военной организацией исполнителей (подрядчиков) по договору аутсорсинга	96
<i>Талыбов Р.А.</i> Нужды обороны страны и безопасности государства в контексте изъятия земельных участков для государственных нужд	102
<i>Трофимов Е.Н.</i> К вопросу о сохранении за военнослужащими-преподавателями права на дополнительную общую площадь жилого помещения при зачислении в распоряжение или их увольнении с военной службы	107
<i>Трофимов М.В.</i> Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного подразделениями, воинскими частями и соединениями Вооруженных Сил Российской Федерации гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции	115
<i>Шнякина Т.С.</i> К вопросу о проблемах взаимодействия военных и частных структур при обеспечении обороны Российской Федерации	122
Военно-административные вопросы деятельности военных организаций	
<i>Глухов Е.А.</i> Симптомы бюрократизма в военной организации Российского государства	127

<i>Кыдыралиев К.Э.</i> (Кыргызская Республика). Историко-правовые аспекты института материальной ответственности в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и Российской Федерации	139
<i>Сергеенко Д.Ю., Кичигин Н.В.</i> Особенности налогообложения Пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации	148

Военно-уголовное право и уголовный процесс: современное состояние и перспективы развития

<i>Билгуун Х.</i> (Монгольская Народная Республика), <i>Шанхаев С.В.</i> Военно-уголовное законодательство Монгольской Народной Республики: краткая история становления законодательства и современность	153
<i>Ермолович Я.Н.</i> О проблемах военной криминологии и ее взаимосвязи с военно-уголовным правом	161
<i>Закомолдин Р.В.</i> О недостатках юридической техники и пробелах действующего военно-уголовного законодательства	169
<i>Кукушкина О.Ю.</i> Развитие института амнистии в интересах обороны страны и безопасности государства в период существования буржуазного государства и права в России (февраль – октябрь 1917 г.)	175
<i>Сазонова И.Г.</i> Производство освидетельствования командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемные моменты	185
<i>Туганов Ю.Н., Чижикова О.Ю.</i> Кассационный и надзорный порядок пересмотра судебных решений военных судов по уголовным делам	190

Обеспечение законности и правопорядка в деятельности военных организаций

<i>Дмитриев Д.А.</i> Дисциплинарные казармы Армии США в Форте Ливенворт: историко-правовые аспекты создания и функционирования	197
<i>Кириченко Н.С.</i> К вопросу о профилактике фактов виновного причинения военными служащими материального ущерба воинской части	202
<i>Лужин К.Н.</i> Аспекты эволюции взглядов на военные суды как органы правосудия в России до установления советской власти	208
<i>Николаев Ю.А.</i> Некоторые аспекты совершенствования нормативной правовой базы по противодействию коррупции в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса	217
<i>Овчаров О.А.</i> Содержание правовой работы в области обороны: вопросы совершенствования	223
<i>Плотников Д.М., Коробков В.С.</i> Актуальные вопросы обеспечения правопорядка органами военной полиции	230
<i>Сазонов В.А.</i> Военные суды среднего звена в дореволюционной России: их роль в процессе развития и становления окружных (флотских) военных судов современной военно-судебной системы	235
<i>Хорев В.П., Горева О.Е.</i> К вопросу о реформировании системы внутреннего финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации	241

Проблемные вопросы применения законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих

<i>Вербицкая Т.В.</i> О статусе женщин-военнослужащих в условиях вооруженного конфликта	249
<i>Ефремов А.В.</i> К вопросу предоставления достойных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим и членам их семей	256
<i>Заневская Н.А.</i> Правовое регулирование установления надгробного памятника умершим (погибшим) военнослужащим	263
<i>Иванеев С.В.</i> Некоторые вопросы реализации свободы совести в органах военного управления	268
<i>Манжула Е.В.</i> Актуальные вопросы применения законодательства об альтернативной гражданской службе	274
<i>Шветова К.Г.</i> Ведомственный статус военнослужащих Российской Федерации	279

Указатель сокращений

- БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации
- ЖК РСФСР – Жилищный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
- ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации
- ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации
- КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации
- ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
- УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Вопросы теории военного права

---

*Бараненков В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
vpravo@mail.ru*

Понятие и сущность ведомства в современном российском военном праве

Аннотация: в статье анализируется соотношение понятий «ведомство», «государственный орган», «федеральный орган исполнительной власти, «военные организации», определяется сущность понятия «военное ведомство».

Ключевые слова: военные организации, ведомство, государственный орган, федеральный орган исполнительной власти.

*Baranenkov V. V.,
doctor of legal Sciences, Professor,
vpravo@mail.ru*

The definition and nature of Agency in contemporary Russian military law

The article analyzes correlation of notions «office», «public authority», «Federal body of Executive power», «military organization», the essence of «military Department».

Key words: Agency, state authority, Federal Executive authority, military organizations.

Продолжающаяся военная реформа предусматривает, в частности, необходимость совершенствования состава и структуры Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов¹, что, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки концептуальных правовых основ оптимизации структуры военной организации государства в новых социально-экономических условиях.

Особую актуальность исследованию понятия «военное ведомство» придает явно выраженная тенденция повышения значимости четкого определения правового статуса военных организаций для обеспечения стабильности различных правоотношений с их участием². Все это обуславливает интерес военно-правовой науки к исследованию правового положения военных организаций вообще и военных ведомств в частности³.

В то же время выявление особенностей юридической личности военных организаций затруднено отсутствием закрепленного в законодательстве определения понятия «ведомство», недостаточной разработанностью его соотношения с понятиями «государственный орган», «орган государственной власти». Отмечаемая многими ведущими военными учеными⁴ неразработанность понятийного аппарата не только порождает ошибки в нормотворчестве и противоречия в нормативных правовых актах, но и, в свою очередь, затрудняет правовое регулирование отношений в соответствующих сферах. Так, например, желая обозначить совокупность организаций, выполняющих задачи в сфере обеспечения военной безопасности военными методами, законодатель вынужден использовать громоздкий термин «Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы»⁵. Когда же речь идет отдельно о каждой такой системе организаций (например, о федеральной службе безопасности), являющейся составной частью военной организации государства, ввиду отсутствия специального термина, как уже отмечалось,

достаточно часто ошибочно применяется понятие «федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законодательством предусмотрена военная служба»⁶. Это порой приводит к смешению понятий, в результате чего понятия «ведомство», «государственный орган», «федеральный орган исполнительной власти» ошибочно воспринимаются как тождественные, в то время как этимология понятия «ведомство», его историческое значение⁷ свидетельствует о том, что федеральный орган исполнительной власти (например, Министерство обороны Российской Федерации. Далее также – Минобороны России) лишь часть ведомства (такого, например, как Вооруженные Силы Российской Федерации), его орган управления.

Так, в частности, по отношению к организациям, обеспечивающим оборону и безопасность военными методами, достаточно часто применяется термин «федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба»⁸. В то же время не существует ни легального определения такого органа, ни четко сформулированных в законодательстве признаков, особенностей правового положения таких органов. Кроме того, сам термин представляется неудачным, так как военная служба предусмотрена, конечно же, не в федеральных органах исполнительной власти, а в Вооруженных Силах Российской Федерации, иных войсках, воинских формированиях и органах.

Одним из примеров неудачного применения вышеуказанного термина может служить Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». Так, например, согласно ч. 5 ст. 9 указанного Закона «федеральный орган исполнительной власти, в котором участник накопительно-ипотечной системы проходит военную службу, в письменной форме уведомляет военнослужащего о включении его в реестр участников...». Но военнослужащие проходят службу не только в федеральных органах исполнительной власти (Минобороны России, ФСБ России и т. п.), но и в подведомственных этим органам организациях (соединения и части Вооруженных Сил Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности и т. п.). Вряд ли разработчики действительно стремились ограничить действие чч. 4 и 5 ст. 9, п. 3 ч. 1 ст. 11 и ряда иных статей вышеуказанного Закона распространением их лишь на военнослужащих органов управления – это всего лишь юридико-техническая ошибка, обусловленная поспешностью, с которой принимался Закон.

Следует отметить и то, что хотя законодатель в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» почему-то избегает называть Министерство обороны Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти⁹, вряд ли кто-то может усомниться в том, что Минобороны России только часть Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁰. Иными словами, можно обозначить Вооруженные Силы Российской Федерации как ведомство, а Минобороны России как составную часть такого ведомства (орган управления ведомством) – федеральный орган исполнительной власти. Не определен в этом отношении и статус Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, который не является федеральным органом исполнительной власти. В отличие от военных комиссариатов не определено, являются ли управления военных округов территориальными органами Минобороны России (что, как представляется, вполне могло бы следовать из их полномочий).

При этом следует отметить и сохраняющуюся неопределенность соотношения понятий «федеральный орган исполнительной власти», «территориальные органы федерального органа исполнительной власти», «центральный аппарат федерального органа исполнительной власти» и их отграничения друг от друга, что затрудняет выработку единых подходов к формированию структуры ведомственных систем органов исполнительной власти. В частности, нигде не определено, входят территориальные органы в состав федерального ор-

гана исполнительной власти или нет (иными словами, состоит ли федеральный орган исполнительной власти из центрального аппарата и территориальных органов или территориальные органы обособлены от федерального органа исполнительной власти и подчиняются ему, не входя в его состав).

Сложившаяся к настоящему времени практика применения указанных терминов позволяет сделать вывод о том, что *под федеральным органом исполнительной власти понимается орган, наделенный специальными полномочиями в определенной сфере деятельности, стоящий во главе системы подведомственных ему организаций, в совокупности с ними образующий возглавляемое им ведомство*¹¹.

Анализ ведомства как совокупности организаций, возглавляемых федеральным органом исполнительной власти, чья интегрированная деятельность направлена на обеспечение исполнения определенных функций государства, позволяет сделать вывод о том, что правовая сущность ведомства заключается в ярко выраженном публичном предназначении как самого ведомства, так и организаций, входящих в его состав. Правовая сущность ведомств, выполняющих задачи в сфере военной безопасности, производна из сущности и функций государства, но обусловлена и особенностями их собственных функций (т. е. характером противоборства и выполняемых задач). Сопоставляя, таким образом, сущность ведомств и правовую сущность военной службы, являющейся профессиональной служебной деятельностью граждан «по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов» и «функций по обеспечению обороны и безопасности государства»¹², можно сделать вывод о том, что *все военные организации* (т. е. те, которые комплектуются военнослужащими) по своей сущности являются государственными органами.

Вместе с тем, в законодательстве до сих пор не определены ни понятия «государственный орган», «орган государственной власти», «орган исполнительной власти», ни виды таких органов, ни какие-либо их признаки. Представляется целесообразным выделить такие виды государственных органов (различного уровня и с различными уровнями компетенции), как центральный аппарат (центральный орган управления ведомства), территориальные органы, специальные органы (органы, выполняющие специальные функции), включая органы обеспечения. При этом весьма важно определить критерии отнесения организаций к различного уровня органам и соответствующие уровни компетенции¹³. Такой подход совпадает и с уровнями бюджетной иерархии ведомств (главный распорядитель – распорядитель – получатель бюджетных средств).

В современном отечественном законодательстве не существует единого термина, который можно было бы применить для обозначения *организаций, входящих в состав* Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральной службы безопасности, иных войск, воинских формирований и органов. Весьма часто организации, выполняющие задачи в сфере обороны страны и безопасности государства, называют *военными организациями*. В то же время, как верно отмечает С.В. Терешкович, законодательство Российской Федерации не содержит ни нормативного определения понятия «военная организация», ни определения круга субъектов, к ним относящихся¹⁴. При этом следует учитывать, что *термин «военная организация» в законодательстве, а также в теоретических источниках обычно используется в различных значениях*. Как справедливо отмечает Л.Н. Сморгочкова, в широком смысле под военной организацией подразумевается государственная структура или совокупность нескольких структур, функции которых связаны с защитой государства военными средствами. В узком смысле – определенным образом обособленное подразделение такой военной государственной структуры¹⁵. Как в федеральном законодательстве¹⁶, так и в нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти отмечаются слу-

чаи применения термина «военные организации» в одном ряду с терминами «воинские части» и «учреждения». С.В. Терешкович, считающий, что к военным организациям следует отнести не только Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, но и входящие в их состав самостоятельные организационные структуры, признаваемые законодательством Российской Федерации субъектами права, справедливо отметил, что представляется логически неверным выделение законодателем, наряду с военными организациями, воинских частей и учреждений, так как по правовому смыслу понятия «военная организация» воинские части и учреждения являются лишь разновидностями военных организаций¹⁷.

В то же время понятие «военная организация» может быть в полной мере применено и к структурным подразделениям вышеуказанных формирований (центральный орган военного управления, объединениям, соединениям, воинским частям, и т. п.). Так, в научных исследованиях военными организациями обычно называют «органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, организации, предприятия, учреждения, военные образовательные учреждения профессионального образования Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов государственной власти, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная служба»¹⁸. Но данное определение вряд ли можно признать удачным в силу его описательного характера, некорректности использования некоторых понятий (например, использования через запятую слов «организации», «учреждения»), в то время как все перечисленные «структуры», несомненно, являются организациями, а многие к тому же и учреждениями¹⁹. Кроме того, *не все организации, входящие в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов государственной власти, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная служба, могут и должны быть названы военными организациями* (например, строительная бригада, не комплектуемая военнослужащими)²⁰.

В некоторых нормативных правовых актах в качестве обобщающего используется термин «воинская часть» в широком смысле. Так, например, в Федеральном законе «О материальной ответственности военнослужащих»²¹ термином «воинские части» обозначены «органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, корабли, *организации*» (курсив мой. – В. Б.), военные образовательные учреждения профессионального образования, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации военнослужащие проходят военную службу» (ст. 2), хотя такое перечисление разновидностей организаций вряд ли можно признать исчерпывающим, если только не посчитать, что включенное в данный перечень слово «организации» на самом деле является всеобъемлющим и позволяющим отнести тем самым к субъектам правоотношений, урегулированных указанным Законом, любые военные организации, прямо не упомянутые в ст. 2 Закона. Но в таком случае перечисление «органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, корабли... военные образовательные учреждения профессионального образования» является излишним, так как все эти «воинские части» являются *организациями*. Таким образом, более правильно было бы сформулировать ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», например, следующим образом: «военные организации – организации (органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, корабли, образовательные, медицинские, научные и иные организации), комплектуемые военнослужащими (на штатной основе) полностью или частично».

Как справедливо отмечает И.В. Бараненкова²², проблема соотношения понятий «военная организация», «федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законодательством предусмотрена военная служба», «ведомство» носит не только сугубо

научный, но и практический характер. В соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 374 НК РФ объектом обложения налогом на имущество не признается имущество, принадлежащее на праве оперативного управления *федеральным органам исполнительной власти, в которых законодательно предусмотрена военная и (или) приравненная к ней служба*, используемое этими органами для нужд обороны, гражданской обороны, обеспечения безопасности и охраны правопорядка в Российской Федерации.

Кроме того, согласно подп. 6 п. 2 ст. 358 НК РФ транспортные средства, принадлежащие на праве оперативного управления *федеральным органам исполнительной власти, где законодательно предусмотрена военная и (или) приравненная к ней служба*, не облагаются транспортным налогом.

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России, опираясь на судебную практику, в частности на постановления Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 августа 2005 г. № А42-13441/04-20, от 14 октября 2005 г. № А13-1616/2005-05, от 28 октября 2005 г. № А42-871/2005-20, сделал вывод о том, что «подведомственные Министерству обороны Российской Федерации учреждения и унитарные (казенные) предприятия, являющиеся самостоятельными юридическими лицами, не относятся к федеральным органам исполнительной власти и должны уплачивать транспортный налог в отношении принадлежащих им на праве оперативного управления либо хозяйственного ведения транспортных средств в порядке, предусмотренном главой 28 Кодекса»²³.

Вместе с тем, в дальнейшем (с 2006 г.²⁴) судебная практика пошла по иному пути. В подавляющем большинстве случаев суды, анализируя правовую природу рассматриваемых отношений, указывали, что «на праве оперативного управления имущество передается учреждениям, а в хозяйственном ведении находится у государственных и муниципальных предприятий (ст.ст. 294, 296 ГК РФ). Следовательно, в целях применения ст. 358 и ст. 374 НК РФ имуществом (включая транспортные средства), принадлежащим федеральному органу исполнительной власти на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, следует считать не только имущество, непосредственно закрепленное за федеральным органом исполнительной власти, но и имущество, находящееся в хозяйственном ведении и (или) оперативном управлении юридических лиц (государственных учреждений, федеральных государственных унитарных предприятий), в которых законодательно предусмотрена военная и (или) приравненная к ней служба, используемое этими организациями для нужд обороны, гражданской обороны, обеспечения безопасности и охраны правопорядка в Российской Федерации»²⁵.

При этом в качестве обязательного (квалифицирующего) условия предоставления организациям указанных налоговых льгот судами признавались доказательства того, что военная (или приравненная к ней) служба предусмотрена не только в соответствующем федеральном органе исполнительной власти, которому подведомственна организация, но и в ней самой²⁶.

В связи с изложенным И.В. Бараненкова обосновывает необходимость внесения соответствующих изменений в подп. 2 п. 4 ст. 374 и в подп. 6 п. 2 ст. 358 НК РФ, распространив их действие на все организации, входящие в состав ведомств, в которых законодательно предусмотрена военная и (или) приравненная к ней служба.

В целях упорядочения понятийного аппарата данной сферы правового регулирования и во избежание путаницы представляется целесообразным четко разграничить понятия – *Вооруженные Силы, иные войска, воинские формирования и органы как элементы военной организации государства именовать военными ведомствами*. Кроме того, целесообразно уточнить содержание понятия «военная организация государства»²⁷ в части того, что понимается под «органами военного и государственного управления» военной орга-

низацией государства²⁸ и что включает в себя входящий в военную организацию государства «оборонно-промышленный комплекс страны».

Военными организациями предлагается именовать комплектуемые военнослужащими (на штатной основе) организации, входящие в состав Вооруженных Сил, иных войск, воинских формирований и органов (*военных ведомств*), которые, в свою очередь, входят в состав *военной организации государства*.

Под федеральным органом исполнительной власти предлагается понимать орган, наделенный специальными полномочиями в определенной сфере деятельности, стоящий во главе системы подведомственных ему организаций, в совокупности с ними образующий возглавляемое им *ведомство*.

Такой подход, позволит, в частности, устранить юридическую некорректность формулировки одного из базовых понятий военного законодательства: «*федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба*», обычно применяемого в качестве обобщающего для всех войск, воинских формирований и органов, на более правильный: «*военное ведомство*».

Военное ведомство предлагается определить как «ведомство, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, состоящее из федерального органа исполнительной власти и совокупности подведомственных ему государственных органов и иных организаций, совместная деятельность которых направлена на обеспечение военной безопасности Российской Федерации в определенной сфере».

Конкретные виды военных ведомств можно было бы именовать «оборонное ведомство», «ведомство безопасности государства», «ведомство государственной охраны», «ведомство внешней разведки» и т. п.

Библиографический список

1. Бараненков, В.В. Теоретико-правовые основы определения юридической личности военных организаций [Текст] / В.В. Бараненков // Право в Вооруженных Силах. – 2009. – № 10.
2. Бараненков, В.В. Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков // ЭНИ «Военное право». – 2011. – Вып. 1. – Режим доступа : http://www.voennopravo.ru/files/Бараненков_0.doc.
3. Бараненков, В.В. Юридическая личность военных унитарных предприятий [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков // ЭНИ «Военное право». – 2012. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/4660>.
4. Бараненков, В.В. О некоторых проблемах определения гражданско-правового положения Минобороны России и иных федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков // ЭНИ «Военное право». – 2013. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/5008>.
5. Бараненков, В.В. Военная организация как юридическое лицо в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Бараненков. – М., 1999.
6. Бараненкова, И.В. О некоторых проблемах правового положения военных организаций [Электронный ресурс] / В.И. Бараненкова // ЭНИ «Военное право». – 2012. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/4660>.
7. Гейвандов, Я.А. Организации, обеспечивающие вооруженную защиту Российской Федерации (некоторые аспекты соотношения публично-правового содержания и организационно-правовой формы) [Текст] / Я.А. Гейвандов // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 5 – 6.
8. Загорский, М.Г. Организационно-правовые основы участия военных организаций в арбитражном суде [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / М.Г. Загорский. – М., 1997.

9. Кавелин, К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения [Текст] / К.Д. Кавелин // Избранные произведения по гражданскому праву – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003.

10. Кудашкин, А.В. Военное право: понятие, актуальные проблемы направления исследований [Текст] / А.В. Кудашкин // Рос. военно-правовой сб. – 2004. – № 1.

11. Сморгчова, Л.Н. Правовой режим имущества, полученного организациями Пограничной службы Российской Федерации за счет внебюджетных источников [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / Л.Н. Сморгчова. – М., 2002.

12. Терешкович, С.В. О правовом понятии «военная организация» [Текст] / С.В. Терешкович // Право в Вооруженных Силах. – 2005. – № 10.

¹ Подпункт «а» п. 38 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Бараненков В.В. О некоторых проблемах определения гражданско-правового положения Минобороны России и иных федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2013. Вып. 1. URL: <http://www.voennoeravo.ru/node/5008>.

³ См. подробнее: Бараненков В.В. Теоретико-правовые основы определения юридической личности военных организаций // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 10.

⁴ См., напр.: Кудашкин А.В. Военное право: понятие, актуальные проблемы направления исследований // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 7.

⁵ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

⁶ Например, в ч. 5 ст. 9, чч. 4 и 5 ст. 9, п. 3 ч. 1 ст. 11 и ряде иных статей Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

⁷ Понятие «ведомство» еще в дореволюционном праве традиционно отграничивалось от понятия «министерство» как орган управления ведомством (например, в состав морского ведомства входили флот и морское министерство) (Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 510). Соответственно формулировка «министерства и ведомства» никогда не означала «министерства, агентства и иные федеральные органы исполнительной власти». В действительности ее значение – «министерства и подведомственные им организации» (например, «военное министерство» и «военное ведомство»).

⁸ См., например, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О статусе военнослужащих».

⁹ Ограничившись формулировкой: «Управление Вооруженными Силами Российской Федерации осуществляет министр обороны Российской Федерации через Министерство обороны Российской Федерации» (п. 2 ст. 13), но указывая при этом, что Минобороны России «координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам обороны» (п. 13 ст. 14).

¹⁰ Таким образом, такая, например, формулировка, как «военнослужащий Министерства обороны» неправомерна и может быть применима только лишь в шутивно-разговорном значении – как тождественная выражению «военнослужащий Арбатского военного округа».

¹¹ Под ведомством здесь и далее понимается не федеральный орган исполнительной власти, а вся система организаций, возглавляемая таким органом.

Ведомство – отрасль, часть государственного управления, составляющее нечто целое (Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2001. С. 105).

Ведомство – учреждение или совокупность учреждений, обслуживающих какую-нибудь область государственного управления (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1998. С. 71).

¹² Статьи 4 и 5 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О системе государственной службы Российской Федерации».

¹³ Что, вместе с тем, выходит за рамки настоящей работы и требует самостоятельного исследования.

¹⁴ Терешкович С. В. О правовом понятии «военная организация» // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 10. С. 76.

¹⁵ Сморчкова Л.Н. Правовой режим имущества, полученного организациями Пограничной службы Российской Федерации за счет внебюджетных источников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 36. О различном содержании термина «военная организация» в нормативных актах также говорится в статье: Гейвандов Я.А. Организации, обеспечивающие вооруженную защиту Российской Федерации (некоторые аспекты соотношения публично-правового содержания и организационно-правовой формы) // Государство и право. 1999. № 2. С. 5 – 6.

¹⁶ См., например, п. 3 ст. 27 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»; п. 2 ст. 93 ЗК РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

¹⁷ Терешкович С.В. О правовом понятии «военная организация» // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 10. С. 75 – 76.

¹⁸ Загорский М.Г. Организационно-правовые основы участия военных организаций в арбитражном суде : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 55.

¹⁹ Предложения автора о внесении изменений в формулировку определения понятия «военная организация» в ч. 2 ст. 1 проекта федерального закона «О правовом положении и финансово-экономической деятельности военных организаций» от 4 ноября 1998 г. посредством замены словосочетания «организации, предприятия, учреждения, военные образовательные учреждения профессионального образования» новым: «учреждения (включая военные образовательные учреждения профессионального образования), предприятия и другие организации» были реализованы и в дальнейших редакциях законопроекта (подробнее см.: Бараненков В.В. Военная организация как юридическое лицо в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 172; приложение № 2).

²⁰ Подробнее см.: Бараненков В.В. Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2011. Вып. 3. URL: http://www.voennoepravo.ru/files/Бараненков_0.doc.

²¹ Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

²² Бараненкова И.В. О некоторых проблемах правового положения военных организаций [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2012. Вып. 1. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/4660>.

²³ Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 3 марта 2006 г. № 03-06-01-02/09 // Финанс. вестн.: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2006. № 9.

²⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2006 г. № 7290/06.

²⁵ Из 35 изученных материалов судебной практики в 32 случаях (91,43%) суды выбирали подобный подход не только в отношении военных комиссариатов, являющихся террито-

риальными органами Минобороны России, но и в отношении квартирно-эксплуатационных частей (постановление Арбитражного суда Рязанской области от 17 мая 2006 г. № А54-9569/2005С21), унитарных предприятий (см., например: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2006 г. № 7290/06; постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 июня 2007 г. № Ф04-4285/2007(35696-А45-26), домов отдыха (постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 февраля 2008 г. № Ф08-680/08-234А).

Так, например, «довод налогового органа о том, что Центральный спортивный клуб ВВС не является федеральным органом исполнительной власти, следовательно, не имеет права на льготу, установленную подпунктом 6 пункта 2 статьи 358 Налогового кодекса Российской Федерации, изучен судом апелляционной инстанции и отклонен» (постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 16 ноября 2007 г. № А33-6192/2007-03АП-884/2007). По мнению Арбитражного суда Республики Мордовия, «Вооруженные силы Российской Федерации составляют единую централизованную систему органов, управляемую Министерством обороны Российской Федерации, и входящие в их состав территориальные органы – военные комиссариаты – созданы для осуществления функций в области обороны страны» (решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 14 июня 2007 г. № А39-922/2007).

²⁶ Так, в частности, для вынесения решения о предоставлении налоговых льгот домам офицеров судам было достаточно того, что «прохождение в Учреждении военной службы предусмотрено штатным расписанием, согласно которому в штате Дома офицеров среди гражданского персонала числится один военнослужащий» (постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 ноября 2008 г. № А42-1271/2008; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2008 г. № 13АП-6298/2008).

²⁷ «Военная организация государства – совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований (далее – Вооруженные Силы, другие войска и органы), составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации» (подп. «к» п. 8 Военной доктрины Российской Федерации).

²⁸ Относятся ли к таким органам, например, Правительство Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации и иные органы, наделенные определенными полномочиями в области обороны страны и безопасности государства.

Историко-правовые аспекты формирования правового режима закрытых военных городков в СССР в послевоенные годы¹

Аннотация: в статье проводится ретроспективный анализ, а также формулируются исторические уроки законодательного закрепления порядка создания закрытых военных городков на территории СССР в послевоенные годы, выявляются факторы, определяющие специфику правового режима закрытых военных городков.

Ключевые слова: правовой режим, закрытый военный городок, жилищный фонд.

Verhovodov V.A.,
lawyer,
vavilas@yandex.ru

Historical and legal aspects of the formation of the legal regime of closed military towns in the USSR in the postwar years

The article presents a retrospective analysis, and historical lessons are formulated legislative consolidation about the creation of closed military camps in the Soviet Union in the postwar years, identifies the factors that determine the specificity of the legal regime of the closed military camps.

Key words: legal regime, closed military town, housing.

В послевоенные годы воинские части (под которыми также понимались военно-учебные заведения и иные организации), как правило, размещались в военных городках, а также в отдельных зданиях, принадлежащих Министерству обороны СССР, в учебных центрах (лагерях) и на полигонах.

Сам термин «военный городок» широко использовался в законодательстве СССР, однако официального его определения не было.

С развитием советского военного законодательства впервые такое определение появилось в 1965 г. Под «военным городком» стал пониматься располагаемый на одном земельном участке комплекс зданий и сооружений, имеющий определенное целевое назначение для размещения одной или нескольких воинских частей, предприятий и организаций Министерства обороны СССР.

Наряду с появлением в законодательстве данного термина, произошло разделение военных городков на закрытые и открытые².

Автору настоящей статьи не удалось найти специальных источников правового регулирования общественных отношений, связанных с порядком создания закрытых военных городков. Однако в связи с тем, что подавляющее количество правовых актов по регулированию указанных общественных отношений были изданы в форме совершенно секретных и секретных постановлений Совета Министров СССР (как ранее, так и в настоящее время вопросы обороны и безопасности, а также федеральной собственности находятся в

исключительном ведении Российской Федерации), такой порядок можно попытаться выявить, исходя из анализа правовых норм, относящихся к предмету регулирования.

Как мы уже выяснили, термин «закрытые военные городки» официально не использовался, по крайней мере, вплоть до 1965 г., когда к закрытым военным городкам отнесли:

- военные городки воинских частей, имеющих систему пропусков;
- обособленные военные городки воинских частей, расположенных вне черты населенных пунктов;
- военные городки на аэродромах, при военных академиях, военно-учебных заведениях, полигонах, базах, складах, арсеналах, научно-исследовательских институтах, а также при воинских частях специального назначения.

Проанализировав сотни архивных постановлений Совета Министров СССР по созданию военных объектов и систематизировав полученную информацию, можно сделать вывод о том, что в общем смысле, схематично, можно представить следующий порядок создания закрытого военного городка.

1. Исходя из геополитических интересов, вопросов обороны страны и ее безопасности, создавались некие военные объекты, причем не всегда они создавались военным министерством. В процессе жизнедеятельности объекта он мог переходить многократно из одного подчинения в другое, что в отдельных случаях вызывало споры на самом высоком уровне³.

После постановки задачи на строительство необходимо было провести соответствующее проектирование. Практически каждый объект, возведенный на территории СССР, имел в своем составе здания и сооружения, построенные по проектам 53-го Центрального проектного ордена Трудового Красного Знамени института Министерства обороны Российской Федерации. По его типовым проектам были построены новые городки, отдельные сооружения и объекты военного назначения, а по индивидуальным – дома офицеров в городах и крупных гарнизонах, а также жилые и административные здания в Москве⁴. Одним из важнейших направлений проектных работ является общевоинское строительство, включающее в себя комплексное проектирование военных городков и всех элементов их инфраструктуры.

2. Для строительства объекта отводились в установленном порядке земельные участки, чаще всего тем же постановлением, что и в отношении создания таких объектов. В счет изымаемых земельных участков организациям и гражданам предоставлялись другая земля, а также определенные льготы и компенсации.

3. Для обеспечения жизнедеятельности строительства объекта возводились временные дома. Постоянное жилье для лиц, обслуживающих данный объект, сразу практически никогда не строилось, а начиная с 1951 г. полномочия по жилой застройке постепенно передавались на уровень министерств. Министерства, в свою очередь, строили жилые и иные здания по «титульным спискам на капитальное строительство».

Капитальные работы вокруг военных объектов предусматривали общевоинское строительство, жилищное строительство, оборонительное строительство, строительство объектов связи и др.

4. После завершения строительства объекта и ввода его в эксплуатацию издавался приказ командующего военным округом, которым военный городок уже включался в соответствующий Перечень закрытых военных городков.

Хотелось бы отметить, что любое подобное строительство невозможно было бы осуществить без соответствующей ресурсной базы.

Анализ сотен постановлений Совета Министров СССР за период с 1944 по 1965 гг. привел автора к умозаключению о том, что военные объекты строились, в частности, за счет ресурсной базы по ремонтно-восстановительным поставкам.

Из Германии в послевоенные годы вывозились не только технологии, конструкции и оборудование⁵; например, энергосиловое (электростанции), кузнечно-прессовое, горно-металлургическое, подъемно-транспортное, электротехническое, сварочное оборудование, станки и специнструмент⁶, но и предприятия (заводы, фабрики, верфи и т. д.) целиком⁷.

Активно велась работа по распределению трофейных и подъему морских и речных кораблей и судов. В случае невозможности использования их по назначению корабли и суда разрезались на металлолом.

Особое внимание автор предлагает уделить не только тому, кем строились и кому передавались указанные объекты, но и тому, какие льготы, компенсации и преимущества предоставлялись лицам, строившим и обслуживавшим указанные объекты, а также лицам, вынужденно переселяемым на другое место жительства. Анализ особенностей создания и функционирования закрытых военных городков позволит не только определить специфические черты таких поселений и сформулировать понятие правового режима закрытых военных городков, но также даст возможность освоить исторические уроки создания закрытых военных городков.

Одними из основных критериев отнесения военного городка к закрытым являются его предназначение, т. е. ради чего он собственно и создавался (военные объекты), а также наличие жилого фонда. Данный вывод подтверждается и судебной практикой. Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2009 г. № КАС09-306 указано, что признание военных городков закрытыми направлено на закрепление жилой площади этих городков за военным ведомством для обеспечения военнослужащих и других лиц, имеющих связь с военным ведомством, жилыми помещениями в целях поддержания боевой готовности воинских частей и подразделений. Целью утверждения Перечня закрытых военных городков является закрепление за военным ведомством создаваемого им жилищного фонда. Отсутствие же системы пропускного режима и другие нарушения статуса закрытого военного городка указывают только на то, что воинские должностные лица военного гарнизона не принимают необходимых мер для приведения территории данного городка в соответствие с предъявляемыми к ней требованиями⁸.

Получается, что одной из существенных особенностей закрытого военного городка является наличие жилищного фонда, предназначенного для проживания лиц, обслуживающих некие режимные объекты закрытых военных городков.

Наличие жилищного фонда предполагает наличие определенных прав некоторых субъектов правоотношений на этот фонд: как права оперативного управления федеральных органов исполнительной власти, в ведении которых находится закрытый военный городок, так и права пользования жилыми помещениями жителей закрытых военных городков. Отдельного внимания заслуживает право последних быть обеспеченными жильем вне пределов закрытого военного городка, так как проживание на территории таких городков уже ограничивает права их жителей, так как априори считается, что все жилые помещения в закрытом военном городке являются служебными. Реализация конституционного же права на жилище появляется лишь при смене места жительства на другой (не закрытый) населенный пункт.

Таким образом, можно выделить следующие факторы, определяющие специфику правового режима закрытых военных городков:

- 1) особая цель их создания и предназначения – обеспечение обороны страны и военной безопасности государства;
- 2) закрепление за военным городком определенной территории (земельного участка), по периметру которой имеется ограждение, препятствующее несанкционированному проникновению посторонних лиц на указанную территорию;

3) наличие на данной территории комплекса зданий и сооружений, включая жилищный фонд, входящих в состав военной инфраструктуры государства;

4) функционирование пропускной системы, обеспечивающей доступ на территорию военного городка строго определенного круга лиц;

5) предоставление гражданам, проживающим в закрытом военном городке, права на дополнительные меры социальной поддержки, соразмерные ограничениям их прав, включая право на отселение из такого городка.

Исходя из специфических черт закрытых военных городков, можно дать следующее определение: под правовым режимом закрытых военных городков следует понимать специальный порядок создания, функционирования и прекращения функционирования закрытых военных городков, определяющий организационно-правовые особенности деятельности субъектов права на указанной территории.

Подводя итог, автор отмечает, что ретроспективный анализ исторических аспектов создания и функционирования военных городков в системе военной инфраструктуры позволил сформулировать два важных исторических урока, имеющих значение и для современного этапа военного строительства.

Первый исторический урок состоит в том, что правовой режим закрытых военных городков изначально регулировался нормативными правовыми актами, имеющими закрытый характер. Это обусловлено объективной необходимостью защиты сведений, составляющих государственную тайну. Однако закрытость указанных актов, а значит их недоступность для жителей военных городков, создавала и создает определенные трудности для реализации их конституционных прав. Кроме того, целостная система правового регулирования изменения правового режима закрытых военных городков (включая прекращение их деятельности) до сих пор отсутствует, что порождает массу вопросов. Узконаправленные нормы, регулирующие отдельные элементы изменения правового режима закрытых военных городков, по-разному толкуются правоприменителями.

Второй исторический урок заключается в том, что определенные ограничения некоторых общегражданских прав жителей военных городков компенсировались повышенными нормами материального обеспечения и торгово-бытового обслуживания. В советский период отечественной истории предприятия военной торговли на территориях закрытых военных городков по уровню снабжения продовольственными и промышленными товарами существенно превосходили предприятия обычной торговой сети. Лицам, утратившим связь с Вооруженными Силами СССР, а также с МВД СССР и с КГБ СССР, предоставлялось жилье за пределами закрытого военного городка в течение нескольких лет. Это оказывало существенное влияние на уровень жизни населения военных городков. В современных условиях данный исторический урок обуславливает необходимость законодательного установления механизма адекватной компенсации ограничений не только в сфере материального и жилищного обеспечения, а также торгово-бытового обслуживания, но и в иных сферах жизнедеятельности населения закрытых военных городков.

---

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² Термины были введены пп. 29 – 30 Положения о квартирно-эксплуатационной службе и квартирному довольствию Советской Армии и Военно-Морского Флота, введенного в действие приказом министра обороны СССР от 22 апреля 1965 г. № 100, и впоследствии, претерпев изменения, перенесены в Положение о квартирно-эксплуатационной службе и квартирному довольствии Советской Армии и Военно-Морского Флота, утвержденное приказом министра обороны СССР от 22 февраля 1977 г. № 75.

³ См., например, Постановление Совета Министров СССР от 2 марта 1951 г. № 646-325 «О взаимных претензиях Совета министров УССР и Военного министерства СССР по жилищному фонду в Украинской ССР», которым была определена принадлежность 317 военных городков.

⁴ *Денисов В.* Центр военного проектирования. Беседа Виталия Денисова с начальником Института полковником Сергеем Балакшиным // Красная звезда. 2006. 9 дек.

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 13 сентября 1946 г. № 2060-850 «О вывозе оборудования с немецких военных предприятий»; Постановление Совета Министров СССР от 5 октября 1946 г. № 2253-935 «О демонтаже и вывозе оборудования 10 немецких предприятий»; Постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1946 г. № 2484-1040 «О вывозе оборудования с немецкого судостроительного завода “Вильгельмс Гафен” из английской зоны оккупации Германии»; Постановление Совета Министров СССР от 13 декабря 1946 г. № 2685-1104 «О вывозе оборудования семнадцати немецких предприятий из западных зон Германии».

⁶ Постановление Совета Министров СССР от 20 января 1947 г. № 105-51 «О распространении оборудования, прибывшего из США и Германии в порты СССР».

⁷ Постановление Совета Министров СССР от 17 июня 1946 г. № 1261-518 «О передаче и вывозе на заводы Министерства вооружения из Германии пяти артиллерийских и стрелковых заводов»; Постановление Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. № 2140-870 «Об уточненном списке германских предприятий, изымаемых в собственность СССР».

⁸ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2005 г. № ВКПИ05-47.

Проблемы развития теоретико-правовых основ обеспечения военной безопасности Российской Федерации в интересах совершенствования управления национальной обороной

Аннотация: в статье изложены теоретико-правовые аспекты обеспечения военной безопасности, проблемы развития нормативной правовой базы в области управления национальной обороной, а также обоснованы некоторые подходы к правовому регулированию международного военного сотрудничества, условия реализации общепризнанных принципов международного права в реализации полномочий высших органов государственного управления по применению военной силы для защиты интересов Российской Федерации и ее союзников.

Ключевые слова: военная безопасность, управление национальной обороной, теоретико-правовые основы военной безопасности, принципы международного права.

Kibakin M.V.,
tiz8283@mail.ru

Problems of development of theoretical and legal bases of ensuring the military security of the Russian Federation in order to improve the management of national defence

In the article the theoretical and legal aspects of military security, problems of development of normative legal base in the field of management of national defence, as well as justifies some of the approaches to the legal regulation of international military cooperation, the conditions of implementation of universally recognized principles of international law in the implementation of the powers of the Supreme bodies of the state administration for the use of military force to protect the interests of the Russian Federation and its allies.

Key words: military security, national defense, theoretical and legal basis of military security, the principles of international law.

Существенное возрастание рисков современного мироустройства делает особенно актуальной проблему обеспечения высокого уровня военной безопасности нашей страны, которая является важным элементом системы национальной безопасности¹.

Данная работа осуществляется в условиях усложнения системы международной безопасности, появления новых военных опасностей и угроз. Происходит повышение мощности обычных средств вооруженной борьбы, которые сравнимы по последствиям применения с результативностью оружия массового поражения. В вооруженной борьбе все активнее используются информационные, коммуникационные, психологические и иные современные технологии. Теоретиками военной науки вполне правомерно ставится вопрос о

выделении самостоятельной виртуальной сферы военной деятельности, расширении перечня военных средств за счет невоенного характера.

Весьма характерным для современных войн стало использование высококомобильных, хорошо вооруженных и подготовленных специальных сил и средств, которые при поддержке высокотехнологизированных боевых комплексов (авиационные соединения, батареи крылатых ракет, соединения флота) дают возможность достигать военно-политических результатов.

Принципиально изменяется система управленческой коммуникации в государственных институтах как в целом, так и в военной сфере. Современные информационные технологии позволяют органам государственного и военного управления, уполномоченным должностным лицам при принятии решений опереться на большой массив информации, минуя промежуточные звенья, довести его до непосредственных исполнителей. Закономерным этапом совершенствования государственного и военного управления стало развитие системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия².

Применительно к системе управления обороной страны ведущим ситуационным центром является Национальный центр управления обороной³, который был представлен населению страны и всему миру в качестве современного института обеспечения военной безопасности⁴.

Статус указанного центра в системе управления национальной обороной обусловлен его предназначением – обеспечение централизованного боевого управления Вооруженными Силами Российской Федерации; обеспечение управления повседневной деятельностью Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота; сбор, обобщение и анализ информации по военно-политической обстановке в мире, на стратегических направлениях и по общественно-политической обстановке в Российской Федерации в мирное и военное время⁵.

В связи с изложенным объективно возрастает необходимость совершенствования нормативно-правового обеспечения деятельности органов государственного и военного управления в интересах повышения эффективности управления обороной. При этом более четкое в этой работе закрепление их правосубъектности в оборонной области, наделение соответствующими полномочиями должно сочетаться с созданием хорошо структурированной системы межгосударственных договоров, соглашений, взаимно обязывающих правовых решений по выработке и реализации мер укрепления военной безопасности.

Россия последовательно подтверждает важность укрепления правовых основ в международных отношениях, в связи с чем считает недопустимым, чтобы под предлогом реализации концепции «ответственности по защите» осуществлялись военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, принимает меры по укреплению доверия в военной сфере, а также будет противодействовать использованию информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях⁶.

В этих целях Российская Федерация реализует долгосрочную государственную политику в области национальной обороны путем развития норм законодательного регулирования деятельности органов государственной власти, учреждений, предприятий и организаций реального сектора экономики, институтов гражданского общества в мирное и военное время⁷. Юридическая наука предоставляет для этого соответствующий методический арсенал, проектные разработки в области военного права.

Развитие правовых основ военной безопасности осуществляется путем углубленной разработки теоретико-методологического и методического арсенала юридической науки, а также путем правотворческой деятельности по ключевым направлениям военного строительства и повышения эффективности военной организации государства.

Концептуализация теоретических взглядов на проблемы войны и мира в современной системе международных отношений, правомерности применения военной силы и – шире – военно-политического насилия является в настоящее время существенным условием внедрения эффективных правовых механизмов предотвращения как собственно военных, так и иных, прежде всего террористических, опасностей и угроз.

Среди приоритетных правовых проблем, которые нуждаются в научном осмыслении, – уставные нормы ООН по использованию государствами права на оборону⁸, проведение миротворческих операций, принятие квалифицированных консенсусных решений в случае возникновения юридических коллизий в силу использования права народов на самоопределение с одновременным соблюдением нормы территориальной целостности государств.

Это тем более важно, что в соответствии с современными военно-доктринальными взглядами Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации⁹.

В соответствии с конституционными основами отечественной правовой системы признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства¹⁰. При этом Конституция Российской Федерации не ограничивает территорию, на которой эта защита должна быть осуществлена. Законодательство о гражданстве закрепляет норму о том, что граждане России пользуются защитой и покровительством России за ее пределами¹¹. Следовательно, государственная власть обязана принимать адекватные меры для восстановления их нарушенных прав вне зависимости от того, где это нарушение произошло. Наше государство, таким образом, имеет правовые основания на использование всего арсенала средств, вплоть до применения вооруженной силы, для защиты своих граждан, находящихся в опасности.

Так, военное право в приоритетном порядке должно взять в научную разработку понятийно-категориальные конструкции, которые реально входят в межгосударственные правоотношения в кризисных ситуациях, условиях боевых действий, контртеррористических мероприятий: «гуманитарные конвои», «обмен пленными и заложников», «добровольцы из другой страны», «прозрачность границ и гуманитарные коридоры», «псевдонимы участников боевых действий», «миротворческие миссии в условиях боевых действий центральных государственных властей против населения части территории», «подразделения территориальной обороны, финансируемые частными лицами» и др.

Российская Федерация должна выступить самым заинтересованным участником научной деятельности по развитию международного права, учитывая актуальность доказательств правомерности действий по оказанию помощи Южной Осетии и Абхазии против грузинской агрессии¹², обеспечению волеизъявления народа Крыма по возврату в состав Российской Федерации¹³, позиции и действий защиты интересов населения Донецкой народной республики и Луганской народной республики, недопущения гуманитарной катастрофы на территориях, примыкающих к нашей стране.

Военно-юридическая наука также должна ответить на вызовы, связанные с попытками деформирования правовых основ международной системы безопасности.

Так, в правоприменительной международной практике наблюдаются факты предвзятости и непропорциональности применения международных санкций к субъектам военной деятельности из разных стран. Эта практика затрагивает национальные и военные интересы Российской Федерации, так как создает угрозы применения сомнительных в правовом

отношении решений международных судебных инстанций, а также и национальных правовых систем (прежде всего, США).

В ряде случаев происходит неосновательное расширение понимания полномочий, предоставляемых ООН для применения военной силы. Так, в частности, произошло, когда решение ООН по «закрытию» воздушного пространства над Ливией практически превратилось в полномасштабные боевые действия на земле и в воздухе¹⁴.

Наблюдаются попытки «размыть» принцип государственной монополии на применение военной силы путем введения в систему межгосударственных отношений «частных военных компаний», оправдания «повстанческого движения», «легитимной военной оппозиции» и т. п.

Нуждается в совершенствовании нормативно-правовое регулирование международно-военного сотрудничества, которое, прежде всего, связано с развитием межгосударственных и союзнических отношений в сфере обороны и военной безопасности. Центральное место в системе военного сотрудничества нашей страны, как это закреплено в военно-доктринальных документах, занимают страны-союзники и страны-партнеры, которые, являясь самостоятельным субъектом международных отношений, поддерживают с нашей страной отвечающие их национальным отношениям связи как на двухстороннем уровне, так и в составе региональных политических, экономических и военно-политических союзов.

Под союзом понимается объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей, а союзником соответственно является тот, кто находится в союзе, действует в согласии с чем-либо¹⁵. Формально-логический метод анализа военно-доктринальных документов позволяет выделить следующие страны (группы стран), которые являются союзниками нашей страны в настоящее время: Республика Беларусь как член Союзного государства; страны СНГ; страны ОДКБ; Республика Южная Осетия и Республика Абхазия.

Партнер – это участник какой-нибудь совместной деятельности¹⁶. Партнерами Российской Федерации в сфере военной безопасности в настоящее время в военно-доктринальных документах называются: страны – члены Шанхайской организации сотрудничества, а также страны – члены БРИКС.

При этом система международной безопасности предполагает также активное развитие диалога со странами НАТО, что находит свое отражение в различных формах взаимодействия Российской Федерации и ее союзников с этой организацией.

Представляется, что современная военно-политическая ситуация обуславливает динамичное изменение соотношения сил, вызывает необходимость реформирования союзнических, партнерских и иных межгосударственных отношений, чему должен способствовать процесс развития нормативной правовой базы в сфере военной безопасности.

Таким образом, в настоящее время возрастает значение правового регулирования вопросов военной безопасности, система обеспечения которой включает осуществление мер предотвращения глобальных и региональных угроз, проистекающих не только от военных структур государств, но также от институтов и организаций, функционирующих в социальной, политической, социокультурной, информационной и иных сферах. В связи с этим развитие правовых основ военной безопасности должно осуществляться по различным направлениям при обязательной опоре на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Библиографический список

1. Гаврилов, Ю. Глава Генштаба объяснил, как будет работать Центр управления обороной [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/printable/2014/11/01/center-site.html>.

2. *Идаятов, А.К.* Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов : на примере российско-грузинского конфликта 2008 г. : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2014.

3. *Кудашкин, А.В.* Защита национальных интересов России силами и средствами вооруженной борьбы: теория и практика правового обеспечения [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». – 2009. – Вып. 4. – Режим доступа : <http://voennoepravo.ru>.

---

¹ Пункт 4 Военной доктрины Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Пункт 107 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537).

³ Решение о создании НЦУО было принято Президентом Российской Федерации 8 мая 2013 г. С 1 апреля по 1 декабря 2014 г. Национальный центр находился на опытно-боевом дежурстве.

⁴ *Гаврилов Ю.* Глава Генштаба объяснил, как будет работать Центр управления обороной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2014/11/01/center-site.html> (дата обращения: 25.08.2015); Что такое «Национальный центр управления обороной России» и зачем он создан [Электронный ресурс]. URL: http://interpolit.ru/blog/chto_takoe_nacionalnyj_centр_управlenija_oboronoj_rossii_i_zachem_on_sozdan/2014-11-02-2981 (дата обращения: 25.08.2015); «На боевое дежурство заступить». Шойгу дал старт работе Национального центра управления обороной [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/politics/20317304> (дата обращения: 25.08.2015) и др.

⁵ Национальный центр управления обороной Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=11206@morfOrgEduc (дата обращения: 1.09.2015).

⁶ Пункт 32 Концепции внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.).

⁷ Пункт 31 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

⁸ Статья 51 Устава Организации Объединенных Наций (подписан 26 июня 1945 года в г. Сан-Франциско) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economics.kiev.ua/download/UstavOON.doc>.

⁹ Пункт 22 Военной доктрины Российской Федерации.

¹⁰ Статья 2 Конституции Российской Федерации.

¹¹ Статья 7 Федерального закона от 31 мая 2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

¹² Принуждение к миру: хроника войны // Комсомольская правда. 2008. 10 авг.; Хроника грузино-российского конфликта с 7 по 14 августа // Коммерсантъ. 2008. 18 авг.; *Путин В.В.* Об уроках войны 08.08.08 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dni.ru/polit/2009/8/9/172389.html>; *Идаятов А.К.* Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов : на примере российско-грузинского конфликта 2008 г. : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014 и др.

¹³ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/47173/work> и др.

¹⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 года № 1973 о создании бесполетной зоны над Ливией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2011-03-18/sovbez/749792/> (дата обращения 2.10.2015).

¹⁵ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 2014. 736 с.

¹⁶ Там же.

Купалба Т.Г.,
старший лейтенант юстиции,
адъюнкт 27-й кафедры (гражданского права)
Военного университета,
tkupalba@mail.ru

К вопросу об имплементации военного законодательства в Республике Абхазия¹

Аннотация: в статье идет речь о формах реализации международного права в области военного законодательства, таких как соблюдение, исполнение, использование и применение. Раскрыто понятие термина «имплементация» и дана его классификация. Выявлено, какие организационно-правовые меры со стороны государства необходимы для всестороннего и полного осуществления международных обязательств, совокупность которых следует понимать под механизмом имплементации норм международного права.

Ключевые слова: имплементация, реализация права, военное законодательство.

Kupalba T.G.,
senior lieutenant of justice, adjunct of the Civil law
Department of the Military University,
tkupalba@mail.ru

On the issue of implementation of military legislation Republic of Abkhazia

This paper deals with the modalities of implementing international law, in the field of military legislation, such as compliance, performance, use and application. Discloses the concept of the term «implementation» and given its classification. Revealed some organizational and legal measures by the government are required for the full and complete implementation of international obligations, the totality of which should be understood as the mechanism of implementation of international law.

Key words: implementation, implementation of the law, military legislation.

24 ноября 2014 г. Российская Федерация и Республика Абхазия, основываясь на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, подписанном 17 сентября 2008 г. в г. Москве, исходя из традиционных отношений дружбы и добрососедства, тесных исторических связей между своими народами, основанных на уважении, доверии и стремлении к взаимному сближению, принимая во внимание новые глобальные и региональные вызовы и угрозы, убежденные в том, что дальнейшее укрепление дружественных отношений, развитие многопланового взаимодействия, союзничества и стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия отвечают национальным интересам народов обеих стран; служат делу мира, безопасности и стабильности в Кавказском регионе, подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, действуя в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, уважая демократические принципы, в том числе права человека и основные свободы, выражая стремление жить в мире и добрососедстве с другими государствами, совершая переход к качественно новому уровню межгосударственных отношений, в целях укрепления государственного суверенитета Российской Федерации и Республики Абхазия, надежного обеспечения их террито-

риальной целостности, подписали Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве.

В указанном Договоре большое внимание уделяется созданию общего пространства обороны и безопасности. Формирование общего пространства обороны и безопасности предполагает: создание Объединенной группировки войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации и Вооруженных Сил Республики Абхазия для отражения агрессии (вооруженного нападения) в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций и формирования органов управления Объединенной группировкой войск (сил); совместные действия по охране государственной границы Республики Абхазия с Грузией, а также границ морских пространств, на которые распространяются суверенитет, суверенные права и юрисдикция Республики Абхазия.

Для достижения оперативной совместности Вооруженных Сил Республики Абхазия с Вооруженными Силами Российской Федерации стороны обязуются провести не позднее трех лет со дня вступления в силу вышеназванного Договора модернизацию Вооруженных Сил Республики Абхазия, в том числе поэтапную унификацию стандартов военного управления, материально-технического обеспечения, денежного довольствия и социальных гарантий военнослужащих, а также совместно организовать подготовку Вооруженных Сил Республики Абхазия и оснащение Вооруженных Сил Республики Абхазия современными видами вооружения.

Исходя из вышесказанного следует полагать, что абхазское военное законодательство требует ряда изменений. И данный вопрос возможно решить путем имплементации российского военного законодательства в абхазское военное законодательство.

Термин «имплементация» широко распространен в мировой международно-правовой литературе и практике. Употреблялся он, правда, не всегда в одинаковом понимании, и многими советскими юристами-международниками.

Понятие имплементации является весьма емким и включает в себя весь многообразный процесс осуществления целей международных норм государствами: от выражения согласия государства на обязательность для него международного договора (в форме ратификации, утверждения и т. п.) и затем применения норм такого договора в рамках международного, а если необходимо – внутригосударственного права, до практического исполнения требований этих норм².

Имплементация (от англ. «implement» – осуществлять, обеспечивать выполнение), согласно толковым словарям английского языка, – это «претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой»³ или «обеспечение практического результата и фактического выполнения конкретными средствами»⁴. В монографии А.С. Гавердовского – первом советском исследовании, целиком посвященном теоретическим и практическим проблемам имплементации норм международного права, – подробно и убедительно обосновывается правомерность и целесообразность употребления термина «имплементация»⁵.

Так, многие авторы под имплементацией понимают весь процесс реализации норм международного права, в том числе и обеспечение такой реализации. Подобного подхода придерживается белорусский ученый В.Ю. Калугин⁶. Согласно определению, данному украинским ученым А.С. Гавердовским, имплементация есть подготовительная стадия реализации, необходимая для обеспечения своевременной, всесторонней и полной реализации норм, т. е. она отождествляется с обеспечением реализации⁷.

Другие ученые выделяют имплементацию в широком и узком смысле⁸. Третьи утверждают, что термин «имплементация» имеет право на существование лишь как синоним термина «реализация», т. е. воплощение норм международного права в практической деятельности государств и других субъектов⁹. Некоторые авторы приспособили для этой цели по-

нятие «применение», которое, по их мнению, используется «в общем или широком смысле как осуществление норм в целом»¹⁰.

В отличие от национального права нормы международного права могут применяться на международном и внутригосударственном уровнях. На международном уровне они реализуются субъектами международного права, прежде всего государствами, которые одновременно являются субъектами правотворчества и субъектами правоотношений, регулируемых этими нормами, а на национальном – субъектами этого права и специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами.

Реализация права как процесс воплощения права в жизнь включает в себя, во-первых, юридические механизмы реализации права и, во-вторых, формы непосредственной реализации права, когда фактические жизненные отношения обретают юридическую форму. Относительно первого следует признать, что даже при закреплении в конституции государства положения о включении международно-правовых норм в национальную правовую систему («международное право – часть права страны») эти нормы не действуют вне механизма, определяющего их действие внутри государства (механизма имплементации). Это вызвано не только недостаточной ориентированностью на взаимодействие с международным правом национальной правовой системы, но и неподготовленностью многих норм международного права к непосредственному их применению. Международное право еще не кодифицировано в полной мере. Его нормы часто недостаточно конкретно сформулированы, порой они напоминают декларации о намерениях. Поэтому для своей реализации («воплощения в жизнь») в деятельности субъектов национального права нормы международного права нуждаются в «помощи» со стороны первого¹¹.

Непосредственная реализация, т. е. осуществление права в фактическом поведении его субъектов, происходит в трех формах¹². Как и нормы внутригосударственного права, нормы международного права в зависимости от характера действий его субъектов реализуются в тех же формах, к которым относятся соблюдение, исполнение, использование и применение. Последнее выделяется как особая форма реализации права. В основу такого деления положена степень активности субъектов по осуществлению правовых норм.

Исполнение как форма реализации международного права предполагает активную деятельность субъектов по осуществлению норм. Исполнение характерно для норм, предусматривающих конкретные обязанности, сопряженные с определенными действиями (обязывающие нормы). Таким образом сформулированы, например, нормы договоров о правах человека. Статья 2 (пп. 1 и 2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., в частности, гласит: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте. Если это уже не предусмотрено существующими законодательными или другими мерами, каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в нем»¹³. Такова и норма, содержащаяся в статье 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы 2011 г.: «Стороны примут меры для приведения правовой системы Таможенного союза и решений его органов в соответствие с Соглашением ВТО...»¹⁴. Даже если государство не обязалось придерживаться каких-либо определенных способов исполнения данных международных норм, скажем, издать законы, предписывающие их исполнение (п. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.), то оно должно предпринять определенные действия на внутригосударственном уровне для обеспечения реализации таких меж-

дународных обязательств (осуществить правообеспечительную деятельность, т. е. имплементацию норм международного права).

Так, в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнчестве и стратегическом партнерстве Абхазия взяла на себя обязательства предпринять определенные действия на внутригосударственном уровне для обеспечения реализации осуществления правообеспечительной деятельности, т. е. имплементацию военного законодательства в частности.

При такой форме реализации, как использование, происходит воплощение в жизнь так называемых управомочивающих (дозволяющих) норм, в диспозиции которых предусмотрены субъективные права. Данная форма реализации права не требует обязательного варианта поведения субъектов международного права. В отличие от первых двух форм реализации в этом случае нет четкого предписания их конкретного поведения (действия или бездействия). По усмотрению субъектов здесь может иметь место как пассивное, так и активное поведение.

Имплементация норм международного права в параметрах фактической реализации норм международного права на территории государств осуществляется путем трансформации международно-правовых норм в нормы внутригосударственного права. Для этого в государстве проводятся меры законодательного характера по приведению своих правовых норм в соответствие с нормами международного права, принимаются национальные законодательные акты (законы, акты о ратификации международных договоров), воспроизводятся нормы международного права или провозглашающие их действие на территории государства¹⁵.

С учетом того что законодательство Республики Абхазия в области стандартов военного управления, материально-технического обеспечения, денежного довольствия и социальных гарантий военнослужащих в некоторых случаях различается с законодательством Российской Федерации, имплементацию необходимо осуществлять в этой области.

Так, например, права и социальные гарантии военнослужащих устанавливаются Законом Республики Абхазия «О статусе военнослужащих» и другими законодательными актами Республики Абхазия, указами Президента Республики Абхазия и постановлениями Правительства Республики Абхазия. И в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 14 декабря 2015 г.) «О статусе военнослужащих» указаны гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Между данными нормами существует ряд несоответствий, подлежащих приведению к единообразию.

В Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры нашего государства являются, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Нормы аналогичного содержания содержатся и в конституциях других государств (например, США, Испании).

Подписав международный договор, Абхазия берет на себя обязательство обеспечить его исполнение. Государство не может, ссылаясь на нормы своего национального права, отказаться от выполнения международного договора, участником которого оно является.

Во многих случаях имплементация проводится субъектами международного права непосредственно на международной арене, в сфере собственно международных отношений, средствами и способами внешней политики. Например, когда государство, осуществляя свою внешнюю политику, воздерживается от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого другого го-

сударства, оно тем самым имплементирует соответствующую норму п. 4 ст. 2 Устава ООН, которая требует от государств – членов этой организации именно такого поведения. Это – пример внешнеполитической имплементации международной нормы.

Однако весьма часто достижение целей международно-правовых норм оказывается возможным лишь в результате их имплементации внутри государств, средствами внутренней политики.

Так, если государство проводит внутреннюю политику, направленную на достижение неуклонного экономического, социального и культурного развития и полной производительной занятости в условиях, гарантирующих основные политические и экономические свободы человека, и при этом, в частности, разрабатывает и внедряет программы профессионально-технического обучения и подготовки, то оно тем самым прямо имплементирует ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах человека, установившую обязанность государств-участников признавать право на труд и принять ряд указанных выше мер в целях его полного осуществления¹⁶. Это пример имплементации международной нормы средствами внутренней политики или, другими словами, внутривнутриполитической (в широком плане) имплементации международной нормы.

Выбор способов внутривнутриполитической имплементации международных норм в принципе вопрос внутренней компетенции государств, если, конечно, эти способы не указаны достаточно определенно в самой международной норме как необходимое условие ее выполнения. При отсутствии такого указания государство само решает, какие из инструментов внутренней политики – экономические, юридические, административные, идеологические или все вместе – применить для осуществления целей международной нормы¹⁷.

Таким образом, процесс имплементации в совокупности представляет собой динамичную, развивающуюся систему способов реализации целей международного права. В этой системе можно выделить, прежде всего, внешнеполитический и внутривнутриполитический способы имплементации. Последний же подразделяется, в свою очередь, на внутривнутриэкономический, внутривнутриправовой и иные способы имплементации.

В случае коллизии между нормой внутривнутригосударственного права и нормой международного права применяются нормы международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Как показывает практика, весьма распространенным и эффективным способом внутривнутриполитической имплементации является имплементация посредством внутреннего права данного государства – так называемая внутривнутриправовая имплементация. В ходе этого процесса осуществление целей, заложенных в нормах международного права, обеспечивается действием соответствующих норм права внутривнутригосударственного (что, впрочем, не исключает, а часто даже предполагает одновременное использование и других способов внутривнутриполитической имплементации, например экономического)¹⁸.

А.С. Гавердовский применяет при описании «внутригосударственного правового механизма имплементации норм международного права» термин «внутригосударственная правовая имплементация»¹⁹. Р.А. Мюллерсон использует для обозначения процесса исполнения (осуществления) норм международного права внутри страны, в сфере действия национального права и при помощи последнего, термин «национально-правовая имплементация»²⁰.

Когда нормы международного права содержат иные правила, чем нормы внутривнутригосударственного права, цели международных норм в ходе внутривнутриправовой имплементации могут быть достигнуты в результате изменения, дополнения, отмены или принятия новых норм внутривнутригосударственного права, которое таким образом приводится в соответствие с нормами международного права. В этих случаях можно говорить, что внутривнутриправовая

имплементация происходит посредством влияния международного права на внутригосударственное.

Однако было бы неправильным сводить внутриправовую имплементацию только к влиянию международных норм на внутригосударственные.

Понятие внутриправовой имплементации шире и включает в себя другой способ осуществления целей международных норм – посредством уже существующих норм внутригосударственного права, которые соответствуют международным нормам, а поэтому не требуют никаких изменений или дополнений и своим действием обеспечивают осуществление целей международных норм. В этом случае внутриправовая имплементация носит предварительный характер, так как реализация норм внутригосударственного права фактически приводит к достижению целей международных норм еще до участия государства в соответствующем международном соглашении. Внутриправовая имплементация международных норм о труде посредством уже действующих норм внутригосударственного права особенно типична для социалистических государств²¹.

Роль внутриправовой имплементации не исчерпывается лишь непосредственной задачей обеспечения достижения целей международных норм. Обеспечивая реализацию целей этих норм, внутриправовая имплементация выполняет и другую, более общую, функцию. Она способствует взаимному обогащению государств международным юридическим опытом решения многообразных проблем в самых различных сферах общественных отношений. Этот международный опыт, в свою очередь, основан на наиболее передовом национальном опыте, находящем свое воплощение в международных нормах в процессе их формирования.

Таким образом, рассмотрев теоретические основы имплементации и ее классификацию, автор пришел к следующему выводу: под имплементацией норм международного права следует понимать процесс воплощения норм международного права в практической деятельности государств и других субъектов международного права.

В настоящей статье нами были рассмотрены такие виды имплементации, как внутриполитическая и внешнеполитическая, которые также делятся на подвиды. Пойдя путем имплементации военного законодательства Российской Федерации в военное законодательство Республики Абхазия в области стандартов военного управления, материально-технического обеспечения, денежного довольствия и социальных гарантий военнослужащих, Республика Абхазия сможет в полной мере выполнить свои обязательства по Договору между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве.

Библиографический список

1. *Аметистов, Э.М.* Факторы имплементации норм международного права (на примере международных норм о труде) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Э.М. Аметистов. – М., 2007. – 26 с.
2. *Вишневский, А.Ф.* Общая теория государства и права [Текст] : курс лекций / А.Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2012. – 328 с.
3. *Гавердовский, А.С.* Имплементация норм международного права [Текст] : учеб. / А.С. Гавердовский. – Киев, 1980. – 223 с.
4. *Калугин, В.Ю.* Механизм имплементации международного гуманитарного права [Текст] : учеб. / В.Ю. Калугин. – Минск : Светоч, 2011. – 194 с.
5. *Каламкарян, Р.А.* Международное право [Текст] : учеб. / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. – М. : Эксмо, 2004. – 688 с.

6. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть [Текст] : учеб. / И.И. Лукашук. – М. : БЕК, 2000. – 322 с.
7. Мюллерсон, Р.А. Соотношение международного и национального права [Текст] : моногр. / Р.А. Мюллерсон. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 196 с.
8. Мюллерсон, Р.А. Конституция СССР и вопросы соотношения международного и национального права [Текст] : моногр. / Р.А. Мюллерсон. – М., 1980. – 215 с.
9. Суворова, В.Я. Обеспечение реализации договорных норм международного права (юридическая природа) [Текст] / В.Я. Суворова // Сов. государство и право. – 1991. – № 9. – С. 116 – 122.
10. Теория государства и права [Текст] : учеб. / С.С. Алексеев [и др.]. – М. : Норма, 1998. 312 с.
11. The Random House Dictionary of the English Language [Text]. – N. Y., 1968. – P. 667.
12. Webster Third New International Dictionary [Text]. – Cambr. (Mass.), 1966. – P. П34 – П35.

¹ Рецензент – А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор.

² Аметистов Э.М. Факторы имплементации норм международного права (на примере международных норм о труде) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 3.

³ The Random House Dictionary of the English Language. N. Y., 1968. P. 667.

⁴ Webster в Third New International Dictionary. Cambr. (Mass.), 1966. P. П34 – П35.

⁵ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 55.

⁶ Калугин В.Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права. – Минск, 2011. С. 54.

⁷ Гавердовский А.С. Указ. соч. С. 212.

⁸ Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 63.

⁹ Суворова В.Я. Обеспечение реализации договорных норм международного права (юридическая природа) // Сов. государство и право. 1991. № 9. С. 116 – 122.

¹⁰ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учеб. М., 2000. С. 75.

¹¹ Теория государства и права : учеб. / С.С. Алексеев [и др.] ; под ред. С.С. Алексеева. М., 1998. С. 66.

¹² Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права : курс лекций. Минск, 2012. С. 274.

¹³ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁴ Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=4203&print=1> (дата обращения: 22.07.2015).

¹⁵ Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право : учеб. М., 2004. С. 554.

¹⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека.

¹⁷ Аметистов Э.М. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гавердовский А.С. Указ. соч. С. 248.

²⁰ Мюллерсон Р.А. Конституция СССР и вопросы соотношения международного и национального права. М., 1980. С. 38.

²¹ Аметистов Э.М. Указ. соч. С. 13.

Сморчкова Л.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса НИБ,
l.smorchkova@mail.ru

К вопросу о методологии правового регулирования военно-правовых отношений¹

Аннотация: в статье на основе результатов анализа понятия и составляющих правового регулирования военно-правовых отношений формулируется методологическая основа данного процесса.

Ключевые слова: правовое регулирование, общественные отношения, военная организация, оборона страны и безопасность государства, методология.

Smorchkova L.N.,
candidate of legal Sciences,
associate Professor, associate Professor of the NIB,
l.smorchkova@mail.ru

To the question about the methodology of legal regulation of the military relations

In the article on the basis of the results of the analysis of the concept and components of legal regulation of military relations formulated the methodological basis of this process.

Key words: legal regulation, public relations, military organization, national defense and state security, methodology.

Одной из актуальнейших задач, стоящих перед военно-юридической наукой, является создание теоретических и методологических основ совершенствования военного права как комплексной отрасли российского права².

Укрепление системы обеспечения обороны страны и безопасности государства объективно вызывает потребность не только в адекватном правовом регулировании, но и в быстром правотворческом реагировании, что влечет увеличение количества законодательных и других нормативных правовых актов, имеющих целью юридически обеспечить деятельность военных организаций. Современная позиция состоит в том, что правовое регулирование должно быть основано на обобщении и конкретизации сформированной современной методологией иерархической системы научных исследований различных уровней общности: философского, общенаучного, конкретно-научного, междисциплинарного, дисциплинарного и др. При этом необходимо разделять теоретические вопросы о существовании социально-правовых явлений и политические вопросы о желательном в области права, рассматривая это желательное в практическом аспекте³.

Растущее количество нормативных правовых актов, принимаемых на разных уровнях государственной власти, с одной стороны, вызывает повышение интереса к изучению проблем правового регулирования отдельных видов общественных отношений не только юристов, но и представителей других наук, с другой стороны, неизбежно порождает различные подходы к научным исследованиям их практической реализации, которые необходимо подводить под «единый знаменатель» для получения качественного результата. При этом,

когда они относятся к сфере правового регулирования обеспечения обороны страны и безопасности государства, уровень важности результата – внутренний и внешняя безопасность государства, общества, личности – не вызывает сомнений⁴.

На современном уровне правового регулирования общественных отношений все больше внимания уделяется разработке методологических основ совершенствования этого процесса вообще и повышению интереса к изучению проблем правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности⁵ в частности. Правовое воздействие на данные общественные отношения требует разработки как единой методологической основы совершенствования правового регулирования отношений в сфере функционирования военной организации государства, так и единых методологических подходов к осуществлению соответствующей правотворческой деятельности.

Согласно общему пониманию значения этого слова в русском языке⁶ методология как термин равно применима, по крайней мере, к двум явлениям материального мира, связанным между собой согласно диалектическому закону соотношения формы и содержания. С содержательной стороны методология – это учение о научном методе познания. Познание как внутренний творческий процесс, формирующий знание, сочетаем, прежде всего, с наукой как сферой исследовательской деятельности, направленной на производство новых знаний⁷. Именно знание о том, как можно совершенствовать правовое регулирование конкретных общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства, должно быть получено в результате научного исследования по военному праву.

Когда в результате внутреннего процесса познания сформировано знание, готовое быть преобразованным в практический результат, то здесь методология приобретает свое внешнее выражение (форму) и выступает в виде совокупности методов, применяемых в отдельных социальных сферах. Именно это значение методологии как совокупности методов, средств и логической организации деятельности, как правило, употребляется в словосочетании «методология правового регулирования».

Понятие методологии правового регулирования достаточно часто употребляется в юридической науке, но в то же время не имеет устоявшегося инструментария⁸, в отличие от методологии юридической науки, методологии теории права, методологии отдельных отраслей права, методологии юридических (правовых) научных исследований. При этом разрешение противоречия, обозначенного в научной проблеме или научной задаче, предполагает формирование методологической основы правового регулирования отдельного вида военно-правовых отношений.

Правовое регулирование составляет лишь часть общесоциального регулирования общественных отношений и представляет собой в наибольшей степени организующую упорядочивающую деятельность. И право со своим регулятивным потенциалом в огромной степени зависит от состояния более широких сфер социального регулирования, частью которых оно является⁹.

Под правовым регулированием обычно понимается осуществляемое с помощью правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития¹⁰. Правовое регулирование занимает центральное место в системе правового воздействия на общественные отношения, но является только одной из его форм, поскольку не все общественные отношения можно (или нужно) регулировать именно правовыми средствами. Вместе с тем, не будучи прямо урегулированным, правовому воздействию подвергается гораздо более широкий спектр общественных отношений путем формирования правовых установок, влияния на сознание и поведение людей¹¹.

Преимущественно определяя правовое регулирование через правовое воздействие как категорию более высокого порядка¹², некоторые исследователи подчеркивают, что правовое регулирование – это деятельность государства, механизм установления юридических правил поведения¹³, что отнюдь не противоречит указанной выше сущности понятия.

Говоря о правовом регулировании, обычно вводят категории предмета и методов правового регулирования (которые в систематике российского права заложены в качестве критериев деления права на отрасли), а также правовых средств воздействия.

Предметом¹⁴ правового регулирования принято считать общественные отношения, на которые возможно и нужно, по мнению законодателя, осуществлять нормативное правовое воздействие посредством юридических норм и иных юридических средств (на что осуществляется воздействие). Применительно к предмету правового регулирования отдельной отрасли права – это качественно однородные общественные отношения. Применительно к научным исследованиям по военному праву – это общественные отношения, складывающиеся в сфере функционирования военной организации государства.

В структуру предмета правового регулирования в теории российского права включают следующие элементы: объекты (предметы, явления) окружающего мира, по поводу которых субъекты вступают в социальные связи; сами субъекты общественных отношений; их поведение (деятельность) по поводу объектов; социальные факты, способствующие возникновению (изменению, прекращению) данных отношений¹⁵.

Философское учение определяет общественные отношения через функциональные взаимосвязи субъектов, устанавливающиеся в процессе их совместной деятельности, т. е. как предпосылку, форму (способ) и результат деятельности людей. Таким образом, правовому регулированию подвергаются общественные отношения, складывающиеся по поводу или в процессе осуществления деятельности людей в определенной сфере бытия, или упрощенно – социально связанная деятельность субъекта, реальная или возможная, которая сама должна рассматриваться как система, т. е. методологически верно применять системодетельностный подход¹⁶.

Иными словами, деятельность субъектов есть составляющая часть общественных отношений с их участием и соответственно элемент предмета правового регулирования. При этом целью правового регулирования является формирование предполагаемых законодателем определенных вариантов поведения (деятельности), которые при возникновении между реальными субъектами будут квалифицированы как правомерные правоотношения¹⁷.

Субъекты регулируемых общественных отношений есть безусловный элемент возникающих между ними общественных отношений, подвергающихся правовому воздействию, а следовательно, элемент предмета правового регулирования. Наличие специального субъекта в военно-правовых отношениях (военной организации, военнослужащего), возникающих по поводу обеспечения обороны страны и безопасности государства, есть их отличительная черта. Как военная организация, будучи публично-правовым образованием, обладает специальной правосубъектностью, отдельные элементы которой не характерны для организаций, в которых не предусмотрено прохождение военной службы, так и военнослужащие, вступая в социальные связи в процессе исполнения обязанностей военной службы, обладают специальной правосубъектностью, которой не обладают иные физические лица.

Специальный субъект как обязательный участник военно-правовых отношений, а также сфера возникновения отношений с участием специального субъекта – обеспечение обороны страны и безопасности государства – в наибольшей степени вызывают необходимость применения комплексного подхода и обуславливают как специфику их правового регулирования, так и наличие методологических особенностей этого процесса.

Четко определить все элементы предмета правового регулирования: объекты (предметы, явления) окружающего мира, по поводу которых возникает общественное отношение;

субъектов – их участников и модели их поведения (правомерной деятельности); социальные факты, способствующие возникновению (изменению, прекращению) данных отношений, а также границы общественного отношения, в рамках которых возможно правовое воздействие на него, есть методологическая задача научного исследования, имеющего целью совершенствовать правовое регулирование военно-правовых отношений.

Другой категорией, определяющей методологию правового регулирования общественных отношений, являются методы правового регулирования как совокупность юридических способов, посредством которых осуществляется конкретное правовое воздействие на деятельность субъектов права (как осуществляется воздействие).

Методы правового регулирования можно привязать к виду порождаемых ими правовых норм – дозволение, обявление, запрет, но такой подход не дает дополнительные критерии для деления права на отрасли и институты, а специфика отраслевых и, тем более, межотраслевых общественных отношений, коими являются военно-правовые отношения, вызывает необходимость использования уникального набора методов. Среди них обычно указывают взаимосвязанные между собой и используемые в различных сочетаниях императивный, диспозитивный, поощрительный, рекомендательный методы, метод автономии и равенства сторон, методы убеждения и принуждения¹⁸.

Методы правового регулирования определенных военно-правовых отношений обусловлены предметом правового регулирования, кругом решаемых задач, спецификой взаимодействия элементов исследуемых общественных отношений и рассмотрением их в качестве элемента системы более высокого порядка. Обоснование использования новых методов для правового регулирования определенной сферы общественных отношений, складывающихся в процессе функционирования военной организации государства, либо изменение соотношения уже используемых, как и отказ от отдельных методов, есть новый научный методологический результат при решении вопроса совершенствования правового регулирования.

Задача правовых средств, являющихся еще одной категорией, определяющей методологию правового регулирования общественных отношений¹⁹, – связать цель и конкретный материальный результат. В правовой сфере различные правовые явления, служащие для достижения цели правового регулирования конкретных общественных отношений и обобщенно именуемые правовыми средствами, выражаются в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях)²⁰ (чем / посредством чего осуществляется воздействие).

Именно выявление совокупности правовых средств как наиболее динамичной составляющей процесса правового регулирования общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства, позволяющей системно достичь качественно иного результата в процессе его совершенствования, есть необходимый результат научного исследования по военному праву. При этом, прежде всего, необходимо сформулировать понятийный аппарат, определиться с терминологией, которую можно использовать в процессе правового регулирования отношений по обеспечению обороны страны и безопасности государства.

Проблема терминологии присуща всем сферам общественных отношений, поскольку процесс формирования понятийного аппарата, с одной стороны, обусловлен множеством разного рода факторов (как объективного, так и, в большей мере, субъективного характера), с другой стороны, динамичен и непрерывен, что проявляется в различиях восприятия и толкования. Особенно остро эта проблема стоит на фоне опережающего нормативное регулирование развития естественных наук, техники, технологий и вызванного этим не всегда адекватного отражения вновь появляющейся терминологии в правовых нормах.

У ученых-юристов (в частности, в целях преодоления терминологических препятствий в процессе правового регулирования) популярна тенденция о том, что о терминах не спорят, о них договариваются²¹. Действительно, в правовом регулировании не только отдель-

ного вида, но и области общественных отношений применение единого тезауруса – один из важных шагов на пути к антиколлиззионному правотворчеству. Для достижения результата используются различные приемы юридической техники (введение перечня понятий в текст нормативного правового акта; особое указание об использовании специального термина применительно к правовому регулированию данного вида отношений; использование устоявшейся в данной отрасли права терминологии; использование модельных норм и т. п.).

В настоящий момент при регулировании общественных отношений, в которых принимают участие именно военные организации, проблема единого военно-правового тезауруса стоит необычайно остро. Прежде всего, легитимного закрепления требует наименование типичного субъекта военно-правовых отношений (военная организация, военное учреждение, воинская часть, войсковая часть²²; орган военного управления, военное ведомство²³ и т. д.), также присутствуют расхождения в употреблении понятий относительно имущества, принадлежащего военной организации (имущество военной организации, военное имущество, имущество военного назначения и т. д.), да и весь спектр используемого в военном праве понятийного аппарата нуждается в уточнении, а некоторые термины и в определении.

При этом следует подчеркнуть, что без применения единых терминов, каждый из которых подразумевает единообразно толкуемое понятие, совершенствовать процесс правового регулирования любой области общественных отношений неэффективно, а в сфере обеспечения безопасности государства еще и чревато появлением новых угрозообразующих факторов, в том числе коррупционного характера.

Помимо формулирования понятийного аппарата, который можно использовать в процессе правового регулирования общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства, также в качестве правовых средств важно выявить и сформулировать принципы правового регулирования данных общественных отношений.

Разработка совокупности принципов, которые должны быть положены в основу правового регулирования сферы обеспечения обороны страны и безопасности государства с участием специальных субъектов, вызывает дискуссионный вопрос: а могут ли вообще существовать особые принципы правового регулирования отношений для отдельной группы субъектов в условиях единой правовой системы? Безусловно, исходным положением является то, что в основу регулирования однотипных общественных отношений в одной стране в один и тот же период времени должны быть положены единые правовые принципы. Тем более что в науке военного права присутствует мнение²⁴, что системно-структурный анализ отношений субъектов гражданского права до сих пор проводится на базе принятого в XX в. в советской правовой науке и завуалированно применяемого и в настоящее время принципа построения экономики путем разделения на социалистический и буржуазный способы, ввиду отсутствия научно-юридических альтернатив и авторитарности устоявшихся взглядов, что проявляется в практическом нарушении правового принципа равенства участников гражданских отношений, в частности, посредством субъективно привилегированных способов защиты гражданских прав государственных (военных) организаций.

Иными словами, не повлечет ли закрепление вышеуказанных принципов новую дискуссию, что для государственных организаций, как и в советский период, созданы особые условия правового регулирования, позволяющие им не в полной мере соответствовать принципам современного российского права как участникам военно-правовых отношений? Представляется, что выявление и закрепление специальных принципов правового регулирования общественных отношений с участием военных организаций, наоборот, никоим образом не обуславливает какую-либо их привилегированность в отношении с третьими лицами, поскольку сферой применения принципов, прежде всего, должны являться отноше-

ния между субъектами военного права, а также между ними и государством, чьи интересы они обязаны охранять и защищать.

Выявление универсальных принципов правового регулирования общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства составляет элемент методологии их правового регулирования. При этом принципы правового регулирования заявленных общественных отношений необходимо отличать от принципов реализации специальными субъектами своих прав, которые также могут быть сформулированы в ходе военно-правового исследования.

В связи с изложенным возникает вопрос о соотношении понятий «правовое регулирование» и «механизм правового регулирования»²⁵. Исходя из необходимости определиться с методологией именно правового регулирования, предлагается для получения решения использовать функциональный подход: в регулятивной функции права возможно различать две ее подфункции: регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую функции права²⁶.

Регулятивно-статическая функция выражается в непосредственном воздействии права на общественные отношения путем их закрепления в определенных правовых институтах – собственно правовое регулирование. Регулятивно-динамическая функция права выражается в воплощении его нормативности в упорядоченность общественных отношений – механизме правового регулирования. В данном контексте механизм правового регулирования понимается как модельно-логическая схема специально-юридического воздействия на социальные отношения²⁷. При этом собственно правовое регулирование есть первая стадия механизма правового регулирования.

Говоря о методологии правового регулирования в рамках военно-правового научного исследования, можно иметь в виду реализацию преимущественно регулятивно-статической функции права, или собственно правовое регулирование, поскольку именно в этих рамках заложено успешное решение задачи совершенствования правового регулирования рассматриваемых отношений.

В то же время механизм правового регулирования, выполняющий регулятивно-динамическую функцию, использующий такие элементы, как нормы права (и процесс правотворчества как стадия механизма правового регулирования), правоотношения и акты реализации права (в том числе правоприменительные акты), должен быть изучен и проанализирован для выявления закономерностей, оказывающих влияние факторов, сложившихся особенностей правового регулирования, проблематики реализации²⁸.

Комплексный подход к изучению военно-правовых отношений, являющихся сложной системой, объективных закономерностей их возникновения и развития обуславливает междисциплинарность²⁹ как отличительное свойство военно-правовых отношений. При этом междисциплинарность отношений можно рассматривать и как свойство самой системы, и как ее характеристику в качестве элемента системы более высокого порядка. Так, рассмотрение правового регулирования отдельного вида общественных отношений с участием специального субъекта как элемента системы обеспечения обороны страны и безопасности государства обуславливает применение комплекса методов правового регулирования и использования широкого спектра правовых средств, характерных для правового регулирования схожих видов общественных отношений по отраслевой принадлежности.

Напротив, отсутствие целостности и системности в исследовании конкретных проблем, возникающих на практике перед теми или иными органами государственной власти в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства, в условиях сложившейся научной базы приводит и к внутриведомственной ориентированности научных разработок, и к определенному выпадению ведомственного нормотворчества из системы, что может

вызвать негативные последствия, поскольку ведомственное правовое регулирование выступает инструментом организации деятельности конкретных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, находящихся в системе – военной организации государства.

Появление синергетического эффекта при реализации системного подхода к правовому регулированию общественных отношений в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства отмечается в науке военного права³⁰. Синергетический эффект обусловлен спецификой военно-правовых отношений – спецификой субъектов, предмета, методов правового регулирования и дает основание для формирования частной теории правового регулирования общественных отношений в военном праве.

Комплексный анализ военно-правовых отношений, выявление их юридической природы, признаков и особенностей правового регулирования, методов, приемов, средств, с помощью которых был сформирован правовой механизм, дает возможность представить методологию правового регулирования.

Таким образом, в процессе правового регулирования военно-правовых отношений путем познания сложившихся социальных связей специальных субъектов в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства, действующего правового регулирования и практики его реализации, а также достижений юридической науки необходимо выявить:

1) закономерности развития регулируемых общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства и влияющие на них факторы;

2) особенности правового регулирования, обусловленные специальным субъектным составом исследуемых отношений;

3) проблематику реализации прав и обязанностей специальными субъектами и на этой основе определить:

а) узкие границы общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования и подвергаемых правовому воздействию;

б) комплекс специфических методов, адекватный достижению цели правового регулирования данной сферы общественных отношений;

в) совокупность правовых средств, позволяющую совершенствовать правовое регулирование данных общественных отношений, а именно:

– построить терминосистему, готовую к использованию в процессе правового регулирования военно-правовых отношений;

– сформулировать специальные принципы правового регулирования данного вида военно-правовых отношений;

– обосновать уровни правового регулирования, необходимые и достаточные для достижения результата правового регулирования отдельных видов отношений;

– определить иные правовые средства, используемые для регулирования данного вида военно-правовых отношений.

Все это в совокупности составит методологическую основу правового регулирования военно-правовых отношений.

Наполненная конкретикой применительно к отдельному виду общественных отношений в сфере функционирования военной организации государства вышеуказанная методологическая основа позволяет получить технологию решения научной задачи – какими именно методами и средствами возможно преодолеть противоречие между потребностями совершенствования правового регулирования того или иного вида общественных отношений, сложившихся с участием специальных субъектов в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства, и современным состоянием совокупности действующих в этой сфере норм военного права.

В целом методологической особенностью правового регулирования в военном праве является тот факт, что необходимо учитывать все виды общественных отношений, в которые вступает специальный субъект (военная организация или военнослужащий) в связи с осуществлением определенного вида деятельности. Междисциплинарность военно-правовых отношений обуславливает необходимость рассматривать правовое регулирование любого их вида в системе с взаимосвязанными отношениями и в качестве элемента системы более высокого порядка – общественных отношений по обеспечению обороны страны и безопасности государства. Комплексный метод правового регулирования военно-правовых отношений вызывает необходимость использования широкого спектра правовых средств, каждое из которых характерно только для определенного аспекта подвергаемых правовому воздействию общественных отношений.

Библиографический список

1. Бараненков, В.В. Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков // ЭНИ «Военное право». – 2011. – Вып. 3. – Режим доступа : <http://www.voennoepravo.ru/node/5552>.
2. Бараненков, В.В. Соотношение понятий «военная организация», «ведомство» и «федеральный орган исполнительной власти»: проблемы правовой терминологии [Текст] / В.В. Бараненков // Рос. военно-правовой сб. – 2007. – № 9. – С. 119 – 125.
3. Вишняков, В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации [Текст] / В.Г. Вишняков // Журн. рос. права. – 2005. – № 9.
4. Дамаскин, О.В. Военная наука и образование в обеспечении национальной безопасности России [Текст] / О.В. Дамаскин // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 2. – С. 2 – 5.
5. Дамаскин, О.В. Правотворчество в условиях глобализации и формирования системы законодательства Российской Федерации в интересах национальной безопасности [Текст] / О.В. Дамаскин // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 1. – С. 2 – 7.
6. Кудашкин, А.В. Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования [Электронный ресурс] / А.В. Кудашкин. – Режим доступа : <http://ivo.garant.ru>.
7. Малько, А.В. Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий [Текст] / А.В. Малько // Правоведение. – 1993. – № 3. – С. 4 – 8.
8. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики [Текст] / А.В. Малько // Журн. рос. права. – 1998. – № 8.
9. Мальцев, Г.В. Правовое регулирование как социальный процесс [Текст] / Г.В. Мальцев // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации : сб. / отв. ред. Н.С. Соколова. – М., 2006.
10. Муромцев, Г.И. Правовая политика : вопросы методологии [Текст] / Г.И. Муромцев // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 14 – 25.
11. Пугинский, Б.И. Методологические вопросы правоведения [Текст] / Б.И. Пугинский // Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 18.
12. Свирков, С.А. К вопросу об объектах гражданских прав [Текст] / С.А. Свирков // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. – С. 102 – 116.
13. Тарасов, Н.Н. Объект и предмет юридической науки : подходы и методологические смыслы различения [Текст] / Н.Н. Тарасов // Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 27 – 29.
14. Терешкович, С.В. Возвращаясь к вопросу о правосубъектности военных организаций, входящих в состав Вооруженных Сил Российской Федерации [Текст] / С.В. Терешкович // Право в Вооруженных Силах. – 2007. – № 9, 10.

15. Федосюк, А.П. Анализ коррупциогенных факторов в России и объективных причин их происхождения с точки зрения теории государства и права [Текст] / А.П. Федосюк // Участие военных учреждений в вещных отношениях : материалы межвуз. науч. семинара ; МПИ. – М., 2012. – С. 100–106.

16. Хижняк, В.С. Конституционный механизм взаимодействия национального и международного права [Текст] / В.С. Хижняк // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 4.

17. Чеканов, В.Е. Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе. Возможные пути их решения [Текст] / В.Е. Чеканов // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 1. – С. 2–4.

---

¹ Рецензент – В.В. Бараненков, доктор юридических наук, профессор.

² Подробнее об актуальных задачах военно-юридической науки см.: *Дамаскин О.В.* Военная наука и образование в обеспечении национальной безопасности России // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 2. С. 2–5; *Чеканов В.Е.* Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе. Возможные пути их решения // Там же. № 1. С. 2–4.

³ *Муромцев Г.И.* Правовая политика: вопросы методологии // Правоведение. 2005. № 6. С. 14–25; *Тарасов Н.Н.* Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Там же. 2010. № 1. С. 27–29.

⁴ См., напр.: *Дамаскин О.В.* Правотворчество в условиях глобализации и формирования системы законодательства Российской Федерации в интересах национальной безопасности // Право в Вооруженных Силах. 2010. № 1. С. 2–7.

⁵ См., напр.: *Вишняков В.Г.* О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журн. рос. права. 2005. № 9; *Белов П.Г.* Методологические основы безопасности России. СПб., 2004; *Гыскэ А.В.* Теоретико-методологические аспекты обеспечения общественной безопасности Российской Федерации. М., 2000.

⁶ Методология вообще понимается как совокупность методов, средств, приемов и логическая организация какой-либо деятельности. См., напр.: *Философия и методология науки* / под ред. В.И. Купцова. М., 1996.

«Методология – учение о совершенствовании и конструировании методов в различных сферах духовной и практической деятельности» (*Кочергин А.А., Кочергин А.Н.* Методология и методика научного исследования. Ч. 1. Методология науки. Кн. 2. М., 2007. С. 293).

⁷ В связи с изложенным можно вести речь о методологии науки, под которой понимается учение о принципах построения, формах и способах научного познания, основанное на диалектике как общефилософском подходе.

⁸ К сожалению, ведущими учеными-юристами констатируется, что в современном правоведении не разработан методологический инструментарий, с помощью которого можно адекватно описывать и изучать правовую действительность, однако накоплен огромный опыт построения как общей теории деятельности, так и предметных деятельностных отраслей науки (*Пугинский Б.И.* Методологические вопросы правоведения // Правоведение. 2010. № 1. С. 18).

⁹ *Мальцев Г.В.* Правовое регулирование как социальный процесс // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации : сб. / отв. ред. Н.С. Соколова. М., 2006.

¹⁰ *Алексеев С.С.* Общая теория права : учеб. М., 2009. С. 211–215.

¹¹ Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 62 – 63; Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. С. 622 – 623.

¹² См., напр.: *Малько А.В.* Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Правоведение. 1993. № 3. С. 4 – 8; *Общая теория права и государства* : учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 106; *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : учеб. М., 2011. С. 350.

¹³ См., напр.: *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика : моногр. М., 2010. С. 27 – 28.

¹⁴ В юридической науке присутствует также понятие объекта правового регулирования, которым, по мнению ряда ученых, выступает некая сфера общественных отношений (см., напр.: *Соловьев В.Н.* Гражданско-правовое регулирование отношений собственности в социальной сфере : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011). Однако неразрешенным остается вопрос о соотношении понятий объекта и предмета правового регулирования (по сути, о соотношении понятий сферы общественных отношений и общественных отношений).

¹⁵ *Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. С. 234; Теория государства и права. Курс лекций. С. 353 – 354.*

¹⁶ *Пугинский Б.И.* Указ. соч. С. 17 – 18.

¹⁷ В составе правоотношений также выделяют объект и предмет правоотношения, при этом объектом правоотношения обычно называют общественное отношение, в сфере которого возникает индивидуализированная правовая связь между субъектами, т. е. то общественное отношение, которое вывилось предметом правового регулирования. С.А. Свирков говорит об актуальности семантической проблемы – отсутствия устоявшейся терминологии, в связи с чем под объектом нередко понимаются совершенно различные явления, в некоторых случаях те же, что понимаются под предметом иного явления (деятельности, процесса) (*Свирков С.А.* К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 103).

¹⁸ *Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. С. 235.*

¹⁹ С.С. Алексеев предложил данный термин для обобщенного наименования разнообразных фрагментов правовой действительности (*Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. 1987. № 6).

А.В. Малько справедливо отмечает, что категория «правовые средства» употребляется в юридической литературе произвольно, как само собой разумеющееся понятие (*Малько А.В.* Правовые средства: вопросы теории и практики // Журн. рос. права. 1998. № 8).

О применении правовых средств в регулировании военно-правовых отношений см., напр.: *Дубынина Т.В.* Применение гражданско-правовых средств в деятельности военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

²⁰ *Проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 326 – 328.*

²¹ Отдельные источники приписывают авторство этой мысли Рене Декарту.

²² См., напр.: *Бараненков В.В.* Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2011. Вып. 3. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/5552>; *Кудашкин А.В.* Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения: 01.11.2015); *Терешкович С.В.* О правовом понятии «военная организация» // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 10, 11.

²³ См., напр.: *Бараненков В.В.* Соотношение понятий «военная организация», «ведомство» и «федеральный орган исполнительной власти»: проблемы правовой терминологии // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 125.

²⁴ Федосюк А.П. Анализ коррупциогенных факторов в России и объективных причин их происхождения с точки зрения теории государства и права // Участие военных учреждений в вещных отношениях : материалы межвуз. науч. семинара М., 2012. С. 105.

²⁵ Поскольку является общепризнанным, что в юридической науке нет единства мнений о содержании понятия и структуре механизма правового регулирования (механизма воздействия права), предложенного в свое время Н.Г. Александровым и поддержанного С.С. Алексеевым, в настоящей статье поддерживается точка зрения, отраженная в следующих изданиях: Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. С. 434–454 (автор – С.А. Комаров); Теория государства и права. Курс лекций. С. 621 – 634 (автор – А.В. Малько).

²⁶ Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 187 – 199.

²⁷ Хижняк В.С. Конституционный механизм взаимодействия национального и международного права // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4.

²⁸ При этом также необходимо различать методы исследования, методы обеспечения и методы совершенствования правового регулирования (см., напр.: Белов П.Г. Методологические основы безопасности России. Часть 2. Методы совершенствования и политико-правовое обеспечение. СПб., 2004).

²⁹ Белов П.Г. Методологические основы безопасности России. Часть 1. Базовые категории, методы исследования и обеспечения. СПб., 2004. С. 67 – 68.

³⁰ См., напр.: Бараненков В.В. Системный подход как одна из концептуальных основ военно-правовых исследований // Уголовно-правовые дисциплины в системе подготовки профессиональных кадров для правоохранительных органов и спецслужб : материалы межведомств. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 103 – 105.

Старцун В.Н.,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского права Военного университета,
vicnicstar@gmail.ru

К вопросу о правовом регулировании создания и деятельности в Российской Федерации частных военных компаний

Аннотация: в статье рассмотрены отдельные вопросы, связанные с созданием в России частных военных компаний. По мнению автора, анализ международного опыта правового регулирования создания и деятельности частных военных компаний свидетельствует о том, что в последнее время их использование стало неотъемлемым элементом планирования и осуществления практически любой военной операции и вооруженного конфликта.

Ключевые слова: частные военные компании, аутсорсинг.

Startsun V.N.,
Doctor of Juridical Science,
Professor, Head of the Department of Civil
Law at the Military University of the Ministri
of Defense of the Russian Federation,
vicnicstar@gmail.ru

On the issue of the legal regulation of the establishment and operation of private military and security companies in the Russian Federation

The article deals with some issues related to the creation of private military companies in Russia. According to the author, the analysis of the international experience of legal regulation of the establishment and activities of private military companies worldwide shows that in recent years their use has become an integral part of the planning and implementation of almost any military action and armed conflict.

Key words: private military companies, outsourcing.

Анализ международного опыта правового регулирования создания и деятельности частных военных компаний (ЧВК) свидетельствует о том, что история создания и деятельности ЧВК прошла этап становления и находится в стадии устойчивого и поступательного развития. С начала 90-х гг. прошлого века использование ЧВК стало неотъемлемым элементом планирования и осуществления практически любой военной операции и вооруженного конфликта, а также постконфликтного урегулирования. Согласно современным оценкам, если в начале 1990-х гг. на 50 кадровых военных приходился лишь один сотрудник ЧВК, то в текущий период это соотношение уменьшилось до 10 : 1 и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Эффективность ЧВК как средства достижения ведущими мировыми державами широкого спектра геополитических целей в условиях изменившегося характера политического противостояния подтверждается участием ЧВК во всех значимых вооруженных конфликтах за последние четверть века – на Балканах, в Ираке, Афгани-

стане, на Африканском континенте, на Ближнем Востоке и др. По данным СМИ, в настоящее время в мире созданы и успешно работают более 450 ЧВК, общий годовой оборот которых превышает 200 млрд долл. США¹. Только в Афганистане и Ираке работают несколько сот частных военных и охранных компаний, в которых числятся более 265 тыс. частных контрактников. Географическая структура рынка ЧВК неоднородна. Так, на конец 2006 г. 55 % крупнейших ЧВК базировались в США, 27 % – в странах ЕС, по 9 % – на Ближнем Востоке и в Африке. Следует отметить, что национальная принадлежность ЧВК не ограничена наиболее развитыми в экономическом и военном отношении странами, такими как США, Китай, Германия, Великобритания, Израиль и другие государства, хотя на их долю приходится основная доля рынка. На рынке также представлены ЧВК из таких стран, как, например, Тринидад и Тобаго, Албания, Мальта, Украина, Сомали, что свидетельствует о перспективах роста данного рынка услуг и их растущей востребованности.

В Российской Федерации также существуют отдельные проекты создания и деятельности ЧВК (например, ЧВК «РСБ групп»)². Однако они носят единичный характер и вынуждены ориентироваться на внешний рынок как по содержанию, так и по организации и регулированию своей деятельности. Показательным с точки зрения характеристики Российского рынка услуг ЧВК является факт привлечения к обеспечению безопасности при проведении XXII зимних Олимпийских игр в г. Сочи израильской ЧВК Global Law Enforcement & Security Ltd (GLS), которая также получила контракты на участие в обеспечении безопасности Чемпионата мира по футболу (2018), «Сколково» и ряда других российских государственных стратегических объектов³. Такую ситуацию вряд ли можно признать удовлетворительной, и в качестве причин ее возникновения в первую очередь можно отметить отсутствие надлежащей правовой базы для создания и деятельности ЧВК в Российской Федерации.

Анализ современного рынка услуг ЧВК позволяет говорить о тенденциях последовательного расширения сфер их деятельности и усложнения характера решаемых задач. Тем не менее, анализируя современный международный и немногочисленный отечественный опыт деятельности ЧВК, в целях формулирования подходов к проблеме правового регулирования деятельности ЧВК, представляется возможным: во-первых, дать характеристику основных факторов, влияющих на активность и востребованность ЧВК, во-вторых, идентифицировать основные, наиболее типичные для всех ЧВК механизмы взаимодействия с заказчиками и, в-третьих, классифицировать современные ЧВК по характеру оказываемых услуг.

Характеризуя факторы, влияющие на уровень востребованности услуг ЧВК и степень их активности, целесообразно выделить такие как геополитические, военно-стратегические, экономические и социально-политические факторы.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что на первый план выступают геополитические и военно-стратегические факторы. Так, считается, что в первую очередь расширение сферы деятельности ЧВК, а также их активность обусловлены такими факторами, как рост числа локальных и региональных вооруженных конфликтов, планомерное сокращение вооруженных сил при одновременном расширении спектра стоящих перед ними задач. Следует отметить, что в настоящее время ЧВК участвуют не только на стадиях приготовления к конфликту и его реализации (как правило, обеспечивая деятельность вооруженных сил). Наиболее активно ЧВК привлекаются на стадии постконфликтного урегулирования, они решают практически весь спектр задач, свойственный регулярным войскам.

В качестве основополагающего фактора, влияющего на формирование рынка частных военных услуг, следует также рассматривать глобализацию и трансформацию мировой экономической системы. Современные транснациональные корпорации (ТНК), тесно связанные с политическими элитами и располагающие достаточными финансовыми средств-

вами, нуждаются в защите своих интересов, которые практически всегда совпадают с государственными интересами. В связи с этим формируется такая функция ЧВК, как защита интересов ТНК.

Комплексная оценка и анализ различных факторов, влияющих на рынок ЧВК, позволяют заключить, что усиление военного потенциала за счет ЧВК следует рассматривать как составную часть военных приготовлений отдельных стран (в первую очередь – США и стран НАТО), ориентированных на подготовку к «экспедиционным» и «сетцентрическим» боевым действиям.

Говоря о *механизмах взаимодействия* ЧВК с заказчиками, следует отметить, что, по данным имеющихся исследований, на начало 2010 г. 62 % всех контрактов ЧВК имели с правительствами различных государств мира, 29 % – с частными компаниями, 6 % – с физическими лицами, 3 % – с негосударственными общественными организациями. Можно предположить, что данное соотношение в структуре заказчиков не сильно изменилось и на текущий момент. Следует отметить, что во всех случаях основным механизмом взаимодействия с заказчиками выступал правовой механизм *аутсорсинга* (от англ. outsourcing – использование внешнего источника)⁴ в различных его проявлениях. Иными словами, речь идет о передаче заказчиком (в том числе – вооруженными силами) определенных функций на исполнение внешней, независимой структуре (ЧВК). Наиболее типичными примерами в данном случае являются функции материально-технического и тылового обеспечения войск, охранные и иные функции. Механизм аутсорсинга в настоящее время достаточно популярен во многих сферах деятельности. Хорошо знаком он и отечественным правоприменителям в сфере обороны и обеспечения военной безопасности государства. Однако, по мнению ряда ученых⁵, аутсорсинг – явление, наиболее соответствующее англосаксонским традициям государственного управления и взглядам на государственное устройство. Концептуальная основа распространения аутсорсинга состоит в традиционном англосаксонском и, в особенности, американском республиканском убеждении в эффективности и преимуществе частного бизнеса.

В основе любого вида аутсорсинга всегда лежит договорная конструкция. Этот важный с точки зрения рассматриваемой проблемы вывод позволяет рассматривать *механизм договорного регулирования как основополагающий* в перспективной модели правового регулирования деятельности ЧВК в Российской Федерации, который, очевидно, должен быть дополнен типичными для отечественной системы законодательства *элементами административно-правового характера* (например, административным основанием возникновения аутсорсинга в виде приказа, директивы или прямого указания закона и т. п.).

Классифицируя современные ЧВК *по характеру оказываемых услуг*, можно выделить четыре их основные группы.

Первая группа: фирмы, оказывающие услуги по найму и обучению специального персонала.

Указанные фирмы (ЧВК) специализируются на предоставлении на контрактной основе обученных, высокопрофессиональных специалистов, как правило, из числа бывших военнослужащих и сотрудников спецслужб для выполнения конкретных, в том числе боевых, задач. Распространенными также являются услуги по подготовке, обучению и тренировке персонала заказчика. Например, одна из самых успешных операций хорватской армии – разгром сербских войск в Краине – была проведена в августе 1995 г. после того, как американская ЧВК Military Professional Resources Incorporated подписала контракт на военную подготовку хорватских отрядов. Другой пример – подготовка и обучение военнослужащих грузинской армии накануне вторжения в Южную Осетию специалистами израильских ЧВК Defensive Shield и Global CST и американских ЧВК Cubic, MPRI и American Systems.

Вторая группа: фирмы, оказывающие информационно-аналитические и консалтинговые услуги.

ЧВК данной специализации предлагают услуги в области стратегического и оперативного планирования, организации оперативной и боевой подготовки, разработки военных доктрин и концепций, инструкций и наставлений, планов отдельных операций. Представители указанных фирм могут выступать в роли советников, но сами они никогда в боевых действиях не участвуют и ответственность за результаты деятельности и связанный с ней риск несет только сам заказчик. Так, например, авторство военной доктрины Грузии принадлежит американской ЧВК MPRI.

Самыми известными консалтинговыми фирмами являются MPRI, LevDan, DynCorp, McKinsey, Vinnel. При этом данные компании имеют различную специализацию: MPRI, McKinsey работают на стратегическом уровне, DynCorp – на оперативном и тактическом уровнях.

Третья группа: фирмы, оказывающие услуги в сфере логистики, материально-технического и тылового обеспечения.

Это самая многочисленная группа частных военных компаний. Их услуги включают в себя все виды тылового и технического обеспечения, транспортные и строительные услуги, отдельные виды боевого (оперативного) обеспечения. Например, американская ЧВК Kellogg, Brown and Root в свое время получила все контракты по тыловой поддержке войск США и НАТО на Балканах, а позднее самый большой контракт на строительство и восстановление нефтекомплекса Ирака (более 11 млрд долл.). Другой пример: в СМИ недавно была опубликована информация, что вооруженные силы США не могут больше без ЧВК провести даже ограниченную военную операцию, так как подвоз горюче-смазочных материалов для американской группировки в Ираке приватизирован на 100 %⁶.

Четвертая группа: фирмы, оказывающие услуги по обеспечению охраны и комплексной безопасности объектов и физических лиц.

Можно говорить, что в данном случае речь идет о «классических» ЧВК, основным предметом деятельности которых являются охранные услуги, включающие в себя как физическую охрану объектов (силами охранников, как правило, вооруженных), так и охрану объектов путем использования инженерно-технических средств (ИТСО). В качестве объектов охраны могут выступать физические лица, их имущество, а также иные конкретные объекты. В настоящее время наиболее характерными с точки зрения востребованности охранных услуг ЧВК являются такие объекты, как расположенные в зонах повышенной террористической опасности объекты строительства (ГЭС, ГРЭС, АЭС и пр.), объекты разрабатываемых месторождений (скважины, нефтедобывающие платформы и т. п.), а также грузоперевозки подвижными транспортными колоннами (услуги конвоирования). Особо следует отметить такой объект охраны, как морские грузоперевозки, который сформировался благодаря активности сомалийских пиратов. Так, по данным NATO Shipping Centre, только в 2010 г. на гражданские суда было совершено 134 нападения, 44 судна были захвачены. Морские конвои являются одной из специализаций российских ЧВК⁷. Можно говорить, что благодаря этому виду охранной деятельности они приобрели известность и заявили о себе на мировом рынке, когда 19 октября 2012 г. нигерийскими властями было задержано судно с 15 российскими моряками на борту, 6 из которых были вооруженными охранниками российской ЧВК Morgan Security Group⁸. Наличие оружия у охранников стало основанием предъявления экипажу обвинений в контрабанде оружием.

Применительно к вопросу правового регулирования деятельности ЧВК в Российской Федерации следует отметить, что оказание охранных услуг – единственный вид деятельности, детально урегулированный на уровне федерального законодательства, в связи с чем

соответствующий закон – Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в редакции от 13 июля 2015 г.) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁹ – не без основания рассматривается как базовый и «материнский» закон в контексте возможного разрешения вопроса об урегулировании правового положения ЧВК в том виде, как они существуют на мировом рынке соответствующих услуг.

Помимо приведенной выше классификации существующих ЧВК по критерию характера оказываемых услуг как предмета их деятельности (предметный критерий), значимым с практической точки зрения, в целях правового регулирования, является классификация ЧВК *в зависимости от участия ЧВК в вооруженных конфликтах* (операциях) и деятельности ЧВК в соответствующей зоне боевых действия (пространственно-временной критерий). Опыт использования американских ЧВК в Ираке и Афганистане показал, что привлечение ЧВК к оказанию услуг в военное время сильно отличается от их использования в мирное время¹⁰. Обычные в условиях мирного времени факторы цены, сроков и производительности являются вторичными по отношению к более значимым стратегическим целям, таким как выполнение задач, поставленных перед вооруженными силами руководством страны, или, например, недопущение общественной поддержки повстанческого либо террористического движения. Также очевидно, что в условиях вооруженного конфликта или гуманитарного кризиса скорость реагирования и поставки грузов значительно важнее их цены и возможного отклонения от согласованных спецификации и качества. При выполнении контракта в условиях вооруженного конфликта должны также учитываться и все возникающие риски, следовательно, особым образом формулироваться условия контракта о невозможности исполнения определенных задач в силу чрезвычайных и непредвиденных обстоятельств (force majeure). А в совокупности названные особенности необходимо учитывать при регулировании закупок соответствующих услуг (товаров) ЧВК и контроле за их исполнением¹¹.

Рассматривая классификацию ЧВК по критерию характера оказываемых ими услуг, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что каждой группе услуг, указанных выше при классификации ЧВК, соответствует определенная сфера (несколько сфер) российского законодательства. Опираясь на данный вывод, можно сформулировать *общий подход* к вопросу о правовом регулировании ЧВК в Российской Федерации, *суть которого сводится к следующему*.

С учетом наличия действующих нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих основные сферы деятельности ЧВК, *целесообразно идти по пути внесения в действующее законодательство изменений*, которые будут отражать специфику правового положения и деятельности ЧВК в той степени, в которой это необходимо для их «легализации» исходя из применимого в российском праве «византийского» принципа правового регулирования: «разрешено все, что не запрещено». Отчасти выбор в пользу названного подхода подтверждается отрицательным опытом реализации иного подхода – формирования самостоятельного законодательства о ЧВК путем принятия самостоятельного закона. Все известные законопроекты по данному вопросу не прошли даже первичных слушаний в Государственной Думе Российской Федерации, получили отрицательные отзывы не только Правительства Российской Федерации, но и профессионалов. В пользу указанного выше подхода к формированию национального законодательства о ЧВК свидетельствует и передовой международный опыт. Аналогичным образом – внесением изменений в отдельные законы и с упором на подзаконные акты – урегулирована в настоящее время деятельность ЧВК в США.

Возвращаясь к вопросу об изменениях отечественного законодательства в рассматриваемой сфере, можно отметить следующее.

Группе услуг по найму и обучению специального персонала соответствует *законодательство о труде, об образовании, а также законодательство о военно-техническом сотрудничестве (ВТС)*, в той части, в какой требования о ВТС относят подготовку военных специалистов к предмету государственной монополии.

Услугам информационно-аналитического характера, консалтингового характера соответствуют *нормы ГК РФ, законодательства об информационных технологиях и защите информации, законодательства о защите персональных данных, законодательства о защите государственной тайны.*

Для услуг обеспечивающего характера – это также *нормы ГК РФ и законодательства о ВТС, нормы законодательства о государственных закупках и о государственном оборонном заказе.*

Охранные услуги, как это отмечалось выше, детально урегулированы законом о частной охранной и детективной деятельности.

При этом очевидно, что с точки зрения легализации деятельности всех без исключения ЧВК на территории Российской Федерации актуальными являются *нормы уголовного законодательства, законодательства об оружии, лицензионно-разрешительного законодательства и законодательства об обороне.*

Актуальность указанных типичных для всех ЧВК норм можно сгруппировать по двум направлениям: 1) в части установления ограничений и запретов, препятствующих деятельности ЧВК на территории России, и 2) в части восполнения пробелов и разрешения коллизий, касающихся правового положения и отражения специфики деятельности ЧВК.

Первому направлению, безусловно, соответствуют: а) нормы УК РФ о запрете наемничества (ст. 359) и об организации в Российской Федерации незаконного вооруженного формирования (ст. 208) и б) соответствующие нормы законодательства об оружии, запрещающие приобретение, хранение и использование боевого оружия.

Второе направление характеризует отсутствие в действующем гражданском законодательстве, законодательстве о лицензировании отдельных видов деятельности, а также в законодательстве *об обороне* норм и положений, которые: а) идентифицируют ЧВК в качестве субъекта правоотношений, б) определяют механизм контроля за их деятельностью и в) устанавливают основания сопряжения национального законодательства о ЧВК с актами международного законодательства, с одной стороны, и механизм имплементации соответствующих норм международного права в законодательство Российской Федерации, с другой стороны.

На основании изложенного, в целях создания правовых основ деятельности ЧВК в Российской Федерации, представляется возможным путем изменения действующего законодательства, сгруппированного по отраслевой принадлежности, *на первом этапе*: 1) закрепить основные положения о понятии ЧВК, предмете их деятельности, полномочиях и механизме контроля, 2) устранить основные ограничения, связанные с уголовной ответственностью за наемничество и организацию незаконных вооруженных формирований, а также монополией государства на отдельные виды деятельности в сфере ВТС.

На *втором этапе*, после принятия соответствующих законов (об изменениях действующего законодательства), подзаконными актами (в основном на уровне Минобороны России) закрепить порядок взаимодействия с ЧВК и детализировать предмет их деятельности путем закрепления классификатора (перечня) услуг (работ).

Для реализации изложенного представляется, что основной *«центр тяжести» правового регулирования должен быть смещен «вниз», на уровень ведомственного регулирования* Минобороны России. Для этого целесообразно изначально в качестве базового законодательного акта, закрепляющего основные положения о ЧВК, рассматривать Федеральный закон от

31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (далее – Закон «Об обороне»). Такой прием, во-первых, закрепит приоритет Минобороны России в сфере правового регулирования деятельности ЧВК и, во-вторых, значительно упростит законотворческий процесс. Опыт подобного регулирования имеется – это норма ст. 25.1 Закона «Об обороне» о военной полиции. По аналогии с данной нормой предлагается дополнить Закон «Об обороне» нормой о ЧВК.

Структура данной нормы должна включать определение (идентификацию) ЧВК, основные положения об ограничениях создания ЧВК и закреплять приоритет Минобороны России в вопросах контроля и правового регулирования деятельности ЧВК путем включения соответствующих бланкетных (отсылочных) положений к иному действующему законодательству, актам Правительства Российской Федерации и внутренним документам Минобороны России.

Кроме включения базовой нормы о ЧВК, необходимо внести изменения в иные положения Закона «Об обороне». Так, в п. 6 ст. 1 Закона «Об обороне» необходимо внести изменения, направленные на включение ЧВК в перечень органов, организаций и формирований, привлекаемых к выполнению отдельных задач в области обороны. Следует уточнить п. 9 ст. 1 названного Закона в части снятия, применительно к ЧВК, запрета на создание вооруженных формирований, не предусмотренных данным Законом. Статью 2 Закона «Об обороне» необходимо дополнить включением в перечень мероприятий по организации обороны вопросов организации взаимодействия с негосударственными (неправительственными) организациями, привлекаемыми к оказанию услуг в сфере обороны и обеспечения военной безопасности государства.

Кроме внесения изменений в Закон «Об обороне», одновременно на первом этапе правового регулирования представляется целесообразным внести изменения в Закон Российской Федерации № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о частной охранной деятельности), а также в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о государственных закупках).

Закон о частной охранной деятельности целесообразно дополнить отсылочной нормой об особенностях охранной деятельности ЧВК (охрана военных объектов и военного имущества, а также защита лиц в условиях вооруженного конфликта), по аналогии с нормой названного Закона, определявшей особенности осуществления частной охранной деятельности при проведении XXII зимних Олимпийских игр в г. Сочи.

В Закон о государственных закупках необходимо включить основные положения, регламентирующие контрактный механизм (аутсорсинг) с участием ЧВК.

Параллельно с изменением названных законов на первом этапе целесообразно инициировать уточнение ст.ст. 359, 208 УК РФ, а также изменение ст. 1 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» в целях снятия указанных выше ограничений, препятствующих созданию и деятельности ЧВК.

Отдельного подхода требует разрешение вопроса о вооружении ЧВК. В силу специфики правового регулирования оборота оружия в Российской Федерации на первом этапе представляется неперспективным изменение соответствующего закона (Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии») в силу невозможности изменения без «разрушения» заложенной в нем концепции (боевое оружие – только у государственных организаций). Имеет смысл на первом этапе решать этот вопрос на уровне Минобороны России, в рамках отдельных контрактов и задач, а позднее, с учетом правоприменительного опыта, рассмотреть вопрос об изменении законодательства.

Таким образом, на первом этапе решения проблемы формирования основ правового регулирования создания и деятельности ЧВК в Российской Федерации целесообразно инициировать изменение законодательства об обороне, о частной охранной деятельности, о государственных закупках, уголовного законодательства и законодательства о ВТС. На втором этапе – разработать комплект ведомственных нормативных актов Минобороны России, направленных на детализацию новых положений законодательства о ЧВК и формирующих соответствующие системы управления и контроля за их деятельностью.

Библиографический список

1. *Витко, В.С.* Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга [Текст] / В.С. Витко, Е.А. Цатурян. – М. : Статут, 2012.

2. *Кудашкин, А.В.* К вопросу о саморегулировании в деятельности по оказанию частных услуг военного назначения : проблема выбора правовой модели [Электронный ресурс] / А.В. Кудашкин // ЭНИ «Военное право». – 2015. – № 2. – Режим доступа : <http://www.voennoepravo.ru/magazinepravo>.

---

¹ URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20140707/271667681.html

² URL: <http://rsb-group.ru/contacts>

³ URL: <http://army-news.ru/2012/08/chastnye-voennye-kompanii-rossii/>

⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аутсорсинг>

⁵ *Витко В.С., Цатурян Е.А.* Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. М., 2012. 128 с.

⁶ URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20140707/271667681.html

⁷ URL: <http://moran-group.org/ru/about/index>

⁸ URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/biznes/236622-na-chem-i-skolko-zarabatyvali-russkie-moryaki-obvinennye-v-nigerii-v-kontraaba>

⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/

¹⁰ *Шварц М., Черч Дж.* Исследовательская служба Конгресса. Использование частных военных компаний для поддержки военных операций: общая информация, анализ и вопросы для рассмотрения Конгрессом 17 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R43074.pdf>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 29.09.2015).

¹¹ Нецелевое расходование средств в Ираке и Афганистане при заключении и выполнении контрактов с ЧВК составило от 31 до 60 млрд долл. США.

Военные аспекты гражданского права, гражданского и арбитражного процессов

Додоматов С.И.,
капитан юстиции,
ansor7707@mail.ru

Некоторые аспекты приостановления течения сроков исковой давности в отношении военнослужащих Республики Таджикистан¹

Аннотация: в статье идет речь о неточности формулировки в п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан и противоречии данной нормы Закону Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 г. № 208 «Об обороне». Предложены возможные пути решения указанной проблемы.

Ключевые слова: исковая давность; военнослужащие; военное положение; законодательство.

Dodomatov S.I.,
captain of justice, ansor7707@mail.ru

Some questions of the suspension of the limitation period against servicemen of the Republic of Tajikistan

The article is about discrepancy in formulation of subitem «b» item 1 of the article 226 of the Civil Code of the Republic of Tajikistan and antiomy of this legislative rule to law of the Republic of Tajikistan of 4 November 1995 № 208 «On Defense». In the article are offered ways of solution of this problem.

Key words: statute of limitations; military personnel; martial law; legislation.

Одной из актуальных проблем регулирования гражданских правоотношений с участием военнослужащих в военное время является применение сроков исковой давности. Институт исковой давности стимулирует участников гражданских правоотношений своевременно предъявлять требования о защите нарушенных прав.

Исковая давность является сроком, в течение которого допускается принудительное осуществление гражданского субъективного права путем реализации права на иск (в широком смысле этого понятия). С истечением срока исковой давности прекращается право на иск, но это не означает прекращения существования самого субъективного права. Последнее не умирает только из-за того, что утратило возможность исполнения в принудительном порядке².

Наличие сроков исковой давности препятствует бесконечно долгому сохранению неопределенности в имущественных отношениях между нарушителями прав и потерпевшими. Соблюдение сроков исковой давности обусловлено тем, что по истечении длительного времени сложнее установить достоверность определенных обстоятельств, многие из которых со временем могут быть утрачены.

Институт исковой давности в гражданском праве имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав³.

Исковая давность – это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено; установленный законом промежуток времени, в течение которого возможна принудительная защита нарушенного гражданского права средствами искового судопроизводства.

Нормы, регулирующие исковую давность, носят общий характер и в основном применяются ко всем гражданским правоотношениям, кроме тех, по отношению к которым в законе имеется указание о неприменимости сроков исковой давности.

Срок исковой давности, как любой срок, имеет три составляющие: начало течения срока, окончание течения и период его действия. В основном исковая давность течет непрерывно. Однако могут возникнуть обстоятельства, при которых течение срока исковой давности приостанавливается или прерывается. Общий срок исковой давности в соответствии со ст. 221 Гражданского кодекса Республики Таджикистан устанавливается в три года⁴.

Приостановление течения срока исковой давности означает, что при наличии определенных обстоятельств течение сроков исковой давности приостанавливается и после отпадения последних продолжается в общем порядке, при этом период существования таких обстоятельств не учитывается⁵.

Совершенно ясно, что течение времени приостановить нельзя, как нельзя его замедлить либо ускорить. Поэтому приостановление течения рассматриваемого срока является условным и означает, что период времени, в течение которого имело место то или иное обстоятельство, принимаемое законом во внимание, не засчитывается в срок исковой давности⁶.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан *течение срока исковой давности приостанавливается: если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил, переведенных на военное положение*⁷.

В мирное время ограничения при защите гражданских прав военнослужащих менее заметны ввиду характера выполняемых ими задач, связанных с повседневной жизнью и деятельностью, а в военное время и в угрожаемый период характер выполняемых военнослужащими задач существенно изменяется. Именно в военное время Вооруженные Силы применяются по своему прямому назначению – отражению агрессии и предотвращению агрессии, проводится полное или частичное развертывание Вооруженных Сил, иных войск, воинских формирований и органов⁸.

Перевод Вооруженных Сил Республики Таджикистан на военное положение является основанием для приостановления течения сроков исковой давности, следовательно, актуальным является вопрос о том, с какого момента Вооруженные Силы считаются переведенными на военное положение. Законодательство Республики Таджикистан не содержит определения «Вооруженные Силы, переведенные на военное положение». Данное обстоятельство может негативно сказаться при определении факторов, которые послужили основанием для приостановления течения сроков исковой давности.

Из анализа Закона Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 г. № 208 «Об обороне» следует, что военное положение вводится указом Президента Республики Таджикистана на всей территории республики или в отдельных ее местностях в случае объявления состояния войны или при реальной угрозе безопасности государства, выразившейся в угрозе агрессии или агрессии против Республики⁹.

Таким образом, можно указать на неточность формулировки «Вооруженных Сил, переведенных на военное положение» в п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Военное положение вводится на всей территории Таджикистана или в отдельных его местностях, а не Вооруженные Силы переводятся на военное положение.

Вооруженные Силы приводятся в соответствующие степени боевой готовности, которых в настоящее время существует четыре: «постоянная», «повышенная», «военная опасность», «полная»¹⁰. Вооруженные Силы приводятся в боевую готовность «полная» при объявлении режима военного положения указом президента, когда они укомплектовываются в полном объеме личным составом, по штатам военного времени. Наиболее негативно на защите гражданских прав может сказаться сбор и перевод военнослужащих на казарменное положение. При нахождении на казарменном положении, с полным запретом покидать расположение воинской части, военнослужащему представляется затруднительным обратиться в суд с иском заявлением, а также участвовать в судебном заседании в качестве ответчика.

Далее следует остановиться на понятии «состав Вооруженных Сил». В соответствии с п. 1 ст. 5 Закона Республики Таджикистан от 13 декабря 1996 г. № 316 «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан» в состав Вооруженных Сил входят сухопутные войска, военно-воздушные силы, силы противовоздушной обороны и мобильные войска. В военное время в состав Вооруженных Сил Республики Таджикистан также входят Национальная гвардия Республики Таджикистан, Государственный комитет по национальной безопасности Республики Таджикистан, внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, войска гражданской обороны Комитета по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне при Правительстве Республики Таджикистан, конвойный полк Управления исправительных дел Министерства юстиции Республики Таджикистан, Агентство по обеспечению специальным имуществом при Министерстве экономического развития и торговли Республики Таджикистан¹¹. Такая же норма содержится и в Законе «Об обороне».

Таким образом, военнослужащие других войск, воинских формирований и органов также имеют право на применение ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан в части приостановления течения сроков исковой давности в период действия режима военного положения.

К примеру, в Российской Федерации, в отличие от Республики Таджикистан, в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Вооруженные Силы Российской Федерации состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации, в Тыл Вооруженных Сил Российской Федерации и в войска, не входящие в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации. В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 17 и ст. 19 Федерального закона «Об обороне» другие войска, воинские формирования и органы участвуют совместно с Вооруженными Силами Российской Федерации в отражении агрессии против Российской Федерации, а также в период военного положения Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы могут вести боевые действия по отражению агрессии независимо от объявления состояния войны. Из этого следует, что формулировка

«истец или ответчик в составе Вооруженных Сил Российской Федерации», закрепленная в подп. 2 п. 1 ст. 202 ГК РФ, ограничивает право военнослужащих других войск, воинских формирований и органов на ее применение в период действия режима военного положения.

Особого внимания заслуживает положение ст. 9 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»: для обеспечения режима военного положения в порядке, установленном нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, могут быть привлечены Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы.

Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы при обеспечении режима военного положения выполняют следующие задачи:

1) поддержание особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней;

2) участие в спасении и эвакуации населения, проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ, борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями;

3) охрана военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды;

4) пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований, террористической и диверсионной деятельности;

5) охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

6) участие в проведении иных мероприятий по обеспечению режима военного положения.

Таким образом, в Российской Федерации четко определен перечень задач, выполняемых военнослужащими Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, привлекаемых для обеспечения режима военного положения. Данное обстоятельство позволяет устанавливать категорию лиц, имеющих право на применение нормы ГК РФ о приостановлении течения сроков исковой давности в период военного положения. По мнению автора, следует перенять положительный опыт Российской Федерации и продолжить совершенствование законодательства Республики Таджикистан в данной сфере общественных отношений в целях обеспечения полноценной и всесторонней защиты гражданских прав военнослужащих. Кроме того, необходимо разработать и принять закон, регулирующий правовой режим военного положения.

Необходимо отметить, что, в отличие от п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, в п. 3 ст. 220 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан предусмотрено больше оснований для приостановления судом производства по делу:

- участие истца или ответчика в боевых действиях;
- выполнение истцом или ответчиком задач в условиях чрезвычайного положения;
- выполнение истцом или ответчиком задач в условиях военного положения;
- выполнение истцом или ответчиком задач в условиях военных конфликтов¹².

Таким образом, законодатель в Гражданском процессуальном кодексе Республики Таджикистан в качестве оснований для приостановления дела, за исключением военного положения, закрепил боевые действия, чрезвычайное положение и военные конфликты. Данный перечень считается более приемлемым, так как военнослужащие Республики Таджикистан участвовали в боевых действиях не только во время действия режима военного положения. История развития Таджикистана на постсоветском пространстве свидетельствует об участии военнослужащих в боевых действиях как в мирное время, так и в период действия режима чрезвычайного положения: гражданская война в Таджикистане 1992 – 1997 гг.;

спецоперация в Раштском районе Республики в 2010 г. (в результате обстрела колонны военнослужащих Вооруженных Сил в ущелье Камароб 30 человек погибли и десятки военнослужащих были ранены, был сбит вертолет, при крушении которого погибли 28 человек); военная операция в г. Хорого Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в 2012 г. (погибли 100 и более 70 военнослужащих получили ранения различной тяжести)¹³.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что военнослужащие выполняют обязанности военной службы в любых условиях, в том числе связанных с повышенной опасностью для их жизни и здоровья.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан на таких военнослужащих не распространяется положение о приостановлении течения срока исковой давности. Автор полагает, что у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях не только в условиях действия режима военного положения, но и в мирное время, а также привлекаемых для обеспечения режима чрезвычайного положения, должно быть не меньше оснований на применение данной нормы закона, чем у военнослужащих, находившихся в составе Вооруженных Сил, привлекаемых для обеспечения режима военного положения.

Право военнослужащего на подачу иска в условиях военного времени не ограничивается как таковое, а ограничивается сама возможность реализовать данное право. На компенсацию указанных ограничений и должно быть направлено совершенствование законодательства Республики Таджикистан.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным п. «б» ч. 1 ст. 226 Гражданского кодекса Республики Таджикистан сформулировать следующим образом: *«если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил Республики Таджикистан, других войск, воинских формирований и органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба, привлекаемых для обеспечения режима военного и (или) чрезвычайного положения, независимо от территории его действия, а также для выполнения задач в условиях военных конфликтов»*. Данная формулировка более точная и будет соответствовать нормам действующего гражданского и военного законодательства страны.

Библиографический список

1. Гражданское право [Текст] : учеб. пособие (с учетом воен. аспекта). – Ч. 1 / В.Н. Старцун [и др.]. – М. : Воен. ун-т, 2013. – 480 с.
2. Додоматов, С.И. Вопросы обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан [Текст] / С.И. Додоматов // Вестн. Таджик. нац. ун-та. – 2013. – № 3/5 (118). – С. 78 – 83.
3. Логинов, Д.Г. Управление подразделениями в мирное время [Текст] : учеб. пособие / Д.Г. Логинов, В.В. Артеменко, А.С. Осипов. – М., 2007. – 117 с.
4. Сарбаш, С. Вопросы исковой давности [Текст] / С. Сарбаш // Хозяйство и право. – 2008. – № 3. – С. 25 – 29.
5. Фатеев, К.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования [Текст] / К.В. Фатеев. – М. : За права военнослужащих, 2005. – 346 с.
6. Черепяхин, Б.Б. Труды по гражданскому праву [Текст] / Б.Б. Черепяхин. – М. : Статут, 2001. – 479 с.

¹ Рецензент – А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор.

² См., напр.: Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 144.

³ См., напр.: По жалобам граждан Бронникова В.А. и Володина Н.А. на нарушение их конституционных прав положениями статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 3 нояб. 2006 г. № 445-О [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65328/ (дата обращения: 27.07.2015).

⁴ См., напр.: Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая) от 30 июня 1999 г. № 803 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. № 6. Ст. 153; 2007. № 5. Ст. 356; 2012. № 978. Ст. 700.

⁵ См., напр.: Гражданское право: учеб. пособие (с учетом воен. аспекта). Ч. 1 / В.Н. Старцун [и др.]. М., 2013. С. 249.

⁶ См., напр.: *Сарбаш С.* Вопросы исковой давности // Хозяйство и право. 2008. № 3. С. 25.

⁷ См., напр.: Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая) от 30 июня 1999 г. № 803 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. № 6. Ст. 153; 2007. № 5. Ст. 356; 2012. № 978. Ст. 700.

⁸ См., напр.: *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М., 2005. С. 236.

⁹ См., напр.: Об обороне : закон Республики Таджикистан от 4 нояб. 1995 г. № 208 // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1995. № 23. Ст. 366.

¹⁰ См., напр.: *Логинов Д.Г., Артеменко В.В., Осипов А.С.* Управление подразделениями в мирное время : учеб. пособие. М., 2007. С. 12.

¹¹ См., напр.: О Вооруженных Силах Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 13 дек. 1996 г. № 316 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1996. № 23.

¹² См., напр.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. № 341 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2008. № 1. Ст. 7; 2010. № 1. Ст. 6.

¹³ См., напр.: *Додоматов С.И.* Вопросы обязательного государственного личного страхования жизни и здоровья военнослужащих Вооруженных Сил Республики Таджикистан // Вестн. Таджик. нац. ун-та. -2013. № 3/5 (118). С. 78.

Жамойдик К.М.,
аспирант РГАИС, начальник отдела
по правам на результаты интеллектуальной деятельности
АО «Объединенная двигателестроительная корпорация»,
kirill-zham@ya.ru

О некоторых вопросах правовой защиты результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ при экспорте отечественных оборонных технологий за рубеж

Аннотация: в статье дается анализ текущей политики обеспечения правовой охраны результатов научно-технической деятельности, полученных при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, и распределения прав на них. Предпринята попытка выявить, обобщить и структурировать текущие проблемы, даны предложения по их решению.

Ключевые слова: результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, распоряжение правами на результаты интеллектуальной деятельности, экспорт, зарубежное патентование.

Zhamoydik K.M.,
RGAIS postgraduate and Head of department
of rights on intellectual activity results
joint-stock company «United Engine Corporation»,
kirill-zham@ya.ru

Some questions of legal assistance of intellectual activity results and development activity during export of native defense technology abroad

In article the analysis of current politics of support to legal safeguard of rights on research activities' results, derived during research and development activity and its' rights distribution is given. An attempt to recognize, summarize and structure current problems was made; proposals of their solution were given.

Key words: research activities' results; administration of rights on intellectual activity results; export; foreign patenting.

Государственная поддержка перехода экономики нашей страны на инновационный путь развития является приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации и органов государственной власти. Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев отмечает, что в современных мировых условиях именно технологии стали главным мировым ресурсом, обогнав по важности любое сырье и финансовые возможности, а глобальное технологическое неравенство стран Д. Медведев считает более глубокой проблемой, чем экономическое неравенство двадцатого века¹.

В Российской Федерации наиболее значимые результаты интеллектуальной деятельности (которые и лежат в основе ключевых технологий) достигаются в основном при выпол-

нении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, контракты (договоры) на выполнение которых заключаются государственными заказчиками с организациями науки, образования и промышленности. В нашей стране основным источником финансирования указанных работ является федеральный бюджет. Взятый курс инновационного развития (вместе с проводимыми в настоящее время мероприятиями по импортозамещению зарубежных технологий) неуклонно влечет и увеличение объема выполняемых и финансируемых из федерального бюджета таких научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, при этом соблюдаются все условия для создания и развития колоссального интеллектуального капитала.

Основные направления реализации государственной политики по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности² ставят своей целью, в частности, повышение уровня и качества жизни населения на основе развития производства конкурентоспособной отечественной продукции (работ, услуг) с высокими техническими и потребительскими характеристиками, повышение экспортного потенциала российской экономики, обеспечение оборонной, технологической и экономической безопасности Российской Федерации. Среди основных направлений по вовлечению в хозяйственный оборот научных разработок выделим и рассмотрим обеспечение правовой охраны результатов научно-технической деятельности и распределение прав на них.

Согласно условиям большинства государственных контрактов (договоров) на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ права на такие результаты (в первую очередь результаты интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения) подлежат закреплению за Российской Федерацией в лице государственного заказчика. Данное обстоятельство представляется основной причиной отсутствия инициативы и заинтересованности исполнителя в поиске, выделении и правовой охране созданной ключевой технологии, с одной стороны, а с другой стороны, даже при надлежащем оформлении правовой охраны исполнитель будет не вправе заниматься дальнейшим ее вовлечением в хозяйственный оборот.

Однако самым важным, по мнению автора настоящей статьи, является вопрос непосредственно правовой охраны полученных результатов, которая, как правило, имеет лишь национальный характер. Если рассматривать разработки оборонно-промышленного комплекса либо сложнейшие разработки гражданского авиационного и космического кластеров, то целесообразность получения исключительно патентов Российской Федерации представляется не просто сомнительной, а губительной для экспортного потенциала государства.

Во-первых, возможность внутренней конкуренции на отечественном рынке в отношении передовых разработок исключается консолидацией активов предприятий одной отрасли в соответствующие объединения: Объединенная двигателестроительная корпорация, Объединенная авиастроительная корпорация, Объединенная судостроительная корпорация и т. д.

Во-вторых, правовая охрана путем патентования технического решения – полезная модель, промышленный образец или изобретение – предусматривает публичное (в Интернете и соответствующих патентных библиотеках) раскрытие всей ключевой информации данного решения, причем достаточно для его практической реализации.

В-третьих, правовая охрана ограничивается территорией Российской Федерации, а конвенционный приоритет Парижской конвенции от 20 марта 1883 г. (возможность патентования с сохранением даты первоначальной (национальной) заявки на патент в любой стране – участнице конвенции) ограничивается 6 – 12 месяцами с даты подачи национальной заявки и сопровождается значительными финансовыми затратами. При этом на момент подачи зарубежной заявки с использованием конвенционного приоритета заявитель

не может быть уверен в мировой новизне заявленного технического решения (решение национального патентного ведомства о выдаче патента еще не получено). Процедура патентования, предлагаемая договором о патентной кооперации (РСТ), действительно, во многом упрощает задачу и позволяет оптимизировать соответствующие финансовые затраты, однако приступать к ней необходимо при соблюдении следующих условий: разработка экспортного продукта полностью завершена (в целях максимально продолжительного периода правовой охраны технического решения), а заявитель определен из перечен стран – импортеров продукции.

В-четвертых, отсутствует последующая возможность обеспечения правовой защиты (претензионной и судебной) поставляемых на экспорт и запатентованных лишь на территории Российской Федерации технических решений, ведь, как было указано выше, действие патента будет ограничено нашими же государственными границами.

Своеобразным сигналом послужила крупнейшая выставка авиационных и космических технологий Airshow China 2014 (такая выставка проходит в Чжухае раз в два года). В частности, было отмечено, что многие китайские образцы были явно скопированы с зарубежных аналогов. Например, один из китайских зенитно-ракетных комплексов – почти точная копия российского С-300П. Самый массовый в китайской армии джип – полная копия американского «Хаммера», а легкий истребитель пятого поколения – гибрид американских F-22 и F-35³.

Факт копирования российских разработок, несомненно, говорит, с одной стороны, о высоком уровне современного отечественного оборонно-промышленного комплекса и востребованности наших технологий на мировом рынке, а с другой – о необходимости пересмотра и кардинального изменения сложившейся практики обеспечения правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (в особенности военного, специального и двойного назначения).

В завершение настоящей статьи, принимая во внимание неоспоримую важность не только накопления интеллектуального ресурса, но и успешного и эффективного управления им, которое, разумеется, включает в себя мероприятия по правовой охране и защите интеллектуальной собственности, сделаем следующие выводы:

1. Правительству Российской Федерации, а также государственным заказчикам необходимо пересмотреть практику распределения прав на результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в государственных контрактах, установив их совместную правопринadleжность за исполнителем и Российской Федерацией в лице государственного заказчика.

2. Исполнителям государственных контрактов следует отказаться от национального патентования технических решений до начала экспортных поставок итогового изделия, обеспечив режим коммерческой тайны с соблюдением всех необходимых процедур по физическому ограничению доступа третьих лиц к охраняемой информации, а также определить перечень основных технических решений, в отношении которых необходимо обеспечить правовую охрану, и перечень импортеров объекта техники.

3. Организацию патентного делопроизводства целесообразно осуществлять непосредственно перед экспортом объекта техники и в отношении ключевых технических решений, с последующей организацией зарубежного патентования по процедуре РСТ.

Вышеизложенное, представляется, позволит мотивировать проведение исполнителями научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ мероприятий по выявлению потенциально охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, принятию участия во введении их в гражданский оборот и последующей коммерциализации. Совместное правообладание позволит также решить вопрос своевременной уплаты патентных

пошлин. Что касается процедуры зарубежного патентования (рассматривается процедура РСТ), то в течение 12 месяцев с момента подачи национальной заявки будет необходимо уплатить только пошлину за подачу международной заявки, тариф за международный поиск, а также оплатить услуги российского патентного поверенного. Для перехода же на национальную и региональную фазы (т. е. на непосредственное патентование в зарубежных странах) появляются дополнительные 18 месяцев, в течение которых заявитель получит патент Российской Федерации (либо решение об отказе в выдаче патента, если окажется, что техническое решение не соответствует критерию патентоспособности). В случае успешного патентования технического решения за рубежом Российская Федерация и предприятие-экспортер получают законное право отстаивать свою временную патентную монополию при незаконном копировании иностранцами образцов техники, в том числе путем судебных разбирательств.

Библиографический список

Статьи, доклады из сборников

Мазур, Н.З., Дикуль, Д.О., Жамойдик, К.М. Экономико-правовые вопросы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащими Российской Федерации // Сб. науч. тр. – Уфа : БАГСУ, 2010.

Статьи из журналов

1. *Жамойдик, К.М.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные при выполнении госконтрактов // Патенты и лицензии. – 2015. – № 8.

2. *Мазур, Н.З., Жамойдик, К.М.* Отдельные вопросы теории и практики проведения инвентаризации прав на РНТД // Инновации и инвестиции. – 2015. – № 10.

---

¹ Доклад Д. Медведева на форуме «Открытые инновации» [Электронный ресурс]. URL: <http://forinnovations.ru/ru/>.

² Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2001 г. № 1607-р.

³ URL: <http://www.rg.ru/2014/11/12/analogi-site.html>

Особенности участия военных организаций в гражданских правоотношениях¹

Аннотация: статья посвящена выявлению отдельных особенностей военных организаций как участников гражданских правоотношений.

Ключевые слова: военные организации, организация, правовые особенности, участие, частное право, публичное право.

Zykova I.V.,

PhD, Associate Professor,

Head of Department Civil Law Disciplines

IN ANO «National Institute of Business»,

irinaleg@mail.ru

Features involvement of military organizations in civil law relations

The article is devoted to identifying the individual characteristics of military organizations, as participants in civil relations

Key words: military organizations, private law, organization, legal features, participation, public law.

Прежде всего, представляется необходимым определиться с содержанием понятия «военная организация».

Важно подчеркнуть, что среди ученых до настоящего момента нет единого мнения по данному вопросу. Так, некоторые из них к военным организациям относят органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, предприятия, учреждения, военные образовательные учреждения профессионального образования, главные и центральные органы военного управления, органы военного управления объединений и соединений, военные комиссариаты, лечебные учреждения, учреждения культуры, отдыха и спорта, а также другие структурные подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов².

Некоторые ученые рассматривают данное понятие в широком и узком смыслах, понимая под военными организациями в широком смысле государственную структуру или совокупность нескольких структур, функции которых связаны с защитой государства военными средствами, а в узком смысле – определенным образом обособленное подразделение такой военной государственной структуры³.

Другие к военным организациям относят Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, а также входящие в их состав самостоятельные организационные структуры, признаваемые законодательством Российской Федерации субъектами права⁴.

Существует и позиция, согласно которой в понятие военной организации входят организационные вооруженные структуры, состоящие из военнослужащих и созданные, как правило, государством, находящиеся у него на службе и содержании, профессионально подготовленные для ведения вооруженной борьбы (войны) с внешним и внутренним врагом⁵.

По мнению В.Н. Старцуна, под военной организацией следует понимать только те организации, которые созданы для обеспечения военной безопасности военными методами, мобилизуются по готовности и принимают непосредственное участие в военных действиях с применением оружия и военной техники (воинские части и т. п.), а также организации, выполняющие функции органов военного управления (Министерство обороны Российской Федерации, Генеральный штаб и т. п.). Таким образом, иные организации, в том числе те, в которых предусмотрена хотя бы одна воинская должность, в частности, военные образовательные учреждения, организации, обеспечивающие жизнедеятельность Вооруженных Сил Российской Федерации (военно-медицинские учреждения, дома офицеров, военные музеи, редакции военных изданий, санатории, дома отдыха, туристические базы и т. п.), не могут быть отнесены к военным организациям, так как они имеют двойное назначение и лишь способствуют обеспечению обороны и безопасности⁶.

Наиболее убедительной представляется позиция В.В. Бараненкова, согласно которой под термином «военная организация» понимается непосредственно выполняющая задачи военной безопасности, комплектуемая военнослужащими полностью или частично штатная организация ведомства, в котором предусмотрена военная служба⁷.

В связи с отсутствием четкого законодательного регулирования в рассматриваемой сфере длительное время ведутся споры о гражданской правосубъектности юридических лиц – военных организаций, ее объемах и пределах. Следует отметить, что за последнее десятилетие произошли и существенные изменения в научной среде по данному вопросу. Так, если ранее велась ожесточенная дискуссия между учеными о возможности и необходимости признания за военными организациями статуса юридического лица, то в настоящий момент положительный ответ на этот вопрос уже мало у кого вызывает сомнение. В результате перехода военных организаций к функционированию в условиях рыночной экономики они, так или иначе, вынуждены выступать участником гражданских правоотношений. При этом, как отмечается в научной литературе, органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, предприятия и учреждения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов могут участвовать в хозяйственном обороте, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные права, быть истцом и ответчиком в суде только при признании их юридическими лицами⁸.

Однако по-прежнему четко не определен порядок участия данных организаций в гражданских правоотношениях.

Отсутствие четкого законодательного регулирования осуществления военными организациями деятельности в качестве субъектов гражданских правоотношений порождает немало споров. Нередко контрагентам военных организаций трудно разобраться, к кому же именно из федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством предусмотрена военная служба, предъявлять свои искивые требования, а что уж говорить о внутренней структуре данных организаций...⁹.

Прежде всего, необходимо отметить, что воинские части и соединения являются основными организационно-составными элементами воинских формирований. Именно в воинских частях решается большинство вопросов боевой подготовки и административно-хозяйственной деятельности. Поэтому воинские части – это относительно самостоятельные боевые и административно-хозяйственные единицы¹⁰. Одновременно с этим, как отмечает А.Ю. Виноградов, «чтобы воинская часть могла находиться в постоянной готовности к

выполнению стоящих перед ней задач, она нуждается не только в боевой технике, вооружении и других средствах ведения войны, но также и в удовлетворении материально-бытовых и культурных потребностей личного состава, а также в обеспечении правильной эксплуатации закрепленных за ней средств ведения войны, то есть в постоянном материально-бытовом обеспечении своей повседневной деятельности. В этих целях военные организации вынуждены непосредственно участвовать в имущественном обороте, например, заключать договоры энергоснабжения, поставки хлеба, подряда и т. п. И хотя такая деятельность не характерна для военных организаций, но является жизненной необходимостью, поскольку обеспечивает возможность достижения тех целей, для которых они создаются¹¹.

В настоящий момент, при переходе к рыночным отношениям, уже невозможно отрицать участие военных организаций в гражданских правоотношениях. Так, как справедливо отмечает Е.А. Свининых, военные организации Вооруженных Сил Российской Федерации являются одними из основных государственных заказчиков по сумме заключаемых контрактов¹².

Л.Н. Сморчкова указывает, что каждая военная организация на постоянной основе осуществляет хозяйственную деятельность – как для достижения поставленных перед нею целей и задач в общей системе обеспечения обороны страны и безопасности государства, так и для удовлетворения собственных нужд как автономно функционирующей боевой, административной и юридической единицы¹³.

Прежде всего, необходимо наличие правовой основы, регулирующей вопросы создания и функционирования данной группы юридических лиц, учитывающей их специфику, что, к сожалению, в настоящий момент отсутствует.

Как справедливо отмечает А.Ю. Виноградов¹⁴, воинские части, в отличие от остальных юридических лиц, созданы не для участия в гражданских правоотношениях, которое носит для них вспомогательный по отношению к основной деятельности характер... Целью создания юридических лиц – военных организаций является не занятие приносящей доход деятельности, а материально-бытовое обеспечение их деятельности.

Таким образом, одним из факторов, определяющих особенности правового положения военных организаций в качестве юридических лиц, является специфика цели их создания в данном качестве – она является вспомогательной по отношению к основной для них деятельности – обеспечение безопасности Отечества.

Кроме того, воинские части обладают некоторыми специфическими признаками (благодаря наличию которых они становятся участниками специальных военно-административных отношений):

– финансирование исключительно за счет средств федерального бюджета Российской Федерации;

– самостоятельность воинской части, которая проявляется, прежде всего, в боевой деятельности. Как следствие этого, воинская часть обладает необходимой для этого административно-хозяйственной самостоятельностью;

– регулирование повседневной деятельности воинских частей специальными военно-административными актами – общевоинскими уставами и уставами отдельных родов войск;

– наличие Боевого Знамени воинской части и связанный с этим особый порядок формирования воинской части и специфическое (более нигде не присутствующее) основание для расформирования воинской части;

– наличие двойного собственного наименования (действительного и условного)¹⁵.

Следует обратить внимание на то, что и дореволюционное законодательство отмечало «двойственный» характер правовой природы юридических лиц – военных организаций.

Так, Указом Сената 1910 г. № 3124 устанавливалось, «что войсковые хозяйственные правления действуют не только в качестве представителя сего войска, как юридического лица, владеющего и распоряжающегося известным имуществом и вступающего по поводу этого имущества в договоры и сделки с частными лицами, но и в качестве представителя войска, как особого государственного учреждения, а при таких условиях областные войсковые и войсковые хозяйственные управления в отношении разного рода взысканий по договорам об аренде войсковых оброчных статей должны пользоваться теми же правами, которыми пользуется казна»¹⁶.

Помимо двойственной правовой природы рассматриваемых образований, необходимо отметить еще и отсутствие права собственности на закрепленное за военной организацией – юридическим лицом имущество. Автор согласен с позицией В.В. Бараненкова, который отмечает, что военные организации могут либо сами быть юридическими лицами, либо являться структурными подразделениями юридических лиц. Абсолютно преобладающей организационно-правовой формой юридического лица для существующих военных организаций является учреждение, одновременно с этим существует и ряд военных организаций, созданных в форме унитарных предприятий¹⁷.

Согласно положениям действующего законодательства ни унитарное предприятие, ни учреждение не наделены правом собственности на закрепленное за ними имущество (ст.ст. 113, 123.21 ГК РФ). Применительно к юридическим лицам – военным организациям данное имущество находится в федеральной собственности.

Гражданское законодательство построено на принципе диспозитивности, однако специфика назначения военных организаций, цели их создания – обеспечение безопасности населения и обороноспособности государства, целостной неприкосновенности территории России, защиты ее суверенитета и границ – заставляют задуматься о возможности и целесообразности участия военных организаций в гражданских правоотношениях на основе данного принципа. Так, некоторые ученые указывают на необходимость преобладания при регулировании имущественных и иных отношений с участием военных организаций не диспозитивных норм, свойственных гражданскому (частному) праву, а императивных; при заключении договоров должны превалировать не равенство субъектов правоотношения и свободное волеизъявление, а интересы обороны и безопасности и т. п.¹⁸

Данная позиция представляется небезосновательной, вместе с тем, искоренение основного принципа гражданского права при участии в хозяйственных правоотношениях военных организаций представляется несколько радикальным. Разумеется, поскольку участие в гражданском обороте носит лишь второстепенный, вспомогательный характер по отношению к основной цели военных организаций, правовое регулирование в данной сфере должно строиться с учетом защиты интересов рассматриваемых субъектов исходя из их целевого предназначения. Однако это вовсе не является основанием построения хозяйственных связей на принципах преимущественно императивных норм. Совершенно не обязательно в целях защиты интересов военных организаций – участников гражданских правоотношений устранять принципы равенства субъектов правоотношений, свободы волеизъявления, свободы договора и др. В данной связи уместно вспомнить о принципе добросовестной конкуренции – представляется, что установление дополнительных критериев для контрагентов военных организаций не будет рассматриваться как ограничение диспозитивности, а лишь послужит повышению уровня оказания услуг (выполнения работ, качества товаров). Нельзя же рассматривать институт лицензирования отдельных видов деятельности как устранение принципа равенства субъектов гражданских правоотношений?

В то же время необходимость более четкого правового регулирования участия военных организаций в гражданских отношениях, в том числе в направлении ужесточения контроля за выбором контрагентов, является очевидной.

Изложенный выше материал позволяет установить следующие особенности правового положения военных организаций – юридических лиц как участников гражданских правоотношений:

1. Военные организации выступают в двух качествах: в сфере военно-административных отношений – как субъекты военного права и в сфере гражданско-правовых отношений – как участники хозяйственного оборота.

2. Следствием данного положения является регулирование деятельности военных организаций нормами не только гражданского, но и административного, военного и бюджетного законодательства.

3. Гражданская правосубъектность военных организаций – юридических лиц является специальной и ограничивается целями деятельности. Придание им статуса юридического лица необходимо, прежде всего, для легального участия в гражданском обороте в целях материально-бытового и технического обеспечения их деятельности.

4. Осуществляемая военными организациями как участниками гражданского оборота деятельность не является основной для них и должна быть строго регламентирована, т. е. должен действовать принцип «разрешено все то, что прямо установлено учредительными документами».

5. Военные организации как субъекты военного права имеют строго иерархичную систему управления и, в отличие от иных юридических лиц, зависимы от органов государственной власти. Так, например, Президент Российской Федерации утверждает структуру, состав Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований до объединения включительно...¹⁹.

6. Деятельность военных организаций неразрывно связана с соблюдением законодательства о государственной тайне.

7. Военные организации – юридические лица не наделены правом собственности на закрепленное за ними имущество. Данное имущество находится в федеральной собственности, что требует особо тщательного правового регулирования при его использовании.

8. Специфика целей создания и деятельности военных организаций предопределяет особый подход к правовому регулированию их участия в гражданских правоотношениях; в частности, является дискуссионным вопрос о возможности осуществления ими хозяйственной деятельности при использовании принципа диспозитивности в полном объеме.

Библиографический список

Монографии, учебники, учебные пособия

1. *Бараненков, В.В.* Юридическая личность военных организаций [Текст] : моногр. / В.В. Бараненков. – М., 2008.

2. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывать Главного Штаба и прочих Главных Управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам сь 1859 по 1911 г. : в двух книгах / сост. К. Патинь. – СПб. : Русская Скоропечатня.

Диссертации и авторефераты

1. *Виноградов, А.Ю.* Гражданская правосубъектность воинской части [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук. / А.Ю. Виноградов. – М., 2000.

2. *Загорский, М.Г.* Военные организации как участники арбитражного процесса [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / М.Г. Загорский. – М., 1998.

3. *Манов, В.В.* Воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации как участник гражданских правоотношений [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Манов. – М., 2000.

4. Сморгцова, Л.Н. Правовой режим имущества, полученного организациями Пограничной службы Российской Федерации за счет внебюджетных источников [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Л.Н. Сморгцова. – М., 2002

Статьи из журналов

1. Брагинский, М.И. Юридические лица // Хозяйство и право. – 1998. – № 3.
2. Першин, А.А. Где точка отсчета? // Вестн. границы России. – 2003. – № 1. – 2. С. 106.
3. Свининных, Е.А. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации) // Военно-юрид. журн. – 2014. – № 7.
4. Сморгцова, Л.Н. Вопросы осуществления хозяйственной деятельности военных организаций в отношении федерального имущества // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 2.
5. Старцун, В.Н. Вопросы участия военных организаций в гражданских правоотношениях // ЭНИ «Военное право». – 2014. – Вып. 1.
6. Терешкович, С.В. О правовом понятии «военная организация» // Право в Вооруженных Силах. – 2005. – № 10. – С. 75.
7. Шестаков, А. Гражданско-правовая природа воинской части // Законность. – 2000. – № 2.

Электронные ресурсы

Бараненков, В.В. Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru/node/4372>.

¹ Рецензент – Л.Н. Сморгцова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Национальный институт бизнеса».

² Загорский М.Г. Военные организации как участники арбитражного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Манов В.В. Воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации как участник гражданских правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

³ Сморгцова Л.Н. Правовой режим имущества, полученного организациями Пограничной службы Российской Федерации за счет внебюджетных источников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 36.

⁴ Терешкович С.В. О правовом понятии «военная организация» // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 10. С. 75 – 76.

⁵ См., напр.: Першин А.А. Где точка отсчета? // Вестн. границы России. 2003. № 1 – 2. С. 106.

⁶ Старцун В.Н. Вопросы участия военных организаций в гражданских правоотношениях [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2014. Вып. 1. URL: <http://www.voennopravo.ru>.

⁷ Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций. М., 2008. С. 101.

⁸ Брагинский М.И. Юридические лица // Хозяйство и право. 1998. № 3. С. 12.

⁹ См., напр.: Кассационная жалоба на решение Арбитражного суда Республики Коми от 7 июля 2000 г. по делу № А 29-1964/ООЭ.

¹⁰ Виноградов А.Ю. Гражданская правосубъектность воинской части : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

¹¹ Там же.

¹² Свининных Е.А. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации) // Военно-юрид. журн. 2014. № 7.

¹³ *Сморчкова Л.Н.* Вопросы осуществления хозяйственной деятельности военных организаций в отношении федерального имущества // *Право в Вооруженных Силах*. 2012. № 2.

¹⁴ *Виноградов А.Ю.* Указ. соч.

¹⁵ *Шестаков А.* Гражданско-правовая природа воинской части // *Законность*. 2000. № 2; *Виноградов А.Ю.* Указ. соч.

¹⁶ Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного Штаба и прочих Главных Управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам с 1859 по 1911 г.: в двух книгах / сост. К. Патинь. СПб. С. 766.

¹⁷ *Бараненков В.В.* Понятие, виды и правовая сущность военных организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/4372>.

¹⁸ *Старцун В.Н.* Указ. соч.

¹⁹ Подпункты 11, 12 п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. «Об обороне».

Гражданско-правовая ответственность военнослужащих и военных организаций за коррупцию¹

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы применения мер гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения, показана необходимость ратификации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 4 ноября 1999 г.

Ключевые слова: противодействие коррупции; гражданско-правовая ответственность; Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

KorykinV.M.,
Doctor of Law, Professor Military University,
korjakinmiit@rambler.ru

Civil liability of military personnel and military organizations for corruption

The article considers the problems of application of measures grazhdansko-legal responsibility for corruption offences, the necessity of ratification by the Russian Federation of the Convention of the Council of Europe civil law Convention on corruption (ETS No. 174), 4 November 1999.

Key words: corruption; civil liability; the Council of Europe Convention on civil liability for corruption.

Вопросы применения гражданско-правовых средств в работе по противодействию коррупции в военной организации государства не нашли достаточного отражения в научной литературе. В большинстве публикаций на данную тему речь чаще всего идет об административно-правовых и уголовно-правовых средствах борьбы с коррупцией. Между тем, как показывает практика антикоррупционной деятельности многих стран, при правильном и умелом применении гражданско-правовые средства вкупе с иными способами и средствами могут стать весьма действенным инструментом противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В научной и учебной литературе гражданско-правовые коррупционные деликты трактуются в большинстве случаев следующим образом².

К гражданско-правовым коррупционным правонарушениям, совершаемым военнослужащими, во многих публикациях предлагается относить обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями нарушения правил дарения, предусмотренные ст. 575 ГК РФ, согласно которой не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает 3 тыс. руб.:

а) работникам военных образовательных, медицинских, санаторно-курортных учреждений, организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных им организаций

военнослужащими и гражданами, находящимися в них на лечении, обучении или воспитании, супругами и родственниками этих граждан;

б) государственным служащим, в том числе военнослужащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

Кроме того, к числу гражданско-правовых коррупционных деликтов данная точка зрения относит нарушения, связанные с предоставлением услуг, предусмотренных гл. 39 ГК РФ (услуги связи, медицинские, аудиторские, консультационные, информационные, образовательные услуги и др.). Коррупционными указанные деяния признаются в том случае, когда они сопряжены с использованием военнослужащим своего служебного положения и имеют корыстную направленность.

Однако данный подход к определению понятия «гражданско-правовое коррупционное правонарушение» является не вполне адекватным, поскольку он не охватывает всего спектра возможных нарушений корыстного характера, которые могут иметь место при совершении гражданско-правовых сделок с участием военнослужащих и военных организаций, в частности при заключении и исполнении такой специфической формы гражданско-правового договора, как государственный контракт.

Правомерность включения в число гражданско-правовых коррупционных деликтов нарушений правил дарения, предусмотренных ст. 575 ГК РФ, вызывает вполне обоснованное сомнение. Дело в том, что гражданское правонарушение предполагает наступление гражданско-правовой ответственности для лица, его совершившего. В случае же нарушения запрета на получение подарков, стоимость которых превышает 3 тыс. руб., государственный служащий (военнослужащий) привлекается не к гражданской, а к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения со службы, а если подарок будет квалифицирован как взятка – то и к уголовной ответственности. Кроме того, гражданско-правовой деликт имеет следствием причинение потерпевшей стороне имущественного либо неимущественного вреда. В случае с нарушением правил дарения вред причиняется интересам государственной (военной) службы, т. е. публичным интересам, что не имеет отношения к гражданско-правовым отношениям, носящим частноправовой характер. Следовательно, в данном случае хотя и имеет место нарушение норм, предусмотренных гражданским законодательством, однако правовые последствия данного правонарушения и ответственность за его совершение регулируются не гражданским, а публичным (административным, уголовным и др.) правом.

В связи с изложенным более правильным и адекватным будет такое определение: *гражданско-правовое коррупционное правонарушение* представляет собой действия участников гражданско-правового оборота, в том числе с использованием властных полномочий, направленные на неправомерное получение конкурентных преимуществ по отношению к иным участникам гражданского оборота, влекущие причинение им убытков либо причинение иного вреда имущественного или неимущественного характера и караемые мерами гражданско-правовой ответственности.

Сделки, заключение которых сопряжено с совершением коррупционных правонарушений, признаются судом недействительными в установленном законом порядке. Совершенные в результате коррупционных правонарушений акты могут быть аннулированы органом или должностным лицом, уполномоченным на принятие или отмену соответствующих актов, или судом по иску заинтересованных физических или юридических лиц или прокурора.

Исходя из изложенного, правомерен вывод, что гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения, являясь видом юридической ответственности, обладает как общеродовыми признаками юридической ответственности, так и своими видовы-

ми особенностями, обусловленными особым предметом и методом регулирования гражданских правоотношений. Эти особенности находят свое выражение в следующем:

– *во-первых*, гражданско-правовая ответственность имеет имущественный характер, причем в имущественной форме компенсируются и нарушения личной неимущественной сферы потерпевшего (например, возмещение вреда, причиненного здоровью; возмещение морального вреда и др.);

– *во-вторых*, связанные с гражданско-правовой ответственностью негативные последствия имеют правоустановительный (компенсационный) характер, т. е. направлены на восстановление положения потерпевшего, которое существовало до момента нарушения его субъективных гражданских прав, и поэтому имущественные санкции, возлагаемые на правонарушителя, осуществляются в пользу потерпевшей стороны;

– *в-третьих*, гражданско-правовая ответственность представляет собой ответственность одного субъекта правоотношения перед другим субъектом, т. е. правонарушителя перед потерпевшим (в отличие, например, от уголовной или административной ответственности, когда правонарушитель несет ответственность перед государством или уполномоченным им органом). Данная особенность обусловлена одним из важнейших принципов гражданского права – равное правовое положение и независимость (автономность) субъектов гражданских правоотношений;

– *в-четвертых*, негативные последствия гражданского правонарушения могут быть устранены добровольно самим правонарушителем, т. е. гражданско-правовая ответственность может реализовываться и без участия компетентных государственных органов и третьих лиц;

– *в-пятых*, размер гражданско-правовой ответственности, как правило, соответствует размеру причиненного вреда или убытков. В этом отличительном признаке наиболее четко проявляется цель гражданско-правовой ответственности – восстановление имущественных прав потерпевшего;

– *в-шестых*, гражданское законодательство содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за невиновное поведение, т. е. за случай (казус), что осуществляется в целях надлежащего обеспечения интересов наименее защищенного в конкретном гражданско-правовом отношении субъекта (потерпевшего), а также в целях стимулирования участников гражданско-правовых отношений к принятию мер по сведению к минимуму возможности причинения вреда³.

Изложенное позволяет определить *гражданско-правовую ответственность* за коррупционное правонарушение как установленные условиями договора или правовой нормой негативные последствия имущественного характера, применяемые в особой процессуальной форме с опорой на государственное принуждение к лицу, совершившему коррупционное правонарушение, в целях восстановления или компенсации нарушенных материальных или нематериальных прав и благ потерпевшего.

Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения является одним из важнейших гражданско-правовых средств противодействия коррупции. Исходя из этимологического содержания термина «средство» (прием, способ действия для достижения чего-нибудь; орудие, предмет, совокупность приспособлений для осуществления какой-нибудь деятельности)⁴, можно сделать вывод, что *гражданско-правовые средства* предупреждения коррупции представляют собой нормативно-правовые предписания, содержащиеся в гражданском законодательстве, регламентирующие приемы, способы противодействия коррупционным проявлениям, возникающим в гражданско-правовых отношениях, в целях устранения данных проявлений или минимизации их последствий. Специфика применения этих средств обусловлена основными началами гражданского законодательства: равенство участников регулируемых им отношений; неприкосновенность собст-

венности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Как отмечается в научных публикациях, гражданское право изначально не преследует цели репрессивного воздействия на правонарушителя, а потому гражданско-правовые санкции направлены преимущественно на восстановление положения, предшествовавшего правонарушению, имеют ярко выраженный компенсаторно-восстановительный, а не карательный характер, ориентированы на полное возмещение причиненного вреда. Гражданско-правовые средства и гражданское законодательство самостоятельно не регулируют и не разрешают вопросы о выявлении и пресечении коррупционных правонарушений, а играют вспомогательную роль в восстановлении правового положения, предшествовавшего их совершению, содействуют наиболее полному возмещению причиненного вреда⁵.

К числу мер гражданско-правовой ответственности военнослужащих и военных организаций за коррупцию можно отнести:

а) возложение на виновных лиц обязанности возместить вред, причиненный актом коррупции (в том числе путем предъявления гражданского иска в уголовном деле);

б) возмещение убытков, понесенных потерпевшей стороной в результате акта коррупции;

в) признание недействительными сделок, совершенных с признаками коррупции, с последующим применением последствий их недействительности⁶;

г) изъятие (конфискация) у правонарушителя в доход государства имущества, полученного в результате акта коррупции, доходов, законное происхождение которых военный чиновник не может доказать. Данная мера предусмотрена подп. 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ, где закреплено правило об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы по законодательству о противодействии коррупции⁷.

Для того чтобы перечисленные выше и иные формы гражданско-правовой ответственности за коррупцию применялись в нашей стране на законных основаниях, важное значение имеет положительное решение вопроса о ратификации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 4 ноября 1999 г.

Данный акт международного права рекомендует государствам, ратифицировавшим данную Конвенцию, установить санкции за коррупционные преступления гражданско-правового и гражданско-процессуального характера. В соответствии со ст. 5 Конвенции лица, понесшие ущерб от коррупции, имеют право на полную его компенсацию путем возмещения материального ущерба, потери доходов. При этом ответчиком выступает как сам коррупционер, так и государство. Конвенция предусматривает также ответственность юридических лиц за коррупционные преступления (напомним, что в отечественном праве ответственность юридических лиц может наступать только в рамках гражданского права, с возможностью ликвидации юридического лица. Кроме того, юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности).

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию направлена на формирование в законодательстве стран, ее ратифицировавших, «эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющих им защищать свои права и интересы, включая возможность получения компенсации за ущерб». Конвенция предусматривает, что ущерб возмещается в полном объеме, включая упущенную выгоду и моральный вред, а также возможность требовать возмещения вреда не только от должностного лица, совершившего акт коррупции, но и от государства.

Для возмещения вреда ст. 4 указанной Конвенции предусматривает наличие трех условий:

- а) ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные шаги для его предотвращения;
- б) истец понес ущерб;
- в) существует причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом.

При этом объем возмещения вреда может быть уменьшен или может быть отказано в его возмещении, если истец сам способствовал причинению ущерба или его усугублению. Положения вышеназванной Конвенции направлены на закрепление в национальном законодательстве положений о недействительности сделок, каким-либо образом связанных с коррупцией.

А.Н. Морозов, говоря о перспективах присоединения Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, предлагает две возможные модели приведения российского законодательства в соответствие с требованиями данного международного документа⁸.

Первая модель основана на том, что Россия приводит свое законодательство в соответствие с требованиями Конвенции после присоединения к ней. Такой подход утвердился в международном праве и полностью соответствует предписаниям Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., а также договорной практике государств. Как предусмотрено ст. 26 Венской конвенции, каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

В рамках второй модели государство может заранее подготовиться к присоединению к названной Конвенции и одновременно внести необходимые коррективы в национальное законодательство. Однако реализация такой модели возможна лишь в случае, если будут приняты все необходимые решения относительно участия в Конвенции.

Обе модели имеют свои плюсы и минусы. Применительно к первой модели возможно затягивание сроков принятия необходимого законодательства, что негативно отразится на эффективности указанной выше Конвенции и в том числе на выполнении международных обязательств, из нее проистекающих. В случае же применения второй модели возможно изменение в соответствующем направлении внешней политики государства, включая участие в тех или иных международных договорах, и, как следствие, принятие решения, например, о неучастии в Конвенции. Государство также вправе реципировать положения Конвенции в свое законодательство вообще без участия в ней. Однако в этом случае государство лишается внешнеполитических выгод и преимуществ на международной арене вследствие неучастия в Конвенции.

Нормы гражданского права могут и должны образовать дополнительный правовой инструмент противодействия коррупции, который применим в единстве с нормами уголовного, административного права и иных отраслей права. Создание соответствующих правовых условий для полного и всеобъемлющего внедрения мер гражданско-правовой ответственности за коррупцию является одним из перспективных направлений совершенствования антикоррупционной деятельности в военной организации государства.

Библиографический список

1. *Воропаев, Д.А.* Вопросы недействительности гражданско-правовых сделок, совершенных с признаками коррупции [Текст] / Д.А. Воропаев, В.М. Корякин // Юрист. – 2014. – № 6.
2. *Корякин, В.М.* Полномочия военного прокурора по контролю за расходами военнослужащих и иных лиц, обязанных представлять сведения о расходах [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 11.

3. Максимов, С.В. Мониторинг уголовной политики: глоссарий и инструментарий [Текст] / С.В. Максимов. – М., 2009. – 73 с.

4. Морозов, А.Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [Текст] / А.Н. Морозов // Журн. рос. права. – 2014. – № 3.

5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.

6. Противодействие коррупции в военной организации государства [Текст] / под общ. ред. А.В. Кудашкина. – М.: За права военнослужащих, 2012. – 160 с.

7. Противодействие коррупции в Российской Федерации [Текст] : учеб. / под ред. А.И. Землина, В.М. Корякина. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. – 336 с.

8. Синицын, С.А. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений [Текст] / С.А. Синицын, Е.В. Позднышева // Законодательство и экономика. – 2015. – № 5.

9. Сурков, А.Н. Гражданское право и система военного управления [Текст] : моногр. / А.Н. Сурков. – М. : ВАГШ, 2006. – 416 с.

---

¹ Рецензент – А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор.

² Максимов С.В. Мониторинг уголовной политики: глоссарий и инструментарий. М., 2009. С. 17; Противодействие коррупции в военной организации государства / под общ. ред. А.В. Кудашкина. М., 2012. С. 70; Противодействие коррупции в Российской Федерации : учеб. / под ред. А.И. Землина, В.М. Корякина. Изд. 2-е, доп. и перераб. Воронеж, 2014. С. 204 – 205.

³ Сурков А.Н. Гражданское право и система военного управления : моногр. М., 2006. С. 308 – 309.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 660.

⁵ Синицын С.А., Позднышева Е.В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5.

⁶ Воропаев Д.А., Корякин В.М. Вопросы недействительности гражданско-правовых сделок, совершенных с признаками коррупции // Юрист. 2014. № 6.

⁷ Корякин В.М. Полномочия военного прокурора по контролю за расходами военнослужащих и иных лиц, обязанных представлять сведения о расходах // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 11.

⁸ Морозов А.Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Журн. рос. права. 2014. № 3.

Кудашкин А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Военного университета,
kud64@mail.ru;
Аксенова Т.Г.,
доцент кафедры гражданского права
Военного университета

Члены семьи военнослужащего – кто они?

(к вопросу о конкуренции правовых норм в жилищных отношениях с участием
военнослужащих)

Несмотря на неоднократное обращение к указанной в названии теме¹, ее актуальность и практическая значимость не утрачены.

Применительно к жилищным правоотношениям с участием военнослужащих понятие «член семьи» имеет определенные особенности и сложности в практической деятельности должностных лиц военных организаций.

С одной стороны, согласно п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» к членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются социальные гарантии и компенсации, предусмотренные указанным Федеральным законом, а также другими федеральными законами, относятся:

- супруга (супруг);
- несовершеннолетние дети;
- дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет;
- дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения;
- лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

Приведенная выше общая дефиниция применяется ко всем правоотношениям с участием военнослужащих.

С другой стороны, жилищное и иное законодательство также оперирует понятием «член семьи», которое, однако, имеет определенную дифференциацию в зависимости от содержания регулируемых правоотношений.

Как известно, в семейном законодательстве нет общего определения семьи. Понятие семьи имеет скорее социологический характер, чем правовой. В различных правовых актах понятие семьи² связано с установлением круга членов семьи, образующих ее состав, а также с личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы семейных отношений.

В некоторых публикациях указывается, что семья – это круг лиц, объединенных взаимными личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, возникающими из брака, родства и принятия детей на воспитание в предусмотренных законом формах (опека, попечительство, усыновление, приемная семья и т. д.)³.

Круг членов семьи, связанных правами и обязанностями, по-разному определяется в зависимости от целей правового регулирования в различных отраслях права – семейном, гражданском, жилищном, военном и т. д.

В практике деятельности органов военного управления, воинских частей и организаций, органов местного самоуправления очень часто возникает вопрос, какое содержание

вкладывается в понятие «член семьи» применительно к жилищным правам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих» жилищные льготы распространяются на указанных в нем членов семей военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, если иное не предусмотрено другими федеральными законами. Также круг членов семьи военнослужащего может быть расширен указами Президента Российской Федерации.

О каком ином законодательстве идет речь применительно к жилищным отношениям с участием военнослужащих? Прежде всего, речь идет о ЖК РФ.

Так, ЖК РФ, в отличие от ранее действовавшего ЖК РСФСР, дифференцирует состав членов семьи нанимателя в зависимости от вида договора найма.

Согласно ст. 69 ЖК РФ к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. В исключительных случаях иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке.

Круг лиц, относящихся к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования⁴, определен в ст. 91.8 ЖК РФ. Прежде всего, к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования относятся постоянно проживающие совместно с нанимателем его супруг, дети и родители нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они вселены нанимателем в качестве членов своей семьи.

По сравнению с членами семьи нанимателя по договору социального найма (ст. 69 ЖК РФ) отличия заключаются в следующем: во-первых, в ст. 91.8 ЖК РФ появился квалифицирующий признак – требование к членам семьи нанимателя: они должны постоянно проживать с нанимателем; в то же время перечень таких лиц сохранился; во-вторых, несколько изменились требования к другим родственникам, нетрудоспособным иждивенцам и иным гражданам: такие лица обязательно должны быть вселены нанимателем в качестве членов его семьи, но не обязаны доказывать, что они ведут с ним общее хозяйство (данное обстоятельство обусловлено новым правовым режимом рассматриваемых жилых помещений, занимающих среднее положение между жилыми помещениями, предоставляемыми по договору социального найма, и жилыми помещениями, предоставляемыми по договору коммерческого найма).

Члены семьи нанимателя жилого помещения по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования должны быть указаны в таком договоре и имеют права и обязанности, установленные для членов семьи нанимателя по договору социального найма.

Также следует отметить, что Федеральный закон «О статусе военнослужащих» состав членов семьи военнослужащего применительно к жилищным правоотношениям не дифференцирует. Но тогда неизбежно возникает вопрос: какое законодательство и когда применяется?

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями *в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами*

и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» отмечается, что при рассмотрении исков военнослужащих, связанных с осуществлением ими права на жилище, необходимо иметь в виду, что *основания и порядок обеспечения военнослужащих жильем регулируются как нормами Федерального закона «О статусе военнослужащих», так и нормами ЖК РФ, принятыми в соответствии с данным Кодексом другими федеральными законами, а также изданными в соответствии с ними указами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления* (п. 25).

Следует отметить, что в соответствии с различными отраслями российского законодательства круг лиц, включенных в понятие «член семьи», подчас существенно различается. Так, например, одни и те же субъекты (скажем, родители и дети) согласно нормам семейного права будут являться членами одной семьи (ст. 2 СК РФ), а согласно жилищному законодательству могут быть отнесены к членам одной семьи только при условии их совместного проживания (ст. 69 ЖК РФ).

С одной стороны, применение на практике (в жилищных правоотношениях) понятия «член семьи» в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», который определенно очерчивает круг таких лиц, фактически сужает круг лиц, которые совместно с военнослужащим могут реализовать свои жилищные права. С другой стороны, применение иного законодательства (имеется в виду жилищное законодательство) круг лиц, включенных в понятие «член семьи», расширяет, что не всегда отвечает интересам военных организаций при принятии решения о выделении конкретного жилого помещения (чаще всего данная ситуация возникает при принятии решения о размере площади выделяемого жилого помещения).

По нашему мнению, в жилищных правоотношениях с участием военнослужащих должен применяться расширительный подход, т. е. необходимо не ограничиваться только применением п. 5 ст. 2 указанного Федерального закона, но и применять собственно жилищное законодательство (соответствующие нормы ЖК РФ, а в необходимых случаях и иные нормы, в том числе подзаконные, которые в то же время не должны противоречить федеральному законодательству).

Рассмотрим на конкретном примере нюансы применения жилищного законодательства.

Жилищной комиссией воинской части было принято решение о предоставлении подполковнику Ш. (состоял в очереди нуждающихся в улучшении жилищных условий с 1998 г.) и членам его семьи (мать, жена, сын) однокомнатной квартиры общей площадью 40,8 квадратного метра по договору социального найма с учетом занимаемого жилого помещения (однокомнатной квартиры) площадью 38,3 квадратного метра. Таким образом, в пользовании семьи при реализации такого решения должны будут находиться две однокомнатные квартиры общей площадью 79,1 квадратного метра, по 19,7 квадратного метра на человека, что формально соответствует норме предоставления – 18 квадратных метров на человека (ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

В то же время у жилищной комиссии возникли проблемы с оценкой правовой ситуации по составу членов семьи Ш. – с учетом его матери или без нее. Такая неопределенность породила противоречивые решения, принимаемые жилищной комиссией. В одном случае Ш. распределялась двухкомнатная квартира общей площадью 61,2 квадратного метра на семью, состоящую из трех человек (он, его жена и сын). Впоследствии это решение было отменено, а жена и сын Ш. были признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий.

В конечном итоге было принято решение о предоставлении однокомнатной квартиры Ш. и его сыну. Исходя из смысла принятого решения жена Ш. должна была проживать с его матерью в ранее занимаемой ими квартире.

При определении площади предоставляемого жилья жилищная комиссия руководствовалась ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ч. 1 ст. 58 и ч. 1 ст. 57 ЖК РФ, Законом г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 «Об обеспечении права жителей г. Москвы на жилые помещения». Однако данные нормы были истолкованы членами жилищной комиссии без учета их взаимосвязи и системности в применении жилищных норм, а формальное применение указанных норм привело к принятию жилищной комиссией решения, нарушившего права Ш. и членов его семьи.

Так, ч. 1 ст. 58 ЖК РФ предусмотрено, что при предоставлении жилых помещений по договорам социального найма заселение одной комнаты лицами разного пола, за исключением супругов, допускается только с их согласия. Аналогичная норма есть и в вышеназванном Законе г. Москвы. Формально принятое жилищной комиссией решение не нарушает эту норму, так как договор в отношении выделенной квартиры должен быть заключен с Ш. и его сыном, а в ранее занимаемом жилком помещении должны проживать мать и жена Ш.

Однако муж и жена, являясь членами одной семьи, при таком решении вопроса должны проживать раздельно. В то время как мать и жена Ш., напротив, не являются членами одной семьи, поскольку жена Ш. была вселена к мужу, а не к его матери.

Следует отметить, что в данном случае произошло смешений нескольких понятий «семья». Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики»⁵ оперирует такими понятиями, как «простая семья», состоящая из супругов с детьми или без них, и «сложная семья», включающая две или более супружеские пары (и не только; по нашему мнению, в состав такой семьи могут также входить отдельные лица, связанные родственными отношениями). В данном случае в социологическом плане круг лиц, входящих в семью, может быть довольно широким. Но в юридическом смысле такой круг не может быть расширен произвольно, в конкретных правоотношениях должны быть проведены детальная оценка фактически сложившихся отношений и их определение в качестве квалифицирующих признаков для наступления определенных правоотношений.

В данном случае, как было отмечено ранее, жилищная комиссия, рассматривая вопрос о жилищном обеспечении подполковника Ш., недостаточно глубоко исследовала вопрос о составе семьи заявителя.

Согласно ч. 1 ст. 69 ЖК РФ к членам семьи нанимателя жилого помещения относятся *проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители* данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя, если они *вселены* нанимателем *в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство*.

Как показало исследование обстоятельств дела, жена Ш., его сын никогда не проживали в квартире, в которой они зарегистрированы по месту жительства и в которой фактически проживала мать Ш. Следовательно, они и не вели с нанимателем, которым является мать Ш., общего хозяйства. При таких обстоятельствах они не приобрели самостоятельного права пользования вышеуказанным жилым помещением. Ссылаясь на данные положения закона, мать Ш. как наниматель имеет потенциальное право признать свою невестку не приобретшей права пользования жилым помещением. При выбытии матери Ш. из жилого помещения с таким же требованием к жене Ш. может обратиться собственник жилого помещения. При такой ситуации положение жены Ш. является юридически уязвимым.

Кроме того, предоставление подполковнику Ш. однокомнатной квартиры с учетом состава его семьи и решение вопроса о расселении членов его семьи таким образом, чтобы не нарушались требования ст. 58 ЖК РФ (о недопустимости заселения лиц разного пола в одну комнату) нарушает их право на совместное проживание.

Таким образом, исходя из принципа признания равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений по владению, пользованию и распоряжению жилыми помещениями, если иное не вытекает из ЖК РФ, другого федерального закона или существа соответствующих отношений (ч. 1 ст. 1 ЖК РФ), подполковнику Ш. должна была быть предоставлена двухкомнатная квартира в соответствии с нормой предоставления на трех человек с учетом положений ст. 58 ЖК РФ.

Библиографический список

1. Гришаев, С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.П. Гришаев. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Жилищное право [Текст] : учеб. / под общ. ред. А.В. Кудашкина. – М. : Воен. ун-т ; За права военнослужащих, 2014. – 272 с.

3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учеб.-практ.) (постатейный) / под ред. С.А. Степанова. – М. : Проспект ; Ин-т частного права, 2015.

4. Кудашкин, А.В. Влияние новелл жилищного законодательства на жилищно-правовые институты военного права, или Будут ли военнослужащие жить в наемных домах? (Краткий комментарий изменений жилищного законодательства) [Текст] / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 9.

---

¹ См., напр.: Кудашкин А.В. Члены семьи – кто они? // Право в Вооруженных Силах. 1997. № 7; Жилищное право : учеб. / под общ. ред. А.В. Кудашкина. М., 2014.

² См., например, ст. 2 СК РФ; ч. 1 ст. 31 ЖК РФ и др.

³ См., напр.: Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учеб.-практ.) (постатейный) / под ред. С.А. Степанова. М., 2015; Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ В данном случае речь идет о так называемом договоре коммерческого найма (см. подробнее: Жилищное право : учеб. / под общ. ред. А.В. Кудашкина. С. 80 – 102).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики».

Интеллектуальная собственность в составе конкурсной массы стратегического предприятия – должника

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы банкротства стратегических предприятий, деятельность которых связана с обеспечением обороны и безопасности Российской Федерации, а также особенности конкурсного производства в отношении таких предприятий. По мнению автора, в случае банкротства стратегических предприятий принадлежащие им исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности должны в полном объеме переходить к Российской Федерации, во избежание включения их в конкурсную массу и перехода к недобросовестным кредиторам.

Ключевые слова: стратегические предприятия, банкротство, конкурсная масса, результаты интеллектуальной деятельности.

Mishakov O.,

Judge of the 9th Arbitration Court of Appeal (Moscow)
Degree seeker, Department of Civil Law, Military University,
Ministry of Defense of the Russian Federation,
kaf-gp@mail.ru

Intellectual property as bankruptcy estate of strategic enterprise – debtor

This article discusses bankruptcy of strategic enterprises which activities are related to the defense and security of the Russian Federation, as well as bankruptcy proceedings of such enterprises. The author says the exclusive rights on intellectual property of bankrupted strategic enterprises should be completely transferred to the Russian Federation in order to prevent them from the bankruptcy estate and following transition to unscrupulous lenders.

Key words: strategic enterprise, bankruptcy, bankruptcy estate, results of intellectual activities.

Под стратегическими предприятиями и организациями (далее по тексту – стратегические предприятия) понимаются федеральные государственные унитарные предприятия и открытые акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности и которые осуществляют производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, а также иные организации в случаях, предусмотренных федеральным законом; организации оборонно-промышленного комплекса – производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работы по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа¹.

Например, ФГУП «Научно-технический центр оборонного комплекса “Компас”» (г. Москва), проводит научно-исследовательские работы по проблемам развития военной техники, оборонно-промышленного комплекса в рамках федеральных целевых программ, Государственной программы вооружения и Государственного оборонного заказа. К числу стратегических предприятий относится и ФКП «Пермский пороховой завод», являющееся крупнейшим российским предприятием оборонного комплекса, выпускающим в настоящее время современные системы вооружения, превосходящие мировые аналоги, в том числе заряды к реактивным системам залпового огня «Град» и «Смерч», комплексам ПВО и т. п. Перечень стратегических предприятий утвержден Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 2008 г. № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ».

Следует отметить, что четыре стратегических предприятия одновременно являются и субъектами военно-технического сотрудничества (АО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”» им. Ф.Э. Дзержинского, АО «Корпорация “Тактическое ракетное вооружение”», АО «Концерн ПВО “Алмаз-Антей”» и АО «Объединенная судостроительная корпорация»).

Допущение банкротства таких предприятий фактически будет означать подрыв обороноспособности государства.

Однако в условиях рыночной экономики возможно возникновение ситуаций, когда стратегическое предприятие окажется неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (например, налогов). Если соответствующие обязательства и (или) обязанности не будут исполнены в течение шести месяцев с даты, когда они должны быть исполнены, то в отношении стратегического предприятия могут быть начаты процедуры несостоятельности (банкротства), предусмотренные Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Для возбуждения производства по делу о банкротстве стратегических предприятий принимаются во внимание требования, составляющие в совокупности не менее чем один миллион рублей. Несмотря на то что § 5 гл. IX Закона о банкротстве предусмотрены особенности процедуры банкротства стратегических предприятий, имеющиеся специальные нормы недостаточно регламентированы и не защищают стратегические предприятия в должной степени.

Если арбитражным судом будет принято решение о признании стратегического предприятия банкротом, то такое признание влечет за собой открытие конкурсного производства.

При этом конкурсное производство стратегических предприятий имеет определенные особенности, в том числе в части продажи предприятия-должника. Так, согласно ст. 196 Закона о банкротстве продажа имущества, имущественных и иных прав, не входящих в имущественный комплекс должника, предназначенный для осуществления деятельности, связанной с выполнением работ по государственному оборонному заказу, обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации, может осуществляться в порядке, предусмотренном ст. 111 Закона о банкротстве, т. е. на торгах в электронной форме (при продаже недвижимого имущества, ценных бумаг, имущественных прав, заложенного имущества, предметов, имеющих историческую или художественную ценность, вещи, рыночная стоимость которой превышает пятьсот тысяч рублей, в том числе неделимой вещи, сложной вещи, главной вещи и вещи, связанной с ней общим назначением (принадлежности).

При наличии в составе имущества должника имущества, изъятого из оборота, конкурсный управляющий обязан уведомить об этом собственника изъятого из оборота имущест-

ва. Собственник изъятого из оборота имущества принимает от конкурсного управляющего это имущество или закрепляет его за другими лицами.

Все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу (п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве).

Следует отметить, что в научной литературе предлагаются иные формулировки понятия конкурсной массы. Так, например, Н.В. Усольцева считает, что «конкурсная масса – это правовой режим имущества должника, возникающий в момент открытия конкурсного производства и прекращающийся в момент его завершения, при котором все имущество должника, а также иные объекты гражданских прав, имеющиеся на момент открытия конкурсного производства, выявленные или приобретенные в ходе конкурсного производства, реализуются конкурсным управляющим в целях удовлетворения требований кредиторов»².

Из имущества должника, которое составляет конкурсную массу, исключаются имущество, изъятое из оборота, имущественные права, связанные с личностью должника, в том числе права, основанные на имеющейся лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, а также иное предусмотренное Законом о банкротстве имущество.

В научной литературе отмечается тот факт, что «законодатель вызывает понятие конкурсной массы с понятием имущества. Такой подход имеет длительную историю и оправдан теоретическим опытом, накопленным в сфере регулирования несостоятельности (банкротства). Так, в свое время Г.Ф. Шершеневич писал, что “конкурсная масса соответствует понятию об имуществе в юридическом смысле”»³.

В законодательстве легального определения понятия «имущество» не содержится. Однако исходя из содержания ст. 128 ГК РФ можно сделать вывод, что к имуществу законодатель относит вещи, включая деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность). При этом не можем согласиться с утверждением О.А. Поташник, согласно которому к имуществу следует относить также оказание услуг и нематериальные блага⁴, так как в ст. 128 ГК РФ перечисляются объекты гражданских прав, а не виды имущества.

Интеллектуальная собственность долгое время не включалась законодателем в состав объектов гражданских прав, что находило поддержку в научных трудах Е.А. Суханова, А.П. Сергеева, Н.В. Усольцевой и других ученых. Так, например, по мнению Н.В. Усольцевой, исключительные права не должны включаться в конкурсную массу, так как они не относятся к имущественным⁵.

По нашему мнению, следует согласиться с мнением Г.Ф. Шершеневича, который, говоря об исключительных правах, отмечал, что «ввиду имущественного характера подобных прав конкурсное управление не может быть лишено возможности извлечь из них пользу для конкурсной массы»⁶. Действительно, как и другие объекты гражданских прав, результаты интеллектуальной деятельности (исключительные права на них) могут иметь определенную стоимость, быть оценены и реализованы.

Возможность обращения взыскания на исключительные права (в частности, на исключительные права на произведение и на право использования произведения по лицензии) прямо предусмотрена в ст. 1284 ГК РФ, согласно которой на принадлежащее автору исключительное право на произведение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право

на конкретное произведение. На права требования автора к другим лицам по договорам об отчуждении исключительного права на произведение и по лицензионным договорам, а также на доходы, полученные от использования произведения, может быть обращено взыскание. Может быть обращено взыскание на исключительное право, принадлежащее не самому автору, а другому лицу, и на право использования произведения, принадлежащее лицензиату.

Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности могут быть предметом различных сделок, в том числе предметом залога (ст. 358.1 ГК РФ), вкладом в уставный капитал юридического лица и т. п. Так, согласно п. 1 ст. 66.1 ГК РФ вкладом участника хозяйственного товарищества или общества в его имущество могут быть денежные средства, вещи, доли (акции) в уставных (складочных) капиталах других хозяйственных товариществ и обществ, государственные и муниципальные облигации. Таким вкладом могут быть подлежащие денежной оценке исключительные, иные интеллектуальные права и права по лицензионным договорам, если иное не установлено законом.

Таким образом, в конкурсную массу должны включаться и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. При этом обращение взыскания на них возможно в одних случаях только в составе предприятия, в других – по отдельности.

В составе предприятия в ходе конкурсного производства реализуются те исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые неотделимы от предприятия как имущественного комплекса (ст. 132 ГК РФ), например право на фирменное наименование (п. 2 ст. 1474 ГК РФ). Аналогичная норма содержится в ст. 110 Закона о банкротстве, согласно которой при продаже предприятия отчуждаются все виды имущества, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе права на обозначения, индивидуализирующие должника, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), другие принадлежащие должнику исключительные права, за исключением прав и обязанностей, которые не могут быть переданы другим лицам. Соответственно в большинстве случаев исключительные права, входящие в состав предприятия, при банкротстве передаются вместе с самим предприятием. На иные объекты исключительных прав может быть обращено взыскание не только в составе предприятия, но и по отдельности.

Как отмечалось выше, если в состав стратегического предприятия, в отношении которого открыто конкурсное производство, входят объекты, изъятые из оборота, такие объекты исключаются из конкурсной массы и передаются собственнику. По нашему мнению, в отношении стратегических предприятий-должников, деятельность которых связана с обеспечением обороны и безопасности, следует законодательно закрепить норму об исключении из конкурсной массы и результатов интеллектуальной деятельности (исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности).

Это вызвано, во-первых, наличием особого гражданско-правового статуса стратегических предприятий, которые имеют особое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства. Особый гражданско-правовой статус этих субъектов определяется, прежде всего, спецификой их экономического положения и социальной значимостью, что делает нецелесообразным применение к ним общих положений конкурсного права, регламентирующих правовой статус обычных субъектов экономических отношений. Во-вторых, деятельность большинства стратегических предприятий в области обороны и безопасности связана с проведением научных исследований по разработке и совершенствованию новейших технологий создания современных образцов оружия и вооружения, с осуществлением прикладных исследовательских программ в интересах обеспечения обороны и безопасности, а следовательно, такие предприятия обладают большим количест-

вом результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые не всегда закрепляются за Российской Федерацией.

С учетом того что в отношении стратегических предприятий интересы должника совпадают с интересами государства по обеспечению обороноспособности и безопасности страны, в отношении таких предприятий законом должны быть предусмотрены особые гарантии и меры защиты. В случае банкротства стратегических предприятий принадлежащие им исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности должны в полном объеме переходить к Российской Федерации, во избежание включения их в конкурсную массу и перехода к недобросовестным кредиторам.

Библиографический список

1. *Поташник О.А.* Формирование, реализация и распределение конкурсной массы несостоятельного должника – организации в ходе конкурсного производства (правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.

2. *Усольцева Н.В.* Формирование и состав конкурсной массы // Рос. внешнеэконом. вестн. – 2007. – № 4.

3. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. – Казань, 1898.

¹ Статья 190 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

² *Усольцева Н.В.* Формирование и состав конкурсной массы // Рос. внешнеэконом. вестн. 2007. № 4. С. 69.

³ *Поташник О.А.* Формирование, реализация и распределение конкурсной массы несостоятельного должника – организации в ходе конкурсного производства (правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁴ *Поташник О.А.* Указ. соч.

⁵ *Усольцева Н.В.* Указ. соч. С. 69.

⁶ *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсное право. Казань, 1898. С. 358.

Павлов А.В.,
аспирант Московского государственного
университета путей сообщения,
pavlov.av@toil.spb.ru

Правовые средства защиты прав и законных интересов предприятий ОПК в условиях применения экономических санкций¹

Аннотация: на примере исполнения контракта о поставке Российской Федерации военных кораблей «Мистраль» рассматриваются вопросы использования правовых средств защиты интересов России и предприятий оборонно-промышленного комплекса в условиях применения экономических санкций.

Ключевые слова: экономические санкции; международное правосудие; военно-техническое сотрудничество; политика импортозамещения.

Pavlov A.V.,
postgraduate student of Moscow state
University of railway engineering,
pavlov.av@toil.spb.ru

Remedies the rights and legitimate interests of defense enterprises in conditions of economic sanctions

On the example of execution of the contract on delivery of Russian Federation warships «Mistral» examines the use of legal means for protection of interests of Russia and enterprises of the military-industrial complex in conditions of economic sanctions.

Key words: economic sanctions; international justice; military-technical cooperation; policy of import substitution.

Применяемые с весны 2014 г. экономические санкции против России выдвигают на повестку дня вопрос о формировании и реализации комплекса мер по защите прав российских предприятий и минимизации негативных последствий применения ограничительных мер.

Как отмечается в научной литературе, отличительной особенностью применяемых в отношении Российской Федерации санкций является направленность вводимых ограничений не против России в целом, а на отдельные секторы российской экономики, на конкретные предприятия². В «санкционных» списках США и западных государств числится немало предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России. В частности, ограничительные меры действуют в отношении таких известных во всем мире российских оборонных предприятий, как:

- концерн ПВО «Алмаз Антей»;
- ОАО «Научно-исследовательский институт приборостроения имени В.В. Тихомирова», являющееся головным российским научно-исследовательским предприятием по разработке систем управления вооружением самолетов-истребителей и мобильных зенитных ракетных комплексов;

– ОАО «Машиностроительный завод имени М.И. Калинина», производитель военной техники, специализирующийся на производстве пусковых установок и зенитных управляемых ракет;

– Мытищинский машиностроительный завод, выпускающий гусеничные шасси зенитных ракетных комплексов средней дальности «Бук М1-2», «Бук М2», «Тор-М1» и зенитно-пушечно-ракетного комплекса малой дальности «Тунгуска М1»;

– Долгопрудненское научно-производственное предприятие, являющееся производителем вооружений для средств ПВО; разрабатывает и производит зенитные управляемые ракеты средней дальности ЗРК «Бук-М1», «Бук-М1-2», «Бук-2» и ЗРК типа «Штиль»³.

Санкции действуют также в отношении ОАО «Морской научно-исследовательский институт радиоэлектроники “Альтаир”», АО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”», государственной корпорации «Ростех», концерна «Калашников», Тульского оружейного завода, Объединенной авиастроительной корпорации, ОАО «Рособоронэкспорт» и др.

Свое практическое воплощение антиросийские санкции находят в реализации следующих мер ограничительного характера:

– приостановление поставок в Россию продукции военного назначения;

– приостановление действия лицензий на поставку в Россию продукции двойного назначения;

– приостановление исполнения контрактов в военной области.

Характерным примером «санкционной войны» против нашей страны является ситуация с исполнением контракта о поставке Российской Федерации из Франции двух кораблей-доков, или, как их еще называют, вертолетоносцев класса *Mistral*. Оба корабля, получившие название «Севастополь» и «Владивосток», были построены в течение 36 месяцев, предусмотренных контрактом, заключенным в июне 2011 г. На них были перестроены полетные ангары под российский ударный вертолет Ка-52К, специально модернизированный под эти корабли. На палубе доков оборудованы площадки под российское противозушное, противокорабельное и противолодочное вооружение, которое планировалось установить в Кронштадте после передачи кораблей России.

Контракт на поставку российскому ВМФ двух указанных кораблей-доков стоил 1,12 млрд евро. Россия заплатила за них аванс в 875 млн евро. Еще 50 млн евро потратила на строительство двух кормовых отсеков на собственных верфях в Санкт-Петербурге, определенную сумму – на их транспортировку во Францию. Для этих кораблей были построены причальные стенки во Владивостоке и Новороссийске. Кроме того, затрачены необходимые средства на командировку во Францию для переподготовки 400 членов экипажей для двух вертолетоносцев. Суммарно все это обошлось российской стороне около 950 млн евро⁴.

Однако в 2014 г. под давлением США и других союзников по НАТО Президент Франции Франсуа Олланд заявил об отказе в передаче готовых кораблей России под надуманным предлогом, будто бы они могут быть использованы в «агрессии против Украины». В 2015 г. в результате долгих переговоров и благодаря твердой, принципиальной позиции российской стороны Франция во избежание серьезных репутационных потерь выплатила нашей стране всю сумму издержек, понесенных Россией по данному контракту, – 950 млн евро. Если учесть, что в июне 2011 г., когда подписывались контракты на поставку двух кораблей-доков России, евро стоил примерно 40 – 41 руб., то в настоящее время колебания его цены проходят в пределах 70 руб. Россия, таким образом, от неисполнения Францией контракта не только не пострадала, но с финансовой точки зрения даже оказалось в выигрыше. В данном случае нашел полное подтверждение прогноз, высказанный Президентом

Российской Федерации В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме 23 мая 2014 г.: «Разве не очевидно и то, что экономические санкции как инструмент политического давления в современном взаимозависимом мире имеют эффект бумеранга и в конечном счете отражаются на бизнесе и экономиках стран, которые их иницируют?»⁵

Вместе с тем, несмотря на благополучный для нашей страны исход данного конфликта, наши предприятия ОПК и в целом руководство оборонной отрасли должны извлечь из него необходимые уроки, касающиеся, прежде всего, более эффективного использования правовых средств защиты своих прав и законных интересов.

Так, следует более активно использовать возможности международного правосудия. Является вполне обоснованным высказанное в научной литературе мнение о том, что односторонние санкции, примененные в отношении Российской Федерации, должны быть квалифицированы в качестве нарушения права. Их основание не может быть расценено ни в качестве обстоятельства непреодолимой силы, ни в качестве существенного изменения обстоятельств. В связи с этим имеются все правовые основания для применения правовых последствий по результатам санкций, осуществленных в отношении Российской Федерации, как вида правонарушения. В качестве таких последствий могут выступать экономические иски о возмещении убытков, реституционные иски, а также иски о применении иных мер ответственности, основанные на нормах как международного, так и национальных гражданских законодательств стран – участников ВТО⁶.

В случае с «Мистральями» Рособоронэкспорт имел все основания предъявить иск в Международный суд с требованием не только компенсировать финансовые издержки нашей страны, которая не получила обещанные ей корабли (эти издержки, как указано выше, возмещены Францией добровольно и в полном объеме), но и выплатить штраф за задержку выполнения, а затем и за односторонний разрыв контракта. Такой штраф, по подсчетам экспертов, превысил бы двукратную стоимость «Мистралей». Однако в силу причин, видимо, политического характера Россия отказалась от права на обращение в суд по данному делу.

С вступлением Российской Федерации в ВТО возможность оспаривания экономических санкций на межгосударственном уровне значительно расширились. Процедуры урегулирования экономических споров между государствами – членами ВТО достаточно подробно урегулированы официальным документом – Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (ДРС/DSU). В специальной литературе на основе анализа данного документа выделяются две стадии урегулирования торговых споров⁷:

а) первая стадия – проведение консультаций между государствами – сторонами спора по инициативе одной из них, которая считает, что ее права нарушены. Любая просьба о консультациях представляется в письменной форме и с изложением мотивов; она также должна включать указание о применяемых мерах и юридические основания жалобы. Консультации носят конфиденциальный характер и не должны причинять ущерб правам любого государства – члена ВТО при дальнейшем разбирательстве;

б) вторая стадия – если в течение 60 дней после даты получения просьбы о консультациях такие консультации не завершились урегулированием спора. В этом случае спор передается на рассмотрение третейской группы, которая учреждается по заявлению государства – участника спора. Членами третейской группы могут быть представители правительственных и иных организаций, имеющих высокую квалификацию, включая лиц, имеющих непосредственный опыт в сфере деятельности ВТО, которые преподавали международно-торговое право или торговую политику, или служили в качестве должностных лиц в государственных внешнеторговых учреждениях государств – членов ВТО, или имели научные публикации в этих областях. Государства – члены ВТО могут предлагать своих граждан для внесения в список, из которого Секретариат ВТО отбирает кандидатуры в третейские группы.

Следует отметить, что вопрос о конституционности передачи споров с участием Российской Федерации на рассмотрение специально создаваемых для таких целей международных органов был предметом конституционного контроля со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 9 июля 2012 г. № 17-П⁸ Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что закрепленный в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров принцип добросовестного выполнения международных обязательств не устраняет возможность создания международным договором органа по разрешению споров в случае их возникновения в связи с осуществлением государствами – участниками международного договора вытекающих из него прав и обязанностей. Решения такого органа могут иметь обязательный для государств-участников характер, что, по общему правилу, само по себе не является ущемлением суверенитета, если государство на условиях взаимности допустило осуществление в отношении самого себя такого рода полномочия. Принцип уважения государственного суверенитета в данном случае проявляет свое действие в том, что подобное международное обязательство принимается посредством согласования позиций суверенных государств, воли которых юридически равноправны, в связи с чем международный договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (преамбула и ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров).

Высший орган конституционного контроля пришел к выводу, что Конституция Российской Федерации не только не запрещает создание международным договором органов по разрешению споров, возникающих в связи с выполнением Российской Федерацией обязательств, вытекающих из международного договора, решения которых могут иметь обязательный характер для его участников, но и прямо признает возможность участия Российской Федерации в подобных международных соглашениях, в том числе в соглашениях, предусматривающих присоединение Российской Федерации к межгосударственным объединениям и иным международным, межправительственным организациям, на что указывает ее ст. 46 (ч. 3), согласно которой каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Другим не менее важным уроком, который должна извлечь Россия в целом и предприятия ОПК в частности из истории с французскими вертолетоносцами, является более активное внедрение политики импортозамещения. В этих целях должны быть разработаны соответствующие долгосрочные программы и планы постепенного перехода предприятий ОПК к использованию исключительно отечественных технологий производства вооружения и военной техники. Как представляется, в идеале необходимо в законодательном порядке установить запрет на использование при производстве отечественного вооружения и военной техники каких-либо технологий, сырья, комплектующих и т. п. иностранного происхождения. Практическая реализация данного предложения может быть осуществлена путем внесения соответствующих дополнений в федеральные законы от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» и от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

Библиографический список

1. *Богатырев, А.Г.* Урегулирование международных торговых споров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) [Текст] / А.Г. Богатырев, И.А. Шулятьев // Современный юрист. – 2014. – № 2.

2. Гриб, В.В. Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО [Текст] / В.В.Гриб, М.А.Егорова // Юрид. мир. – 2014. – № 12.

3. Корякин, В.М. Невоенные санкции против России: правовой аспект [Текст] : моногр. / В.М. Корякин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 272 с.

4. Литовкин, В. Олланд бросает слова на ветер [Текст] / В. Литовкин // Независимое военное обозрение. – 2015. – 23 окт.

5. Петербургский международный экономический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/transcripts/21080/work>.

---

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² Корякин В.М. Невоенные санкции против России: правовой аспект : моногр. М., 2015. С. 221.

³ URL: http://economics.lb.ua/business/2014/09/12/279213_sanktsii_ssha_zatronuli_gazprom.html

⁴ Литовкин В. Олланд бросает слова на ветер // Независимое военное обозрение. 2015. 23 окт.

⁵ Петербургский международный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/21080/work>.

⁶ Гриб В.В., Егорова М.А. Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // Юрид. мир. 2014. № 12.

⁷ Богатырев А.Г., Шулятьев И.А. Урегулирование международных торговых споров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) // Современный юрист. 2014. № 2.

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации».

Соколова Е.В.,
старший преподаватель
кафедры гражданского права Военного
университета,
sokolova2010E@yandex.ru

О некоторых вопросах возмещения вреда, причиненного Вооруженными Силами Российской Федерации при пресечении террористических актов и проведении контртеррористических операций

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с вынужденным причинением вреда при пресечении Вооруженными Силами Российской Федерации террористических актов и проведении контртеррористических операций.

Ключевые слова: причинение вреда, террористический акт, контртеррористическая операция, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Sokolova E.,
Senior Lecturer of the
Civil Law Department of the Military
University,
sokolova2010E@yandex.ru

Some aspects of compensation for damage caused by the armed forces of the Russian Federation when preventing terrorist attacks and carrying out counter-terrorist operations

This article discusses some issues related to the forced infliction of damage by the Armed Forces of the Russian Federation when preventing terrorist attacks and carrying out counter-terrorist operations.

Key words: infliction of damage, terrorist attack, counter-terrorist operation, Armed Forces of the Russian Federation.

Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами Российской Федерации¹.

В условиях современной обстановки задачи Вооруженных Сил Российской Федерации в системе безопасности Российской Федерации не ограничиваются только вопросами обороны страны. Необходимость применения военной силы требует более широких рамок².

Так, согласно ст. 6 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» Вооруженные Силы Российской Федерации могут применяться для пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производствен-

ной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; участия в проведении контртеррористической операции; пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

Например, в связи с убийством 7 июля 2006 г. российских дипломатов в Ираке Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации принял Постановление № 219-СФ «Об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности». Президенту Российской Федерации было разрешено использовать формирования Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделения специального назначения за пределами территории России в целях пресечения международной террористической деятельности против Российской Федерации либо против граждан Российской Федерации или лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» понимается: 1) под террористическим актом – совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях; 2) под контртеррористической операцией – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

В научной юридической литературе предлагается использовать также понятие «антитеррористическая деятельность» – деятельность органов универсальных и региональных международных организаций, органов государственной власти, местного самоуправления и общественных объединений, осуществляемая в соответствии с их правовым статусом по предупреждению, выявлению, пресечению террористической деятельности и минимизации ее последствий, а также поиску и устранению причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности³.

В целях устранения террористического акта Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации. Например, оружие и боевая техника применяются Вооруженными Силами Российской Федерации в случае нарушения правил использования воздушного пространства России, во-первых, *для пресечения полета воздушного судна путем принуждения к посадке* (если воздушное судно не реагирует на радиокоманды наземных пунктов управления прекратить нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации и (или) радиокоманды и визуальные сигналы поднятых на его перхват летательных аппаратов Вооруженных Сил Российской Федерации либо отказывается подчиниться радиокомандам и визуальным сигналам без объяснения причин) и, во-вторых, *для уничтожения данного воздушного судна* (если оно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы).

Воздушное судно подлежит уничтожению также и в том случае, если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористиче-

ского акта или о захвате воздушного судна и возникновении реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы (при условии, что были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки).

Кроме оружия и боевой техники, Вооруженные Силы Российской Федерации могут применять и специальные средства, предназначенные для временного вывода из строя лиц, совершающих террористический акт, вооружения, военной и специальной техники и объектов инфраструктуры при сведении к минимуму летальных исходов, необратимых расстройств здоровья людей, а также физического разрушения материальных средств и загрязнения окружающей среды.

Применение Вооруженными Силами Российской Федерации оружия и боевой техники, а также специальных средств неизбежно влечет за собой причинение вреда, который можно условно разделить на следующие виды: 1) вред, причиненный имуществу государства и муниципальных образований (порча или уничтожение объектов недвижимости, транспортной инфраструктуры, коммуникаций и т. п.); 2) убытки государства в виде затрат на организацию и проведение контртеррористической операции; 3) вред, причиненный личности или имуществу лиц, участвующих в контртеррористической операции; 4) вред, причиненный личности или имуществу граждан и юридических лиц в результате террористического акта или проведения контртеррористической операции; 5) вред, причиненный лицам, участвующим в террористическом акте; и др.

В большинстве случаев причинение вреда военными организациями, входящими в состав Вооруженных Сил Российской Федерации (воинскими частями и т. п.), происходит по объективным причинам. Так, практика боевого применения авиации в период проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе (1999 – 2009) показала, что нанесение ударов по незапланированным объектам (в том числе гражданскому населению и своим войскам) было связано с трудностями в навигации при полетах в горной местности, сложными метеоусловиями и др.

Как было отмечено А.Ю. Винокуровым, «...случайные ранения и побочный ущерб сами по себе не запрещены и являются частью большинства военных операций... Запрет на неизбирательные нападения не применяется в случаях, когда места нахождения гражданского населения и военные объекты, недостаточно удалены и отделены друг от друга, чтобы стать предметом отдельных нападений или в случаях причинения ущерба гражданскому населению при условии, что он не будет чрезмерным по отношению к ожидаемому конкретному и непосредственному военному превосходству»⁴.

Основания, порядок и иные условия возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, пресечения террористического акта, проведения контртеррористической операции и т. п., в действующем законодательстве до настоящего времени четко не определены.

Если вред причинен *в результате террористического акта*, то согласно пп. 1 – 3 ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» возмещение вреда юридическим и физическим лицам, включая моральный вред, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о гражданском судопроизводстве, за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества. Одновременно был законодательно закреплен и механизм проверки законности происхождения имущества у родственников террористов при наличии достаточных оснований полагать, что данное имущество получено в результате террористической деятельности.

Следует отметить, что мировой практике известны случаи возложения имущественной ответственности на родственников террористов или в иных целях, влекущих неблагоприятные имущественные последствия.

Например, в Израиле практически сразу, как только становится известно место жительства террориста, к этому месту выдвигается бульдозер и бронемашина для уничтожения дома, в котором он проживал. Дом террориста уничтожается сразу же, к исходу одного дня. Делается это в основном для того, чтобы террористам, считающим своим долгом обязательно побывать в собственном доме, было некуда прийти⁵.

Также в практике Израиля наблюдалась тенденция признания терроризма войной, что влекло отказ от возмещения убытков. Так, по Закону о гражданском вреде 1952 г. действия израильских сил безопасности квалифицировались как военные действия, освобождающие государство от возмещения вреда, причиненного в результате контртеррористической операции. Однако в 1998 г. Министерство юстиции Израиля выступило с принятым впоследствии предложением о внесении изменений в названный Закон в части отказа от возмещения вреда; теперь частичное возмещение вреда государством допускается⁶.

В случае причинения ущерба физическим и юридическим лицам в результате террористического акта Российское государство осуществляет таким лицам компенсационные выплаты в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Компенсационные выплаты осуществляются лишь в целях оказания социальной помощи потерпевшим лицам, а не в целях возмещения убытков.

Подобные меры предусмотрены и в зарубежных странах. Так, например, во Франции по Закону 1990 г. терроризм определяется не как обычное преступление, а как новая форма гражданской войны. Пострадавшие от терроризма приравниваются к жертвам войны и получают право на материальную помощь в зависимости от степени вреда. Однако как в израильском, так и во французском законодательстве выплачиваемые компенсации не носят гражданско-правового характера, вопрос об основаниях и условиях гражданской ответственности не поднимается. Государство добровольно принимает на себя обязанность обеспечить материальную помощь потерпевшим из специальных фондов, в которые направляются средства бюджета и пожертвования иных лиц⁷.

Следует отметить, что, организуя систему компенсаций, государство выступает не как причинитель вреда и не как должник по деликтному обязательству, а как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета, создаваемого и расходующего в общих интересах.

Действия военных организаций, входящих в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, по пресечению террористического акта и проведению контртеррористических операций, являющиеся правомерными, в связи с этим вопрос о возмещении причиненного ими вреда решается по иным правилам.

Согласно абз. 1 п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Так, в соответствии с пп. 2 и 3 ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» возмещение вреда, причиненного *при пресечении террористического акта* правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации; вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит.

Если правомерность и справедливость последней нормы не подлежит сомнению, то первая норма, по нашему мнению, требует уточнения. Предполагается целесообразным в п. 2

ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» установить, что вред, причиненный военными организациями, входящими в Вооруженные Силы Российской Федерации, правомерными действиями при пресечении террористического акта, а также при проведении контртеррористических операций, указанными военными организациями, а также государством, возмещению не подлежит. Обязанность по возмещению такого вреда также должна быть возложена на террористов, их близких родственников, родственников и близких лиц. Соответствующее дополнение может быть внесено и в п. 1 ст. 18 указанного Закона: государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам и в том случае, если им был причинен ущерб в результате пресечения и юридическое акта или проведения контртеррористической операции.

Следует отметить, что по данному вопросу есть и иные точки зрения. Так, например, по мнению Т.В. Дубыниной, «... при ведении боевых действий на территории Чеченской Республики, Афганистана, Дагестана и в других случаях... непосредственными причинителями вреда выступали источники повышенной опасности, находящиеся в оперативном управлении воинских частей и приводимые в действие военнослужащими этих частей. Вместе с тем деликтная ответственность военной организации в указанных случаях не наступала. Считается, что причинение вреда осуществляется не военной организацией (воинской частью), а обстоятельствами военного или чрезвычайного положения... военная организация в этих условиях выступает как представитель государственного органа, следовательно, гражданско-правовая ответственность должна быть возложена на государство (ст. 1069 ГК РФ)»⁸. Однако в то же время Т.В. Дубынина ссылается не столько на ГК РФ, сколько на Постановление Правительства Российской Федерации, определяющее порядок и условия выплат компенсаций за утраченное жилье и (или) имущество пострадавшим гражданам Чеченской Республики, причем покинувшим Чеченскую Республику безвозвратно⁹.

В большинстве случаев судебная практика идет по пути полного отказа потерпевшим в возмещении вреда, причиненного Вооруженными Силами Российской Федерации при проведении контртеррористических операций.

Например, глава крестьянского (фермерского) хозяйства «Олимп» А.А. Дзангиев обратился в Арбитражный суд Республики Ингушетия с иском к Министерству обороны Российской Федерации о взыскании 1 214 500 руб. ущерба, причиненного ухудшением качества земель и потравой посевов озимой пшеницы. Истец ссылался на то, что в сентябре – октябре 1999 г. при осуществлении контртеррористических действий и действий по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике бронетанковые войска Российской Федерации были дислоцированы на принадлежащем истцу земельном участке. В результате был потравлен посев озимой пшеницы. Кроме того, для восстановления качества земли потребовалось проведение мер по рекультивации. Решением Арбитражного суда Республики Ингушетия требования истца были удовлетворены.

Отменяя решение Арбитражного суда Республики Ингушетия, кассационная инстанция Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа указала, в частности, на то, что согласно ст. 21 действовавшего в то время Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»¹⁰, при проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда имуществу террористов, а также правоохраняемым интересам. При этом, военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации¹¹. Действия, предпринятые в рамках контртеррористической операции, не являются противоправными, поскольку совершались в целях предотвращения опасности в отношении государства и

его граждан. Действия ответчика (Министерства обороны Российской Федерации) осуществлялись без превышения пределов крайней необходимости. При таких обстоятельствах, по мнению суда, правовых оснований для удовлетворения исковых требований не имеется.

Иначе решается вопрос о возмещении вреда, причиненного лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом. Например, согласно п. 5 ст. 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» такое лицо имеет право на возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества.

Анализ законодательства и теоретических источников в области выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации возложенной на них функции по осуществлению антитеррористической деятельности позволяет прийти к выводу о необходимости существенных законодательных изменений.

В частности, требует уточнения и норма п. 1.1. ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» в части срока исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного имуществу в результате террористического акта. Если террористы, совершившие террористический акт, были уничтожены, и соответственно они не могут быть привлечены к уголовной ответственности, то исчисление срока исковой давности по таким искам в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение указанного преступления (террористического акта) становится не возможным.

Таким образом, в действующее законодательство (ГК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму» и другие нормативные правовые акты) необходимо внести изменения и дополнения, что будет способствовать совершенствованию не только гражданского законодательства, но также военного и иного законодательства, регулирующего правоотношения с участием Вооруженных Сил Российской Федерации. Эти изменения положительно скажутся на эффективности выполнения возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации функций по обеспечению обороноспособности и военной безопасности, и в частности функции по осуществлению антитеррористической деятельности.

Библиографический список

1. *Винокуров А.Ю.* Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения и уголовного преследования лиц, их совершивших : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012.
2. *Дубынина Т.В.* Применение гражданско-правовых средств в деятельности военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
3. *Скловский К., Смирнова М.* О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hghltd.net/yandbmt?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.lawmix.ru>.
4. *Снеговой А.В.* Организационно-правовые аспекты взаимодействия Министерств внутренних дел государств – участников СНГ в антитеррористической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
5. *Чаевич А.* Система военных угроз безопасности Российской Федерации и ее обеспечение // Ориентир. – 2008. – № 4.

---

¹ Пункт 2 ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

² *Чаевич А.* Система военных угроз безопасности Российской Федерации и ее обеспечение // Ориентир. 2008. № 4.

³ *Снеговой А.В.* Организационно-правовые аспекты взаимодействия Министерств внутренних дел государств – участников СНГ в антитеррористической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

⁴ *Винокуров А. Ю.* Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения и уголовного преследования лиц, их совершивших : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. С. 163.

⁵ URL: http://amurburg.ru/news/offtop/putin_podpisal_zakon_karayushchiy_rodstvennikov_za_prestupleniya_terrorista/

⁶ *Скловский К., Смирнова М.* О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции [Электронный ресурс]. URL: <http://hghltd.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.lawmix.ru>.

⁷ Там же.

⁸ *Дубынина Т. В.* Применение гражданско-правовых средств в деятельности военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 70 – 71.

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 1997 г. № 510 «О порядке выплаты компенсаций за утраченное жилье и/или имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике и покинувшим ее безвозвратно».

¹⁰ Утратил силу.

¹¹ Постановление кассационной инстанции по проверке законности и обоснованности решений (постановлений) арбитражных судов, вступивших в законную силу, Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 7 марта 2002 г. по делу № Ф08-623/2002.

Способы определения военной организацией исполнителей (подрядчиков) по договору аутсорсинга¹

Аннотация: в статье рассматриваются способы определения исполнителей (подрядчиков) при планировании и осуществлении военными организациями закупок услуг (работ) по договору аутсорсинга.

Ключевые слова: аутсорсинг, государственный контракт, внешние исполнители, конкурс, военная организация.

Sorokin A. V.,
officer of the military unit,
vpravo@mail.ru

Methods for determining the military organization of service providers (contractors) under the contract of outsourcing

The article discusses how to identify performers (contractors) in the planning and implementation of military organizations procurement of services (works) under agreement of outsourcing.

Key words: outsorsing, state contract, external performers, competition, military organization.

В связи со сложной экономической ситуацией в России, в том числе из-за введения отдельными странами санкций в отношении нашего государства, руководством Российской Федерации ведется поиск механизмов по снижению бюджетных расходов. Несмотря на то что обороне страны и безопасности государства в настоящее время уделяется повышенное внимание, а оборонные статьи федерального бюджета являются одними из самых защищенных, рассматриваются различные варианты оптимизации военных расходов, в том числе и в рамках разработанной в Минобороны России программы «Эффективная армия». При этом в российском военном ведомстве создана комиссия по военному строительству и научным исследованиям в сфере безопасности, одним из направлений деятельности которой является содействие развитию аутсорсинга в системе материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации (передача в гражданский сектор части функций обслуживания деятельности Минобороны России).

Одним из способов экономии военного бюджета могут рассматриваться мероприятия по дальнейшему реформированию существующей системы обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе расширение перечня функций военных организаций, которые могут быть переданы внешним исполнителям (специализированным сторонним организациям) по договору аутсорсинга.

На одном из заседаний Коллегии Министерства обороны Российской Федерации, которое прошло в г. Москве 19 августа 2014 г., министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу отметил положительные результаты применения аутсорсинга в Рос-

сийской армии, в том числе такой факт, как освобождение более 65 тыс. военнослужащих и служащих от выполнения несвойственных им функций за счет привлечения сторонних организаций к выполнению хозяйственных работ на договорной основе.

С.К. Шойгу также подчеркнул, что аутсорсинг не стал универсальным средством обеспечения тыловых потребностей Российской армии. По мнению министра обороны Российской Федерации, «это связано с низким качеством предоставляемых услуг, неудовлетворенностью ими конечного потребителя и непрозрачностью деятельности привлекаемых компаний»².

По нашему мнению, повысить качество предоставляемых услуг (выполняемых работ) по договору аутсорсинга и добиться прозрачности деятельности привлекаемых военным ведомством аутсорсеров возможно за счет повышения конкуренции в данной сфере деятельности путем активной практики применения всех имеющихся способов выбора исполнителей (подрядчиков), предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе.

Кроме того, при осуществлении указанной деятельности следует уделить особое внимание планированию закупок. Это связано с тем, что каждой военной организации необходимо определить, какие функции (полномочия, виды деятельности) следует передать на аутсорсинг, а какие передавать нецелесообразно и (или) невозможно.

Так как в настоящее время отсутствуют законодательные (и подзаконные) акты, определяющие перечень полномочий военной организации, которые могут быть переданы военной организации по договору аутсорсинга, следует руководствоваться положениями ведомственных нормативных правовых актов (например, в Минобороны России таким актом является Руководство по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации³).

Кроме того, исходя из требований Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» военным организациям предписано создать федеральные казенные учреждения, изменив тип федеральных государственных учреждений, действующих на день официального опубликования данного Закона, следовательно, полностью финансироваться из федерального бюджета и осуществлять закупки в пределах выделенных лимитов денежных средств.

Планированию закупок необходимо уделить особое внимание, включив перечень передаваемых на аутсорсинг функций в соответствующие план закупок и план-график закупок. Это связано с тем, что на основании ч. 11 ст. 21 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), вступающей в силу с 1 января 2017 г., заказчики могут осуществлять закупки исключительно в соответствии с информацией, включенной в планы-графики, а закупки, не предусмотренные планами-графиками, не могут быть осуществлены, т. е. не подлежат оплате.

Вместе с тем, при планировании закупок необходимо указывать способ выбора исполнителя (подрядчика), который будет применяться при таких закупках. В настоящее время военные организации, как и все государственные заказчики, могут как осуществлять закупки услуг (работ) методом аутсорсинга у единственного исполнителя (подрядчика), так и использовать конкурентные способы определения исполнителей (подрядчиков).

Согласно ч. 2 ст. 24 Закона о контрактной системе конкурентными способами определения исполнителей (подрядчиков) являются конкурсы (открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс), аукционы (аукцион в электронной форме и закрытый аукцион), запрос котировок, запрос предложений.

Перечень случаев, предоставляющих право осуществлять закупку у единственного исполнителя и заключать с ним государственный контракт, закреплен в ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе. Исходя из анализа практики применения аутсорсинговых отношений в Российской армии на начальном этапе их внедрения, отмечаем, что выбор такого способа закупки носит коррупциогенный характер⁴.

В связи с изложенным, по нашему мнению, заключать договор аутсорсинга с единственным исполнителем следует лишь в исключительных случаях, когда применение иных способов закупки невозможно и (или) нецелесообразно. Такую невозможность и (или) нецелесообразность по своему усмотрению определяет соответствующее должностное лицо военной организации, которое несет ответственность за выбор указанного способа закупки.

В случае когда в месте дислокации военной организации имеется сложившийся рынок требуемых ей аутсорсинговых услуг (работ) и выбор исполнителя не ставит под угрозу оборону страны и безопасность государства, целесообразно заключать договор аутсорсинга с использованием конкурентных способов. В целях определения наиболее оптимального конкурентного способа закупок услуг (работ) по договору аутсорсинга предлагаем рассмотреть каждый из них подробнее.

Согласно положениям ст. 59 Закона о контрактной системе под аукционом в электронной форме (электронным аукционом) понимается аукцион, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении такого аукциона и документации о нем, к участникам закупки предъявляются единые требования и дополнительные требования, проведение такого аукциона обеспечивается на электронной площадке ее оператором.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 2019-р утверждён перечень товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых государственные заказчики обязаны проводить аукцион в электронной форме (далее – аукционный перечень).

В настоящее время, в том числе и в связи с отсутствием законодательного закрепления понятия договора аутсорсинга, аукционный перечень не содержит категорию «услуги (работы) методом аутсорсинга». Вместе с тем, некоторые услуги (работы), которые военная организация планирует получать по договору аутсорсинга, в силу их неоднородности могут находиться в указанном перечне (например, услуги по чистке и уборке общего назначения). В этой связи обязательность заключения договора аутсорсинга для военной организации по результатам электронного аукциона будет зависеть от четкости формулирования предмета договора аутсорсинга.

Другим (схожим по своей сути с рассмотренным выше способом закупки) является закрытый аукцион, под которым согласно положениям ст. 86 Закона о контрактной системе понимается закрытый способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем такого аукциона признается участник закрытого аукциона, предложивший наиболее низкую цену контракта.

Однако в отличие от электронного аукциона данный способ закупки имеет определенные особенности, в соответствии с которыми информация о закупках сообщается заказчиком путем направления приглашений принять участие в таком аукционе, документации о закупках ограниченному кругу лиц, которые соответствуют требованиям, предусмотренным Законом о контрактной системе, и способны осуществить поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, являющихся объектами закупок, в случаях, перечисленных в ч. 2 ст. 84 данного Закона.

Иным способом определения исполнителя договора аутсорсинга является запрос котировок. В соответствии с ч. 1 ст. 72 Закона о контрактной системе под запросом котировок понимается способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором ин-

формация о закупаемых для обеспечения государственных нужд работах или услугах сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении запроса котировок и победителем запроса котировок признается участник закупки, предложивший наиболее низкую цену контракта.

Анализ положений Закона о контрактной системе позволяет прийти к выводу, что военная организация вправе осуществлять закупки путем проведения запроса котировок при условии, что начальная (максимальная) цена каждого договора аутсорсинга не превысит 500 тыс. руб. При этом годовой объем закупок (как по договорам аутсорсинга, так и по иным государственным контрактам), осуществляемых путем проведения запроса котировок, не должен превышать 10 % совокупного годового объема закупок военной организации и не должен составлять более чем 100 млн руб.

Очередным способом определения исполнителя является проведение запроса предложений (ст. 83 Закона о контрактной системе), при котором победителем признается участник закупки, направивший окончательное предложение, которое наилучшим образом соответствует установленным заказчиком требованиям к товару, работе или услуге. Случаи, при которых военной организации (как государственному заказчику) предоставлено право осуществлять закупку путем проведения запроса предложений, перечислены в ч. 2 ст. 83 Закона о контрактной системе.

Данный перечень случаев является исчерпывающим, а их анализ показывает, что выбор исполнителя договора аутсорсинга способом запроса предложений маловероятен. Исключением могут быть случаи признания повторного конкурса или электронного аукциона не состоявшимися в соответствии с ч. 4 ст. 55 и ч. 4 ст. 71 Закона о контрактной системе, а также случаи осуществления закупки работы или услуги, являющихся предметом договора аутсорсинга, расторжение которого осуществлено военной организацией на основании ч. 9 ст. 95 Закона о контрактной системе.

По отношению к ранее рассмотренным конкурентным способам определения военной организацией исполнителя договора аутсорсинга конкурс – способ определения исполнителя (подрядчика), при котором победителем признается участник закупки, предложивший лучшие условия исполнения контракта (ч. 3 ст. 24 Закона о контрактной системе). При данном способе определения исполнителя военная организация вправе оценивать качество предлагаемых к оказанию услуг (работ) по иным, отличным от цены, критериям. Это особенно значимо для заключения договора аутсорсинга, так как его успешное выполнение существенно зависит как от высокой квалификации исполнителя, так и от качества предоставляемых им услуг (работ).

При этом положения вышеназванного Закона различают открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс.

Порядок и случаи проведения конкурса с ограниченным участием предусмотрены ст. 56 Закона о контрактной системе. Под конкурсом с ограниченным участием понимается конкурс, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении такого конкурса и конкурсной документации, к участникам закупки предъявляются единые требования и дополнительные требования и победитель такого конкурса определяется из числа участников закупки, прошедших предквалификационный отбор.

С учетом важности высокой квалификации внешнего исполнителя как стороны договора аутсорсинга на оказание услуг (выполнение работ) для нужд военной организации возможность установления дополнительных требований к аутсорсерам стала бы отличным подспорьем при проведении конкурентных способов их определения.

Вместе с тем, дополнительные требования к участникам закупки могут быть установлены на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2015 г. № 99 «Об установлении дополнительных требований к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг, случаев отнесения товаров, работ, услуг к товарам, работам, услугам, которые по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного высокотехнологического или специализированного характера способны поставить, выполнить, оказать только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также документов, подтверждающих соответствие участников закупки указанным дополнительным требованиям».

Основываясь на анализе указанного нормативного правового акта, отмечаем, что при закупке услуг (работ) по договору аутсорсинга такие требования могут устанавливаться в случаях:

– оказания транспортных услуг, связанных с выполнением воинских морских и речных перевозок;

– закупок военными организациями, осуществляющими образовательную деятельность или являющимися медицинскими организациями, при оказании услуг общественного питания и (или) поставки пищевых продуктов.

С учетом изложенного, по нашему мнению, вышеуказанный нормативный правовой акт нуждается в дополнении в части включения в него случаев осуществления военными организациями любых закупок услуг (работ) методом аутсорсинга. Это послужит дополнительным механизмом защиты интересов военных организаций, а также станет определенным барьером для мошенников и фирм-однодневок, пытающихся нажиться за счет организаций, осуществляющих обеспечение обороны страны и безопасности государства, и к закупкам будут допущены исключительно профессиональные и компетентные аутсорсеры.

Процедура выбора исполнителя (подрядчика) путем проведения двухэтапного конкурса схожа с открытым конкурсом, за исключением отдельных особенностей, определенных ст. 57 Закона о контрактной системе, в соответствии с которой под двухэтапным конкурсом понимается конкурс, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении такого конкурса и конкурсной документации, к участникам закупки предъявляются единые требования либо единые требования и дополнительные требования и победителем такого конкурса признается участник двухэтапного конкурса, принявший участие в проведении обоих этапов такого конкурса (в том числе прошедший предквалификационный отбор на первом этапе в случае установления дополнительных требований к участникам такого конкурса) и предложивший лучшие условия исполнения государственного контракта по результатам второго этапа такого конкурса.

Кроме того, в случае установления единых требований и дополнительных требований к участникам двухэтапного конкурса при проведении первого этапа двухэтапного конкурса применяются положения ст. 56 Закона о контрактной системе, касающиеся проведения предквалификационного отбора.

Вместе с тем, наиболее часто применяемыми военными организациями на практике способами выбора внешних исполнителей являются открытый и закрытый конкурсы. Какой конкурс следует проводить военной организации в каждом конкретном случае, необходимо определять, исходя из следующего.

Способом, обеспечивающим достаточную полноту прозрачности выбора аутсорсера, будет являться открытый конкурс, так как при нем информация о закупке сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе соответствующего извещения.

Вместе с тем, в случаях, указанных в ч. 2 ст. 84 Закона о контрактной системе, для выбора исполнителя применяется закрытый способ определения исполнителя. Анализ норм ука-

занного Закона позволяет сделать вывод о том, что проведение закрытого конкурса на оказание услуг (выполнение работ) методом аутсорсинга возможно только в двух случаях:

– во-первых, при осуществлении закупок работ, услуг, необходимых для обеспечения федеральных нужд, если сведения о таких нуждах составляют государственную тайну;

– во-вторых, при осуществлении закупок товаров, работ, услуг, сведения о которых составляют государственную тайну, с соблюдением условия, что такие сведения содержатся в документации о закупке или в проекте государственного контракта.

Таким образом, при наличии оснований и принятия военной организацией решения о проведении закрытого конкурса на право заключить договор аутсорсинга информация о нем сообщается путем направления соответствующей документации и приглашений принять участие в таком конкурсе ограниченному кругу лиц. Указанные лица должны соответствовать требованиям, предусмотренным Законом о контрактной системе, и способны осуществить поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, являющихся объектом такой закупки.

Кроме того, необходимо помнить, что проведение закрытого конкурса возможно только по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление данных функций Правительством Российской Федерации. В настоящее время указанные функции выполняет ФАС России.

Механизм согласования, в том числе перечень необходимых для такого согласования документов и сроки их проведения, четко регламентирован и содержится в Порядке согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), утвержденном приказом Минэкономразвития России от 31 марта 2015 г. № 189. При этом обращаем внимание на то, что ФАС России может отказать военной организации в согласовании применения закрытого конкурса.

Рассмотрев различные способы определения военной организацией исполнителя (подрядчика) договора аутсорсинга, отмечаем, что применение аутсорсинга военными организациями предоставляет им возможность, не отвлекаясь на вспомогательные функции, сконцентрироваться на основных, таких как поддержание необходимого уровня боеготовности и боеспособности воинской части, повышение боевой подготовки военнослужащих и т. д., и, кроме того, значительно снизить расходы на реализацию хозяйственных, обеспечивающих задач, а также повысить качество получаемых услуг. Это, в частности, будет зависеть от грамотного выбора способа определения аутсорсера.

Учитывая изложенное и основываясь на анализе норм Закона о контрактной системе, можно прийти к выводу о том, что наиболее оптимальным способом определения военной организацией исполнителя договора аутсорсинга является конкурс. При этом, если не имеется ограничений, установленных законодательством Российской Федерации о государственной тайне, приоритет необходимо отдавать открытому конкурсу.

Библиографический список

Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности [Текст] : моногр. / В.М. Корякин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 456 с.

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² URL: <http://mil.ru>

³ Приказ министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 333 «Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁴ *Корякин В.М.* Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : моногр. М., 2014. С. 185 – 204.

Нужды обороны страны и безопасности государства в контексте изъятия земельных участков для государственных нужд¹

Аннотация: в статье осуществлен терминологический анализ понятий «оборона» и «безопасность» применительно к основаниям изъятия земельных участков для государственных нужд.

Ключевые слова: оборона; безопасность; изъятие земельных участков; государственные нужды.

Talibov R.A.,
associate
JSC «Northern construction Corporation»,
rufat05-208@mail.ru

The needs of national defense and state security in the context of land seizure for state needs

The article presents a terminological analysis of the concepts of «defense» and «security» in relation to grounds for seizure of land for state needs.

Key words: defense; security; the withdrawal of the land plots; the state needs.

В 2014 г. был внесен ряд изменений в земельное законодательство Российской Федерации, которые существенным образом перестроили существовавшую ранее конструкцию общественных отношений в сфере использования и охраны земель. Коснулось это и правоотношений в сфере изъятия земельных участков путем их выкупа для государственных и муниципальных нужд. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 499-ФЗ), помимо предписанного порядка изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, уточнен перечень исключительных случаев и оснований для изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд, среди которых выделяются нужды обороны страны и безопасности государства.

Следует отметить, что данное основание в качестве исключительного случая для изъятия земельного участка для государственных нужд выделялось в ст. 49 ЗК РФ от 25 октября 2010 г. № 136-ФЗ и в прежней редакции, т. е. оно не является новеллой. Однако ранее в тексте ЗК РФ речь шла исключительно об обороне и безопасности, не были конкретизированы какие-либо объекты. При этом анализ имеющихся документов не позволяет сделать определенные выводы по поводу того, в связи с чем законодатель пошел на такие изменения. Так, в пояснительной записке к проекту федерального закона о внесении изменений в ЗК РФ и отдельные законодательные акты, который затем и «превратился» в Федераль-

ный закон № 499-ФЗ, даются общие предпосылки к изменению существовавшей ранее процедуры изъятия. При этом об основаниях изъятия там речь не идет вообще. Более того, текст законопроекта № 304493-5, представленный на первое и второе чтение в Государственную Думу, не содержит изменений оснований изъятия. Такое основание, как нужды обороны страны и безопасности государства, появилось впервые без каких-либо разъяснений в таблице поправок, рекомендуемых к принятию, от 12 октября 2014 г., которые в последующем были включены в текст законопроекта, подготовленный к третьей попытке второго чтения. В этой связи на данный момент остается неясным, является ли понятие «оборона и безопасность» тождественным понятию «оборона страны и безопасность государства» в контексте изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Представляется, что указанные понятия, по крайней мере, в земельном законодательстве, следует считать идентичными по смысловому значению. Кроме того, видится, что изменение наименования основания «нужды обороны и безопасности» на нужды «оборона страны и безопасности государства» – это чисто юридическая техника унификации статей ЗК РФ, которая в настоящий момент происходит не только в земельном законодательстве. К примеру, в последнее время во вновь изданных нормативных правовых актах речь идет исключительно об упоминании такого понятия, как оборона страны и безопасность государства². Обосновывая гипотезу о тождественности рассматриваемых понятий, необходимо обратиться к выводу С.В. Тихомирова о том, что понятие «безопасность» в сочетании с «обороной» представляет собой не обобщенное понятие, а именно государственную безопасность³. В действительности, в соответствии с п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находится оборона и безопасность. Вряд ли в Основном Законе страны слово «безопасность» как собирательный термин было поставлено в один ряд с обороной. Более того, уже в ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации выделяются некоторые иные виды безопасности (общественная и экологическая), которые уже отнесены к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Исходя из этого, категорию «безопасность» в контексте нужд обороны и безопасности следует понимать как государственную безопасность или безопасность государства. Кроме того, анализ статей ЗК РФ позволяет сделать заключение о том, что законодатель различия между понятиями «оборона» и «безопасность», с одной стороны, и «оборона страны» и «безопасность государства», с другой стороны, не делает. Так, ст. 93 ЗК РФ, имеющая наименование «Земли обороны и безопасности», направленная на регулирование отношений по использованию и охране земель субкатегории обороны и безопасности, содержит как понятие «оборона и безопасность», так и понятие «оборона страны и безопасность государства».

Таким образом, следует сделать вывод о том, что понятия «оборона и безопасность», а также «оборона страны и безопасность государства» как в земельных правоотношениях в целом, так и в контексте изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд тождественны.

В свою очередь, наибольший интерес в исследовании данного вопроса представляет содержание данного понятия: какие основания должны пониматься под нуждами обороны страны и безопасности государства?

При формально-юридическом толковании ст. 49 ЗК РФ следует отметить, что законодатель оборону и безопасность в рамках единого основания делит на две категории: собственно оборону и собственно безопасность. При этом под нуждами обороны и безопасности, исходя из ст. 49 ЗК РФ, понимается строительство и реконструкция объектов. Речь здесь идет о зданиях и сооружениях, которые следует признавать объектами капитального строительства.

В качестве объектов обороны в соответствии с ЗК РФ следует понимать объекты, предназначенные:

– для строительства, подготовки и поддержания в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (размещение военных организаций, учреждений и других объектов, дислокация войск и сил флота, проведение учений и иных мероприятий);

– для разработки, производства и ремонта вооружения, военной, специальной, космической техники и боеприпасов (испытательных полигонов, мест уничтожения оружия и захоронения отходов);

– для размещения запасов материальных ценностей государственного материального резерва.

При этом в ст. 93 ЗК РФ, раскрывающей вышеперечисленные способы использования земель для обеспечения обороны, не детализируется, что, к примеру, следует относить к другим объектам. В свою очередь, на практике подобная ситуация приведет к тому, что под строительством других объектов определенные правоприменители будут понимать и строительство каких-нибудь «вспомогательных» объектов обороны (домов отдыха, бань и т. п.). Тем самым из гражданского оборота будут выводиться наиболее ценные земли. В связи с этим представляется, что данный вопрос требует дополнительного исследования.

Основы обороны как функции государства установлены Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». Данным Законом определено, что под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Такое обобщенное понятие не дает четкого представления о содержании всех мероприятий в сфере обороны, тем более в контексте земельных отношений. Поэтому при рассмотрении вопроса об изъятии земельного участка для нужд обороны правоприменителям необходимо обращаться к конкретным мероприятиям, которые направлены непосредственно на организацию обороны. К ним следует отнести:

1) прогнозирование и оценку военной опасности и военной угрозы;

2) разработку основных направлений военной политики и положений военной доктрины Российской Федерации;

3) правовое регулирование в области обороны;

4) строительство, подготовку и поддержание в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также планирование их применения;

5) разработку, производство и совершенствование систем управления Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами, вооружения и военной техники, создание их запасов, а также планирование использования радиочастотного спектра;

6) мобилизационную подготовку органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организации независимо от форм собственности, транспорта, коммуникаций и населения страны;

7) оперативное оборудование территории Российской Федерации в целях обороны и др.⁴

При этом полный перечень всех мероприятий свидетельствует о том, что закон к обеспечению обороны относит непосредственные меры, а не опосредованные. В связи со сказанным применительно к нуждам обороны в контексте изъятия земельных участков это должно быть учтено.

Кроме того, определяя нужды обороны как основание изъятия земельных участков, следует признать существующую позицию, в соответствии с которой под такими основаниями следует также подразумевать отсутствие других вариантов возможного размещения планируемых объектов⁵. При этом судебные органы в большинстве случаев эту позицию поддерживают⁶. Применительно к изъятию земельных участков для нужд обороны следует признать, что рассматриваемый показатель в правовом регулировании очень необходим. Это позволит отличить нужды обороны от псевдонузд. К примеру, обосновать размещение дома отдыха Минобороны России в конкретном месте будет намного сложнее, нежели размещение объектов космодрома.

Следует отметить, что такие требования, как обоснованность размещения других планируемых объектов при изъятии земельных участков, до вступления в силу Федерального закона № 499-ФЗ существовали в ЗК РФ. При этом нельзя сказать, что такие требования были устранены. В силу положений Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ теперь такая обязанность возлагается на субъектов права на стадии планирования градостроительной деятельности. В связи с этим такие потребности исчезли на стадии предоставления и соответственно изъятия земельного участка.

Другая группа потребностей в рассматриваемом основании изъятия земель посвящена обеспечению безопасности государства. В отличие от обороны с пониманием этой категории есть некоторые сложности. Представляется, что среди экспертов, практиков, законодателей нет единого мнения о содержании данного понятия. Простым примером может служить анализ норм ЗК РФ в действующей редакции и до его изменения. В ст. 49 ЗК РФ до внесения изменений Федеральным законом № 499-ФЗ объекты обороны и безопасности рассматривались отдельно от объектов, обеспечивающих статус и защиту Государственной границы Российской Федерации. В современной же редакции инженерно-технические сооружения, линии связи и коммуникации, возведенные в интересах защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации, рассматриваются в качестве составной части объектов безопасности.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» содержание безопасности государства не раскрывается, однако, проанализировав ст. 1 данного Закона, можно констатировать, что безопасность государства является составной частью безопасности наравне с общественной, экологической и иной. При этом, опираясь на названные выше статьи Конституции Российской Федерации, следует признать, что решение об обеспечении безопасности государства принимается только на федеральном уровне. В правовой науке единого мнения о понятии и содержании безопасности государства нет. При этом авторы в основном прибегают к свободному толкованию данного понятия, исходя из практики⁷.

В свою очередь, указанное обстоятельство не должно создавать сложности в определении границ понятия «безопасность государства», по крайней мере, в контексте изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. В этом случае можно прибегнуть к такому методу, как аналогия закона, и тогда такие границы станут очевидны. С учетом состава понятия «оборона страны и безопасность государства» можно сделать вывод, что признаки понятий «оборона страны» и «безопасность государства» должны быть одинаковыми. Таким образом, можно предположить, что элементами «безопасности государства» как основания для изъятия земельных участков могут также быть конкретные меры, напрямую влияющие на состояние защищенности государства от внешних и внутренних угроз, а не опосредованные меры.

Анализ указанных выше положений позволяет сделать вывод о том, что понятия «оборона и безопасность», а также «оборона страны и безопасность государства» в контексте

земельных отношений являются тождественными. В свою очередь, оборона и безопасность в контексте правоотношений, возникающих в связи с изъятием земельных участков для государственных нужд, должны обладать определенными признаками, которые должны быть учтены при правовом регулировании. Во-первых, основаниями для изъятия земельных участков должны выступать строительство и реконструкция объектов, которые непосредственно направлены на обеспечение обороны страны и безопасности государства, а не опосредованно связаны с ними. Во-вторых, должно быть представлено обоснование отсутствия возможности размещения планируемых объектов на иных земельных участках.

Библиографический список

1. Дихтяр, А.И. Изъятие (выкуп) земельного участка для государственных и муниципальных нужд: вопросы теории и практики : практ. пособие [Электронный ресурс] / А.И. Дихтяр, Е.С. Клейменова. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности [Текст] : моногр. / В.М. Корякин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 456 с.
3. Тихомиров, С.В. О понятии обороны как предмета военного права [Текст] / С.В. Тихомиров // Армия и общество. – 2008. – № 2.
4. Свинных, Е.А. Понятие «обороны страны и безопасности государства» в контексте закона о контрактной системе [Электронный ресурс] / Е.А. Свинных // ЭНИ «Военное право». – 2014. – Вып. 2. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru/files/Svinich.doc>.

---

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² См., например: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 1220 «О составе, порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации в области обороны страны и безопасности государства, а также порядке внесения изменений в такую схему».

³ Тихомиров С.В. О понятии обороны как предмета военного права // Армия и общество. 2008. № 2.

⁴ Статья 2 Федерального закона «Об обороне».

⁵ См., напр.: Дихтяр А.И., Клейменова Е.С. Изъятие (выкуп) земельного участка для государственных и муниципальных нужд: вопросы теории и практики : практ. пособие [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ См., напр.: постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 августа 2005 г. № А58-5774/2004-Ф02-3965/05-С1; постановления ФАС Центрального округа от 14 сентября 2005 г. по делу № КА-А41/8545-05, от 12 декабря 2005 г. по делу № А54-1176/2005-С18.

⁷ Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : моногр. М., 2014; Свинных Е.А. Понятие «обороны страны и безопасности государства» в контексте закона о контрактной системе [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2014. Вып. 2. URL: <http://www.voennopravo.ru/files/Svinich.doc>.

Трофимов Е.Н.,
адвокат специализированной
адвокатской конторы № 65 Свердловской
областной коллегии адвокатов,
подполковник юстиции в запасе,
trofimovevgeni@mail.ru

К вопросу о сохранении за военнослужащими – преподавателями права на дополнительную общую площадь жилого помещения при зачислении в распоряжение или их увольнении с военной службы

Аннотация: в статье приводится авторская позиция и обоснование сохранения права на дополнительную общую площадь жилого помещения за военнослужащими – преподавателями военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования при зачислении в распоряжение или увольнении с военной службы, в том числе по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Ключевые слова: военнослужащие, дополнительная общая площадь жилого помещения, зачисление в распоряжение, увольнение с военной службы, сохранение права.

Trofimov E.N.,
lawyer specialized law firm number 65
Sverdlovsk Regional Bar Association,
Lieutenant Colonel of Justice in stock,
trofimovevgeni@mail.ru

On the issue of preservation of the military, law teachers on additional total area of premises for admission to the disposal or discharge from military service

The summary: The article presents the author's position and rationale for retaining the right to an additional total area of premises for military personnel - teachers of the military professional educational organization or a military educational institution of higher education, the military department at the state educational institution of higher education for admission to the disposal or discharge from military service, including including on reaching the age limit for military service for health reasons or in connection with organizational and staffing measures.

Key words: soldiers, more general area of the dwelling, enrollment in the order, dismissal from military service, preservation of law.

Пунктом 2 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 405-ФЗ) за отдельными категориями военнослужащих при предоставлении им жилого помещения, в том числе служебного жилого помещения, предусмотрено право на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров. Так, такое право имеют:

– военнослужащие, имеющие воинское звание полковника, ему равное и выше, проходящие военную службу либо уволенные с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями;

– командиры воинских частей;

– военнослужащие, имеющие почетное звание Российской Федерации;

– военнослужащие – преподаватели военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования;

– военнослужащие – научные работники, имеющие ученую степень и (или) ученое звание.

Аналогичные положения содержал ранее п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Из буквальной трактовки приведенной правовой нормы следует, что предусмотренное действующим законодательством право на дополнительную общую площадь жилого помещения может быть реализовано приведенными в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» категориями военнослужащих (за исключением военнослужащих, имеющих воинское звание полковника, ему равное и выше) лишь в период, когда они имеют соответствующий правовой статус.

По поводу изложенного выше Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 29 мая 2014 г. № 8 разъяснил, что во избежание нарушения прав военнослужащих на дополнительную общую площадь жилого помещения в соответствии с п. 2 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» судам следует исходить из того, что такое право сохраняется за офицерами в воинском звании полковника, ему равном и выше, не только проходящими военную службу, но и уволенными с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями. Иные категории военнослужащих (например, командиры воинских частей в воинском звании до подполковника, капитана 2 ранга включительно) имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы.

При этом Верховный Суд Российской Федерации не разъясняет: сохраняется ли право на дополнительную общую площадь жилого помещения за соответствующими категориями военнослужащих в случаях, когда они продолжают проходить военную службу, но освобождены от занимаемых воинских должностей вопреки их воле в связи с проведением организационно-штатных мероприятий либо изъявили желание быть уволенными с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями с воинской должности, дающей право на получение дополнительной общей площади жилого помещения?

В последние несколько лет к разрешению данного вопроса суды всех уровней стали подходить предельно просто.

Так, если на момент предоставления жилья военнослужащему, гражданину, уволенному с военной службы, они не являются военнослужащими, замещающими воинские должности, которые предусматривают право на дополнительную общую площадь жилого помещения, то они не имеют права претендовать на получение жилого помещения с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Однако, видится, что такой упрощенный подход не может быть универсальным, подлежащим применению во всех случаях, в частности в отношении военнослужащих – преподавателей военной профессиональной образовательной организации или военной образова-

тельной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, зачисленных в распоряжение или изъявивших желание уволиться с занимаемых воинских должностей по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В настоящий момент в списках военнослужащих, нуждающихся в получении жилых помещений, находятся сотни, а может быть, и тысячи военнослужащих – преподавателей военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, военной кафедры при государственной образовательной организации высшего образования, признанных нуждающимися в получении жилого помещения на условиях договора социального найма в период, когда они занимали соответствующие воинские должности и подлежали обеспечению жилыми помещениями с учетом их права на дополнительную общую площадь жилого помещения, однако по независящим от них основаниям в период прохождения ими военной службы на соответствующей воинской должности они жильем не были обеспечены. Основной причиной необеспечения таких военнослужащих жильем помещением с учетом их права на дополнительную общую площадь жилого помещения явилось отсутствие у Министерства обороны Российской Федерации жилья (денежных средств) для предоставления таким военнослужащим.

Видится, что при приведенных обстоятельствах Министерство обороны Российской Федерации, взявшее на себя в соответствии с заключенным с военнослужащим контрактом о прохождении военной службы обязательства по предоставлению военнослужащему и членам его семьи гарантии по обеспечению соблюдения прав, включая получение льгот и компенсаций, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, эти обязательства своевременно не выполнило, следовательно, последующее изменение правового статуса военнослужащего (освобождение от должности преподавателя), не связанное с виновными либо инициативными действиями самого военнослужащего, не может освобождать Министерство обороны Российской Федерации в лице органов, уполномоченных решать вопросы обеспечения военнослужащих жилыми помещениями либо жилищной субсидией, от взятых обязательств.

Аналогичная позиция высказана Е.А. Глуховым в статье «Реализация права на дополнительную общую площадь жилого помещения некоторых категорий военнослужащих»¹.

Иное толкование закона противоречило бы ст. 55 ЖК РФ² и закрепленному в ст. 19 Конституции Российской Федерации³ принципу равенства, поскольку военнослужащий не реализовал имеющееся у него право на получение жилого помещения с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения исключительно по причине бездействия Министерства обороны Российской Федерации и его органов, уполномоченных решать вопросы обеспечения военнослужащих жильем.

При этом, недостаточность бюджетных средств не может являться основанием для ограничения либо умаления прав военнослужащих, в том числе в части обеспечения их жильем.

Федеральный закон «О статусе военнослужащих», устанавливающий основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, а также граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей, предусматривает ряд государственных гарантий и компенсаций, в том числе для тех граждан, которые увольняются, прослужив длительное время, с военной службы и не имеют при этом жилища или нуждаются в улучшении жилищных условий.

В связи с изложенным следует отметить, что сохранение права на дополнительную жилую площадь и дополнительную общую площадь жилого помещения за военнослужащими, имевшими такое право и после увольнения с военной службы, было прямо предусмотре-

рено в ранее действовавших нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы жилищного обеспечения военнослужащих.

Так, п. 7 ст. 15 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих» было предусмотрено, что командирам воинских частей, офицерам в воинском звании полковника (капитана первого ранга) и выше предоставляется сверх установленной нормы дополнительная жилая площадь или дополнительная комната размером не менее 10 квадратных метров. Такое же право предоставлялось военнослужащим – преподавателям военных образовательных учреждений профессионального образования, военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, научным работникам, имеющим ученые степени или звания. Также предусматривалось, что право на дополнительную жилую площадь или дополнительную комнату сохраняется за указанными военнослужащими и после увольнения с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В последующем, а именно в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», норма, предусматривающая сохранение за соответствующей категорией военнослужащих права на дополнительную общую площадь жилого помещения и после увольнения с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, была исключена.

Однако, тем не менее, на практике, когда вопросы жилищного обеспечения военнослужащих решались жилищными комиссиями воинских частей, право на дополнительную общую площадь жилого помещения при предоставлении жилья, в том числе и уволенным с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями военнослужащим-преподавателям, учитывалось. Соответствующие жилищные комиссии обосновывали такое решение именно тем, что военнослужащий-преподаватель не реализовал свое право на получение жилого помещения с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения по независящим от него основаниям, а именно в связи с отсутствием у Министерства обороны Российской Федерации возможности для своевременного обеспечения его жильем.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал и неоднократно подтверждал правовую позицию, согласно которой изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере, в частности по вопросам социального обеспечения военнослужащих; это, как и точность и конкретность правовых норм, которые лежат в основе решений правоприменителей, включая суды, необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты, т. е. в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано.

Данная правовая позиция носит общий характер и подтверждена:

– постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений первой части статьи 1 и статьи 2

Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»;

– постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции»;

– постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 года 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»;

– определением Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 года № 415-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности части первой статьи 128 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2003 год» и подпункта 16 пункта 1 приложения 20 к данному Федеральному закону.

Приведенная выше позиция Конституционного Суда Российской Федерации нашла свое отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2014 г. № 205-КГ14-42, юридически значимым при оценке права военнослужащего – бывшего преподавателя, зачисленного в распоряжение, на дополнительную общую площадь жилого помещения является момент возникновения у него права на получение жилого помещения с учетом причитающейся дополнительной общей площади жилого помещения.

На другое юридически значимое обстоятельство указывается в определении Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 202-КГ13-19: таким обстоятельством, по мнению указанного суда, является факт прохождения или непрохождения преподавателем военной службы на момент распределения ему жилого помещения.

Приведенная выше позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что если при рассмотрении гражданского дела по заявлению (административному исковому заявлению) военнослужащего-преподавателя будет установлено, что необеспечение его жилым помещением в период прохождения им военной службы в должности преподавателя было незаконным (в том числе и в связи с отсутствием жилых помещений или денежных средств у Министерства обороны Российской Федерации, так как это не является основанием для ущемления или умаления прав военнослужащих), то вполне возможно и допустимо сохранение за таким военнослужащим, зачисленным в распоряжение или уволенным с военной службы с занимаемой воинской должности преподавателя, права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Вывод о том, что при предоставлении жилого помещения военнослужащему, увольняющемуся с воинской должности, предполагающей право на дополнительную общую площадь жилого помещения, признанному нуждающимся в получении жилого помещения (улучшении жилищных условий), должно быть реализовано в том числе и право на дополнительную общую площадь жилого помещения, подтверждается и п. 31 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшения жилищных условий в избранном постоянном месте жительства (далее – Правила), утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054.

В соответствии с указанным пунктом Правил при определении размера предоставляемого жилья учитывается, что уволенным с военной службы офицерам в воинском звании полковника, ему равном и выше, а также командирам воинских частей, военнослужащим, имеющим почетные звания Российской Федерации, военнослужащим – преподавателям военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования, военных кафедр при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, военнослужащим – научным работникам, имеющим ученые степени или ученые звания, предоставляется дополнительная общая площадь жилого помещения размером не менее 15 квадратных метров и не более 25 квадратных метров.

С учетом того что Правила регламентируют порядок обеспечения жильем военнослужащих при увольнении с военной службы или уволенных с военной службы по избранному после увольнения с военной службы постоянному месту жительства, положения п. 31 Правил имеют отношение именно к указанной категории военнослужащих, т. е. к военнослужащим, подлежащим увольнению и уволенным с военной службы.

Из системного анализа приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и п. 31 Правил следует прийти к выводу о том, что если военнослужащий был признан нуждающимся в получении жилого помещения (улучшении жилищных условий) в период прохождения им военной службы в должности, предполагающей право на дополнительную общую площадь жилого помещения, не был обеспечен жильем по независящим от него причинам, несмотря на наличие такого права, отказался от инициативных действий по назначению на иные воинские должности, на которых право на дополнительную общую площадь жилого помещения не предусмотрено, не был назначен на равную воинскую должность, на которой право на дополнительную общую площадь жилого помещения не предусмотрено, а изъявил желание быть уволенным с военной службы с воинской должности, предполагающей право на дополнительную общую площадь жилого помещения, по такой военнослужащий безусловно должен иметь возможность реализовать приобретенное в период прохождения военной службы на соответствующей должности право на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Правомерность и обоснованность такого подхода к решению вопроса прямо подтверждается определением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2001 г. № 259-О.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в указанном определении констатирует, что, учитывая особый характер военной службы, законодатель предусмотрел и специальные условия реализации рассматриваемого права теми военнослужащими, кто ко времени увольнения с военной службы не был по каким-либо причинам обеспечен жилым помещением или изъявил желание переехать в другую местность: такие лица не могут быть без их согласия исключены из списка очередников на получение жилых помещений (улучшение жилищных условий) по последнему перед увольнением месту военной службы (чч. 1 и 2 п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), причем за соответствующими категориями военнослужащих сохраняется право на дополнительную жилую площадь (п. 8 ст. 15).

На необходимость сохранения за военнослужащими-преподавателями права на дополнительную общую площадь жилого помещения при зачислении в распоряжение по причине освобождения от воинской должности в связи с проведением организационно-штатных мероприятий указывается и в справке Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, опубликованной в журнале «Право в Вооруженных Силах» № 6 за 2012 г.⁴

Изложенная позиция поддерживалась и Главной военной прокуратурой. Так, из ответа начальника 4-го управления Главной военной прокуратуры, опубликованного на сайте «Российской газеты» 4 июля 2012 г., следует, что если освобождение военнослужащего, имевшего право на дополнительную общую площадь жилого помещения, от занимаемой воинской должности, дающей ему такое право, было вызвано независимыми от его воли объективными факторами (например, проведение организационно-штатных мероприятий), за ним сохраняется право на получение постоянного жилья с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения⁵.

Однако названное выше должностное лицо Главной военной прокуратуры в 2014 г. дает диаметрально противоположное толкование нормы права в части, касающейся права на дополнительную общую площадь жилого помещения, указывая то, что военнослужащие – преподаватели военно-учебных заведений и военнослужащие – научные работники, имеющие ученые степени и (или) ученые звания, право на получение дополнительной общей площади могут реализовать только в период прохождения ими военной службы на соответствующих должностях. В случае освобождения от должности такое право за ними не сохраняется⁶.

В соответствии с действующим законодательством о воинской обязанности и военной службе военная служба военнослужащего на воинской должности, дающей право на получение дополнительной общей площади жилого помещения, не может быть бесконечной. По независимым от такого военнослужащего основаниям он может быть зачислен в распоряжение в связи с организационно-штатными мероприятиями либо будет подлежать увольнению с военной службы, в том числе по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями. Исходя из существующей в настоящее время позиции судов при этом указанный военнослужащий утратит право на дополнительную общую площадь жилого помещения, на которую он претендовал при прохождении военной службы на соответствующей воинской должности.

При таком положении дел закрепленное в законодательстве право отдельных категорий военнослужащих на дополнительную общую площадь жилого помещения приобретает исключительно декларативный характер, лишенный практического значения, так как Министерство обороны Российской Федерации и органы Министерства обороны Российской Федерации, уполномоченные решать вопросы жилищного обеспечения военнослужащих, не имеют каких-либо обязательств перед рассматриваемой категорией военнослужащих по обеспечению их жилым помещением именно в период прохождения ими военной службы на соответствующих воинских должностях ввиду отсутствия законодательно закрепленных сроков обеспечения жильем (жилищной субсидией) военнослужащих. Да и защитить свои права в изложенной части, в том числе и в судебном порядке, практически невозможно ввиду отсутствия как таковой очередности предоставления жилья (жилищной субсидии) военнослужащим. Несмотря на нормативное закрепление порядка предоставления жилых помещений исходя из очередности, определяемой датой обращения военнослужащего с заявлением о принятии на учет нуждающихся в получении жилых помещений, такую очередность в настоящее время отследить невозможно. Если даже она существует, то она «не прозрачна» и не доступна для всеобщего обозрения.

При указанных обстоятельствах добиться военнослужащему получения жилого помещения (жилищной субсидии), проходя военную службу на воинской должности, дающей право на дополнительную общую площадь жилого помещения, несмотря на законодательное закрепление такого права, достаточно проблематично. Реализация этого права, даже при наличии всех необходимых условий, зависит исключительно от воли органов Минис-

терства обороны Российской Федерации, уполномоченных решать вопросы жилищного обеспечения военнослужащих, которые, в свою очередь, не обременены какими-либо обязательствами по обеспечению таких военнослужащих жилыми помещениями с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Все это создает благодатную почву для коррупции при решении вопросов жилищного обеспечения военнослужащих, обладающих правом на дополнительную общую площадь жилого помещения.

Библиографический список

1. Глухов, Е. А. Реализация права на дополнительную общую площадь жилого помещения некоторых категорий военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 10. – С. 37 – 43.

2. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации. Справка о рассмотрении военными судами гражданских дел, связанных с жилищным обеспечением военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 6. – С. 45 – 46.

---

¹ Глухов Е.А. Реализация права на дополнительную общую площадь жилого помещения некоторых категорий военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 10. С. 37 – 43.

² «Право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях сохраняется за гражданами до получения ими жилых помещений по договорам социального найма или до выявления предусмотренных статьей 56 настоящего Кодекса оснований снятия их с учета».

³ «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

⁴ Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации. Справка о рассмотрении военными судами гражданских дел, связанных с жилищным обеспечением военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 6. С. 45 – 46.

⁵ URL: <http://www.rg.ru/2012/07/04/ploshad-site-anons.html>

⁶ URL: <http://www.redstar.ru/index.php/news-menu/vesti/v-voennyh-okrugah/iz-tsentralnogo-voennogo-okruga/item/14288-voennyj-prokuror-raz-yasnyaet?tmpl=component&print=1>

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного подразделениями, воинскими частями и соединениями Вооруженных Сил Российской Федерации гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции¹

Аннотация: статья посвящена исследованию правовой природы отношений по возмещению вреда, причиненного подразделениями, воинскими частями и соединениями Вооруженных Сил Российской Федерации гражданину или юридическому лицу при пресечении террористического акта.

Ключевые слова: терроризм, возмещение вреда, контртеррористическая операция, деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации.

Trofimov M.V.,
candidate of legal sciences,
m-ginger@rambler.ru

Legal regulation of causing harm to a citizen or legal entity by subdivisions, military units and formations of the Armed Forces of the Russian Federation during the counter-terrorist operation

The article is devoted to research of the legal nature of relations connected to the compensation of damage caused by subdivisions, military units and formations of the Armed Forces of the Russian Federation to a citizen or legal entity during the process of suppression of a terrorist act.

Key words: terrorism, compensation of damage, counter-terrorist operation, activity of the Armed Forces of the Russian Federation.

В настоящей статье предлагается рассмотреть правовое регулирование возмещения вреда, причиненного подразделениями, воинскими частями и соединениями Вооруженных Сил Российской Федерации гражданину или юридическому лицу в рамках реализации возложенных законодательством правоприменительных функций при проведении контртеррористической операции (как правило, при пресечении террористического акта). Пресечение террористического акта осуществляется силами и средствами органов федеральной службы безопасности, а также создаваемой группировки сил и средств, в состав которой по решению руководителя контртеррористической операции могут включаться подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – воинские части)². В науке военного права данные вопросы остаются малоисследованными.

Наиболее полно вопросы возмещения вреда, причиненного актом терроризма, исследованы в науке гражданского права³. Поскольку вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, является разновидностью вреда, причиненного актом террориз-

ма, основные теоретические положения, касающиеся данных вопросов, следует признать идентичными.

В связи с изложенным при исследовании вопросов возмещения вреда, причиненного воинскими частями гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции, предлагается взять за основу отдельные положения теории, сформулированные наукой гражданского права. В частности, следует согласиться с Л.Т. Кокоевой, В.А. Рыбаковым, В.Н. Соловьевым, С.А. Трушиным, что при пресечении акта терроризма вред может быть причинен как террористами, так и военнослужащими, сотрудниками и специалистами федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих борьбу с терроризмом⁴. Кроме того, автор поддерживает позицию А.С. Шевченко, который, рассматривая обязательства вследствие причинения вреда, разделил их на две группы. К первой группе он отнес обязательства, основанием возникновения которых является противоправное причинение вреда, ко второй – обязательства, возникающие из факта причинения вреда правомерными действиями⁵.

Проблема разграничения противоправности и правомерности причинения вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции, остается, на наш взгляд, весьма актуальной в настоящее время. В корне проблемы лежит толкование терминов «необходимая оборона», «крайняя необходимость» и других терминов, исследование которых входит в предмет науки уголовного, а не военного права. Поэтому в настоящей статье не будет рассматриваться вопрос, в каких ситуациях вред, причиненный гражданину или юридическому лицу, будет считаться правомерным, а в каких – неправомерным. Данный вопрос требует отдельного исследования. Мы же более подробно остановимся на вопросах возмещения вреда, правомерности (или неправомерности) причинения которого уже установлена судом или уполномоченным органом. При этом, необходимо иметь в виду, что возмещение вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции, осуществляется в судебном гражданско-правовом порядке⁶.

Необходимо отметить, что исследование данной темы невозможно без определения правовой природы обязательств по возмещению вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции. Представители гражданско-правовой науки исходят из того, что обязательство по возмещению вреда, причиненного актом терроризма, следует рассматривать исключительно в рамках гражданско-правовых обязательств⁷. Вместе с тем, по данному вопросу имеются и иные точки зрения. В частности, Я.Я. Кайль утверждает, что «правоотношения, возникающие при возмещении вреда, причиненного террористической деятельностью, выходят за рамки деликтных обязательств, как они понимаются в гражданском праве»⁸. Автор полагает, что обязательство вследствие причинения вреда, причиненного воинскими частями при проведении контртеррористической операции, носит финансово-правовой характер, что будет обосновано в настоящей статье.

Конечно, при рассмотрении вопросов возмещения вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции, следует исходить из общих начал гражданского законодательства. Так, согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный противоправно, по общему правилу подлежит возмещению в любом случае, причем в полном объеме. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению только в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). На этом строится судебная практика⁹.

Однако, по мнению автора, данное состояние дел обусловлено отсутствием в Российской Федерации в публичном праве собственной теории о возмещении вреда¹⁰ и соответствующего публично-правового регулирования, поэтому суды пользуются инструментарием, предложенным наукой гражданского права. В этой связи представляет определенный интерес мнение О.Н. Садикова, отмечавшего, что отношения, регулируемые нормами

ст.ст. 16, 1069 ГК РФ, являются имущественными административными отношениями, включенными в сферу гражданского законодательства лишь в связи с тем, что п. 3 ст. 2 ГК РФ позволяет применять к таким отношениям нормы гражданского законодательства¹¹. Представляется, что определяющую роль в установлении сложившегося порядка, при котором к правоотношениям по возмещению вреда, причиненного государственными органами, применяются правила, определенные ГК РФ, сыграл Конституционный Суд Российской Федерации. Он определил, что именно гражданским законодательством установлены дополнительные гарантии для защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти, направленные на реализацию положений ст.ст. 52 и 53 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в том числе злоупотреблением властью¹².

Между тем рассматриваемые нами отношения, возникающие в связи с возмещением вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции, имеют свою специфику: в качестве причинителей вреда здесь выступают воинские части (их должностные лица), обладающие властными полномочиями, наделенные ими в силу закона и действующие во исполнение своих служебных обязанностей. Субъектный состав рассматриваемых отношений не свойствен гражданско-правовым отношениям, возникающим из причинения вреда. Следовательно, данные правоотношения выделяются, обособляются от предмета гражданского права и регулируются нормами других самостоятельных отраслей права. Если обратиться к зарубежному опыту (Израиль, Франция), то там выплаты не носят гражданско-правового характера. Государство добровольно принимает на себя обязанность обеспечить материальную помощь потерпевшим, привлекая в специально создаваемые фонды не только средства бюджета, но и пожертвования иных лиц¹³. По мнению автора, институт возмещения вреда, причиненного воинскими частями гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции, является составной частью финансового (бюджетного) права¹⁴.

Рассмотрим, в каком порядке осуществляется возмещение вреда, причиненного правомерными действиями воинских частей при проведении контртеррористической операции.

В ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» содержится положение о том, что лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными. В пп. 2 и 3 ст. 18 названного Закона указано, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации¹⁵. Вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит.

В соответствии с установленным порядком бюджетные ассигнования на возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, выделяются из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий¹⁶. Основанием для выделения соответствующих бюджетных ассигнований является решение Прави-

тельства Российской Федерации, в котором указываются общая сумма выделяемых бюджетных ассигнований и их распределение по проводимым мероприятиям.

Таким образом, порядок возмещения вреда, причиненного правомерными действиями воинских частей при проведении контртеррористической операции, регламентируется в основном нормами финансового (бюджетного) права, признаки гражданско-правового регулирования возмещения вреда отсутствуют. Представляется, что при обсуждении данных вопросов следует говорить об обусловленной Федеральным законом «О противодействии терроризму», Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 обязанности Российской Федерации или действующего от ее имени государственного органа предоставить гражданину или юридическому лицу средства из федерального бюджета, т. е. речь идет о расходном обязательстве Российской Федерации (ст. 6 БК РФ).

Далее раскроем порядок возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями воинских частей при проведении контртеррористической операции. В этом случае также определяющими будут положения ст.ст. 52, 53 Конституции Российской Федерации, из которых следует, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Как уже было отмечено, в Российской Федерации в публичном праве отсутствует собственная теория о возмещении вреда, поэтому на практике к правоотношениям по возмещению вреда, причиненного неправомерными действиями воинских частей при проведении контртеррористической операции, применяются правила, определенные ГК РФ (общие правила – ст.ст. 15 и 16 ГК РФ), и нормы, регулирующие обязательства вследствие причинения вреда (ст.ст. 1064 и 1069 ГК РФ), с особенностями, установленными финансовым законодательством.

При этом в ГК РФ определены лишь общие правила возмещения убытков, а также нормы, регулирующие возникновение обязательства государства вследствие причинения вреда. На наш взгляд, БК РФ является непосредственно источником, содержащим финансово-правовые нормы, определяющие порядок возмещения вреда, причиненного государственными органами (в том числе воинскими частями). Дело в том, что возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями воинских частей при проведении контртеррористической операции, осуществляется исключительно на основании судебного акта, что обусловлено действием принципа иммунитета бюджета.

Согласно ст. 239 БК РФ иммунитет бюджетов бюджетной системы Российской Федерации представляет собой правовой режим, при котором обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется только на основании судебного акта, за исключением отдельных случаев. При этом обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится не службой судебных приставов, а в соответствии с гл. 24.1 БК РФ.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из правовой природы бюджета, являющегося финансовой основой функционирования государства, средства которого расходуются на государственные и общественные нужды в интересах всех граждан, проживающих на его территории, и из необходимости целевого расходования бюджетных средств, федеральный законодатель вправе и обязан установить такое правовое регулирование, которое препятствует возможности бесконтрольного обращения взыскания на средства бюджета. Тем самым обеспечиваются реальные гарантии сохранности средств государства, которое в этих целях может прибегать к использованию судебной защиты своих прав. Судебный механизм решения имущественного спора, в том числе связанного с возмещением за счет бюджета причиненного гражданину вреда, является наиболее предпочтительным для обеспечения справедливости и соразмерности решения, а также для соответствующего кон-

троля за соблюдением этих общеправовых требований при принятии досудебных актов и потому, как направленный и на обеспечение прав личности, и на учет законных интересов государства как собственника средств, в наибольшей степени согласуется с положениями ст. 8 (ч. 2), ст. 35 (ч. 3) и ст. 46 Конституции Российской Федерации¹⁷.

Таким образом, посредством иммунитета бюджета, с одной стороны, защищаются финансовые интересы государства и общества, а с другой – права граждан на возмещение государством вреда.

Следует отметить, что применение судебного порядка возмещения вреда, причиненного воинскими частями при проведении контртеррористической операции, не свидетельствует о привлечении к гражданско-правовой ответственности, а всего лишь служит гарантией защиты прав общества при расходовании средств бюджета. Автор не поддерживает позицию отдельных ученых о том, что обязательства по возмещению и компенсации вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой привлекается государство¹⁸.

Интересно, что государство не вправе отказаться от исполнения решения суда при отсутствии средств в бюджете. Как указано в постановлении Европейского Суда по правам человека по России «Бурдов (Burdov) против России» (жалоба № 59498/00; Страсбург, 7 мая 2002 г.), орган государства-ответчика не волен ссылаться на недостаточное финансирование в оправдание уплаты долга, установленного решением суда. Предполагается, что та или иная задержка исполнения судебного решения при определенных обстоятельствах может быть оправдана. Однако задержка не может быть такой, чтобы нарушала саму суть права, гарантируемого п. 1 ст. 6 Конвенции (параграф 35).

Наличие многочисленных бюджетно-правовых норм, регламентирующих порядок возмещения вреда, причиненного государственными органами (в том числе воинскими частями), также подтверждает позицию автора о финансово-правовом характере рассматриваемых отношений.

Так, ст. 69 БК РФ относит ассигнования на исполнение судебных актов по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) органов государственной власти (государственных органов) либо должностных лиц этих органов, к бюджетным ассигнованиям. Глава 24.1 БК РФ определяет правила исполнения судебных актов по обращению заявителя на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Согласно п. 3 ст. 158 БК РФ главный распорядитель средств федерального бюджета выступает в суде соответственно от имени Российской Федерации по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного физическому лицу или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, в том числе в результате издания актов органов государственной власти, не соответствующих закону или иному правовому акту. Федеральными законами о федеральном бюджете утверждается объем бюджетных ассигнований на исполнение обязательств.

Вместе с тем, следует согласиться с мнением О.И. Долгополова¹⁹ о том, что при соотношении норм бюджетного и гражданского законодательства можно сделать вывод: нормы бюджетного законодательства существуют и применяются не сами по себе, а в неразрывной связи с гражданским законодательством. Нормы бюджетного законодательства в широком смысле являются составной частью общих норм о возмещении убытков, причиненных государственными органами или должностными лицами этих органов.

В качестве вывода можно отметить, что обязательство по возмещению вреда, причиненного воинскими частями гражданину или юридическому лицу при проведении контртер-

рористической операции, носит финансово-правовой характер. Вместе с тем, поскольку в Российской Федерации в публичном праве отсутствует собственная теория о возмещении вреда и соответствующее публично-правовое регулирование, правоприменители пользуются инструментарием, предложенным наукой гражданского права. При этом сами правоотношения по возмещению вреда, причиненного воинскими частями гражданину или юридическому лицу при проведении контртеррористической операции, выделяются, обособляются от предмета гражданского права и регулируются нормами финансового права.

Библиографический список

1. *Амиров, Д.Р.* Возмещение вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции [Текст] / Д.Р. Амиров // Военно-юрид. журн. – 2012. – № 7.
2. *Белхароев, Х.У.* Финансово-правовое регулирование выделения материальных и продовольственных ресурсов при ликвидации чрезвычайных ситуаций [Текст] / Х.У. Белхароев // Финансовое право. – 2013. – № 9.
3. *Долгополов, О.И.* Финансово-правовое регулирование возмещения убытков, причиненных налоговыми органами [Электронный ресурс] / О.И. Долгополов. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Кайль, Я.Я.* Российская Федерация как должник в обязательствах вследствие причинения вреда [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Я.Я. Кайль. – Волгоград, 2005.
5. *Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А.* Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: моногр. [Электронный ресурс] / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев, С.А. Трушин. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Садиков О.Н.* Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // [Электронный ресурс] / О.Н. Садиков. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Прошальгин Р.А.* Правовая природа обязательств по возмещению и компенсации вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия [Текст] / Р.А. Прошальгин // Рос. следователь. – 2013. – № 15.
8. *Туганов Ю.Н., Балабанов Н.Н.* Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам. – М. : За права военнослужащих, 2011. – 416 с.
9. *Туганов Ю.Н.* Совершенствование института судебного обжалования решений по гражданским делам в системе военных судов // Право в Вооруженных Силах. – 2011. – № 5. – С. 66 – 68.

---

¹ Рецензент – Ю.Н. Туганов, доктор юридических наук, доцент.

² Статья 15 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (по состоянию на 1 ноября 2015 г.) «О противодействии терроризму».

³ *Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А.* Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма : моногр. // Юрист. 2009; *Амиров Д.Р.* Возмещение вреда, причиненного при проведении контртеррористической операции // Военно-юрид. журн. 2012. № 7. С. 8 – 9.

⁴ *Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А.* Указ. соч. С. 59.

⁵ *Шевченко Я.Н.* Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1979. С. 46.

⁶ См. об этом подробнее: *Туганов Ю.Н., Балабанов Н.Н.* Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам. М., 2011. 416 с.; *Туганов Ю.Н.* Совершенствование института судебного обжалования решений по гражданским делам в системе военных судов // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5. С. 66 – 68.

⁷ Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А. Указ. соч. С. 20.

⁸ Кайль Я.Я. Российская Федерация как должник в обязательствах вследствие причинения вреда : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 75.

⁹ Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 14 июня 2012 г. по делу № 33-631/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2015); Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15 марта 2012 г. по делу № А77-634/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2015).

¹⁰ См. также: Долгополов О.И. Финансово-правовое регулирование возмещения убытков, причиненных налоговыми органами [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2015).

¹¹ Садилов О.Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 44.

¹² По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 февр. 2002 г. № 22-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2015).

¹³ Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ См. также: Долгополов О.И. Указ соч. С. 38.

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий».

¹⁶ См. также: Белхароев Х.У. Финансово-правовое регулирование выделения материальных и продовольственных ресурсов при ликвидации чрезвычайных ситуаций // Финансовое право. 2013. № 9. С. 2 – 5.

¹⁷ Дело о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П // Рос. газ. 2010. 12 марта.

¹⁸ Прошальгин Р.А. Правовая природа обязательств по возмещению и компенсации вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия // Рос. следователь. 2013. № 15.

¹⁹ Долгополов О.И. Указ. соч. С. 6.

К вопросу о проблемах взаимодействия военных и частных структур при обеспечении обороны Российской Федерации¹

Аннотация: в статье рассматриваются основные причины проблем взаимодействия военных и частных структур в процессе обеспечения обороны и военной безопасности России. Приводятся результаты опроса военнослужащих, юристов, преподавателей и научных сотрудников.

Ключевые слова: военное положение, война, реквизиция, частные структуры, военные структуры.

Shnyakina T.S.,
teacher of the Military University,
tasha.87@mail.ru

To the question of problems of the interaction of the military and private structures when providing the defense of the Russian Federation

The main reasons of the problems of the interaction of the military and private structures in the course of the providing the defense and military safety of Russia are considered in this article. The results of the poll of the military personnel, lawyers, teachers and research associates are given in this article.

Key words: martial law, war, requisition, private structures, military structures.

Согласно подп. «к» п. 8 Военной доктрины Российской Федерации² на современном этапе развития России военная организация государства представляет собой совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации. Под оборонно-промышленным комплексом принято понимать единый комплекс организаций промышленности и науки, разрабатывающих, производящих, модернизирующих и утилизирующих продукцию военного назначения в целях оснащения и материального обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск Российской Федерации, а также реализации продукции военного назначения в ходе осуществления военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами³.

Однако, помимо непосредственно военных ведомств, под которыми понимается система военных органов и организаций, образующих оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации, к мероприятиям по обеспечению обороны могут привлекаться любые физические лица (граждане России, иностранные граждане, лица без гражданства), органы местного самоуправления, российские или иностранные юридические лица, иные органи-

зации или общественные объединения, если иное не предусмотрено законом или международным договором Российской Федерации.

Частные лица и структуры участвуют в мероприятиях по обеспечению обороны Российской Федерации в форме предоставления имущества, производства продукции, выполнения работ, оказания услуг для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, специальных формирований, создаваемых на военное время.

Обязанность частных лиц и структур участвовать в обеспечении обороны государства в форме предоставления имущества для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации установлена целым рядом нормативных правовых актов, отличных друг от друга юридической силой, содержанием и назначением. Среди них особо следует назвать Конституцию Российской Федерации (ч. 3 ст. 55), Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ст.ст. 7, 8), Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (п. 26 ч. 1 ст. 6, ст.ст. 8, 9, 10.2), ГК РФ (ст. 242), ЗК РФ (ст. 51), Воздушный кодекс Российской Федерации (ст. 39), Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (абз. 2 п. 7, п. 10 ч. 1 ст. 9, п. 3 ч. 1 ст. 10, ст. 13), Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне», Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ст. 8), Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.⁴ и Военную доктрину Российской Федерации.

Так, ст. 8 Федерального закона «Об обороне» установлена обязанность организаций в соответствии с законодательством Российской Федерации предоставлять для нужд обороны здания, сооружения, транспортные средства и другое имущество, находящиеся в их собственности, с последующей компенсацией понесенных расходов в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. Статьей 9 названного Закона установлена обязанность граждан Российской Федерации предоставлять в военное время для нужд обороны по требованию федеральных органов исполнительной власти здания, сооружения, транспортные средства и другое имущество, находящиеся в их собственности, с последующей компенсацией понесенных расходов в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Приведенные примеры обязанностей частных лиц и структур участвовать в обеспечении обороны государства посредством предоставления имущества охватываются, согласно ст. 242 ГК РФ, емким понятием реквизиции.

12 ноября 2015 г. на совещании о развитии Вооруженных Сил Российской Федерации, проводившемся с руководителями ряда министерств и ведомств, участвующих в обеспечении деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил проанализировать и устранить выявленные во время учений проблемы взаимодействия военных и частных структур. При этом он отметил: «Как вы знаете, за последнее время было проведено большое количество учений, в этой работе принимали участие большие коллективы, в том числе и невоенные коллективы, а также предприятия, в числе которых были и частные. Они предоставляли автотранспорт, технику, услуги, производственные мощности и так далее... Нужно понимать, что это серьезная работа. Да, на первый взгляд, она кажется рутинной, но она в любом государстве, и в нашем тоже, должна находиться на известном высоком профессиональном уровне, и ответственность за ее исполнение каждый руководитель на своем месте должен нести персональную»⁵.

Таким образом, Президент Российской Федерации подтвердил необходимость детальной и четкой своевременной правовой регламентации совместных действий военных и гражданских структур по применению реквизиции в целях отражения или предотвращения агрессии против России во всех прогнозируемых ситуациях.

Недостаточность разработанности уровня отечественного законодательства в области военной реквизиции обусловлена сложностью в определении правовой природы реквизиции, ее места в системе ограничительных мер, применяемых государством в предусмотренных законами обстоятельствах, а также трудностью в обеспечении правового баланса в форме равновесия публичного и частного интересов, выражающегося в возможности удовлетворения государственных интересов с наименьшими потерями для частных лиц.

Отсутствие теоретических, законодательных и практических разработок в области порядка применения военной реквизиции вызывает, в свою очередь, отсутствие слаженности в совместной работе военных и гражданских структур по обеспечению военной безопасности и обороны государства.

В большинстве своем в юридической литературе реквизиция априорно признается институтом гражданского права. Автоматическое отнесение реквизиции к гражданской отрасли права объясняется тремя моментами: первый – бланкетная норма о реквизиции находится в ГК РФ, второй – реквизиция затрагивает частные имущественные интересы, третий – предметом реквизиции всегда выступает имущество. Однако в таком случае и конфискация следует считать институтом только гражданского права.

Так, показательными являются результаты проведенного среди военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, юристов, преподавателей и научных сотрудников опроса, состоявшего из вопросов о сущности, видах, порядке применения и способах правового регулирования реквизиции в Российской Федерации⁶.

Отраслевая принадлежность военной реквизиции была определена респондентами в следующей пропорции: военное право – 41 %; гражданское право – 32 %; административное право – 13 %; одновременная принадлежность к гражданскому, административному и военному праву – 6 %; одновременная принадлежность к гражданскому и административному праву – 2 %; затруднились с ответом – 6 %. При этом похожая ситуация наблюдается и с определением правовой сущности конфискации: к уголовному праву конфискацию отнесли 51 % респондентов; к гражданскому праву – 17 %; к административному праву – 12 %; одновременно к уголовному и гражданскому праву – 6 %; одновременно к административному и уголовному праву – 6 %; одновременно к административному, гражданскому и уголовному праву – 2 %; затруднились с ответом – 6 %. Как видим, результаты ответов респондентов на вопросы об отраслевой принадлежности реквизиции и конфискации показали, что и реквизиция, и конфискация при наличии трех общих характеристик (представляют собой самостоятельные виды принудительного изъятия имущества; имеют имущественный характер; бланкетные статьи – ст. 242 «Реквизиция» и ст. 243 «Конфискация» – находятся в ГК РФ) являются сложными правовыми явлениями, которые отнести к одной отрасли права затруднительно.

Правовая сущность военной реквизиции респондентами была определена в следующем соотношении: реквизиция является правовым актом государственного управления – 70 %; сделкой – 17 %; затруднились с ответом – 13 %. Возможность в период действия режима военного положения в Российской Федерации применения к реквизиции гражданского законодательства поддержали 56 % респондентов; отрицают такую возможность 30 %; частичное применение допускают – 4 %; считают применение гражданского законодательства затрудняющим процесс реквизиции – 2 %; затруднились с ответом – 8 %. При этом 62 % респондентов указали, что состоявшаяся реквизиция является событием, с которым ГК РФ связывает наступление гражданско-правовых последствий для собственника реквизируемого имущества, а следовательно, применение гражданского законодательства возможно только после отмены (прекращения) военного положения. С ними не согласились – 19 %; затруднились с выбором позиции – 19 %.

Анализ законодательства, регулирующего в той или иной степени вопросы реквизиции, позволил выделить следующие существенные особенности военной реквизиции:

1) обладает неоднородным по своему составу предметом правового регулирования. Можно выделить несколько блоков общественных отношений, осложненных военной составляющей: блок имущественных отношений (органы военного управления – собственник имущества); блок управленческих отношений (органы, принимающие решение о применении реквизиции, органы, обеспечивающие организацию исполнения реквизиции, органы, приводящие в исполнение реквизицию, органы, ответственные за учет, хранение, использование реквизированного имущества), блок процессуальных отношений (процедурные вопросы реквизиции); блок общественных отношений, возникающих в связи с действием конкретных правовых режимов (мобилизация, подготовка к мобилизации, военное положение, военные действия, военное время, военный конфликт, вооруженный конфликт, война). При этом все названные блоки общественных отношений характеризуются жесткими властно-подчиненными связями между их субъектами;

2) опирается на императивный метод правового регулирования, присущий отрасли военного права и позволяющий обеспечить реализацию публичных интересов за счет частных интересов и одновременную защиту последних;

3) имеет самостоятельное назначение – является мерой обеспечения обороны и военной безопасности государства;

4) принадлежит к категории «право необходимости государства»;

5) внешне выражается в форме издания односторонних правовых актов военного управления и составления процессуальных документов.

Названные признаки позволяют сделать утверждение о том, что военная реквизиция является самостоятельным комплексным институтом именно военной отрасли права.

На нормотворческом уровне, как и в доктринальной среде, отсутствует единый подход к пониманию реквизиции. Так, системе правового регулирования применения реквизиции в Российской Федерации присущи следующие недостатки:

1) в текстах законов реквизиция обозначается через различные термины и характеризуется неодинаковым набором признаков;

2) фрагментарность законодательного регулирования;

3) непоследовательность в законодательном регулировании юридических последствий реквизиции;

4) законодательно не определены органы военного управления, правомочные применять реквизицию на основании подп. 7 п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении»;

5) отсутствует федеральный закон о порядке применения реквизиции в период военного положения в России, наличие которого предусматривается Федеральным конституционным законом «О военном положении», ГК РФ, ЗК РФ и другими законодательными актами.

Однако, несмотря на прямое указание о необходимости установления порядка применения реквизиции законом, на практике не только не принят соответствующий нормативный правовой акт, но нет и определенной позиции относительно способа правового урегулирования порядка применения реквизиции.

Так, по результатам упомянутого выше опроса за отдельный федеральный закон о порядке применения реквизиции в период военного положения в Российской Федерации высказались 69 % респондентов; против – 13 %; затруднились с ответом – 12 %; предлагают комплексный закон обо всех видах реквизиции или дополнения ряда федеральных законов нормами о реквизиции в период военного времени – 6 %.

При этом на вопрос, какие органы государственного управления необходимо наделить правом реквизиции в период военного положения в Российской Федерации, были получены следующие ответы: специально созданный на период военного положения в Российской Федерации орган – 29 %; органы военного управления – 21 %; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации – 11 %; органы военного управления и специ-

ально созданный на период военного положения в Российской Федерации орган – 11 %; федеральные органы исполнительной власти – 8 %; органы военного управления и федеральные органы исполнительной власти – 5 %; органы военного управления, специально созданный на период военного положения в Российской Федерации орган, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации – 2 %; органы военного управления и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации – 2 %; затруднились с ответом – 11 %.

На один из важнейших вопросов о возможности предоставления законодательно закрепленного права самостоятельно принимать решение о применении реквизиции на условиях крайней необходимости командирам (начальникам) воинских подразделений, отвечающим за ведение военных действий (выполнение отдельных военных операций, задач или заданий) на территории, на которой ведутся военные действия и введено военное положение, респонденты дали следующие ответы: за предоставление права реквизиции командирам выступило 60 %; против – 25 %; предложили конкретное должностное лицо (начальника гарнизона) – 2 %; затруднились с ответом – 13 %.

Итак, как представляется, начало детальному правовому регулированию порядка применения военной реквизиции должно быть положено с констатации того факта, что к реквизиции непосредственно в периоды военного положения, военного времени, военных действий, военного конфликта, вооруженного конфликта, состояния войны, мобилизации в Российской Федерации гражданское законодательство не применяется. Основаниями введения в исполнение реквизиции в названные периоды являются односторонние правовые акты государственного управления, при которых волеизъявление собственника не имеет значения. В свою очередь, уже примененную реквизицию следует рассматривать с позиций гражданского права как событие, с которым ГК РФ связывает наступление гражданско-правовых последствий (право требования по суду возврата сохранившегося имущества, невозможность распоряжения имуществом на период реквизиции и т. д.), а не как гражданско-правовое отношение.

Таким образом, основная задача, которая должна быть положительно разрешена современной юридической наукой и практикой, – это признание за военной реквизицией ее военно-административной правовой сущности. Соответствующее признание станет первым шагом к устранению проблем взаимодействия военных и частных структур в области обеспечения обороны и военной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Военно-юридический энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. – М. : За права военнослужащих, 2008. – 368 с.

2. Латухина, К. Путин : Надо устранить проблемы взаимодействия военных и частных структур [Электронный ресурс] / К. Латухина. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2015/11/12/soveshanie-site.html>.

---

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

³ Военно-юридический энциклопедический словарь. М., 2008. С. 233.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

⁵ URL: <http://rg.ru/2015/11/12/soveshanie-site.html>

⁶ Опрос проводился автором статьи в рамках диссертационного исследования, выполненного на базе Военного университета. Все респонденты, принявшие участие в опросе, имели высшее и (или) высшее юридическое образование.

Военно-административные вопросы деятельности военных организаций

Глухов Е.А.,
подполковник юстиции, кандидат юридических наук,
старший преподаватель Санкт-Петербургского института
внутренних войск МВД России,
evgenijgluhov@yandex.ru

Симптомы бюрократизма в военной организации Российского государства¹

Аннотация: в статье рассматриваются уже привычные для военнослужащих мероприятия, которые занимают значимую часть временных и людских ресурсов, однако негативно влияют на боевую готовность воинских формирований. Автор делает вывод о бюрократизации некоторых сфер военного управления и предлагает меры по их устранению.

Ключевые слова: бюрократия, военная служба, эффективность военного управления, боевая готовность, военнослужащий, воинская должность, разделение труда, цели и структура военных организаций.

E.A. Glukhov,
Lieutenant Colonel of Justice, PhD,
Senior Lecturer The Saint-Petersburg Military Institute
of the Internal Troops of the Russian Federation
Ministry for Internal Affairs

Symptoms of bureaucracy in the military organization Russian Federation

This article discusses the already familiar to military activities, which occupy a significant portion of time and human resources in D, but a negative impact on the combat readiness of military units. The author concludes that the bureaucratization of certain areas of military control and proposes measures to address them.

Key words: bureaucracy, military service, the effectiveness of military control, combat readiness, military, military post-section of labor, purpose and structure of military organizations.

Услужливый дурак опаснее врага.
И.А. Крылов

Любая сознательная деятельность должна быть направлена на достижение определенного результата, иначе такая деятельность не будет иметь смысла. Деятельность военной организации России также имеет конкретную цель – поддержание военной безопасности государства. В свою очередь, военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения².

В соответствии с п. 22 Военной доктрины Российской Федерации воинские формирования применяются в трех случаях: 1) для отражения агрессии против нее и (или) ее союзни-

ков, 2) для поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, 3) для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации.

Именно для реализации указанных целей, именно под них и строится структура, состав и численность компонентов военной организации. Подразумевается, что воинские формирования должны по своим боевым возможностям предотвратить военные угрозы либо защитить от них на соответствующих направлениях и в сферах военных действий. Следовательно, штаты, структура, вооружение – все это планируется в зависимости от поставленных перед воинским формированием боевых задач. Это означает, что в штате, например, танковой роты нет и не должно быть должности лоцмана или должности акустика, так как названные должности не влияют на боевые возможности танкового подразделения и никоим образом не способствуют выполнению им боевых задач.

Организационная структура воинского формирования строится на основе деления всех задач воинской части на серии четко определенных должностных обязанностей и функций ее сотрудников, личного состава. Каждой должности «придается» ответственность за выполнение определенной задачи и предоставляется необходимый инструментарий ее выполнения. В руководящих документах обязанности должностных лиц определены таким образом, что все они являются частями общей задачи военной организации: специалисты технической части обеспечивают готовность к применению вооружения, офицеры штаба – планируют и реализуют выполнение боевых и мобилизационных задач, офицеры-воспитатели призваны поддерживать высокий уровень морально-психологического состояния личного состава и т. д.

Так, например, в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации³ (далее – УВС ВС РФ) для каждого должностного лица вопросы обеспечения боевой готовности приведены на первом месте среди его обязанностей. Вместе с тем, специализация и конкретизация обязанностей по должностям ведет к более эффективному выполнению общей задачи военной организации, к успешному выполнению задач боевого предназначения всей воинской части. Рациональное распределение обязанностей в сложной социальной структуре, четкое разделение труда снижают вероятность ошибок и, следовательно, в значительной степени сокращают время ролевого обучения работников управления. Знания и усилия нескольких человек могут организовываться таким образом, что они взаимно усиливаются, происходит синергический эффект.

Все виды воинской деятельности военнослужащего должны, прежде всего, способствовать поддержанию высокого уровня боевой готовности и боеспособности самого военнослужащего, а также воинского формирования, в котором он проходит военную службу. Исходя из этого один из основных принципов организации боевой подготовки – учить войска тому, что необходимо на войне. Вся воинская деятельность имеет целью подготовить каждого военнослужащего, подразделения, воинскую часть, соединение к ведению реальных боевых действий. Военнослужащий должен знать свое боевое предназначение в военное время, свои обязанности по должности, которую он будет занимать по штату военного времени, и уже в мирное время готовиться к их исполнению.

Важно отметить, что есть целый ряд особенностей в воинской деятельности в зависимости от вида, рода войск или службы, подразделения, в которых служат военнослужащие, и самое главное – в зависимости от занимаемой должности. Один военнослужащий по своему боевому предназначению должен с автоматом удерживать полосу обороны вместе со своим подразделением, другой – сбивать вражеские самолеты, третий – пускать ракеты из морских глубин и т. п. У разных категорий военнослужащих имеются различные должностные обязанности и соответственно должны быть разные программы их боевой подготов-

ки. Военнослужащий должен учиться тому, что пригодится в боевой обстановке, а не всему подряд.

Однако армия в мирное время нередко «занимается» теми мероприятиями, которые мало влияют на выполнение боевых задач либо даже отвлекают от их выполнения. Открою секрет Полишинеля⁴, сообщив о привычных для армии мероприятиях, которые занимают большое количество служебного времени военнослужащих, но вряд ли повышают боевую готовность воинского формирования и мало связаны с теми задачами, которые определены для военных организаций в качестве основных. Это:

– и тщательная уборка территории с приданием всем сугробам на территории воинской части прямоугольной формы, вычерпывание луж с плаца сразу после дождя;

– и ночная чистка картошки в столовой силами военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (курсантов);

– и прохождение военной службы профессиональными спортсменами в спортивных подразделениях и командах, которые свою военную форму одежды видят несколько раз за всю службу, не участвуют в мероприятиях боевой подготовки, все свое время проводя за спортивными занятиями;

– и длительные, частые (порой несколько раз за день) массовые совещания, на которые собираются все должностные лица (и действительно необходимые на совещании, и все остальные – на всякий случай). При этом совещания, как правило, проводятся и вечером, а подчиненные участников этого совещания ждут прихода своих начальников, также не уходят со службы, несмотря на окончание рабочего дня, чтобы услышать важные (или не очень) новости и распоряжения, провозглашенные на указанном совещании, и т. д. В ряде случаев после многочасовых ожиданий окончания совещания уже за пределами служебного времени и такого вынужденного безделья, поздно вечером или ночью эти подчиненные принимаются за работу, начинают реализовывать приказы старшего начальника.

Рассмотрим подробнее данные мероприятия и проанализируем их эффект влияния на главную задачу любого воинского формирования – поддержание боевой готовности.

1. Тщательная уборка помещений и территории воинской части не содержит в себе ничего плохого и даже полезна для воинских коллективов, как минимум, в санитарно-гигиеническом плане и в вопросе сплочения коллектива. Вместе с тем, из обычной уборки и поддержания чистоты можно устроить культ. Например, в период листопада убирать опавшие листья с газонов по три раза в день, еженедельно белить бордюры, косить газоны и т. д. И тогда уборка территории из сопутствующего боевой подготовке мероприятия превратится уже в основную и едва ли не самую главную задачу подразделения. И что самое неприятное – к такому положению дел все военнослужащие привыкают.

Вот как описывает психологическое давление фашистов на заключенных концлагерей бывший узник Бухенвальда и Дахау известный западный психолог Бруно Беттельхейм:

«...Требования – порядка и чистота – были вообще одним из тяжелейших лагерных мучений, усугублявшихся постоянным страхом наказания за чужие упущения.

Две основные утренние задачи – застелить постель и убрать свой шкафчик. Первая из них была столь сложна, что иногда заключенные предпочитали спать, приткнувшись где-нибудь в углу, боясь смять хорошо застеленную постель, которую не удастся утром восстановить. Уборка кровати даже у опытного и ловкого человека занимала 10 – 15 минут. Некоторые так и не смогли научиться этому искусству – особенно те, кто был постарше и не умел балансировать на краю нижней полки, застилая верхнюю.

От заключенных требовалось, чтобы соломенный матрас был взбит и выровнен так, чтобы в результате его бока стали прямоугольными, а поверхность ровной как стол. Подушка, если таковая имела, должна была располагаться сверху матраса в виде идеально-

го куба. Подушка вместе с матрасом покрывались бело-голубым клетчатым покрывалом. Клетки были довольно мелкими, но все равно требовалось расположить их в строгом соответствии с формой подушки и матраса. Для усложнения дела эти требования распространялись на весь ряд нар и матрасов. Некоторые эсэсовцы для проверки углов и прямых пользовались измерительными линейками и уровнями, другие стреляли поверх кроватей.

Если кровать заключенного не была в абсолютном порядке, он жестоко наказывался; если недостатки находились у нескольких – страдало все подразделение. Многим заключенным, так и не научившимся застилать свою кровать, приходилось каждый день платить деньгами, работой или пищей тем, кто соглашался это делать за них⁵. Таким образом уничтожалась способность человека свободно мыслить и планировать свой труд, формировался вечный страх наказания и покорность судьбе.

2. На примере каждодневных совещаний коснемся еще одной системной проблемы военных организаций – нерационального использования людских ресурсов.

В рабочей неделе всего 40 часов. Сколько же из них проводится на совещаниях и в их ожидании? По мнению автора, командир воинской части тратит на всевозможные плановые совещания не менее пяти часов в неделю, его подчиненные – чуть меньше. Причем примерно половину этого времени офицеры тратят, присутствуя на совещании у старшего начальника, а остальное время – на совещании со своими подчиненными.

Неэффективность совещаний объясняется тем, что большинство вопросов, которые на них поднимаются, могут быть решены только непосредственно на месте или в индивидуальном порядке, часть поднимаемых вопросов касаются только узкого круга лиц, а не всех присутствующих на совещании. В век интернет-технологий, мобильной связи, компьютерной техники, с учетом обязательности приказа, большинство вопросов, поднимаемых на совещаниях, можно решить, не выходя из кабинета, но это «не наш метод».

Причем с точки зрения командиров, проводящих указанные совещания, они нужны и полезны, как полезна и задержка на службе подчиненных. Согласно корпоративной культуре воинских начальников пока подчиненные не ушли домой, пока они ожидают начальство, они не совершают правонарушений, не употребляют спиртные напитки и, возможно, даже занимаются чем-то полезным по службе. Да и вообще, когда подчиненные под рукой, спокойнее командиру. Даже если они и ничем не заняты. Изначально денежное довольствие военнослужащим выплачивается за сам факт прохождения военной службы, т. е. фактически за время пребывания на службе, а не за конкретный результат служебной деятельности, который тем более трудно объективно измерить.

А то, что время привлечения военнослужащего к исполнению обязанностей военной службы, в том числе и просто по распоряжению ждать в воинской части возвращения командира, должно компенсироваться временем отдыха или деньгами – об этом такие командиры забывают либо предпочитают не задумываться. Во-первых, в отличие от коммерческой организации, денежные выплаты подчиненным производит государство, а не начальник. Следовательно, вопросы экономии, сверхурочных, и даже соблюдения права подчиненного на отдых, начальнику не так важны, тем более, когда у него есть такое полномочие, как обязательность приказа. Подчиненный же обязан выполнить приказ в любое время суток, вне зависимости от своего желания, а также длительности и интенсивности своей служебной нагрузки. А во-вторых, редкие военнослужащие осмеливаются заявлять о необходимости предоставить им время отдыха за ежедневные задержки на службе, особенно если это стиль жизни большинства окружающих военнослужащих. Заявляя о нарушении своего права на отдых, тем самым они показывают свою неояльность командованию, ставят под угрозу свою карьеру.

Если обратиться к истории, то обнаружим, что российские правители не раз принимали меры по совершенствованию стиля и методов деятельности аппарата управления. Так,

например, во исполнение решения Президиума Совета Министров РСФСР от 24 октября 1986 г. (протокол № 39) всем руководителям было предписано сократить до минимума штабы, комиссии, количество заседаний и совещаний, строго регламентировать время их проведения, число участников, вызовы работников с мест⁶. Полагаю, что и в современных условиях пора восстановить данные правила.

3. Здесь же хотелось бы вспомнить и такое мероприятие, как общеполковые вечерние проверки. В соответствии со ст. 233 УВС ВС РФ периодически по плану полка проводятся общие батальонные или полковые вечерние проверки. Что это означает? Это означает, что во время, установленное распорядком дня перед отбоем (как правило, около 21 часа), на плацу должен собраться весь личный состав полка. Конечно же, это происходит после окончания рабочего дня, установленного регламентом служебного времени, и, конечно же, военнослужащие собираются в военной форме одежды. Далее командиры подразделений проверяют личный состав подразделений по именному списку. Услышав свою фамилию, каждый военнослужащий отвечает: «Я».

Автор еще может понять воспитательное воздействие общеполковой вечерней проверки для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву либо отслуживших всего несколько лет. Но какова цель и эффективность данного мероприятия для старших офицеров предпенсионного возраста, которые за свою долгую службу сотни раз участвовали в подобных мероприятиях? И какой смысл данного мероприятия в вопросе поддержания боевой готовности офицерскими подразделениями, где совсем нет военнослужащих, проходящих военную службу по призыву? Думаю, очень небольшой. Но при этом в обычном полку при проведении общей полковой вечерней проверки не менее сотни офицеров вынуждены в позднее время, после возвращения со службы, вновь прибывать к месту службы, чтобы полчаса постоять на плацу и крикнуть «Я».

4. Нечто подобное заставляют выполнять военнослужащих, находящихся годами в распоряжении, уволить которых нельзя без их согласия ввиду невозможности обеспечения жильем, а такое согласие они не дают. Вот и приходят они на службу, выполняют некие специально придуманные для них обязанности, но ввиду отсутствия у них должности и соответственно должностных обязанностей, неясности их боевого предназначения, запрета работы для них с секретными сведениями, отсутствия штатного оружия и т. п. на боеготовность своей воинской части такие военнослужащие положительно не влияют. Нет у них и заинтересованности качественно выполнять мероприятия, организованные для них. В теории управления уже давно установлено, что в случае отсутствия согласия подчиненных с политикой руководства организации развитие данной организации происходит неэффективно, так как работник, даже подчиняясь нормам и правилам, существующим в организации, все равно не будет убежден в необходимости их соблюдения и при наличии определенной ситуации обязательно их нарушит. Между тем проведение с увольняемыми «заштатниками» каких-либо занятий отвлекает штатных должностных лиц от своих основных задач.

5. За более чем 20 лет военной службы автор так и не смог понять, каким образом повышают боевую готовность войск грандиозные парады. На подготовку к ним тратятся целые месяцы, при этом в угоду занятиям по строевой подготовке военнослужащие перестают заниматься остальными предметами боевой подготовки, обслуживанием вооружения и техники, покидают пункты постоянной дислокации и в любую погоду проводят тренировки строевой выучки. Естественно, боеготовность штатных подразделений при этом снижается. Как, например, можно содержать в постоянной готовности к применению вооружение и военную технику (обязанность предусмотрена ст. 16 УВС ВС РФ), если большая часть подразделения, за которым это вооружение и техника закреплены, убyla из места расположения своего вооружения и техники в палаточный городок в Подмосковье для подготовки к параду сроком на два месяца?

Вот как описывал более чем месячную подготовку к параду Костромского десантного полка в Подмоскowie генерал-лейтенант А.И. Лебедь:

«Научить шеренгу, в которой 22 человека, красиво и слаженно ходить – задача повышенной категории сложности, особенно вначале, когда шеренги извиваются, как змеи; стволы автоматов, несмотря на все объяснения, торчат в разные стороны; левый фланг относительно правого заносит на расстояние до 2,5 метров в ту или иную сторону, вперед или назад. И каждому надо поставить подбородок, носок, ствол, локоть. Добиться однообразия и монолитности, пустить по две, по три, потом по пять и, наконец, по десять шеренг»⁷.

После же прохождения торжественным маршем генерал так описывает свои впечатления: «От поворота до команды “вольно” (при прохождении парадной коробки) – 32 секунды. Появилось ощущение какого-то дикого несоответствия всей громадности проделанной работы, затраченных средств, количества привлеченных людей, нервозности этой половинки минуты. Я стряхнул с себя это ощущение как наваждение и поспешил к полку»⁸.

С военно-политической точки зрения проведение военного парада с участием нескольких тысяч военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов⁹ не дает эффекта повышения боевой готовности. В настоящее время воинские части и подразделения не используют каре, когорты и коробки для перемещения на поле боя, строевой шаг и ровность в шеренге в современных войнах не требуются, поэтому длительные тренировки парадных расчетов не пригодятся им в ходе военных действий. Парад – это больше торжественное и помпезное шоу, имеющее патриотическое и воспитательное воздействие, нежели занятие в интересах поддержания боевой готовности.

Парады являются для правителей не чем иным, как любованием своей мощью (так Скупой у Мольера любовался своим богатством, запершись в подвале) и одновременно ее демонстрацией. Это внушает им чувства уверенности и покоя, столь желанные и редкие в полной превратности и печали бурной жизни бюрократа¹⁰.

6. Далее следует остановиться на проведении строевых смотров, с которых, как правило, начинается любая проверка воинской части, да и парад. Тот, кто служил в обычных полках, бригадах и дивизиях, наверняка представляет себе этот процесс: сначала многократные проверки внешнего вида по подразделениям и в масштабе воинской части, субъективное установление командиром, какая прическа военнослужащего является аккуратной и короткой, а какая – нет, проверка укомплектованности вещевых мешков и командирских сумок, определение того, в каком порядке должны быть в ней расположены цветные карандаши и где располагается опись содержимого, тренировка прохождения торжественным маршем, а потом – прохождения с песней... Причем на строевой смотр воинской части командованием делается большой акцент и тратится очень много времени на подготовку к этому элементу проверки, налагаются дисциплинарные взыскания за неоднородные бирки и за шевроны, пришитые на несколько миллиметров ниже или выше положенного расстояния, и т. п.

Однако при этом ни проверяющие, ни командиры почему-то не учитывают, что документ, регламентирующий порядок проведения строевого смотра, – Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации (утвержден приказом министра обороны Российской Федерации¹¹), распространяется лишь на военнослужащих этого военного ведомства, но применяют его во всех иных военных ведомствах; что вещевые мешки не положены по нормам довольствия военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, но на всех смотрах их требуется иметь, и не просто иметь, а иметь полностью укомплектованными; что военнослужащий не должен уметь хорошо петь и иметь музыкальный слух, однако за прохождение подразделения с песней выставляется оценка, и т. д. Такое положение дел более напоминает муштру и формализм, чем занятие в интересах повышения боевой го-

товности; не отражает оно и реальной оценки военнослужащего именно как защитника Отечества.

7. Что касается так популярной в настоящее время в армейской среде физической подготовки, то отмечу следующее. Как указано в п. 4 Наставления по физической подготовке во внутренних войсках МВД России¹², основной целью физической подготовки во внутренних войсках является обеспечение необходимого уровня физической подготовленности военнослужащих для выполнения служебно-боевых и других задач в соответствии с их предназначением. Но здесь действуют одинаковые нормативы для сдачи физической подготовки командира роты и, например, офицера штаба, если эти офицеры в одной возрастной группе¹³. И если командир роты должен периодически присутствовать на утренней физической зарядке, да и сам ее проводить, а также проводить спортивно-массовую работу, на своем примере показывая выполнение упражнений, то офицеру штаба обучать выполнению физических нормативов военнослужащих нет надобности, его ценность заключается именно в специальных знаниях и умственных способностях.

8. Вызывает вопрос и существование в Вооруженных Силах Российской Федерации спортивных рот¹⁴, военнослужащих, всю свою службу проводящих на спортивных сборах и соревнованиях. Будучи помощником командира соединения по правовой работе, автор сталкивался со случаем, когда два военнослужащих-спортсмена годами не появлялись в той воинской части, в которой они числились, но их отсутствие было официально подтверждено телеграммами вышестоящего командования с требованиями откомандировать их на сборы в Подмоскowie. Возможно, эти спортсмены делают хорошее дело, завоевывают медали и спортивные титулы, но почему они именуются военнослужащими, получают воинские звания и обеспечение по статусу военнослужащего со стороны военного ведомства? Каков их вклад именно в укрепление боеготовности и защиту Отечества?

9. Далее об общественно-государственной подготовке. Тематика общественно-государственной подготовки повторяется из года в год, поэтому особо не расширяет кругозор офицера. Но при итоговой проверке требуется представить написанный от руки конспект (проверяющим почему-то нравятся конспекты, написанные от руки, а не распечатанный, так они видят, что человек лично записывал и думал о теме занятия) с темами о славных битвах Российской армии. Конечно, не будет никому хуже, если офицер сможет блеснуть такого рода знаниями, но зачем тратить время на записывание этой информации в тетрадь и представление ее проверяющему, особенно если офицер сам кандидат исторических наук? Да и вообще, не кажется ли странным в XXI в. гордиться именно рукописным вариантом конспекта, плана? Но так надо проверяющим, а требования ко всем офицерам одинаковые.

Однако к чему этот избыточный неэффективный труд? Всю поступающую к нам извне информацию можно поделить на ту, которая необходима нам в армейской жизни с точки зрения стоящих перед нами индивидуальных конкретных задач, и на ту, без которой мы спокойно можем обойтись. Накопление знаний ради самих знаний без преследования каких-либо практических целей – занятие, только отвлекающее от выполнения функциональных обязанностей.

10. Всего лишь только один из предметов, выносимых на проверку индивидуальной подготовки военнослужащих, особенно офицеров, – специальная подготовка – отражает их знания и умения выполнять должностные обязанности. Но на изучение специальной подготовки отводится не так уж много времени в программах боевой подготовки офицерского состава. Остальные же предметы (огневая, строевая, физическая, общественно-государственная подготовка, общевоинские уставы, РХБЗ¹⁵) больше свидетельствуют об умении военнослужащего выполнять общие обязанности, которые, конечно, также важны, но не отражают специфику боевого предназначения военнослужащего и его умение выпол-

нить именно задачи по той воинской должности, которую он занимает. Время же, отводимое на занятия по специальной подготовке, намного меньше, например, времени, отводимого на физическую или общественно-государственную подготовку.

Здесь следует отметить, что согласно ст. 6 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» военная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных законодательством. Главное в приведенной формулировке закона – это то, что военная служба определена как профессиональная деятельность. Как отмечается в юридической литературе, профессиональная деятельность предполагает наличие у лица соответствующего профессионального образования и соответствующей специализации, обуславливающих компетентность лица в соответствующих области или вопросе¹⁶. Но, как показано выше, нередко в воинских отношениях профессионализм уходит на задний план, уступая место муштре, формализму и слепому выполнению мелочных предписаний.

11. Армейская мудрость гласит: «выполнил мероприятие, сделал что-то – запиши, не сделал – два раза запиши». Указанный принцип армейской действительности уже прочно устоялся в военной среде и даже воспринимается самими военнослужащими часто без юмора. И в самом деле, редкий, практически исключительный случай, когда кто-то из исполнителей обычного планового мероприятия сам, без выявления со стороны старшего начальника, заявит о его невыполнении. Наоборот, в 99 % случаев в такого рода ситуациях в плане будет сделана отметка о его фактическом выполнении.

Почему же это происходит на практике? В чем причина такой общепринятой установки офицерского коллектива и профессиональной деформации сознания?

На взгляд автора, главная причина данного явления кроется в системной ошибке оценки военнослужащего и воинского коллектива не по достигнутому результату, не по уровню профессионализма в защите Отечества, а по самому процессу выполнения всевозможных предписанных военнослужащему мероприятий, который отражается главным образом на бумаге. Сам процесс планирования и отчетности становится важнее достигнутого результата. К еще одной причине автор бы отнес постоянное увеличение объема должностных обязанностей многих воинских должностных лиц в отсутствие временных, человеческих, материальных средств для их качественного исполнения.

Следует констатировать, что, несмотря на развитие средств ЭВМ, электронного документооборота, количество планирующих бумажных документов на местах не уменьшается. Естественно, все планирующие документы должны быть утверждены, что требует также определенного времени на их изучение уже старшими начальниками. Здесь возможно обнаружение в правильном по своей сути и содержанию плане грамматической ошибки или несоблюдение правил оформления. В этом случае такой документ старший начальник потребует переработать и заново представить на утверждение.

Много времени занимает и составление отчетов о проделанных мероприятиях. Народная мудрость гласит, что большую часть времени работы чиновника занимают планирование и отчет о проделанной работе. И чем подробнее, детализированнее требуется план или отчет, чем больше количество планирующих и отчетных документов, тем все больше и больше времени тратится на их составление, утверждение, согласование.

Стандартная процедура принятия решений нередко, проходя все необходимые инстанции и согласования, занимает столько времени, что само решение становится уже устаревшим и ненужным. Для описания этой ситуации Р. Мертон ввел специальный термин – «бюрократический ритуализм», обозначающий такую поглощенность правилами и установлениями, которая ставит под угрозу достижение целей организации¹⁷.

Еще большую досаду у человека интеллектуального, думающего вызывает бессмысленность составляемого документа. Не открою секрет, сказав, что личный план составляется путем переписывания мероприятий из другого плана (например, плана работы подразделения или плана боевой подготовки), переписывания в план своих должностных обязанностей, которые офицер и так должен знать и выполнять. Бывает, что офицер вынужден перерабатывать документ только лишь потому, что изменилась его форма, хотя по внутренней сути информация в документе осталась прежней¹⁸.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о бюрократизации военной организации, где возникло существенное расхождение между ее целями, заложенными в законодательстве, и реальностью ее функционирования. Современные исследователи государственной службы оценивают ее состояние как «кризис целеполагания»; у чиновников нет четкого представления о понятиях «цели», «задачи», «функции», «результаты», т. е. рассеивание целей является распространенным видом «организационной патологии» нашей государственной службы¹⁹. Доминирование принципа «движение – все, конечная цель – ничто», ориентация на решение частных проблем в ущерб общим – это явные признаки бюрократизации любой социальной системы, в том числе и в военной организации.

Бюрократия, в том числе и военная, доводит формализацию деятельности до абсурда, ограждая от реальности свою безопасность формальными правилами и нормами (т. е. ритуалами, а не реальными целями). Постоянная опора на правила, абстрактные требования уставов, формально разработанные руководства к действию, регламентирующие несущественные вопросы, приводит к тому, что все эти нормативы становятся всеобщими и окончательными, а их соблюдение – основной задачей и результатом, вместо того чтобы заставить эти нормативы работать на цели организации. Все это обуславливает отказ представителей бюрократии от творческого, самостоятельного мышления и даже от компетентности. Известный американский социолог Мертон назвал это явление «обучение неспособности»²⁰.

Бюрократизация военной организации представляет собой одно из типичных проявлений подмены целей ее создания на цели, возникшие у руководства организации, в силу чего военная организация начинает работать на саму себя, игнорируя те задачи, ради решения которых она создана. Руководство в таких условиях оказывается, по существу, изолированным от реальной жизни армии, слабо представляет себе истинное положение дел в ней, а поэтому не способно выработать правильную кадровую политику и целенаправленно действовать в соответствии с ней, нередко «творя» если не произвол, то неэффективное управление.

Так, например, из анализа п. 7 Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации²¹, и п. 12 Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации²² в их взаимосвязи следует, что военнослужащий, не сдавший на положительную оценку физическую подготовку, может быть досрочно уволен с военной службы по невыполнению им условий контракта о прохождении военной службы (подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). Конечно, эти документы не предписывают однозначно увольнять военнослужащих за слабую физическую подготовку, но направление действий командирам и зависимым от них аттестационным комиссиям показано, и на практике такие увольнения происходят.

Автору видится двойной стандарт и искусственное преувеличение одного из предметов обучения (физической подготовки) над другими предметами обучения, так как ни одно другое наставление (ни по РХБЗ, ни по огневой подготовке и т. п.) не рекомендует пред-

ставлять неуспевающих по данным предметам военнослужащих на аттестационные комиссии на предмет их увольнения. Но по сообщению начальника управления физической подготовки и спорта российского военного ведомства А. Щепелева от 30 июня 2009 г. Министерство обороны намерено увольнять военнослужащих, которые не сдадут зачеты по физической подготовке²³.

Автор отнюдь не призывает совсем перестать заниматься физической подготовкой и не сдавать зачеты по данному предмету. Однако с показанным выше подходом на практике увольняют и двоечников по физической подготовке, образцово работающих на вооружении и технике, управляющих подразделениями, имеющих высокий уровень знаний по занимаемой должности. В эпоху сокращения численности Вооруженных Сил Российской Федерации и сложного положения дел с их жилищным обеспечением увольнение военнослужащего без 20 лет выслуги на военной службе по «негативной» статье (в связи с невыполнением им условий контракта, в том числе в части невыполнения нормативов по физической подготовке) снимало с военного ведомства вопрос его жилищного обеспечения и было ему выгодно.

Думаю, что М.И. Кутузов при своей инвалидности и избыточности веса не сдал бы зачеты по физической подготовке и был бы уволен как не вписывающийся в новый облик Вооруженных Сил. Уровень физической подготовки военнослужащего – это не самоцель, а способ успешно выполнить задачу, в первую очередь производную от должностных обязанностей. Кстати, Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам военнослужащих, необходимым для исполнения обязанностей по воинским должностям²⁴, не содержат требований об уровне их физической подготовленности.

По М. Веберу, приказы должностного лица – не его личная прихоть, а воплощение общих инструкций, которые руководитель лишь реализует, но не сочиняет. Языком приказа с подчиненными «разговаривают» цели и задачи организации²⁵. Однако на практике главные цели и задачи военной организации отходят для многих руководителей на второй план, и наоборот, преувеличенное значение придается второстепенным, сопутствующим главной задаче мелочам и частностям.

Вряд ли в условиях реальных боевых действий военнослужащий получит взыскание за расстегнутую пуговицу или неаккуратную прическу, вряд ли для командира будут так принципиально важны наличие бирки на противогазе военнослужащего и ее размер, вряд ли профессионального специалиста стали бы увольнять за неумение подтянуться или быстро бегать.

По мнению Р. Мертона, беспрекословность и строгое соблюдение бюрократических правил приводят к тому, что руководители проникаются мыслью о непогрешимости этих правил. В свою очередь, такая позиция ведет к тому, что нормы и правила из средств достижения целей организации превращаются в самоцель. Происходит то, что Р. Мертон называет «подменной целью». Инструментальный и формальный аспекты бюрократической должности считаются более важными, чем само содержание работы. В настоящее время возникла реальная угроза заражения болезнью бюрократизма и военной организации России.

Подводя итог настоящей статье, полагаю, что назрела необходимость изменения подхода к организации повседневной деятельности войска и пересмотра, исключения тех мероприятий, которые не ведут к повышению боевой готовности частей и подразделений, а иногда просто отвлекают личный состав от выполнения своих функциональных обязанностей (уборки территорий, рытье канав, ремонт помещений и т. п.). Кроме того, необходимо нормативно установить дополнительные разграничения при оценке различных категорий военнослужащих. Недопустимо, когда к командиру взвода и к старшему офицеру Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации предъявляются одни и те же

требования в части перечня предметов военного обучения для сдачи и критериев их оценки. И самое главное – необходимо ввести критерии эффективности для оценки деятельности воинских руководителей (как минимум в мирное время), в том числе и по таким элементам, как достижение заданного уровня боевой готовности при экономии людских и временных ресурсов.

Библиографический список

1. Глухов, Е.А. Планы ради планов... или о содержании личного планирования [Текст] / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 7. – С. 104 – 110.
2. Кабашов, С.Ю. Бюрократия. Теоретические концепции [Текст] : учеб. пособие / С.Ю. Кабашов. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 218 с.
3. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия [Текст] / Р.К. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сб. ст. ; под ред. В.Н. Кудрявцева, Б.С. Никифорова. – М. : Прогресс, 1966. – С. 299 – 313.
4. Спектор, А.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (постатейный) [Текст] / А.А. Спектор, Э.В. Туманов. – М. : ЮРКОМПАНИ, 2009. – С. 187.
5. Фролов, С.С. Социология организаций [Текст] : учеб. / С.С. Фролов. – М. : Гардарики, 2001. – 384 с.
6. Хоцей, А.С. Теория общества [Текст] : в 3 т. / А.С. Хоцей. – Т. 3. – Кн. 1 : Бюрократизм. Теория формаций. – Казань, 2009. – 528 с.

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² Пункт 8 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации № ПР-2976.

³ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁴ Секрет Полишинеля – секрет, который всем и так известен, мнимая тайна, «секрет – на весь свет».

⁵ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. Исследование психологических последствий существования в экстремальных условиях страха и террора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4019>.

⁶ Письмо Минавтотранса РСФСР от 10 ноября 1986 г. № 159-пр «О мерах по сокращению документооборота». Документ опубликован не был.

⁷ Лебедь А.И. За державу обидно. Киров, 1995. С. 201.

⁸ Там же.

⁹ Так, по данным прессы, в 2012 г. только в параде на Красной площади приняли участие более 14 тыс. военнослужащих, 1 100 музыкантов и 100 единиц военной техники. По предварительным оценкам, подготовка и проведение парада обошлись бюджету не менее чем в 1,1 млрд руб. (URL: <http://newsland.com/news/detail/id/953345/>).

¹⁰ Хоцей А.С. Теория общества. Казань, 2009.

¹¹ Приказ министра обороны Российской Федерации от 11 марта 2006 г. № 111 // Военный железнодорожник. 2008. 17 марта.

¹² Утверждено и введено в действие приказом МВД России от 19 мая 2005 г. № 395. Документ опубликован не был.

¹³ В Вооруженных Силах Российской Федерации согласно Наставлению по физической подготовке, утвержденному приказом министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200, все военнослужащие, кроме возрастных групп, поделены еще на

три категории в зависимости от вида или рода войск, без учета специфики воинской должности. Во внутренних войсках МВД России нет даже такого разграничения.

¹⁴ О существовании в Вооруженных Силах Российской Федерации четырех спортивных рот говорил начальник управления физической подготовки и спорта военного ведомства полковник О. Бодман (URL: <http://ria.ru/interview/20130924/965468256.html>).

¹⁵ РХБЗ – радиационная, химическая и биологическая защита.

¹⁶ Спектор А.А., Туманов Э.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (постатейный). М., 2009.

¹⁷ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской. М., 1966. С. 113.

¹⁸ Более подробно см.: Глухов Е.А. Планы ради планов... или о содержании личного планирования // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 7. С. 104 – 110.

¹⁹ Агошков А.В. Российская бюрократия: пути модернизации. Круглый стол «Современный российский бюрократизм: инструмент прогресса или тормоз развития?» [Электронный ресурс]. URL: <http://ni-journal.ru/educ/materials/33441cc8/#agosh>.

²⁰ Фролов С.С. Социология организаций. М., 2001.

²¹ Утверждено приказом министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

²² Утверждено приказом министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200.

²³ Военным профи можешь ты не быть, но физкультурником – обязан // Независимое военное обозрение. 2009. 3 июля.

²⁴ Утверждены и введены в действие приказом министра обороны Российской Федерации от 6 августа 2012 г. № 2195 «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1198».

²⁵ Кабашов С.Ю. Бюрократия. Теоретические концепции : учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М., 2011.

Кыдыралиев К.Э.,
капитан юстиции, офицер
Вооруженных Сил Кыргызской Республики,
адъюнкт Военного университета,
vumorf2004cc@mail.ru

Историко-правовые аспекты института материальной ответственности в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и Российской Федерации¹

Аннотация: в статье проводится анализ развития законодательства о материальной ответственности военнослужащих с древних времен и до настоящего времени.

Ключевые слова: история, материальная ответственность; реальный ущерб; закон; кодекс.

Kydyraliev K.E.,
captain of justice, officer
The Armed Forces Of The Kyrgyz Republic,
associate of FGCO of higher professional education
«Military University»,
vumorf2004cc@mail.ru

Historical and legal aspects of the institute liability in the Armed forces of Kyrgyz Republic and Russian Federation

Article analyzes the development of legislation on liability of servicemen from ancient times to the present.

Key words: history, material liability; the actual damage; law; code.

Как отмечается в научных исследованиях, на переломных этапах общественного развития в России всегда возрастал интерес к прошлому страны. Сталкиваясь с многочисленными трудностями становления, по сути, нового государства, сегодня общество ищет в своем прошлом вдохновляющие примеры, исторические аналогии². Изучение истории возникновения, становления и развития законодательства о материальной ответственности на различных этапах государственного и военного строительства способствует учету и накоплению опыта в наши дни и разработке действенных предложений по совершенствованию правового регулирования института материальной ответственности в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и Российской Федерации.

Категория материальной ответственности, как и любой другой институт права, также подлежит исследованию в целях уточнения причин своего возникновения и появления, ведь, как отмечал известный русский военный ученый-правовед начала XX в. П.Ф. Заусцинский, «подобно тому, как жизнь народа изменяется постепенно и непрерывно, так точно и жизнь войска, в своем поступательном движении, представляет собой неразрывную цепь явлений, в которой настоящее является неизбежным следствием прошедшего и единственную причину будущего. Поэтому, чтобы уразуметь настоящее, необходимо изучить прошлое, так как

именно в нем-то и заложен корень всех тех элементарных жизненных явлений, которые в данный момент времени составляют сущность исследуемого сложного явления жизни³.

Необходимо отметить, что в Вооруженных Силах Кыргызской Республики институт материальной ответственности появился и получил развитие вследствие объективных процессов распада бывшего СССР, обретения независимости Кыргызской Республикой, образования собственных Вооруженных Сил. При этом, данные процессы имели место в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. Этому периоду предшествовали этапы развития в XVIII – XX вв., в которых Кыргызская Республика находилась в составе Российской империи и СССР. Вследствие этого развитие законодательства о материальной ответственности в основном осуществлялось в правовом поле Российского государства.

Вместе с тем, в рамках рассматриваемой области общественных отношений, как видится, будут небезынтересными сведения о сложившихся на момент перехода в подданство Российской империи системах отношений ответственности, в том числе и материальной, в Кыргызской Республике.

Практически с момента образования элементов государственности у племен и народов, населявших Тянь-Шань (территория современной Кыргызской Республики), действовали две системы права: на севере данной территории – так называемый адат, на юге – преимущественно шариат. В литературе отмечается, что адат – это система юридических норм, правил, обычаев, называемая еще обычным правом, которая была «основным источником киргизского права вообще»⁴. Адат являлся инструментом регулирования отношений внутри социума. «Бии во всех случаях применяли гибкий адат – обычное право, – как указывает в своем исследовании ученый-правовед Кыргызстана К. Нурбеков, – которое изменялось не только во времени и по месту, но и смотря по тому, к какой группе населения принадлежит виновный – манапству, бийству, духовенству или букаре, т. е. имело сословно-классовый характер»⁵. Положения адата трактовали бии – авторитеты из знати, старейшины рода. Они руководствовались обычным правом при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел. В своей основе обычное право было ничем иным, как кулачным правом⁶. Как известно, «джигиты, находясь постоянно около манапа, являлись исполнителями манапской воли», а также «выполняли ряд административных и полицейских функций»⁷. Бии применяли в своей деятельности избирательный подход. К примеру, букара (беднота) и карапаи (чернь) не могли рассматриваться как равные баям и манапам, составлявшим высшее сословие. Дифференциация производилась также по половому признаку. Так, например, в случае совершения преступления – убийства наказание и его размер в виде так называемого кун (выкупа за кровь) зависели от того, был ли убитый мужчиной или женщиной (за последнюю выплачивали лишь половину кун). Кроме того, он ставился в зависимость от статуса жертвы. Кун за голову манапа увеличивался обычно в девять раз. Например, когда в 1855 г. бугинцы (родоплеменное объединение кыргызов, проживавшее на восточной территории Кыргызстана) убили сарыбагышского (сарыбагыш – род кыргызов, проживавших на территории северной части Кыргызстана) феодала Ормон-хана⁸, виновники вынуждены были «откупиться» 100 девушками на конях в полном убранстве. Наряду с этим, кыргызский ученый С. Кожоналиев указывает на то, что «в нормах киргизского обычного права сохранились такие пережитки, как кровавая месть, кун, барытма, калым, многоженство и т. д.»⁹.

Следует отметить, что и в настоящее время сохранились такие пережитки, как похищение невест (в современном Уголовном кодексе Кыргызской Республики (далее – УК КР) за это деяние предусмотрены наказания по ст.ст. 123, 125, 154 и 155 соответственно); «барытма» – скотокрадство (ст. 165 УК КР), а также «калым» – выкуп за невесту. Положения адата не фиксировались, а передавались «из уст в уста» в виде кратких изречений. Многие нормы были не известны обычным людям, бии толковали их сообразно собственному субъектив-

ному пониманию. Характерно, что по адату практически любое дело завершалось уплатой штрафа в пользу потерпевшей стороны, т. е. умалением его имущественной сферы (налицо предпосылки и некоторые элементы материальной ответственности). В сообщениях, состоящих из людей, находившихся в той или иной степени взаимного родства, считалось, что нет особого прока от смертной казни виновника и лучше, если он возместит ущерб в кратном размере¹⁰. К примеру, скотокрад за каждое похищенное животное должен был отдать 9 голов скота, за изнасилование – 25 голов, за смертоубийство – еще больше. Аналогичная система компенсации – так называемый айып – с некоторыми изменениями введена в современный УК КР, и уплачивается штраф в тройном размере. Народные же суды биев в настоящее время называются Судами аксакалов, которые имеются и действуют во всех семи областях и в столице Кыргызстана.

В свою очередь, шариат, регулировавший жизнь мусульманина на протяжении всей его жизни, переводится с арабского языка как «закон». Он представляет собой исламское законодательство на основе Корана и Сунны (совокупности изречений и замечаний Пророка Мохаммеда), состоящее из восьми разделов. В шариате право и религия слиты воедино, поэтому нарушение шариатских норм расценивалось и как вероотступничество. Шариат преобладал среди оседлого населения юга Кыргызстана. Здесь во главе судов стояли «казии» – юристы-богословы. Мусульманская юриспруденция рассматривала вопросы семьи и брака, выплаты налогов, хозяйствования, политических выборов, джихада, морального кодекса, соблюдения постулатов веры, уголовных деяний и т. д. Меры наказания по приговору казиев были жестче, чем по адату. Шариат предусматривал тюремное заключение в зиндане, конфискацию имущества, отсечение руки (при воровстве), штрафные санкции и даже амнистию. При назначении наказания по шариату также учитывалось сословное положение и пол виновного и потерпевшего¹¹.

Анализ различных документов и актов государственных органов в рассматриваемой области общественных отношений в Российской Федерации показал, что история института материальной ответственности военнослужащих имеет достаточно богатое содержание и традиции.

С точки зрения периодизации данный вид юридической ответственности можно условно разделить на следующие этапы:

– *1-й этап – начальный* (античные времена – средние века до XVII в.) – период зарождения института материальной ответственности.

В целом источники того времени указывают, что воины отвечали главным образом за свое оружие и амуницию. К примеру, воина, их потерявшего, сурово наказывали розгами, а также существенно ограничивали в гражданских правах. За потерю оружия и военной амуниции, его продажу применялись дисциплинарные наказания в виде вычета из жалованья. Данные меры выступали предпосылкой возникновения института материальной ответственности военнослужащих и обеспечивали сохранность оружия и военной амуниции¹². Как указывает в своем диссертационном исследовании К.С. Лиховидов¹³, приведение оружия в негодность, его потеря, незаконное отчуждение всегда встречали суровое возмездие: у римлян за продажу или потерю оружия подвергали смерти, за порчу доспехов наказывали розгами или же плетью; у древних германцев воин, потерявший свой щит в сражении или на войне, признавался бесчестным и не допускался к участию ни в совещаниях, ни в богослужении¹⁴.

В Древней Руси вопросы порчи имущества (оружия) впервые упоминаются в памятнике права того периода – Русской Правде, составленной по повелению Ярослава Мудрого¹⁵.

Некоторые вопросы материальной ответственности феодалов (вотчинников или помещиков) регулировались Уложением о службе 1556 г. Данным документом устанавливался порядок прохождения военной службы, при котором каждый феодал был обязан с определенного

количества земли выставлять установленное количество воинов на конях и в полном снаряжении. В случае выставления воинов ниже требуемой нормы на феодалов налагались штрафы, если же они не являлись на смотры или службы – отбирались поместья и вотчины¹⁶.

Об ответственности несших сторожевую службу военнослужащих упоминалось в «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе» 1557 г.¹⁷, составителем которого был известный воевода князь Михаил Воротынский. Согласно данному документу, ставшему, по сути, первым русским воинским уставом, за несвоевременную явку для замены сослуживцев был предусмотрен штраф «по полуполтине за человека на день». Денежный начет был предусмотрен за утрату лошадей или ненадлежащий уход за ними.

В XVII в. начинается происходить зарождение единых кодифицированных нормативных правовых актов по военным вопросам¹⁸.

Примером могут служить Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся военной науки, 1621 г. и Ученые и хитрость ратного строя 1647 г., в которых нашли отражение вопросы усиления уголовной ответственности за порчу и утрату военного имущества¹⁹. Указанными памятниками русского законодательства регламентировались, в частности, отношения по поводу совершения военнослужащими правонарушений, выражавшихся в неисполнении правил содержания орудия в постоянной боевой готовности, растрате необходимых для стрельбы принадлежностей, посягательстве на имущество местных жителей, и наложения соответствующих наказаний вплоть до смертной казни.

Другим нормативным правовым актом, содержащим положения об ответственности за хищение военного имущества, было Соборное уложение 1649 г. (Уложение царя Алексея Михайловича). Глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»²⁰ данного документа содержала перечень воинских преступлений и наказаний за их совершение. В частности, в соответствии со ст. 28 за кражу ружья предусматривалось наказание кнутом, в ст. 29 устанавливалось наказание в виде отсечения руки за хищение лошади;

– 2-й этап – становление и развитие института материальной ответственности (начало XVIII – начало XX в.).

Дальнейшее становление института материальной ответственности в России было связано непосредственно с реформами Петра I и образованием регулярной армии. Правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих изначально осуществлялось Артикулом воинским 1715 г., которым произведена попытка разграничения материальной ответственности и уголовной. При этом основанием для такого разграничения являлся рецидив (повтор) совершенного правонарушения (согласно ст. 5 Артикула «кто свой мундир, ружье проиграет или в оклад отдаст впервые и другого впредь жестоко шпицрутенами и полатаю утраченного наказан, в третье – разострелен будет»²¹). Кроме того, в соответствии с Артикулом наказанию подлежал также и приобретатель указанного имущества. Наказание при этом заключалось в изъятии приобретенного, штрафе в размере его стоимости и телесном наказании в соответствии с тяжестью совершенного правонарушения²². Данный документ действовал вплоть до 1812 г.

Среди источников, действовавших в XVIII в. и упоминавших вопросы материальной ответственности, заслуживает внимания Генеральный регламент от 27 февраля 1720 г., гл. XXIX которого для служащих государственных коллегий, канцелярий и контор был предусмотрен штраф «с возвращением одного убытка»²³.

С принятием в XIX в. Воинского устава о наказаниях, Устава дисциплинарного, Военно-судебного устава вопросы материальной ответственности военнослужащих получили дальнейшее развитие. При этом этими актами проводилось различие между судебным и внесудебным порядком привлечения к материальной ответственности, а также при определении размера взыскиваемых средств учитывалась форма вины военнослужащего, причи-

нившего ущерб. Так, в ст. 117 Устава дисциплинарного указывалось: «Денежные взыскания за незначительные проступки по управлению казенным имуществом производятся в виде наказания лишь в случаях, законом именно означенных, и при том без предания виновного военному суду, когда проступок, влекущий за собою денежное взыскание, последовал не из корыстных видов, но по одной лишь невнимательности или неисполнению установленных законом правил и не влечет за собою такого наказания, которое может быть назначено не иначе, как по приговору военного суда»²⁴.

Кроме того, Дисциплинарным уставом 1869 г. регулировались вопросы возмещения материального ущерба в административном порядке (гл. 13 «О денежных взысканиях, определяемых в порядке административном»). Так, в случае нанесения ущерба казенному имуществу он возмещался в полном размере (ст. 118). Размер назначаемого удержания зависел от должности командира: полковой командир – до 100 руб., начальник дивизии – до 300 руб., корпусной командир – до 600 руб., командующий округом – до 900 руб., а при ущербе свыше 900 руб. этот вопрос решал военный министр (ст. 122).

Небезынтересно, что названный Устав предусматривал право начальника, определяющего дисциплинарное взыскание виновному за маловажный проступок, по требованию обиженного (гражданского лица) назначить в определенном им размере денежную компенсацию за удовлетворение бесчестия за нанесение обиды (т. е. моральный вред) и материальный ущерб, если заявленный размер возмещения не оспаривался сторонами (ст. 119). При этом размер такого возмещения в административном порядке не мог быть выше 30 руб. (ст. 120). Денежное удержание за личную обиду гражданских лиц допускалось только с офицеров (ст. 124). Возмещение обид, причиненных одним военнослужащим другому, не предусматривалось. Денежные удержания осуществлялись, как правило, из жалованья военнослужащих и, как исключение, за счет их личного имущества. Нижние чины, как правило, денежным взысканиям не подвергались – вычет осуществлялся лишь за счет находящегося в их собственности имущества.

В предреволюционный период вопросы материальной ответственности военнослужащих наиболее полно регламентировались Уставом дисциплинарным от 28 мая 1888 г., содержащим поставленные пояснения к Уставу 1869 г. Здесь свое нормативное закрепление получили основания материальной ответственности. Данный Устав, в отличие от Устава дисциплинарного 1869 г., содержал порядок вычетов на взыскания в пользу казны денежных средств из жалованья военнослужащих. Общий размер удержаний зависел от совокупного годового размера содержания военнослужащего, его семейного положения, наличия иждивенцев, семейных обстоятельств (похорон близких родственников, утраты личного имущества вследствие несчастного случая, стихийного бедствия и пр.). В отношении нижних чинов ст. 128 Устава предусматривала возможность денежного удержания, а при невозможности такого денежного взыскания заменялось арестом, в том случае, если оно являлось самостоятельным наказанием. К концу XIX в. прекращают применяться телесные наказания за «порчу утрату, промотание оружия и военной амуниции» и начинают применяться исключительно меры материальной ответственности²⁵;

– 3-й этап – этап институционализации материальной ответственности (40 – 90-е гг. XX в.).

В данный период отечественной истории вопросы возмещения военнослужащими причиненного материального ущерба первоначально решались в рамках их дисциплинарной ответственности. Так, например, в Дисциплинарном уставе Красной Армии, введенном в действие приказом Народного комиссара обороны СССР от 12 октября 1940 г. № 356²⁶, имелась специальная глава – гл. XI «Материальная ответственность военнослужащего за причиненный государству убыток». Согласно указанной главе лица рядового и младшего начальствующего состава за причиненные государству убытки отвечали в дисциплинар-

ном или судебном порядке. При этом Устав определял пределы ответственности: лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава, а также младшего начальствующего состава сверхсрочной службы за ущерб, причиненный ими государству своими действиями, несли материальную ответственность в объеме нанесенного ущерба; однако удержание могло производиться не более 6 месяцев и не могло превышать ежемесячно 25 % основного оклада содержания.

Устанавливался и порядок привлечения к ответственности: возмещение ущерба производилось письменным распоряжением командира части. Распоряжение об удержании могло быть сделано не позже месяца со дня установления виновного в причиненном ущербе. Виновному предоставлялась возможность обжалования распоряжения об удержании вышестоящему начальнику, решение которого являлось окончательным. До вынесения решения по жалобе удержание денежных средств подлежало приостановлению.

В случае причинения лицами начальствующего состава значительного материального ущерба государству в результате преступного отношения к исполнению своих обязанностей они подлежали привлечению к судебной ответственности.

В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. материальная ответственность военнослужащих за причиненный государству ущерб регулировалась нормами законодательства, установленными в довоенный период, и в военное время к военнослужащим, своими действиями причинившим материальный ущерб, применялись указанные выше правила Дисциплинарного устава Красной Армии о привлечении к данному виду ответственности посредством издания письменного распоряжения командира части. При этом общее правило об издании указанного распоряжения не позднее одного месяца со дня установления вины конкретного военнослужащего в причинении ущерба могло нарушаться в случае, если причины задержки привлечения к материальной ответственности были вызваны военными обстоятельствами.

Приказами заместителя Народного комиссара обороны от 29 июня 1943 г. № 254 «О повышении материальной ответственности личного состава Красной Армии за утрату, порчу и хищение интендантского имущества»²⁷ и № 292 «Взыскание материального ущерба, причиненного военнослужащими и вольнонаемными» был установлен порядок, по которому с лиц, привлеченных к уголовной ответственности за явно незаконные выдачу, утрату, порчу, неправильное расходование, присвоение и хищение интендантского имущества и продовольствия, стоимость имущества взыскивалась в судебном порядке в пятикратном размере. В случае если военнослужащий, причинивший ущерб, выполнял задание командования и причинения ущерба нельзя было избежать в связи с повреждением или уничтожением имущества в районе военных действий, ущерб должен был возмещаться военным ведомством.

В целом анализ нормативных документов советского периода позволяет сделать вывод о том, что до 60-х гг. прошлого века материальная ответственность рассматривалась как разновидность дисциплинарной ответственности. Впервые положение о том, что материальная ответственность представляет собой самостоятельный правовой институт, было теоретически обосновано в диссертационном исследовании И.К. Митяшина²⁸. Позднее самостоятельность института материальной ответственности военнослужащих была закреплена в законодательном порядке: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г. было утверждено Положение о материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный государству; спустя 20 лет было принято новое Положение о материальной ответственности военнослужащих²⁹, а также Постановление Совета Министров СССР от 2 марта 1984 г. № 216 «О кратных размерах стоимости военного имущества при взыскании ущерба, причиненного государству»;

– 4-й этап – современный этап (конец XX в. – настоящее время).

В новых условиях рыночной экономики происходит дальнейшее развитие института материальной ответственности военнослужащих в качестве отдельного вида юридической ответственности. Нормативными правовыми актами – в Российской Федерации – Законом от 22 января 1993 г. № 4338-I «О статусе военнослужащих» (ч. 1 ст. 26), в Кыргызской Республике – Законом Кыргызской Республики от 1 июля 1992 г. № 930-XII³⁰ (ст. 31) были определены пять видов юридической ответственности (дисциплинарная, административная, материальная, гражданско-правовая и уголовная) в зависимости от характера и тяжести совершенного военнослужащими правонарушения.

В развитие указанных актов на территории Российской Федерации 19 июля 1999 г., в Кыргызской Республике – 22 апреля 2008 г. вступили в силу основополагающие отраслевые нормативные правовые акты, регулирующие вопросы материальной ответственности: Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» и одноименный Закон Кыргызской Республики³¹ соответственно.

Завершая анализ становления и развития законодательства о материальной ответственности, представляется возможным сделать следующие выводы:

1) материальная ответственность военнослужащих Российской Федерации и Кыргызской Республики имеет достаточно богатую историю и традиции, которые берут начало с древнейших времен;

2) на начальном этапе развития институт материальной ответственности не имел четкого нормативного и законодательного закрепления, отношения по поводу возмещения причиненного ущерба регулировались разными по своей предметной направленности актами. При этом в Российском государстве порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности в целом носил характер устрашения, имел своей целью покарать виновных военнослужащих и в основном имел уголовно-правовую природу.

В Кыргызской Республике в XVIII – XIX вв. ввиду отсутствия регулярной армии и воинских формирований вопросы материальной ответственности не разграничивались по сферам действия и кругу лиц (соответственно на военнослужащих и гражданских лиц) и развивались в русле обычного права и системы мусульманских норм. Между тем, как показывают источники того времени, в кыргызском обществе того времени существовали достаточно разнообразные виды наказаний за совершение имущественных правонарушений (к примеру, за утрату и уничтожение соответствующего имущества) и тем самым имела место самобытная и самостоятельная система правовых норм;

3) на этапе становления и развития (начало XVII – начало XX в.) институт материальной ответственности военнослужащих получил существенное совершенствование и развитие. Правовое регулирование вопросов возмещения материального ущерба осуществлялось систематизированными кодифицированными нормативными правовыми актами по военным вопросам – Артикулом воинским 1716 г., Дисциплинарным уставом 1869 г. и Дисциплинарным уставом 1888 г., принятие которых имело важнейшее значение для развития всей правовой науки и законодательства Российского государства. Кроме того, законодательство того времени впервые устанавливает такие понятия, как «возмещение ущерба», «денежное удержание и вычеты», «денежные наказания», определяет натуральный порядок возмещения причиненного ущерба;

4) советский период развития материальной ответственности (40 – 90-е гг. XX в.) ознаменовал собой ее институционализацию, выразившуюся в определении метода, предмета правового регулирования данного вида юридической ответственности; она была разграничена и выделена в отдельный вид ответственности; были обозначены границы и сферы действия ее норм и положений. По сути, в данный период были заложены основы совре-

менного понимания института материальной ответственности как важнейшей категории права;

5) процесс совершенствования законодательства о материальной ответственности продолжается и в настоящее время. На стыке XX и XXI вв. были приняты отраслевые специальные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы материальной ответственности и в большинстве своем отвечающие современным требованиям и реалиям.

Вместе с тем, непрерывный характер процесса нормотворчества и развитие общественных отношений в настоящее время предъявляют к законодательству о материальной ответственности соответствующие требования, исполнение которых, как представляется, будет способствовать дальнейшему его совершенствованию.

Библиографический список

1. Акты Московского государства. – Т. 1. : 1571 – 1634 гг. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1890 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constitutions.ru/archives/5098>.
2. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) // Рос. военный сб. – 1996. – Вып 10.
3. Елина, Н.В. Правовой режим военного имущества : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
4. Кожоналиев, С.К. Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000.
5. Комаров, А.С. Хищение военного имущества военнослужащими с использованием служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.
6. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права : моногр. // Рос. военно-правовой сб. – 2007. – № 9.
7. Лиховидов, К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
8. Лопатин, Д.В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
9. Митяшин, И.К. Материальная ответственность военнослужащих по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1956.
10. Нурбеков, К. История государства и права Киргизской ССР. – Изд. второе. – Бишкек, 1999.
11. Об истории подготовки и составления Артикула // Российское законодательство X – XX веков. – М. : Юрид. лит., 1986. – Т. 4.
12. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1904. – Т. 13. – Половина 1-я. – 310 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hrano.ru/dokum/1500doc/1556uloz.html>. свободный.
13. Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В.И. Лебедев. – М. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1937 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.html>.
14. Сарманова, Б.О. Субъект преступления по уголовному законодательству Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2010.
15. Сатыбеков, Э. По закону предков // Вечерний Бишкек. – 2013. – 7 марта.

¹ Рецензент – В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

² Корякин В.М. Введение в теорию военного права: моногр. // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 15.

- ³ Цит. по: Рос. военный сб. 1996. Вып. 10. С. 351.
- ⁴ Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Изд. 2-е. Бишкек, 1999. С. 61.
- ⁵ Нурбеков К. Указ. соч. С. 36.
- ⁶ Сарманова Б.О. Субъект преступления по уголовному законодательству Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2010. С. 16.
- ⁷ Сарманова Б.О. Указ. соч. С. 37.
- ⁸ Ормон Ниязбек уулу (Ормон-хан, 1791 – 1854) – манап (хан) племени сарыбагыш, действия которого были устремлены к объединению Северного Кыргызстана и созданию самостоятельного ханства (История Кыргызстана: учеб.-метод. пособие для выпускников вузов) / под ред. профессора Ж.М. Джаманкулова. Бишкек, 2009. С. 28.)
- ⁹ Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. Бишкек, 2000. С. 86.
- ¹⁰ Сарманова Б.О. Указ. соч. С. 17.
- ¹¹ Сатыбеков Э. По закону предков // Вечерний Бишкек. 2003. 7 марта. С. 6.
- ¹² Лопатин Д.В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.
- ¹³ Лиховидов К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 43.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Комаров А.С. Хищение военного имущества военнослужащими с использованием служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 18.
- ¹⁶ Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. Половина 1-я. 310 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1500doc/1556uloz.html>.
- ¹⁷ Акты Московского государства. Т. 1. 1571 – 1634 гг. СПб., 1890 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitutions.ru/archives/5098>.
- ¹⁸ Елина Н.В. Правовой режим военного имущества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 48.
- ¹⁹ Комаров А.С. Указ. соч. С. 20.
- ²⁰ Полной свод законов Российской Империи. Т. 45. М., 1832.
- ²¹ Об истории подготовки и составления Артикула // Российское законодательство X – XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 315 – 316.
- ²² Там же.
- ²³ Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.html>.
- ²⁴ Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) // Рос. военный сб. 1996. Вып. 10. С. 187.
- ²⁵ Лопатин Д.В. Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Дисциплинарный устав Красной Армии. М., 1941 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkka.ru/docs/disc/disc.htm>. свободный.
- ²⁷ URL: <http://bdsa.ru/приказы-НКО-за-1943-год/577-449>.
- ²⁸ Митяшин И.К. Материальная ответственность военнослужащих по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956.
- ²⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1984 г. № 10661-Х «О материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный государству».
- ³⁰ Свободные горы. Приложение 1. 1992.
- ³¹ Эркин-Тоо. 2008. С. 29.

Сергеенко Д.Ю.,
аспирант Юридического института Балтийского
федерального университета им. И. Канта,
denissergeenko@mail.ru;
Кичигин Н.В.,
юрисконсульт войсковой части,
дислоцированной в Республике Армения

Особенности налогообложения Пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации¹

Аннотация: на основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих правовое положение пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, выявлены особенности их налогообложения. Указаны пробелы в правовом регулировании данной сферы отношений, что позволило сделать вывод о необходимости их совершенствования.

Ключевые слова: налогообложение, пограничные управления ФСБ России, иностранное государство, международный договор.

Sergeenko D.Y.,
post-graduate of the of the Institute
of Law of the Immanuel
Kant Baltic Federal University,
denissergeenko@mail.ru;
Kichigin N.V., the legal counsel
of the military unit in the Republic of Armenia

Features of the taxation of the Border departments of the FSB of Russia, which is deployed outside the Russian Federation

On the basis of analysis of legal acts regulating the legal status of border departments of the FSB of Russia, which is deployed outside the Russian Federation, the features of their taxation. Indicated gaps in the legal regulation of these relations, which allowed to the conclusion about the need to improve them.

Key words: taxation, Border departments of the FSB of Russia, foreign state, international agreement.

В соответствии с международными договорами Российской Федерации² для охраны государственных границ за пределами Российской Федерации созданы Пограничное управление ФСБ России в Республике Армения, Пограничное управление ФСБ России в Республике Абхазия и Пограничное управление ФСБ России в Республике Южная Осетия.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих правовое положение пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, свидетельствует о том, что источниками правового регулирования деятельности пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, яв-

ляются международные договоры Российской Федерации; федеральное законодательство Российской Федерации; ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты Российской Федерации; нормативные правовые акты государственного управления ФСБ России, которые в совокупности определяют особенности правового положения пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации.

Одной из особенностей правового положения пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, является их налогообложение.

В соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия и Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия пограничные управления ФСБ России в Абхазии и Южной Осетии освобождаются от уплаты всех видов налогов, сборов, пошлин и других подобных платежей, установленных законодательством соответственно Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, за исключением таких, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания. При этом определено, что данное положение не препятствует налогообложению военнослужащих указанных управлений, членов их семей и лиц из числа гражданского персонала, являющихся гражданами Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации³.

Имущество, предназначенное для служебного пользования пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, ввозится (вывозится) на (с) территорию (и) государств, делегировавших Российской Федерации полномочия по охране своих государственных границ, с освобождением от всех таможенных пошлин, налогов и связанных с этим сборов⁴. Однако здесь следует отметить, что данные положения не относятся к имуществу подрядных организаций, предназначенному для выполнения работ, оказания услуг и поставки в интересах указанных пограничных управлений, что, как представляется, является недоработкой законодателя, с учетом того факта, что в ст. 23 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия такая льгота предусмотрена⁵. Также некорректным является термин «беспрепятственно»⁶ в отношении вооружения, военной техники и других материальных средств, поставляемых на территорию Республики Армения в интересах Пограничного управления ФСБ России в Республике Армения⁷. Указанный термин, не являясь юридическим термином, может интерпретироваться неоднозначно, что недопустимо в международных договорах Российской Федерации.

В соответствии с Протоколом между Российской Федерацией и Республикой Армения о порядке финансирования и материально-технического обеспечения Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения⁸, Пограничные войска Российской Федерации, находящиеся на территории Республики Армения⁹, освобождаются от платы за землю, использование воздушного пространства, аэродромов, железнодорожных подъездных путей, от всех видов налогов, кроме подоходного налога с рабочих и служащих, и налогов, связанных с хозяйственной деятельностью.

Таким образом, международными договорами Российской Федерации установлены некоторые льготы по налогообложению пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации.

Однако за электроэнергию, воду и другие виды коммунально-бытовых услуг плата осуществляется в полном объеме по тарифам, установленным для иностранных организаций. Представляется необходимым пункты международных договоров Российской Федерации, регламентирующие вопросы оплаты конкретных видов обслуживания, дополнить норма-

ми, аналогичными нормам, установленным в Соглашении между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия, в части обеспечения электроэнергией, водой и другими видами коммунально-бытовых услуг по тарифам, установленным для государственных органов государства дислокации.

Проблемным также до настоящего времени остается вопрос уплаты налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ)¹⁰ военнослужащими, проходящими военную службу в Пограничном управлении ФСБ России в Республике Армения.

Так, основываясь на приведенном выше положении об освобождении Пограничного управления ФСБ России в Республике Армения от всех видов налогов, кроме подоходного налога с рабочих и служащих, указанное пограничное управление не удерживает НДФЛ с военнослужащих, проходящих военную службу в названном управлении, в отличие от других военных организаций¹¹, в том числе пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации. Данное положение, на наш взгляд, не соответствует требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

Статья 57 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый обязан платить законно установленные налоги.

Статья 3 НК РФ также устанавливает, что каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги. Законодательство о налогах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения.

В соответствии со ст. 207 НК РФ физические лица – налоговые резиденты Российской Федерации признаются плательщиками налога на доходы физических лиц по доходам, полученным ими от источников в Российской Федерации и иностранных государствах.

С 1 января 2007 г. вступили в силу положения п. 3 ст. 207 НК РФ, введенные Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования», предусматривающие, что налоговыми резидентами независимо от фактического времени нахождения в Российской Федерации признаются российские военнослужащие, проходящие службу за границей, а также сотрудники органов государственной власти и органов местного самоуправления, командированные на работу за пределы Российской Федерации.

Поскольку военнослужащие, проходящие военную службу за границей, с 1 января 2007 г. отнесены к налоговым резидентам, налогообложению в Российской Федерации подлежат их доходы как от источников в Российской Федерации, так и от источников в иностранных государствах.

Данный вывод подтверждается разъяснением Минфина России от 18 декабря 2008 г. № 03-04-05-01/461¹².

Более того, при буквальном толковании нормы, изложенной в ст. 4 Протокола между Российской Федерацией и Республикой Армения о порядке финансирования и материально-технического обеспечения Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения¹³, также следует сделать вывод о необходимости удержания НДФЛ с военнослужащих, проходящих военную службу в Пограничном управлении ФСБ России в Республике Армения.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» к государственным служащим относятся граждане Российской Федерации, отвечающие установленным требованиям, добровольно взявшие на себя обязательство по осуществлению профессиональной служебной деятельности

на должностях гражданской, военной или правоохранительной службы, т. е. к государственным служащим относятся также и военнослужащие¹⁴.

В связи с изложенным с 1 января 2007 г. доходы военнослужащих, проходящих военную службу в иностранных государствах, должны подлежать налогообложению в Российской Федерации по ставке 13 %, в том числе доходы военнослужащих, проходящих военную службу в Пограничном управлении ФСБ России в Республике Армения, что соответствует как общим принципам налогообложения в Российской Федерации, так и законодательству Российской Федерации в целом.

Таким образом, результаты анализа нормативных правовых актов, регламентирующих правовое положение пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, позволили, во-первых, выделить особенности их налогообложения¹⁵, во-вторых, выявить пробелы в правовом регулировании данной сферы отношений. Для устранения указанных пробелов авторами статьи предлагается:

1) внести дополнения в международные договоры Российской Федерации в части освобождения от уплаты всех таможенных платежей при ввозе (вывозе) подрядчиками на территорию государства дислокации оборудования, материалов и иного имущества, предназначенного для выполнения работ, оказания услуг и поставки в интересах пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, а также обеспечения пограничных управлений ФСБ России электроэнергией, водой и другими видами коммунально-бытовых услуг по тарифам, установленным для государственных органов государства дислокации;

2) рассмотреть вопрос удержания и перечисления в бюджет Российской Федерации НДФЛ по ставке, установленной НК РФ для военнослужащих, проходящих военную службу в Пограничном управлении ФСБ России в Республике Армения.

Библиографический список

Бараненков, В.В. Юридическая личность военных организаций [Текст] : моногр. / В.В. Бараненков ; МПИ ФСБ России. – М., 2008. – 370 с.

¹ Под налогообложением Пограничных управлений ФСБ России, дислоцированных за пределами Российской Федерации, в настоящей статье понимается закрепленная действующим законодательством процедура установления, взимания и уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей пограничными управлениями ФСБ России, дислоцированными за пределами Российской Федерации (прим. авторов).

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования (Ереван, 30 сентября 1992 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия (Москва, 30 апреля 2009 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия (Москва, 30 апреля 2009 г.).

³ Статья 13 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия и ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия.

⁴ Статьи 14 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия (Москва, 30 апреля 2009 г.); Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о

совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия (Москва, 30 апреля 2009 г.).

⁵ Оборудование, материалы и иное имущество, предназначенное для выполнения работ, оказания услуг и поставки в интересах объединенной российской военной базы, ввозится (вывозится) на (с) территорию (и) Республики Абхазия подрядчиками объединенной российской военной базы под таможенным контролем Абхазской Стороны с освобождением от уплаты всех таможенных платежей, за исключением сборов за хранение, перевозку и иные подобно рода услуги (п. 3 ст. 23 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия).

⁶ Значение термина «беспрепятственно» в соответствии с толковыми словарями Ушакова, Ожегова – не связанный ни с какими затруднениями, не встречающий препятствий, свободный от помех.

⁷ Перемещение военнослужащих, вооружения, военной техники и других материальных средств, поставляемых Пограничным войскам Российской Федерации на территорию Республики Армения, а также передвижение их по территории Армении в интересах охраны границы осуществляется беспрепятственно (ст. 18 Договора между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования).

⁸ Статья 4 Протокола между Российской Федерацией и Республикой Армения о порядке финансирования и материально-технического обеспечения Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения (Москва, 25 января 1994 г.).

⁹ В настоящий момент – Пограничное управление ФСБ России в Республике Армения (прим. авторов).

¹⁰ В соответствии с Федеральным законом от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ с 1 января 2001 г. введена в действие гл. 23 «Налог на доходы физических лиц» части второй НК РФ. Одновременно утратил силу Закон Российской Федерации от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 «О подоходном налоге с физических лиц».

¹¹ Военная организация – непосредственно выполняющая задачи военной безопасности, комплектуемая военнослужащими полностью или частично штатная организация ведомства, в котором предусмотрена военная служба (*Бараненков В.В.* Юридическая личность военных организаций : моногр. М., 2008. С. 98).

¹² Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 18 декабря 2008 г. № 03-04-05-01/461 «О порядке налогообложения НДФЛ доходов военнослужащих, проходящих военную службу за пределами Российской Федерации».

¹³ Пограничные войска Российской Федерации, находящиеся на территории Республики Армения, освобождаются от всех видов налогов, кроме подоходного налога с рабочих и служащих.

¹⁴ Статья 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации».

¹⁵ Налоговый иммунитет, предоставляемый пограничным управлениям ФСБ России государством их дислокации; различный объем льгот по их налогообложению.

Военно-уголовное право и уголовный процесс: современное состояние и перспективы развития

Билгуун Хурлээ,
юрист, офицер
Вооруженных Сил Монгольской Народной Республики;
Шанхаев С.В.,
кандидат юридических наук,
sshanhaev@mail.ru

Военно-уголовное законодательство Монгольской Народной Республики: краткая история становления законодательства и современность

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы становления и развития военно-уголовного законодательства Монголии, приведены некоторые рекомендации в отношении совершенствования российского военно-уголовного законодательства.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство Монголии, совершенствование российского военно-уголовного законодательства.

Bilguun Hurllee,
lawyer, officer Armed Force, The Mongolian People's Republic;
Shanhaev S.V.,
candidate of jurisprudence,
sshanhaev@mail.ru

Military criminal legislation The Mongolian people's Republic: a brief history of the formation of the legislation and the present

In the article the questions of formation and development of the military criminal law of Mongolia, made some recommendations in improving the Russian military-criminal law.

Key words: military criminal legislation of Mongolia, improvement of the Russian military-criminal law.

В научной литературе отмечается, что современный мир характеризуется усилением интеграционных процессов во многих сферах государственной и общественной жизни, в том числе и в военной области. Государства проявляют повышенный интерес к изучению и взаимному использованию опыта военного строительства, к обмену не только военно-технической, но и военно-правовой информацией. Какое-либо изолированное развитие национального военного права в настоящее время малопродуктивно. Возникает необходимость обобщения и дальнейшего развития знаний о сравнительном правоведении, включая военно-уголовные аспекты. Изучение военно-уголовного законодательства иностранных государств, обогащая представления о нем, позволяет поднять научный уровень критического осмысления его содержания¹.

Военно-уголовное право тесным образом было связано с созданием постоянного войска, являющегося важнейшим атрибутом государства и государственной власти².

1. Становление военно-уголовного законодательства Монголии (краткое описание)

С возникновением первого государства на нынешней территории Монголии – Хунну (IV – I вв. до н. э.) и Монгольской империи (1206) одной из функций государства стало создание вооруженных сил для обеспечения защиты и расширения территории, выявления и выведения противостоящих сил и угроз со стороны³.

Монголия имеет собственную цивилизацию, повлиявшую на развитие большинства среднеазиатских и европейских государств современного мира. Монгольскую цивилизацию отождествляют с эпохой завоеваний Чингисхана и его последователей. После окончания эпохи Чингисхана монголы, оставшиеся на родине и, вероятно, немногие вернувшиеся в Халху, продолжали вести тот самый стабильный тип хозяйствования, который определял развитие монгольской цивилизации вплоть до настоящего времени. Первым законодательным памятником монгольского права была Яса (по-тюркски, по-монгольски «дзасак» – закон, постановление, запрет, наказание) Чингисхана 1206 г., который кодифицировал обычаи, существовавшие в монгольском обществе. Яса содержала нормы государственного, административного (налоги, повинности), уголовного, гражданского права. Великая Яса Чингисхана служила основой для управления завоеванными странами⁴.

Особенностью становления Монгольской империи в период правления Чингисхана и его преемников явилось создание единой правовой системы, в основу которой был положен Закон «Их засаг хууль» (Великая Яса), представлявший свод обычаев, регулирующих наиболее значимые общественные отношения. Объединение и размещение правовых норм в «Их засаг хууль» (в Великой Ясе) осуществлялось в соответствии с принципами отраслевой систематизации. Великая Яса содержала нормы, характерные для государственного, административного, уголовного и гражданского права. Вместе с тем, безусловный приоритет отдавался нормам, регламентирующим уголовно-правовые отношения. В Законе «Их засаг хууль» имеется много статей, где предусмотрены меры по борьбе с правонарушениями и наказания за совершенные преступления. Закон был призван урегулировать вопросы правосудия и предупреждения преступлений⁵.

Яса Чингисхана являлась сборником правовых обычаев, который, однако, содержал в себе и известное количество норм указного права. К нормам указного права, которые внесли некоторые законодательные новшества, можно отнести нормы о власти хана, военной организации, административной системе. Так, к примеру, в сохранившихся фрагментах Ясы есть статьи, рассматривающие императорский титул; статус военной службы; учреждение почтово-конных станций; сборы и налоги и др. Анализ ее правовых норм свидетельствует о том, что в целом закон был суровее, чем кодексы других восточных стран. Яса имела карательный характер⁶.

Великая Яса содержала пять основных групп постановлений:

1. Постановления, содержащие нормы, относящиеся к гражданскому устройству и внутреннему управлению.
2. Постановления, содержащие нормы военного характера.
3. Постановления, содержащие нормы уголовного права.
4. Постановления, содержащие нормы частного права.
5. Постановления, содержащие специальные нормы бытового характера, степные обычаи.

Главную часть постановлений Великой Ясы составляли карательные нормы. Поэтому Великую Ясу можно с достаточным основанием назвать уголовным законом, по преимуществу сводом уголовных постановлений.

По классификации Г.В. Вернадского Яса включала международное и государственно-административное право, податной устав, уголовное, частное, торговое и судебное право. По его мнению, одним из основных положений международного права, содержащимся в Ясе, была определенная форма объявления войны с гарантией безопасности населению враждебной страны в случае добровольного подчинения⁷. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что Великая Яса не утратила своего значения, а оказывала известное влияние на законодательство монгольских и других племен значительное время спустя после распада великого монгольского государства.

Яса содержала главным образом правила военной организации монгольского войска и нормы уголовного права. Она отличалась беспримерной жестокостью наказаний не только за преступления, но и за проступки⁸.

В одном месте Ясы говорилось: «Кто переменит свой пост, того предавать смерти». Слово «пост» толковалось расширительно: не только пост на боевом дежурстве, но и место обитания в селе⁹.

Если кто-нибудь в битве, нападая или отступая, обронит свой вьюк, лук или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее: если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предаётся смерти¹⁰.

Большинство карательных норм Ясы охраняло исполнение приказов хана, предписаний Ясы, военных требований и соблюдение монгольских обычаев. Суровые карательные нормы составляли значительную часть дошедших до нас фрагментов Ясы. В 13 фрагментах из 36 наказание смертной казнью полагается за целый ряд преступлений и проступков. Но эта суровость была не сильнее суровости других древних кодексов восточных стран¹¹.

В Восемнадцати степных законах было предусмотрено: «Если кто опоздает на военные сборы больше, чем на трое суток, взять с того личные доспехи нойона и оседланную лошадь». Строго наказывалось дезертирство: «Если человек ханского происхождения во время сражения сбежит, взять [с него] тысячу лошадей, сто верблюдов и сто панцирей. Запрещалось убивать пленного врага. Нарушивший запрет лишался одного верблюда¹².

Второй кодификацией монгольского права стали «Их цааз» (Великое уложение), или монголо-ойратские законы 1640 г., за которыми последовала Халха Джирум 1709 г. Они юридически закрепляли сложившиеся в монгольском обществе общественные отношения и представляли собой степное обычное и феодальное право, получившее статус закона. В последующие годы Монголия постепенно внедряла законы, изданные маньчжурскими властями, в частности так называемое Уложение китайской палаты внешних сношений 1815 г.¹³

Например, по Великому уложению предусматривалось, что если воин сбежит с поля боя – надеть ему женскую безрукавку. При этом было предусмотрено, что факт измены или бегства с поля боя устанавливался через свидетелей. Уложением было предусмотрено, что если кто, увидев большое войско неприятеля или услышав об этом, не известит никого, то его предписывалось убить, имущество – конфисковать, а потомство изгнать¹⁴.

Если проследить монгольское право в развитии на основе указанных памятников права – Ясы Чингисхана, Восемнадцати степных законов, Великого уложения 1640 г. и сборника «Халха Джирум», то можно говорить о самостоятельности монгольского права. Монгольское право стало продуктом специфических социально-экономических условий средневековой Монголии, приобретая тем самым особую ценность для изучения монгольского общества периода позднего средневековья¹⁵.

В более современный период развития Монгольской Народной Республики (далее – МНР) в сфере уголовной политики были приняты Общая и Особенная части Уголовного уложения МНР (1926). В первом уголовном законе МНР был использован опыт СССР, в частности УК РСФСР 1922 г. и основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. В 1929 г. было утверждено новое Уголовное уложение МНР, а

в 1930 г. Уложение было дополнено главой о воинских преступлениях (гл. 31). 17 января 1942 г. Малый Хурал принял Уголовный кодекс МНР, который стал основным источником уголовного права в период становления социализма МНР. В Особенной части кодекса имелась гл. 10 «Воинские преступления». В 1961 г. Великий Народный Хурал утвердил новый Уголовный кодекс, который действовал до 1987 г. (в 1987 г. Кодекс был изложен в новой редакции). По Кодексу 1961 г. (ст. 191), военнослужащие и военнообязанные, совершившие преступления во время прохождения ими учебных сборов, являлись исполнителями воинских преступлений (специальный субъект)¹⁶.

Общественная опасность воинских преступлений определялась тем, что они посягали на общественные отношения, наносили им ущерб и ослабляли боевую готовность войск и воинскую дисциплину. Особенности воинских преступлений были обусловлены спецификой субъекта и объекта посягательства. Родовым (специальным) объектом воинских преступлений являлся установленный в Монгольской Народной Армии порядок несения воинской службы. Порядок несения воинской службы представляет собой совокупность общественных отношений в области жизни, быта и боевой готовности войск, регулируемых законами, воинскими уставами и приказами министра обороны. Конкретное воинское преступление посягало не на всю совокупность общественных отношений, охраняемых военно-уголовными нормами, а на те или иные отношения, составляющие часть установленного порядка несения воинской службы (например, порядок подчиненности и соблюдения воинской чести, порядок хранения военной тайны и т. п.). Эти отношения выступали непосредственным объектом воинского преступления. Принятие военной присяги не являлось обязательным условием признания военнослужащего субъектом воинского преступления. Однако совершение воинского преступления молодым солдатом до принятия присяги могло рассматриваться как обстоятельство, смягчающее ответственность. Как правило, субъектами воинских преступлений могли быть и военнослужащие, признанные по состоянию здоровья не годными к военной службе. В конкретных случаях негодность к военной службе лица, совершившего воинское преступление, могла быть признана основанием для освобождения от уголовного наказания.

Исходя из непосредственного объекта посягательства, воинские преступления, предусмотренные Уголовным кодексом МНР 1961 г., разделялись на следующие группы:

1. Преступления против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести: неповиновение, неисполнение приказа, сопротивление начальнику и принуждение его к нарушению служебных обязанностей, угроза начальнику, насильственные действия в отношении начальника, оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного, оскорбление насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности или старшинства.

2. Преступления против порядка прохождения военной службы: самовольная отлучка, самовольное оставление части или места службы, дезертирство, самовольное оставление части в боевой обстановке, уклонение от воинской службы путем членовредительства или иным способом.

3. Преступления против порядка эксплуатации военной техники: нарушение правил вождения или эксплуатации машин, нарушение правил полетов или подготовки к ним.

4. Преступления против порядка несения специальных служб: нарушение уставных правил караульной службы, нарушение правил несения пограничной службы, нарушение правил несения службы на радиотехнических постах и в дежурных подразделениях, нарушение уставных правил внутренней службы.

5. Преступления против порядка хранения военной тайны: разглашение сведений военного характера, составляющих государственную тайну, и утрата документов, содержащих сведения военного характера, составляющие государственную тайну.

6. Воинские должностные преступления: злоупотребления властью или служебным положением, бездействие власти и халатное отношение к службе.

7. Преступления против порядка несения воинской службы в боевой обстановке и в районе военных действий: сдача или оставление противнику средств ведения войны, самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием, мародерство.

8. Добровольная сдача в плен и преступления, совершаемые в плену: добровольная сдача в плен, преступные действия военнослужащего, находящегося в плену.

9. Преступления против законов и обычаев войны: насилие над населением в районе военных действий, дурное обращение с военнопленными, незаконное ношение знаков Красного Креста и злоупотребление им¹⁷.

2. Современное состояние военно-уголовного законодательства Монгольской Народной Республики

Современная правовая система Монголии входит в романо-германскую правовую семью, сохраняя определенные черты социалистического права.

В настоящее время действует Уголовный кодекс МНР 2002 г. (далее – УК МНР). Реформа названного Кодекса была обусловлена следующими причинами:

– принципы и нормы уголовного права не соответствовали социальным, экономическим нуждам и требованиям в сфере прав человека;

– возникла необходимость повышения эффективности уголовной ответственности при одновременном повышении гуманности закона, с одной стороны, с другой – необходимость ужесточения наказания за рецидивную, профессиональную, организованную преступность, а также необходимость создания системы уголовной ответственности и наказания за новые виды преступлений;

– необходимость создания гибкой, эффективной системы ответственности;

– в совершенствовании и правовых реформах нуждался текст УК МНР (многие вопросы и проблемы правовых институций, норм, их систематизации, логики, терминологии, устранение пробелов, существовавших в прежнем Кодексе)¹⁸.

Налагаемые наказания и другие меры уголовного принуждения не могут иметь целью бесчеловечное, жестокое или унижающее достоинство обращение (ст. 7 УК МНР).

В УК МНР предусмотрена смертная казнь. Однако в январе 2010 г. Президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж объявил в парламенте о введении моратория на смертную казнь в стране. «Большинство стран отменили эту высшую меру наказания, и мы должны следовать этим путем», – заявил глава монгольского государства, дав понять, что за мораторием на смертную казнь должна последовать ее официальная отмена¹⁹.

Общая часть УК МНР содержит положения, которые можно отнести к нормам военно-уголовного права.

Так, согласно ст. 14 УК МНР, если иное не предусмотрено международным договором Монголии, военнослужащий Монголии, совершивший преступление в период прохождения службы за рубежом, привлекается к уголовной ответственности в соответствии с названным Кодексом.

Не допускается назначение наказания – привлечение к принудительным работам лиц, находящихся на действительной срочной военной службе (ст. 50 УК МНР).

В соответствии со ст. 51 УК МНР наказание в виде ареста, назначаемое военнослужащим действительной срочной службы, исполняется в одиночной дисциплинарной камере.

В Основной части УК МНР содержится гл. 29 «Преступления против воинской службы».

В данной главе дано понятие воинского преступления. Так, воинскими преступлениями признаются преступления, предусмотренные в Особенной части УК МНР, совершенные гражданами Монголии в вооруженных силах, в других войсках, а также военнообязанным лицом во время прохождения ими воинских сборов, военных учений в нарушение порядка прохождения воинской службы, установленного законом (ст. 274).

Субъектами воинских преступлений являются военнослужащие, т. е. граждане Монголии, проходящие действительную военную службу в контингенте вооруженных сил, в других войсках.

При этом офицеры, старшины, пожарные, служащие мест лишения свободы, которые работают в органах полиции, разведки, органах исполнения судебного решения, в органах борьбы с пожарами, совершившие преступления, предусмотренные в гл. 29 УК МНР, подлежат уголовной ответственности.

УК МНР предусматривает следующие составы преступлений против воинской службы: неисполнение приказа начальника; сопротивление начальнику, применение к нему насилия, угрозы; применение начальником насилия в отношении подчиненного; нарушение уставных правил военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности; дезертирство; уклонение от воинской службы путем нанесения себе телесных повреждений или иным способом; продажа, утрата, хищение военного имущества или боевых огнестрельных средств; умышленное уничтожение, повреждение военного имущества; нарушение правил обращения с боевым оружием, огнестрельным оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих; нарушение правил вождения и эксплуатации боевых машин; нарушение правил боевых или учебных полетов и подготовки к ним; нарушение правил несения боевого дежурства; нарушение правил внутренней службы; нарушение правил караульной службы; нарушение правил несения пограничной службы; сдача врагу, оставление военной части, гарнизона; самовольное оставление места боевых действий, уклонение от борьбы с оружием против врага; добровольная сдача в плен врагу; грабеж на месте боевых действий; злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, их неисполнение; халатное отношение к службе; незаконное ношение знака Красного Креста в местах боевых действий.

Примечательным является состав преступления, предусмотренный ст. 277 УК МНР, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за применение начальником насилия в отношении подчиненного.

В данной статье указано, что нанесение побоев, причинение насилия, телесных повреждений небольшой тяжести начальником подчиненному наказывается штрафом в размере от 5 до 50 минимальных размеров оплаты труда либо арестом на срок от одного до трех месяцев. Те же деяния, причинившие подчиненному телесные повреждения средней тяжести, либо совершенные с особой жестокостью или с нанесением побоев нескольким подчиненным, наказываются штрафом в размере от 51 до 100 минимальных размеров оплаты труда либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет. Те же деяния, совершенные с применением оружия либо с причинением подчиненному тяжких телесных повреждений, а также ущерба в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации среди воинских преступлений отсутствует подобного рода состав преступления. В отношении военнослужащих Российской Федерации за подобного рода деяния применяется ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Статья 294 УК МНР предусматривает ответственность за злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, их неисполнение. *Перечисленные составы преступлений относятся к воинским.* Так, злоупотребление начальником своими полномочиями, должностным положением, превышение полномочий, неисполнение им служебных полномочий,

повлекшее ущерб значительных размеров, по УК МНР наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Квалифицирующим признаком является совершение преступления, повлекшее ущерб в крупных размерах (наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет), и совершение преступления в период военного положения или в боевых условиях (наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет). Следует отметить, что наказание за данное преступление (с квалифицирующим признаком – лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет) является самым суровым в гл. 29 «Преступления против воинской службы».

Таким образом, можно сделать вывод, что военно-уголовное законодательство Монголии имеет многовековую историю. Законодательство развивалось в ногу со временем и соответствовало уровню социально-экономического и государственного развития. Современное состояние военно-уголовного законодательства МНР соответствует правовой системе государства, а также правовым традициям страны. Отдельные положения УК МНР в части некоторых составов преступлений против военной службы можно учесть в российском военно-уголовном законодательстве.

Библиографический список

1. *Алтанзул Алтангэрэл*. Понятие наказания, его цели и виды по уголовному законодательству Монголии : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – С. 12 – 17.
2. Военно-уголовное право : учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.] ; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. – М., 2008.
3. Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент., исследование Насилова А.Д. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2002.
4. *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. – М. : НОРМА, 2003. – С. 368.
5. История отечественного государства и права : учеб. / Л.В. Дюков [и др.] ; под ред. О.И. Чистякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – Ч. 1.
6. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С.Д. Далькова. – М., 1981. – С. 15.
7. *Мирзоян А.С.* Исторические этапы формирования военно-уголовного законодательства России и Армении в сфере правового регулирования расследования преступлений, совершенных военнослужащими // Военно-юрид. журн. – 2012. – № 1. – С. 22 – 27.
8. *Мунхжаргал Д.* Истоки оперативно-розыскного законодательства Монголии // История государства и права. – 2007. – № 18.
9. *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. – Харбин (Китай), 1931. – С. 13.
10. *Сарангов Ц.А.* Цааджин Бичиг – кодекс феодального права калмыков XVII века // Право и политика. – 2007. – № 5.
11. *Серая А.В.* Источники обычного права монгольских народов (к постановке проблемы) // Материалы международной студенческой научно-практической конференции «Сравнительное правоведение в России, Монголии, Японии и КНР» (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2009 г.). – Улан-Удэ, 2009.
12. Уголовное право Монгольской Народной Республики. Часть Общая. – М., 1983. – С. 38, 43, 50, 171.
13. Уголовное право Монгольской Народной Республики. Часть Особенная. – М., 1978. – С. 384 – 391.

14. *Эрдэнэбат Ганбат*. Уголовное право РФ И Монголии: некоторые проблемы сравнительного анализа // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15 – 16 июня 2007 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. – С. 134 – 137.

15. *Юрковский А.В.* К вопросу правовой системы Монголии // История государства и права. – 2008. – № 22.

---

¹ Военно-уголовное право : учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.] ; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008.

² *Мирзоян А.С.* Исторические этапы формирования военно-уголовного законодательства России и Армении в сфере правового регулирования расследования преступлений, совершенных военнослужащими // Военно-юр. журн. 2012. № 1. С. 22 – 27.

³ *Мунхжаргал Д.* Истоки оперативно-розыскного законодательства Монголии // История государства и права. 2007. № 18.

⁴ *Юрковский А.В.* К вопросу правовой системы Монголии // История государства и права. 2008. № 22.

⁵ *Мунхжаргал Д.* Указ. соч.

⁶ *Сарангов Ц.А.* Цааджин Бичиг – кодекс феодального права калмыков XVII века // Право и политика. 2007. № 5.

⁷ *Алтанзул Алтангэрэл.* Понятие наказания, его цели и виды по уголовному законодательству Монголии : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 12 – 17.

⁸ История отечественного государства и права : учеб. / Л.В. Дюков [и др.] ; под ред. О.И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. Ч. 1.

⁹ *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. М., 2003. С. 368.

¹⁰ *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин (Китай), 1931. С. 13.

¹¹ *Алтанзул Алтангэрэл.* Указ. соч. С. 12 – 17.

¹² Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI – XVII вв. / пер. с монг., коммент., исследование Насилова А.Д. СПб., 2002.

¹³ *Юрковский А.В.* Указ. соч.

¹⁴ Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С.Д. Далькова. М., 1981. С. 15.

¹⁵ *Серая А.В.* Источники обычного права монгольских народов (к постановке проблемы) // Материалы междунар. студенч. науч.-практ. конф. «Сравнительное правоведение в России, Монголии, Японии и КНР» (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2009 г.). Улан-Удэ, 2009.

¹⁶ Уголовное право Монгольской Народной Республики. Часть Общая. М., 1983. С. 38, 43, 50, 171.

¹⁷ Уголовное право Монгольской Народной Республики. Часть Особенная. М., 1978. С. 384 – 391 (автор главы – доктор юридических наук, профессор Х.М. Ахметшин).

¹⁸ *Эрдэнэбат Ганбат*. Уголовное право РФ и Монголии: некоторые проблемы сравнительного анализа // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15 – 16 июня 2007 г.). Улан-Удэ, 2007. С. 134 – 137.

¹⁹ URL: <http://www.izvestia.ru/news/464646>; <http://www.webground.su/topic/2010/01/14/t248>

Ермолович Я.Н.,
докторант кафедры уголовного права
Военного университета,
кандидат юридических наук,
pvs1997@mail.ru

О проблемах военной криминологии и ее взаимосвязи с военно-уголовным правом

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления исследований и проблемные вопросы военной криминологии, использование результатов криминологических исследований в научных трудах по военному и уголовному праву.

Ключевые слова: военная криминология, военнослужащие, военно-уголовное право, уголовное право, криминология.

Ermolovich Y.N.,
doctoral student in criminal law the Military University,
Ph.D.,
pvs1997@mail.ru

On the problems of the military criminology and its relationship with the military criminal law

In the article examines the main areas of research and the problematic issues of military criminology, using the results of criminological research in scientific works on military and criminal law.

Key words: military criminology, military personnel, military criminal law, criminal law, criminology.

Система воздействия на преступность как в вооруженных силах, так и в обществе основана на ряде концептуальных положений, таких как социальное отрицание преступности, которое заключается в признании факта объективного существования преступности с момента возникновения общества, признании деструктивной роли преступности, препятствующей развитию общества, и признании необходимости воздействия на нее. На основе этого положения выделяются четыре подхода к воздействию на преступность, также имеющих концептуальный характер и отражающих идеи уголовной политики: 1) предупреждение преступности; 2) профилактика преступности; 3) борьба с преступностью; 4) контроль преступности. Каждый из этих подходов имеет определенные исторические, политические и теоретические предпосылки.

Наиболее распространенным подходом к воздействию на преступность, исторически первым возникшим в нашей стране, является борьба с преступностью (преступлениями). В России институционализация уголовной политики в качестве учебной и научной дисциплины относится к началу XX в., когда в 1908 г. было введено преподавание этой дисциплины в юридических учебных заведениях. При этом уголовная политика как наука разделялась на два раздела: уголовную социологию, которая изучала преступность и ее причины и собственно уголовную политику, которая изучала меры борьбы с преступностью, как репрессивные, так и превентивные. Соответственно репрессивные меры борьбы с преступностью заключались в применении уголовных наказаний, а превентивные меры в основном рас-

смагивались в контексте деятельности различных общественных организаций, таких как союзы взаимопомощи и благотворительные организации.

В 1895 г. русский ученый А. А. Пионтковский, судя по всему, впервые в России предложил использовать термин «криминология», под которым он понимал составную часть науки уголовного права, включающую три раздела: криминологию, уголовную политику и уголовную догматику¹. При этом под наукой уголовного права А. А. Пионтковский понимал науку, занимающуюся изучением преступной деятельности, раскрытием естественных законов, обуславливающих собой эту деятельность, изучением и установлением средств и способов борьбы с этой деятельностью. Под криминологией же понималась отрасль уголовного права, занимающаяся изучением преступной деятельности как социального явления, установлением естественных законов, обуславливающих собой образование и развитие этой деятельности. Под уголовной политикой, в свою очередь, понималась отрасль науки уголовного права, предметом которой являлось изучение средств борьбы с преступностью, а задачей – целесообразное построение этих средств. И наконец, уголовная догматика изучала правовые нормы, в которые облекалась борьба с преступностью, а ее задачей являлось построение этих норм в соответствии с целями борьбы с преступностью и потребностями защиты и охраны прав личности от преступных посягательств.

После Октябрьской революции 1917 г. в советской науке стала преобладать доктрина предупреждения преступности, которая основывалась на трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, обосновавших тезис о постепенном отмирании преступности в обществе, где ликвидирована частная собственность на средства производства; в обществе, свободном от эксплуатации. Если уничтожить антагонизм между человеком и всеми остальными, то исчезнет фундаментальная причина преступности. Если каждый получит все необходимое для удовлетворения физических и духовных потребностей, то преступления исчезнут сами собой. В социалистическом обществе отомрут основные причины преступности, вследствие чего она будет носить только пережиточный характер. Этот тезис о пережиточном характере преступности в советском обществе привел практически к прекращению исследований в области криминологии в 20 – 50-х гг. XX в., которые возобновились только в 60-е гг. с созданием Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и введением новой науки и учебной дисциплины – криминологии.

В указанный период в рамках военно-уголовного права или теории военно-уголовного законодательства по принятой в то время терминологии стали проводиться исследования, содержащие элементы криминологических знаний. Первоначально научные работы носили комплексный характер, состояли из уголовно-правового и криминологического исследований и были посвящены борьбе с конкретными видами воинских или иных преступлений, совершаемых в Вооруженных Силах². Наряду с уголовно-правовыми мерами борьбы с конкретными видами преступлений, предлагался ряд политико-воспитательных, организационных и материально-технических мер, которые должны были привести к снижению или ликвидации исследуемых преступлений, а также разрабатывалась методика выявления причин и условий, порождавших указанные преступления. Большинство научных исследований в области военной криминологии проводилось в рамках общепринятой криминологической концепции борьбы с преступностью. Высокая практическая потребность подобного рода исследований, кроме переосмысления социального содержания преступности, была обусловлена в том числе и принятием в 1961 г. нового УПК РСФСР, который обязывал правоохранительные органы и суды по каждому уголовному делу выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению (ст.ст. 21, 68, 140, 392 УПК РСФСР 1961 г.).

Другим направлением развития научных знаний, возникшим в рассматриваемый период, являлась социология уголовного права³. Теоретики этого научного направления обос-

новывали социологическое понятие преступления, которое предшествует его юридическому определению. При этом система общественных отношений и их виды рассматривались в том аспекте, который позволял установить, почему те или иные социальные условия побуждают отдельных людей посягать на господствующий общественный порядок и почему такое посягательство вообще возможно. Через категорию общественных отношений уголовно-правовые явления превращались в предмет социологического анализа, позволявший рассмотреть и преступление, и правовую норму, его запрещающую, как социальные институты, что обеспечивало последовательное объяснение всех общественных явлений и представляло собой исходный пункт для построения социологической теории уголовного права. Уголовное право при этом рассматривалось как разновидность общественных отношений, возникающих между членами общества по поводу уголовно-правовых запретов. Преступление же рассматривалось как социальный факт, специфический способ посягательства на сложившийся социальный порядок, обусловленный особенностями субъекта общественно опасного деяния. Преступность определялась не как простая совокупность преступлений, а как социальное явление, выражающееся во всем множестве совершенных преступлений, социальный феномен, порождаемый противоречиями в развитии общества.

С развитием и институционализацией криминологии как науки в рамках военного права появились научные труды, посвященные непосредственно военно-криминологическим проблемам⁴. Наибольший вклад в развитие и институционализацию военной криминологии внесли научные труды В. П. Маслова⁵ и В. В. Лунева⁶. В 1986 г. вышел учебник В. В. Лунева «Криминология (причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР)», который был посвящен в основном военно-криминологическим вопросам. В частности, в учебнике рассматривались особенности преступных проявлений в войсках, особенности личности правонарушителя-военнослужащего, причины конкретных преступлений, совершаемых военнослужащими, основные направления профилактической работы в войсках, профилактическая работа органов военной юстиции по конкретному уголовному делу, причины и предупреждение отдельных видов преступного поведения военнослужащих. Отдельный раздел был посвящен судебной статистике и методике криминологических исследований. Несмотря на то что В. В. Лунев не выделял военную криминологию в качестве отдельной научной категории, он фактически сконструировал военную криминологию как научное направление.

На современном этапе развития криминологии и уголовного права в научных работах применяются все категории, характеризующие воздействие на преступность, за исключением контроля преступности. Под профилактикой, предупреждением и борьбой с преступностью понимается, если не вдаваться в отдельные детали, один и тот же процесс. Устоявшегося общепринятого подхода в настоящее время не существует, а выбор конкретной научной категории зависит от точки зрения автора.

В целом можно выделить общее, присущее всем научным трудам, то в чем сходятся все ученые. Это две большие группы мер: первая – меры, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствовавших преступлению; вторая – меры реагирования на готовящееся или совершенное преступление. К первой группе относятся различные группы мер социального, экономического, организационного, воспитательного и т. д. характера. Ко второй группе относится выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности и исполнение наказания, т. е. правоприменительная деятельность в рамках уголовно-правовой сферы, или правоохранительная деятельность, которую отдельные ученые выделяют в отдельный элемент системы воздействия на преступность.

В настоящее время существует не менее 30 кандидатских и докторских диссертаций по проблемам военной криминологии. Научные разработки В. В. Лунева продолжил

С.М. Иншаков, кульминацией научной деятельности которого стало издание в 2000 – 2001 гг. первого учебника по военной криминологии⁷, который до настоящего времени применяется для обучения курсантов прокурорско-следственного и военно-юридического факультетов Военного университета.

В настоящее время все исследования в области военной криминологии можно разделить на несколько направлений: 1) исследование причин и мер предупреждения отдельных видов преступлений (как правило, обусловлено актуальными потребностями практики; например, уклонения от военной службы, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, хищения военного имущества, воинские должностные преступления и т. д.)⁸; 2) исследования преступности военнослужащих в целом;⁹ 3) исследования отдельных направлений или криминально-криминогенных феноменов¹⁰.

С учетом того что методология исследования факторов преступности довольно хорошо отработана на научном уровне, следует отметить, что все авторы в качестве методики предупреждения преступлений предлагают ряд мер в основном организационного характера. От оздоровления экономики страны и преодоления кризисных явлений до мер воспитательного, социально-экономического, информационного воздействия, контроля, изменения статуса личности, социальной оценки действий военнослужащего, защиты материальных объектов, корректировки управленческих, правовых и технологических процессов, поддержания нормативно закреплённых режимов деятельности и т. д. В отдельных случаях предлагаемые меры требуют принятия нового регулирующего нормативного акта, в ряде случаев осуществление предлагаемых мер возможно в рамках существующих правовых механизмов.

Нередко авторы предлагают и меры правового характера, которые условно можно разделить на две группы: 1) предложение изменений в уголовное законодательство (криминализация или декриминализация деяний, пенализация или депенализация составов преступлений); 2) предложение проектов других, связанных с уголовным законодательством, нормативных правовых актов (например, проекты федеральных законов «О военной полиции» и «Об основах деятельности правоохранительных органов в Вооруженных Силах Российской Федерации и других войсках», проекты положения о порядке осуществления деятельности народного контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации, инструкции о профилактике преступлений военнослужащих и т. д.).

Наиболее фундаментальной представляется теория воздействия на преступность в Вооруженных Силах, разработанная С. М. Иншаковым¹¹. Так, систему воздействия на преступность образует целостная совокупность субъектов и мер воздействия. К элементам системы воздействия на преступность относятся объект, субъект, цели и меры воздействия. К наиболее глобальным методам воздействия на преступность относятся: воспитание; обеспечение удовлетворенности людей; социальный контроль; изоляция лиц, представляющих общественную опасность; защита и самозащита объекта (предмета) преступного посягательства (воспрепятствование наступлению тяжких последствий в результате нарушения правил безопасности).

Соответственно по результатам воздействия характер функционирования антикриминальной системы можно оценить как: оптимальный, удовлетворительный и неудовлетворительный. Оптимальная система воздействия на преступность в идеале должна привести к ее разрушению, что выражается в концепции разрушающего воздействия на преступность. Существующая система воздействия на преступность в Вооруженных Силах Российской Федерации оценивается С. М. Иншаковым как неудовлетворительная, но, реализовав ряд предложений автора, можно интенсифицировать ее до удовлетворительного уровня. К конкретным мерам, необходимым для формирования удовлетворительной системы воздейст-

вия на преступность в Вооруженных Силах, С. М. Иншаков относит: 1) изменение государственной политики распределения национальных богатств страны (воспрепятствование их передачи в руки представителей криминальных структур и зарубежных государств); 2) мобилизацию ресурсного, экономического, интеллектуального и кадрового потенциала России на формирование оптимальной воинской структуры; 3) развитие идеологии патриотизма; 4) возрождение и укрепление отечественной социальной системы воспитания и обучения; 5) развитие системы контроля военной сферы со стороны гражданского общества; 6) создание структуры военной полиции, независимой от военного ведомства; 7) адекватное стимулирование служебной добросовестности и инициативы военнослужащих; 8) укрепление статуса сержантского состава; 9) улучшение подготовки командных кадров и т. д.

Как мы видим, большинство предлагаемых мер имеют довольно опосредованное отношение к уголовному праву и заключаются в основном в проведении организационных мероприятий в рамках уже существующих правовых механизмов и отчасти в создании новых правовых механизмов путем принятия нормативных правовых актов в военной сфере. Таким образом, главная проблема противодействия преступности видится автору не в отсутствии соответствующих социально-правовых институтов и механизмов их реализации, а в их неэффективной работе, обусловленной рядом объективных и субъективных факторов, многие из которых находятся вне уголовно-правовой сферы вообще. Устранив указанные негативные факторы, можно добиться эффективного или приемлемого функционирования существующей системы воздействия на преступность в войсках. Судя по всему, здесь и проходит раздел предметов ведения между криминологией, уголовной политикой и социологией уголовного права. Первая изучает социальные причины преступности и предлагает меры к устранению этих причин, которые, как правило, находятся за рамками уголовно-правовой сферы, вторая изучает систему и основные направления уголовно-правового воздействия на преступность, его правовую регламентацию, третья изучает социальный механизм действия уголовно-правовых норм и оценивает эффективность этого действия.

Следует отметить, что изучение научных трудов по военной криминологии показывает, что преступность военнослужащих, как и преступность в целом, обладает определенной исторической динамикой, которая находится в корреляции с динамикой общественно-политических процессов, т. е. при изменении социальных, экономических и политических условий жизни общества изменяется и структура причин преступности военнослужащих. Соответственно и система воздействия на преступность обладает определенным историзмом. Основной принцип построения такой системы заключается в выработке методов установления причин преступности и мер воздействия на эти причины. Однако следует учитывать, что существующие в военном законодательстве институты прав, обязанностей и ответственности военнослужащих, должностных лиц, правовой регламентации различных видов деятельности, строгого и точного соблюдения порядка и правил, установленных законами Российской Федерации, общевоинскими уставами и приказами командиров и начальников (воинской дисциплины), уже сами по себе имеют конструктивно заложенный мощный фактор антикриминального воздействия. Поддержание воинской дисциплины и внутреннего порядка должно уже само по себе приводить к снижению преступности военнослужащих. Отсюда следуют основные направления реализации криминологической политики в военной сфере: поддержание или обеспечение воинского правопорядка и законности в войсках, правовое воспитание военнослужащих и правовая пропаганда.

Несмотря на довольно детальную разработанность мер по предупреждению преступлений военнослужащих (воздействию на преступность), военная криминология и криминология как наука вообще остаются слабо связанными с уголовным правом, результаты научных исследований редко находят отражение в уголовно-правовых институтах, не испол-

зуются при планировании воздействия на преступность, разработке уголовно-правовых мер воздействия на преступность. Как следствие, криминологические знания слабо связаны с методами реализации уголовной политики – криминализацией и декриминализацией, пенализацией и депенализацией, дифференциацией и индивидуализацией уголовной ответственности.

Например, в настоящее время к числу приоритетных направлений государственной политики противодействия преступности принято относить противодействие терроризму и экстремизму, коррупции, экономической и организованной преступности, незаконному обороту наркотиков. Однако выделение этих направлений основано в большей степени на субъективной оценке, зависимой от информационных поводов, а не на использовании результатов научных исследований.

Другим примером может служить существующий в уголовном праве механизм преступления, который состоит из уголовно-правовых институтов приготовления к преступлению, покушения и оконченного преступления. В криминологии механизм преступного поведения является более сложной структурой, включающей в себя: потребность, мотив, цель, выбор путей и способов ее достижения, вероятностное прогнозирование, формирование криминальной готовности, принятие решения, контроль и коррекция поведения, анализ совершенного, раскаяние или выбор защитного мотива. Несмотря на то что этой научной разработке уже более 30 лет, в уголовном законодательстве она так и не была в полной мере отражена. За рамками военной криминологии по-прежнему остаются исследования общепреventивного влияния уголовных наказаний на структуру и динамику преступности, общие исследования эффективности и необходимости общеуголовных и воинских наказаний с точки зрения криминологической методологии.

В отличие от уголовного права, криминология и военная криминология существуют исключительно в форме научных и учебных дисциплин. В идеале результаты научных исследований в области криминологии должны находить свое отражение в правовой сфере. На практике же они, по большей части, так и остаются только на уровне научных знаний. Так, принятый в 2001 г. УПК РФ содержит лишь заимствованные из УПК РСФСР криминологические положения. В частности, к ним относятся входящие в предмет доказывания обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и право дознавателя, руководителя следственного органа и следователя внести в соответствующую организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств (ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 158 УПК РФ). С учетом того что внесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является правом, а не обязанностью следователя, оно носит необязательный характер.

Библиографический список

1. *Бражник, Ф. С.* Борьба с нарушениями правил вождения и эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин в Вооруженных Силах СССР [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Ф. С. Бражник. – М., 1966. – 345 с.
2. *Васецов, А. Б.* Борьба с преступлениями, совершаемыми с применением оружия [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А. Б. Васецов. – М., 1979. – 184 с.
3. *Иншаков, С. М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / С. М. Иншаков. – М., 1997. – 467 с.
4. *Кочоров, В. Д.* Борьба с хищениями военного имущества по советскому уголовному праву [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В. Д. Кочоров. – М., 1953. – 379 с.
5. *Лунеев, В. В.* Мотивы воинских преступлений (криминологическое исследование) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В. В. Лунеев. – М., 1969.

6. *Лунеев, В. В.* Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / В. В. Лунеев. – М., 1978.

7. *Маслов, В. П.* Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР (криминологическое исследование) [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / В. П. Маслов. – М., 1972. – 493 с.

8. *Мацкевич, И. М.* Преступность военнослужащих : Криминологические и социально-правовые проблемы [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.08 / И. М. Мацкевич. – М., 2000. – 357 с.

9. *Мозговой, О. А.* Причины и предупреждение хищений, совершаемых военнослужащими [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / О. А. Мозговой. – М., 2003. – 183 с.

10. *Мольков, В. Д.* Предупреждение хищений в сфере финансово-хозяйственной деятельности войск [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В. Д. Мольков. – М., 1989. – 176 с.

11. *Моргуленко, Е. А.* Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Моргуленко. – М., 2003. – 189 с.

12. *Прокопович, Е. В.* Борьба с должностными преступлениями в Вооруженных Силах СССР (уголовно-правовое и криминологическое исследование) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Е. В. Прокопович. – М., 1965. – 366 с.

13. *Семенов, С. А.* Виктимологическая профилактика преступлений военнослужащих [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / С. А. Семенов. – М., 1989. – 163 с.

14. *Смердов, А. А.* Борьба с преступлениями против установленного порядка взаимоотношений между военнослужащими [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А. А. Смердов. – М., 1987. – 168 с.

15. *Стручков, Н. А.* Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Н. А. Стручков. – М., 1954.

16. *Харабет, К. В.* Причины и предупреждение наркотизма в Вооруженных Силах Российской Федерации (криминологическое исследование) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / К. В. Харабет. – М., 1997. – 181 с.

17. *Шупленков, В. П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / В. П. Шупленков. – М., 1986. – 356 с.

---

¹ *Пионтковский А. А.* Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение: лекция. Ярославль, 1895. 24 с.

² *Кочоров В. Д.* Борьба с хищениями военного имущества по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 379 с.; *Стручков Н. А.* Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954; *Прокопович Е. В.* Борьба с должностными преступлениями в Вооруженных Силах СССР (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. 366 с.; *Бражник Ф. С.* Борьба с нарушениями правил вождения и эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин в Вооруженных Силах СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 345 с.; *Васцов А. Б.* Борьба с преступлениями, совершаемыми с применением оружия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 184 с.; *Шупленков В. П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 356 с.

³ См., напр.: *Герцензон А. А.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М., 1970. 288 с.; *Право и социология / под ред. В. П. Казмирячк, Ю. А. Тихомирова.* М., 1973. 359 с.; *Спиридонов Л. И.* Социология уго-

ловного права М., 1986. 240 с.; *Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н.* Современная социология права : учеб. М., 1995. 297 с.

⁴ *Лунеев В. В.* Мотивы воинских преступлений (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Смердов А. А.* Борьба с преступлениями против установленного порядка взаимоотношений между военнослужащими : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 168 с.; *Иншаков С. М.* Криминогенный опыт военнослужащих в мотивации преступного поведения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 172 с.; *Мольков В. Д.* Предупреждение хищений в сфере финансово-хозяйственной деятельности войск : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 176 с.; *Семенов С. А.* Виктимологическая профилактика преступлений военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 163 с.

⁵ *Маслов В. П.* Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. 493 с.

⁶ *Лунеев В. В.* Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978.

⁷ *Иншаков С. М.* Военная криминология : учеб. : в 2 кн. Кн. 1. М., 2000. 398 с. Кн. 2. М., 2001. 468 с.

⁸ См., напр.: *Мозговой О. А.* Причины и предупреждение хищений, совершаемых военнослужащими : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 183 с.; *Моргуленко Е. А.* Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 189 с. и др.

⁹ См., напр.: *Иншаков С. М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 467 с.; *Мацкевич И. М.* Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 357 с.

¹⁰ См., напр.: *Харабет К. В.* Причины и предупреждение наркотизма в Вооруженных Силах Российской Федерации (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 181 с.; *Черных Н. С.* Виктимологическая профилактика нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 183 с.; *Паршаков А. С.* Деятельность военной прокуратуры по профилактике преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 180 с. и др.

¹¹ *Иншаков С. М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России.

О недостатках юридической техники и пробелах действующего военно-уголовного законодательства¹

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы общих и особенных положений действующего военно-уголовного законодательства по УК РФ.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, ограничение по военной службе, гауптвахта, преступления против военной службы, военное время, боевая обстановка

Zakomoldin R. V.,

associate professor, docent
Samara Academy of Humanities,
rus.zackomoldin@yandex.ru

The shortcomings of the legal technique and gaps in the current military criminal law

The article considers the problems of General and special provisions of current military criminal law under the criminal code of the Russian Federation.

Key words: military criminal legislation, restriction on military service, detention, crimes against military service, wartime, combat situation

На первый взгляд, арсенал средств и возможностей уголовно-правового воздействия на военнослужащих достаточно широк и позволяет успешно решать задачи противодействия преступности в условиях военной службы. Однако действующее военно-уголовное законодательство имеет ряд существенных недостатков и пробелов, которые снижают эффективность такого воздействия, что, в свою очередь, негативно отражается на боеспособности и боеготовности армии и в конечном итоге на национальной безопасности всего государства.

1. Полагаем, нецелесообразно включать специальные виды уголовного наказания, применяемые к военнослужащим, в общий перечень уголовных наказаний, предусмотренных в ст. 44 УК РФ, поскольку они направлены на достижение целей уголовного наказания в условиях дальнейшего прохождения осужденными военнослужащими военной службы. В связи с этим целесообразно в УК РФ предусмотреть по аналогии со ст. 88 отдельную норму, которая содержала бы перечень специальных видов уголовных наказаний (ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, арест с отбыванием на гауптвахте, лишение воинского звания), применяемых к военнослужащим, и особенности их назначения. Данная норма стала бы частью военно-уголовного законодательства².

2. Анализ отдельных видов специальных наказаний, применяемых к военнослужащим, позволяет выявить ряд недостатков и спорных моментов в их законодательной регламентации и, как следствие, эффективности воздействия.

Ограничение по военной службе. Исходя из указания ч. 1 ст. 51 УК РФ, данный вид наказания применяется только к осужденным военнослужащим, проходящим военную службу

по контракту. Введение данного вида наказания было обусловлено необходимостью достижения целей наказания в специфических условиях прохождения военной службы без изоляции военнослужащего. Содержание данного наказания составляет ряд ограничений по военной службе материального и морального характера: не допускается повышение в воинской должности и в воинском звании, срок службы в период отбывания данного наказания не включается в выслугу лет, производятся удержания из денежного довольствия.

Согласно ч. 1 ст. 51 УК РФ ограничение по военной службе применительно к военнослужащим может выступать в качестве альтернативы исправительным работам. В связи с этим целесообразно в ч. 5 ст. 50 УК РФ указать на то, что исправительные работы не применяются к военнослужащим вообще³, а в ч. 1 ст. 51 УК РФ сохранить указание на альтернативность данных видов наказаний.

Вызывает недоумение то, что, указывая на альтернативность данных видов наказаний применительно к военнослужащим, законодатель, тем не менее, закрепляет различный размер денежных удержаний: при исправительных работах – от 5 до 20 %, а при ограничении по военной службе – до 20 %. Такой подход ставит в неравное положение осужденных, отбывающих данные наказания, причем положение военнослужащих представляется более выгодным. Такое положение требует решения, и наиболее вероятным представляется исключение ограничения нижнего предела размера удержаний при исправительных работах.

Арест. В соответствии с ч. 3 ст. 54 УК РФ военнослужащие отбывают арест на гауптвахте, что опять же связано со спецификой прохождения военной службы и необходимостью достижения целей уголовного наказания. Вместе с тем, полагаем справедливым замечание А.А. Толкаченко о том, что граждане, пребывающие в запасе и совершившие преступление в период военных сборов, должны отбывать арест на общих основаниях⁴. С учетом того что в соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ данная категория граждан в плане ответственности приравнивается к военнослужащим, указание на данное ограничение следует закрепить непосредственно в ч. 3 ст. 54 названного Кодекса.

В настоящее время в связи с отсутствием необходимых условий отбывания данного наказания возможность его применения законодательно исключена. Более того, высказываются предложения о целесообразности полного исключения ареста из УК РФ⁵. Вместе с тем, следует констатировать, что относительно военнослужащих реальная возможность отбывания ареста на гауптвахте имеется, поскольку до недавнего времени в России было создано и функционировало значительное количество гарнизонных и войсковых гауптвахт, где военнослужащие отбывали иные виды взысканий и мер пресечения. Такая ситуация позволила одним авторам говорить о возможности сохранения ареста в отношении военнослужащих при исключении его в качестве уголовного наказания в отношении иных лиц⁶, а другим – настаивать на необходимости реального применения ареста к военнослужащим уже в настоящее время⁷. Полагаем, что с этими предложениями ни в коей мере нельзя согласиться, поскольку они ставят военнослужащих в более выгодное положение в сравнении с другими осужденными и тем самым нарушают принцип равноправия граждан перед законом и судом.

3. В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения ими военных сборов отнесены к категории субъекта преступлений против военной службы. Такая позиция законодателя в целом вполне оправдана и обоснована. Вместе с тем, реализация данного положения в полной мере невозможна в связи с сущностью военных сборов и особенностями правового статуса данных лиц. Так, многие авторы отмечают, что данные граждане не могут быть привлечены к уголовной ответственности за ряд преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ⁸. Положением о военных сборах, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г.

№ 333, предусмотрен специальный статус данной категории граждан, который выражается, помимо прочего, в том, что они не несут военную службу в полном объеме и не могут быть привлечены к исполнению обязанностей, не связанных с прохождением военных сборов. В частности, к данным граждан, например, не возлагаются обязанности по несению специальных (охранных) видов военной службы, в связи с чем они не могут быть субъектами преступлений, предусмотренных ст.ст. 340 – 344 УК РФ. По этой причине совершаемые данными гражданами преступления нельзя в полной мере считать преступлениями против военной службы. В связи с этим указание на граждан, пребывающих в запасе, необходимо исключить из понятия преступлений против военной службы, сформулированного в ч. 1 ст. 331 УК РФ, и дополнить данную статью следующим положением: «Граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения военных сборов несут уголовную ответственность за преступления против установленного порядка прохождения военных сборов в соответствии со статьями настоящей главы».

4. В ч. 3 ст. 331 УК РФ закреплена норма о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Данное положение имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, отсутствие норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против военной службы в военное время или в боевой обстановке, является пробелом в военно-уголовном законодательстве. Следствием этого является то, что нормы гл. 33 УК РФ применяются независимо от того, в какой обстановке совершены преступления.

Во-вторых, положение ч. 3 ст. 331 УК РФ противоречит тому принципу, что данный Кодекс является единственным источником уголовного права. Полагаем, что законодательство военного времени должно касаться лишь решения организационных и подобных им вопросов, в то время как вопросы уголовной ответственности должны регламентироваться исключительно нормами УК РФ.

В-третьих, не следует рассматривать как однопорядковые понятия «военное время» и «боевая обстановка». *Военным временем* следует считать период действия режима военного положения, возможность введения которого предусмотрена ст. 87 Конституции Российской Федерации. Режим военного положения регламентируется Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и характеризуется, с одной стороны, еще большим ограничением прав и свобод человека и гражданина, а с другой – усилением ответственности (в том числе уголовной) в отношении государственных служащих (в том числе военнослужащих). Под *боевой обстановкой* в широком смысле следует понимать такую обстановку, при которой воинская часть (иное воинское подразделение), выполняя боевую задачу, находится в непосредственном соприкосновении с противником. Отличительной особенностью боевой обстановки является то, что она может иметь место как в военное, так и в мирное время. Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска и воинские формирования могут вести боевые действия в ситуациях, когда Россия не находится в состоянии войны; например, при противодействии угрозам регионального и локального характера, при проведении миротворческих и антитеррористических операций, при участии во внутренних вооруженных конфликтах и т. п.

Таким образом, данная ситуация требует законодательного решения. Следует отказаться от положения ч. 3 ст. 331 УК РФ и предусмотреть ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, в действующем УК РФ⁹.

5. В целом ни в коей мере не умаляя значимости положений ст. 331 УК РФ, мы полагаем, что ее наличие противоречит системе данного Кодекса. Нецелесообразно посвящать дек-

ларативным положениям отдельную статью в Особенной части УК РФ, поскольку это противоречит логике ее строения и содержания. Тем более что опыт положительного решения подобных вопросов в УК РФ имеется. Так, например, понятие хищения сформулировано в примечании к ст. 158 УК РФ, а понятие должностного лица – в примечании к ст. 285 названного Кодекса. Полагаем, что подобным образом законодателю следует поступить и в данном случае, исключив ст. 331 и сформулировав ее положения в форме примечания к ст. 332 УК РФ, распространив его действие на весь раздел XI данного Кодекса¹⁰.

С учетом сказанного предлагаем следующую редакцию примечания к ст. 332 УК РФ: «1. Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту. 2. Граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения военных сборов несут уголовную ответственность за преступления против установленного порядка прохождения военных сборов в соответствии со статьями настоящей главы».

6. Одним из существенных условий обеспечения военной безопасности, а также боеспособности и боеготовности войск является сбережение сведений, составляющих военную тайну. Так, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и воинские уставы в числе важнейших требований, предъявляемых к военнослужащим, предусматривают строгое хранение государственной и военной тайны. Сохранность сведений, составляющих государственную тайну, нормами УК РФ обеспечивается должным образом посредством ст.ст. 275, 276, 283, 284 названного Кодекса. Положения данных норм на общих основаниях распространяются и на военнослужащих, признанных виновными в совершении этих преступлений. Однако военная тайна включает, помимо сведений военного характера, отнесенных к государственной тайне, также значительное количество иных сведений военного характера, не подлежащих оглашению, но не относящихся к государственной тайне (графики движения войск, автоколонн, авиаперелетов, схемы минных полей и т. п.)¹¹. Особенно актуальна данная проблема в связи с прохождением военной службы в России иностранными гражданами и, как следствие, их доступом к сведениям, составляющим военную тайну. В некоторой степени данная проблема может быть решена с помощью ст. 276 УК РФ «Шпионаж», поскольку, наряду со сведениями, составляющими государственную тайну, диспозиция данной нормы предусматривает и иные сведения. Однако всех случаев разглашения военной тайны данная норма охватить не в состоянии.

Представляется, что данную проблему возможно решить двумя способами: либо дополнить гл. 33 УК РФ соответствующими специальными нормами, либо изменить уже существующие общие нормы УК РФ¹².

Так, в 2003 г. имел место законопроект № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в котором предлагалось дополнить гл. 33 УК РФ нормами об ответственности за разглашение военной тайны (ст. 352.1) и за утрату документов, содержащих военную тайну (ст. 352.2)¹³, которые ранее имелись в УК РСФСР 1960 г. Однако Правительство Российской Федерации отрицательно отреагировало на данное предложение, формально мотивируя это тем, что в Законе Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» имеется понятие «сведения, составляющие государственную тайну в военной области», а понятие «военная тайна» отсутствует¹⁴. Полагаем, что данная законодательная инициатива была отвергнута весьма поспешно. Введение указанных выше статей актуально и могло бы стать одной из мер по обеспечению сохранности сведений, составляющих военную тайну, но не относящихся к государственной тайне. Необходимо лишь во избежание коллизий предусмотреть в данных статьях оговорку – «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 283 и 284 УК РФ».

Полагаем, что решение проблем законодательной регламентации вопросов уголовной ответственности военнослужащих и приравненных к ним лиц позволит повысить эффективность применения уголовного законодательства и противодействия преступности на военной службе.

Библиографический список

1. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации (научно-практический комментарий) [Текст] / под общ. ред. Н.А. Петухова. – М. : За права военнослужащих, 2004. – С. 43.

2. *Закомолдин, Р.В.* О недостатках регламентации специальных видов уголовного наказания, применяемых к военнослужащим [Текст] / Р.В. Закомолдин // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия преступности : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2006. – С. 142 – 144.

3. *Закомолдин, Р.В.* О структуре и содержании статьи 331 Уголовного кодекса РФ: критический взгляд [Текст] / Р.В. Закомолдин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 2 (19). – С. 168 – 169.

4. *Закомолдин, Р.В.* О некоторых проблемах действующего военно-уголовного законодательства [Текст] / Р.В. Закомолдин // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Безверхова ; Самар. ун-т. – Самара, 2015. – С. 119.

5. *Закомолдин, Р.В.* Преступления против военной службы и военные преступления : словарь-справочник (500 терминов, понятий и определений) [Текст] / авт.-сост. Р.В. Закомолдин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : NOTA BENE, 2013. – С. 27.

6. *Закомолдин, Р.В.* Об обеспечении сохранности военной тайны в условиях реформирования военного законодательства [Текст] / Р.В. Закомолдин // Военно-юрид. журн. – 2008. – № 3. – С. 11 – 12.

7. *Зателепин, О.К.* К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания [Текст] / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных Силах. – 2005. – № 4. – (Вкладка «Военно-уголовное право». – 2005. – № 2. – С. 4 – 6).

8. *Косован, О.А.* Юридическая ответственность военнослужащих [Текст] / О.А. Косован ; под ред. А.А. Толкаченко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004. – С. 74.

9. *Мелешко, П.Е.* Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / П.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 8.

---

¹ Рецензент – В.К. Дуюнов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

² Подробнее см., напр.: *Закомолдин Р.В.* О недостатках регламентации специальных видов уголовного наказания, применяемых к военнослужащим // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия преступности : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2006. С. 142 – 144.

³ Такой подход, в частности, неоднократно предлагался авторами законопроекта № 130883-3 «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» (п. 2 ст. 1), однако данный законопроект не был принят.

⁴ Военно-уголовное законодательство Российской Федерации (научно-практический комментарий) / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 43.

⁵ Так, Правительством Российской Федерации было дано поручение № ХВ-П4-09282 от 27 июня 2002 г. Минюсту России о разработке соответствующего законопроекта (документ официально не публиковался).

⁶ См., напр.: *Зателепин О.К.* К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания // *Право в Вооруженных Силах*. 2005. № 4 (вкладка «Военно-уголовное право»). 2005. № 2. С. 4 – 6).

⁷ См., напр.: *Косован О.А.* Юридическая ответственность военнослужащих / под ред. А.А. Толкаченко. М., 2004. С. 74.

⁸ Подробнее см., напр.: *Мелешко П.Е.* Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах*. 2012. № 8.

⁹ Подробнее см., напр.: *Закомолдин Р.В.* О структуре и содержании статьи 331 Уголовного кодекса РФ: критический взгляд // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2005. № 2 (19). С. 168 – 169.

¹⁰ *Закомолдин Р.В.* О некоторых проблемах действующего военно-уголовного законодательства. // *Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права* : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Безверхова. Самара, 2015. С. 119.

¹¹ *Закомолдин Р.В.* Преступления против военной службы и военные преступления : словарь-справочник (500 терминов, понятий и определений) / авт.-сост. Р.В. Закомолдин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 27.

¹² Подробнее см.: *Закомолдин Р.В.* Об обеспечении сохранности военной тайны в условиях реформирования военного законодательства // *Военно-юрид. журн.* 2008. № 3. С. 11 – 12.

¹³ *Военно-уголовное право*. 2004. № 5. С. 10 – 14 (вкладка к журналу «Право в Вооруженных Силах»). 2004. № 10).

¹⁴ *Военно-уголовное право*. 2004. № 6. С. 14 – 15 (вкладка к журналу «Право в Вооруженных Силах»). 2004. № 12).

Кукушкина О.Ю.,
старший научный сотрудник
Центра правовых исследований,
кандидат юридических наук,
amnist.olga@yandex.ru

Развитие института амнистии в интересах обороны страны и безопасности государства в период существования буржуазного государства и права в России (февраль – октябрь 1917 года)

Аннотация: статья посвящена актуальным историко-правовым вопросам применения института амнистии в России в период с февраля по октябрь 1917 г. Анализ развития тенденций в исследуемой области позволил определить, что амнистия как политический инструмент использовалась в интересах обороны страны и безопасности государства.

Ключевые слова: история, амнистия, оборона, безопасность, военнослужащие.

Kykyshkina O.J.,
senior research worker of the Centre of the legal studies,
candidate of legal Sciences,
amnist.olga@yandex.ru

The development of the institution of Amnesty in the interests of national defense and state security in the period of existence of the bourgeois state and law in Russia (February – October 1917)

The article is devoted to historical and legal affairs the institution of amnesty in Russia in the period from February to October 1917. Analysis of development trends in the study area allowed us to determine that Amnesty as a political tool used in the interests of national defense and state security.

Key words: history, amnesty, defense, security, military men.

Особый этап в развитии института амнистии связан с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г.¹ Император Николай II 2 марта 1917 г. отрекся от престола в пользу своего брата князя Михаила Александровича, который 3 марта отказался от вступления на престол². В России в конце февраля – начале марта 1917 г. сложилось довольно редко встречающееся в истории правовое явление – двоевластие: власть буржуазии в лице Временного правительства и власть рабочих и крестьян в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В июле 1917 г. двоевластие закончилось и установилась диктатура буржуазии³. Фактически монархия в России прекратила свое существование. Но юридически Россия продолжала оставаться монархией, и только с 1 сентября Россия официально была провозглашена республикой⁴.

Смена типа государства и права России оказала влияние на развитие института амнистии. Впервые в России Временным правительством были объявлены не милости, а акты об амнистии в области политических, религиозных, воинских и общеуголовных преступле-

ний. По мнению П.И. Люблинского, великое значение изданных амнистий лежит в их непосредственном социальном и моральном действии: «Политическая амнистия после переворота, уничтожившего то старое, против чего и велась борьба, есть акт справедливости и требование общественной совести...»⁵.

Целью указанных амнистий было поддержание обороны страны, общественной и государственной безопасности, воинской дисциплины и патриотизма, правопорядка и стабильности. Аналогичные цели преследуют и современные амнистии⁶.

Так, 6 марта 1917 г. был издан первый Указ «Об амнистии», которым объявлялась общая политическая амнистия в отношении деятелей революционного движения «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе»⁷.

Амнистия освобождала от ответственности и наказания всех лиц, причастных к борьбе политической, религиозной и социально-экономической как в период, предшествовавший революции, так и в революционные дни с 23 февраля по 6 марта. Наиболее «широкая» редакция акта об амнистии была принята в отношении деяний, совершенных в период между 23 февраля и 6 марта 1917 г. Эти деяния навсегда «предаются забвению» независимо от рода и тяжести их (кроме деяний изменнического свойства), если они совершены по политическим побуждениям.

В акте об амнистии перечислялись преступления, за совершение которых виновные освобождались от ответственности и наказания и от всех последствий преступления. Этот перечень охватывал статьи, преимущественно предусматривающие политические и религиозные преступления или тесно с ними связанные. Кроме того, амнистия распространялась на деяния, учиненные при совершении одного из указанных преступлений. Все остальные преступления, совершенные вследствие политических или религиозных побуждений, могли быть амнистируемы лишь по определениям судов. В постановлении не говорилось, чем должны руководствоваться суды при разрешении внесенных ходатайств о применении амнистии.

По мнению П.И. Люблинского, критериями для судов должны были быть следующие обстоятельства: 1) отсутствие в деянии побуждений изменнического свойства; 2) установление при пересмотре наличия в деле таких обстоятельств, которые позволяют заключить, что преступление было совершено под влиянием религиозной или политической борьбы. Но П.И. Люблинский отмечает, что практическая важность такого критерия значительно ослабла после предоставления широкой общеуголовной амнистии, и эта важность могла сохраниться только для некоторых тяжчайших преступлений⁸.

Однако амнистированные не освобождались от обязанности возместить имущественный вред, причиненный частным лицам, а также не восстанавливались в имущественных правах. Таким образом, амнистия не освобождала от всех правовых последствий совершенного преступления и рассматривалась как реабилитирующее обстоятельство. Действие данной амнистии распространялось на дела, подсудные как гражданским, так и военным судам.

Указ от 6 марта 1917 г. был дополнен постановлением от 14 марта 1917 г. «Об амнистии за политические и религиозные деяния, предусмотренные воинским и военно-морским уставами о наказаниях»⁹. Указ распространял амнистию на политические и религиозные деяния, предусмотренные воинским и военно-морским уставами о наказаниях. Это было обусловлено тем, что во многих случаях лица гражданского звания судились военными судами с применением к ним соответствующих статей военно-уголовных кодексов, а также необходимостью амнистирования военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, которые понесли еще более строгие наказания за амнистируемые деяния.

Постановление от 14 марта предало забвению дела о воспрещаемых военным и военно-морским уставами о наказаниях деяниях, совершенных по религиозным или политическим побуждениям (кроме побуждений изменнического свойства). При этом такое погашение должно было происходить автоматически, если эти деяния произошли в период между 23 февраля и 6 марта 1917 г., или же после пересмотра этих дел в распорядительных заседаниях военно-окружных судов, если эти деяния имели место до 23 февраля. Особо акт от 14 марта упоминает ст.ст. 127-1, 273-5 и 273-6 Воинского устава о наказаниях (ст.ст. 127-1, 317 и 317-5 Военно-морского устава им в точности соответствуют), распространяя на соответствующих лиц в полной мере действие амнистии от 6 марта. Из этих статей ст. 127-1 карает случаи уклонения от военной службы по религиозным убеждениям весьма сурово. Приказом по военному ведомству от 1 августа 1916 г. наказание за совершение этого деяния во время войны было определено в виде каторжных работ на срок от 8 до 12 лет. С дарованием религиозной амнистии эти наказания были отменены. П.И. Люблинский отмечает, что ст. 127-4, введенная повелением от 1 октября 1916 г., карающая каторгой от 4 до 8 лет за обнаружение умысла по своим убеждениям не участвовать в активных действиях против неприятеля, еще в большей мере ограничивает свободу убеждений, чем ст. 127-1, но почему-то в акте от 14 марта ст. 127-4 осталась незатронутой.

Политическая амнистия была, кроме того, дополнена постановлением от 17 марта 1917 г. «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления»¹⁰, которое предусматривало также амнистию в отношении военнослужащих. К военнослужащим амнистия применялась на следующих основаниях.

1. Освобождение от ответственности и наказания всех виновных: в проматании, повреждении и порче казенного имущества; в уклонении от службы и в самовольном оставлении своих частей, при условии добровольной явки; или в деяниях, нарушающих воинское чинопочитание и подчиненность, если эти деяния были вызваны противозаконным, жестоким или унижительным обращением начальства.

Следует подчеркнуть, что впервые как основание для применения амнистии к военнослужащим была установлена такая причина совершения преступлений, как противозаконное, жестокое или унижительное обращение начальства. В настоящее время аналогичные причины также рассматриваются как основание для применения амнистии к военнослужащим.

2. Освобождение от наказания и последствий судимости лиц, которым отбытие наказания было отсрочено до окончания войны.

3. Освобождение приговоренных к исправительным видам наказаний, кроме исправительных арестантских отделений, с лишением прав.

4. Смягчение более тяжких воинских наказаний. Так, смертная казнь без лишения прав состояния заменялась крепостью на десять лет с исключением из службы и с лишением чинов. Наказания, назначенные в виде замены смертной казни, смягчались до пределов, предусматриваемых за эти деяния гражданскими уголовными законами, или сокращением наполовину, если этим достигалось большее облегчение участи осужденного.

5. Лицам, которые оставались на военной службе, время отбывания наказания засчитывалось в срок военной службы.

6. Амнистия не распространялась на военнослужащих, совершивших: преступления, связанные с побегом к неприятелю; военных начальников, интендантских, медицинских и иных военных чиновников, совершивших деяния или допустивших злоупотребления, нарушающие обязанности военной службы во время войны; преступления против безопасности армии и некоторые другие преступления. Следовательно, на должностные и коррупционные преступления амнистия не распространялась. Таким образом, институт амнистии

использовался в интересах военной, государственной и общественной безопасности. Противоположное преступлением в указанных сферах является актуальным и в настоящее время¹¹.

7. Амнистия не распространялась на военнослужащих, осужденных в соответствии с воинским и военно-морским уставами к наиболее тяжким видам наказаний с лишением всех прав состояния.

Кроме того, освобождались от наказания лица, уклонившиеся от отбывания воинской повинности, при условии их явки. Лица условно освобождались от наказания при условии их готовности послужить своей Родине на поле брани в рядах защитников Отечества и получения в дальнейшем положительной характеристики со стороны воинских частей, при этом наказание не назначалось, а назначенное отменялось с восстановлением всех прав.

Одновременно с объявлением амнистии военнослужащим состоялся приказ военного министра от 13 марта о пересмотре дел, решенных военно-полевыми судами. Сами военно-полевые суды в пределах Петроградского военного округа и в местностях, не входящих в район театра военных действий, одновременно с этим были упразднены. Теми же территориальными пределами был ограничен и пересмотр их приговоров. Удовлетворение ходатайств о пересмотре должно было происходить в распорядительных заседаниях военно-окружных судов, а сам пересмотр должен был производиться в военно-окружных судах в общем порядке¹².

Всем осужденным к смертной казни смертная казнь заменялась каторжными работами на пятнадцать лет. Сокращались сроки наказания, лица освобождались от последствий судимости. Всего в результате амнистии из мест заключения было освобождено с погашением всех последствий судимости около 80 % содержащихся там лиц.

Лицам, состоявшим под следствием или судом, предоставлялось право в течение одного месяца со дня вынесения судом определения о прекращении в отношении их производства просить о возобновлении следствия и суда. В случае вынесения обвинительного приговора эти лица уже не могли подлежать освобождению от наказания в связи с актом об амнистии. Это также является свидетельством того, что амнистия рассматривалась как реабилитирующее обстоятельство.

Наследники виновных лиц, а также несостоятельные осужденные освобождались от материальной ответственности перед государством при условии, если с момента совершения преступления до дня издания акта об амнистии истекло десять лет. Таким образом, устанавливались сроки давности.

Амнистия распространялась на иностранцев, проживающих в России, за исключением подданных воюющих с Россией государств.

Применение амнистии возлагалось также на военных и военно-морских начальников, военно-окружные и военно-морские суды, на военных и военно-морских прокуроров по принадлежности. Все сомнения по применению амнистии подлежали разрешению военно-окружными и военно-морскими судами по принадлежности, с предоставлением заинтересованным лицам права предоставлять суду письменные и устные объяснения и обжаловать определения суда.

Важно отметить, что в рассматриваемый период Временным правительством была отменена смертная казнь. В постановлении Временного правительства от 12 марта 1917 г. «Об отмене смертной казни» указывалось, что во всех случаях, в которых действующими гражданскими, военными и военно-морскими уголовными законами установлена в качестве наказания за преступные деяния смертная казнь, таковую заменить каторгой срочной или бессрочной¹³. В этом отношении акты об амнистии конкретизировали данное постановление.

Актам об амнистии придавалось большое политическое и социальное значение. Однако с юридической точки зрения они имели недостатки. Поскольку Указ об амнистии был издан через три дня после образования Временного правительства, то его разработка, а также разработка последующих актов проводились в спешке, главное внимание было сосредоточено на уголовно-правовых вопросах, поэтому процессуальный порядок применения амнистии имел недостатки, а некоторые термины требовали специального толкования.

Так, например, П.И. Люблинский указывал, что выражение «предать забвению» как бы предполагает, что властью еще не было предпринято каких-либо действий по преследованию этих деяний, и предание забвению есть как бы официальное заявление со стороны власти, что она навсегда отказывается от преследования этих деяний.

Кроме того, П.И. Люблинский отмечал, что поскольку термин «политические побуждения» использовался ранее в законодательстве (см., например, мнение Государственного Совета в дополнение к Уголовному уложению 1903 г., п. 11), то применительно к амнистии толкование этого термина страдает некоторой неясностью. Прямое его толкование приводит к выводу, что амнистией погашаются и преступления агентов старой власти, совершенные в революционные дни, в том числе и деяния служебного характера. Под политическими побуждениями при таком толковании следует понимать мотивы, направленные к поддержанию и ниспровержению тех или иных форм политического устройства страны или к противодействию тем или иным мероприятиям в области государственного управления¹⁴.

А. Лазаренко по поводу процессуальных недостатков актов об амнистии писал, что установленный в акте об амнистии порядок рассмотрения просьб о применении амнистии к лицу в связи с тем, что преступление совершено по политическим побуждениям, «не дает суду никаких средств для проверки просьбы и представленных в ее подкрепление объяснений обвиняемого и его поверенного. И если, случайно, в производстве суда нет каких-либо данных, подтверждающих заявление обвиняемого, то суду придется отклонять просьбы по их голословности. В таких случаях дела должны рассматриваться по существу, и поэтому особое значение приобретают вопросы о том, могут ли просьбы такого рода возобновляться пред судом, разрешающим дело по существу, и каков порядок их разрешения»¹⁵. Далее он делает вывод о том, что при установлении порядка для разрешения просьб о применении амнистии ввиду совершения преступления по политическим или религиозным побуждениям необходимо было бы считаться с теми процессуальными нормами, которые «более полно обеспечивают и право подсудимого, и интересы справедливости»¹⁶.

Таким образом, П.И. Люблинский и А. Лазаренко обратили внимание на необходимость использования в актах об амнистии более разработанной терминологии, соответствующей задачам амнистии, а также соблюдения уголовно-процессуальных норм в целях обеспечения принципов уголовного права. Подобный подход является актуальным и в отношении применения современных актов об амнистии.

Принятие в марте 1917 г. актов об амнистии имеет большое значение для развития института амнистии, так как: а) эти акты впервые были названы амнистиями и свидетельствовали о выделении амнистии в самостоятельный институт права; б) объявление амнистии связывалось не с интересами самодержавия, а с интересами народа; в) принятие амнистии было обусловлено не милостью и усмотрением монарха, а демократическими принципами: равенства, справедливости, свободы, приоритета права; г) впервые признавались права военнослужащих на честь, достоинство и справедливость.

В российском праве того времени вопрос об амнистии как правовой категории не был разработан, термин «амнистия» в законодательстве вообще не употреблялся ввиду неизвестности амнистии в качестве самостоятельного правового института. В 1899 г. в России была

издана книга К.Ф. Хартулари «Право суда и помилование как прерогатива российской державности», в которой помилование обосновывалось как неотъемлемое право монарха¹⁷.

В зарубежном праве в рассматриваемый период вопрос об амнистии был также исследован слабо. Так, например, профессор Берлинского университета Франц Фон Лист писал о том, что право помилования возникло в эпоху Римской империи. Вместе с рецепцией чужого права оно проникло и в Германию. Профессор предлагал следующее определение амнистии и помилования: «помилование есть устранение наказания путем распоряжения государственной власти, т. е. отказ управомоченного к наказанию от своего права»¹⁸. Далее он указывал, в каких целях это право может применяться: оно должно служить «самовосстановлению справедливости», «предохранительным клапаном права», осуществлению требований справедливости (правда всегда лишь в пользу осужденного и никогда обратно) против мертвых обобщений права; оно может служить средством исправления ошибки (действительной или мнимой) судьи или помочь политике преодолеть преграду права.

Таким образом, амнистия и помилование рассматривались как средство для решения различных государственных вопросов, как юридических, так и политических.

Большое влияние на развитие буржуазного уголовного права оказали труды выдающегося итальянского юриста, гуманиста и просветителя XVIII в. Чезаре Беккариа. По его мнению, «прощение и милость тем более необходимы, чем нелепее законы и чем жестче осуждения», но по мере смягчения наказаний милосердие и прощение становятся менее необходимыми. Он выступал против прощения и милости, так как считал это вредным для общества: «показывать людям, что можно прощать преступления, что наказание не является необходимым их последствием, значит питать в них надежду на безнаказанность и заставлять думать, что, раз может быть дано прощение, исполнение наказания над тем, кого не простили, является скорее злоупотреблением силы, чем проявлением правосудия. Что могут сказать, если государь дарует прощение, т. е. жертвует общественной безопасностью в пользу отдельного лица и частным постановлением создает общее представление о безнаказанности!»¹⁹

В России первым крупным научным исследованием по данному вопросу можно считать работу П.И. Люблинского «Право амнистии», опубликованную в 1907 г., в период наибольшего обострения данного вопроса в русском обществе. Как писал П.И. Люблинский, «вопрос о праве амнистии явился первым спорным вопросом русского конституционного права, с которым пришлось встретиться как первой, так и второй Государственной Думе на пороге своей законодательной работы. Вопрос этот возник во всей своей неотложности, во всей силе народных политических требований, выраженных через Думу»²⁰.

На взгляды П.И. Люблинского оказали влияние политическая борьба в России конца XIX – начала XX вв. и французская литература о национальном праве об амнистии.

П.И. Люблинский рассматривал амнистию как политическую меру: «Когда, вместо того, чтобы восстановить правопорядок, колеблемый борьбою партий, осуществление карательного правосудия подвергло бы его новым испытаниям, когда несвоевременная строгость повлекла бы за собой продолжение старой вражды и гражданских междоусобиц, государственный интерес приказывает правительству успокоить страсти и прекратить волнение умов, набросить покрывало забвения на заблуждения и проступки прошлого»²¹. Так, с точки зрения П.И. Люблинского, приблизительно, по общему мнению, смысл политической амнистии, какой она сохранилась в течение многих веков своего существования. Далее он пишет, что «основания, ради которых она применялась, несомненно, были значительно шире указанных, но существо ее всегда состояло в стремлении заменить силу карательной репрессии силою других принципов, действующих на более высокую мотивацию человеческой психики»²².

Следует отметить, что П.И. Люблинский понимал амнистию только лишь как политическую меру в области политических преступлений. Общее освобождение преступников он рассматривал как общее помилование. Таким образом, разграничение правовых институтов амнистии и помилования он проводил по политическим основаниям²³. Аналогичное мнение П.И. Люблинский высказывал в отношении общеуголовной амнистии от 17 марта 1917 г.: «Общеуголовная амнистия или “постановление об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления”, утвержденное 17 марта, является, в сущности, актом общего помилования, отличающимся в некоторых отношениях от всемилостивейших манифестов и указов прежнего времени»²⁴.

Вопрос о выделении амнистии из института помилования, принадлежащего исключительно компетенции монарха, в России возник в начале XX века в связи с ростом политической борьбы. Амнистия рассматривалась как форма освобождения деятелей революционного движения от мер репрессии за политические преступления, как политическая мера, основанная на идее относительного характера репрессии и преследующая специально цель успокоения, относящаяся как правовой институт не к группам лиц, а к группам преступных деяний, прекращающая дальнейшее действие всех репрессивных последствий²⁵.

В своей работе П.И. Люблинский предлагал следующее определение амнистии: «амнистия есть акт верховной государственной власти (1), издаваемый ради достижения каких-либо более высоких задач государственного властвования (2), предписывающий прекращение судебных и административных действий, направленных к применению мер репрессии (3) по отношению к известной категории воспрещенных деяний (4)»²⁶.

Вопросы, поставленные П.И. Люблинским, которые требовали рассмотрения: 1) орган, предоставления амнистии; 2) основания и задачи амнистии; 3) правовое действие амнистии; 4) категории преступных деяний, на которые она распространяется, не были разработаны законодательно и долгое время оставались за пределами научных исследований. Такое положение можно объяснить последующим сокращением демократических преобразований, революционным переворотом 1917 г., сменой власти в России, построением нового советского государственного аппарата.

Таким образом, в результате Февральской буржуазно-демократической революции в марте 1917 г. в России впервые были объявлены акты об амнистии в области политических, общеуголовных и воинских преступлений. Это предопределило выделение третьего этапа эволюции института амнистии в России – февраль – октябрь 1917 г.

Мартовские амнистии 1917 г. были объявлены в интересах обороны страны и безопасности государства: амнистируемые пополняли ряды защитников Отечества, снималась политическая напряженность. Лица, совершившие наиболее тяжкие, должностные, коррупционные преступления, измену Родине, по амнистии не освобождались. Акты об амнистии оказали существенное влияние на дальнейшее развитие института амнистии в России, так как: а) объявленные акты впервые были названы амнистиями и свидетельствовали о выделении амнистии в самостоятельный институт права; б) в этих актах было заложено понимание амнистии как политической меры в отношении не только политических преступлений, но и общеуголовных преступлений, что соответствует современному пониманию амнистии; в) объявление амнистии связывалось не с интересами самодержавия, а с интересами народа; г) принятие амнистии было обусловлено не милостью и усмотрением монарха, а демократическими принципами: равенства, справедливости, свободы, приоритета права; д) впервые как условие применения амнистии к военнослужащим устанавливалась такая причина совершения преступлений против военной службы, как противозаконное, жестокое или унижительное обращение начальников, таким образом, впервые в актах об амнистии признавались права военнослужащих на честь, достоинство и справедливость.

Несмотря на то что надеждам на демократические преобразования в России рассматриваемого периода не суждено было сбыться, тем не менее, этот переломный этап в истории России, хотя и не продолжительный во времени, предопределил судьбу России и оказал большое влияние на развитие института амнистии в российском праве²⁷.

Библиографический список

1. Бараненков, В.В. Конфликт интересов на военной службе: понятие, сущность и признаки [Электронный ресурс] / В.В. Бараненков // ЭНИ «Военное право». – 2014. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/5268>.
2. Бараненков, В.В. Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях [Текст] / В.В. Бараненков // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 4.
3. Бараненкова, И.В. Коррупция как угроза обороноспособности страны и безопасности государства [Электронный ресурс] / И.В. Бараненкова // ЭНИ «Военное право». – 2015. – Вып. 2. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru>.
4. Бараненкова, И.В. Профилактика коррупции в военной организации государства российского : мифы и реальность (историко-правовые, духовные и нравственные основы профилактики коррупции в военной организации государства) [Текст] / И.В. Бараненкова // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 10.
5. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Беккариа. – М. : Юриздат, 1939. – С. 407 – 410.
6. Корякин, В.М. «Линия защиты» Сердюкова [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 11.
7. Кудашкин, А.В. Подарок или взятка: вот в чем вопрос?! (вопросы квалификации при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений) [Текст] / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 3. – С. 8 – 12.
8. Кукушкина, О.Ю. Амнистия как часть предметной отрасли науки военного права [Электронный ресурс] / О.Ю. Кукушкина // ЭНИ «Военное право». – 2012. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/4837>.
9. Кукушкина, О.Ю. Не от сумы, но от тюрьмы... Когда к военнослужащему применяется амнистия? [Текст] / О.Ю. Кукушкина // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 1. – С. 100 – 101.
10. Кукушкина, О.Ю. Развитие института амнистии и правовых основ его применения в отношении военнослужащих в период разложения феодализма и формирования буржуазного государства и права в России (первая половина XIX в. – февраль 1917 г.) [Электронный ресурс] / О.Ю. Кукушкина // ЭНИ «Военное право». – 2015. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru>.
11. Кукушкина, О.Ю. Формирование правовых основ применения института амнистии в отношении военнослужащих в период становления и развития феодального государства и права в России (IX – начало XIX в.) [Электронный ресурс] / О.Ю. Кукушкина // ЭНИ «Военное право». – 2014. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru>.
12. Лазаренко, А. Процессуальный порядок применения Указа об общей политической амнистии [Текст] / А. Лазаренко // Журн. Министерства юстиции. – 1917. – № 4. – С. 220.
13. Лист Ф. фон. Учебник уголовного права, общая часть [Текст] / Ф. фон Лист. – М., 1903. – С. 323.
14. Люблинский, П.И. Мартовские амнистии [Текст] / П.И. Люблинский // Журн. Министерства юстиции. – 1917. – № 4. – С. 3 – 4.

15. *Люблинский, П.И.* Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование [Текст] / П.И. Люблинский. – СПб., 1907. – 363 с.

16. *Фатеев, К.В.* Правовое содержание военной безопасности государства и ее обеспечение в XXI веке [Электронный ресурс] / К.В. Фатеев // ЭНИ «Военное право». – 2009. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/4667>.

17. *Хартулари, К.Ф.* Право суда и помилование как прерогатива российской державности [Текст] / К.Ф. Хартулари. – СПб., 1899.

18. *Щукин, А.В.* Российское военное законодательство на современном этапе [Текст] / А.В. Щукин // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 9.

19. *Яковец, Е.Н.* Реформаторская деятельность Петра Первого в контексте обеспечения военной и информационной безопасности Российского государства [Электронный ресурс] / Е.Н. Яковец // ЭНИ «Военное право». – 2012. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/node/4763>.

---

¹ Первый и второй этапы развития института амнистии в России определены в статьях: *Кукушкина О.Ю.* Формирование правовых основ применения института амнистии в отношении военнослужащих в период становления и развития феодального государства и права в России (IX – начало XIX в.) [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2014. Вып. 4. URL: <http://www.voennopravo.ru>; *Ее же.* Развитие института амнистии и правовых основ его применения в отношении военнослужащих в период разложения феодализма и формирования буржуазного государства и права в России (первая половина XIX в. – февраль 1917 г.) // Там же. 2015. Вып. 3.

² Акты об отречении Императора Николая II от 2 марта 1917 г. и об отказе от власти Великого Князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г. // Журн. Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 1 – 2.

³ История государства и права России : учеб. / под ред. Ю.П. Титова. М., 2006. С. 11.

⁴ *Авакьян С.А.* Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2006. Т. 1. С. 187 – 188.

⁵ *Люблинский П.И.* Мартовские амнистии // Журн. Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 3 – 4.

⁶ См., напр.: *Кукушкина О.Ю.* Амнистия как часть предметной отрасли науки военного права [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2012. Вып. 3. URL: <http://www.voennopravo.ru>.

⁷ Об амнистии : указ Временного правительства от 6 марта 1917 г. // Журн. Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 18 – 21.

⁸ *Люблинский П.И.* Мартовские амнистии. С. 6.

⁹ Об амнистии за политические и религиозные деяния, предусмотренные воинским и военно-морским уставами о наказаниях : постановление Временного правительства от 14 марта 1917 г. // Журн. Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 22 – 31.

¹⁰ Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления : постановление Временного правительства от 17 марта 1917 г. // Журн. Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 22 – 31.

¹¹ См., напр.: *Бараненков В.В.* Конфликт интересов на военной службе: понятие, сущность и признаки [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2014. Вып. 1. URL: <http://www.voennopravo.ru>; *Его же.* Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 4; *Бараненкова И.В.* Коррупция как угроза обороноспособности страны и безопасности государства [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право».

2015. Вып. 2. URL: <http://www.voennopravo.ru>; *Ее же*. Профилактика коррупции в военной организации государства российского : мифы и реальность (историко-правовые, духовные и нравственные основы профилактики коррупции в военной организации государства) // *Право в Вооруженных Силах*. 2015. № 10; *Корякин В.М.* «Линия защиты» Сердюкова // *Там же*. 2013. № 11; *Кудашкин А.В.* Подарок или взятка: вот в чем вопрос?! (вопросы квалификации при совершении военнослужащими коррупционных правонарушений) // *Там же*. 2010. № 3. С. 8 – 12; *Фатеев К.В.* Правовое содержание военной безопасности государства и ее обеспечение в XXI веке [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2009. Вып. 1. URL: <http://www.voennopravo.ru>; *Щукин А.В.* Российское военное законодательство на современном этапе // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 9; *Яковец Е.Н.* Реформаторская деятельность Петра Первого в контексте обеспечения военной и информационной безопасности Российского государства [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2012. Вып. 1. URL: <http://www.voennopravo.ru> и др.

¹² *Люблинский П.И.* Мартовские амнистии. С. 17.

¹³ *Вестн. Временного правительства*. 1917. № 12. 18 марта.

¹⁴ *Люблинский П.И.* Мартовские амнистии. С. 5.

¹⁵ *Лазаренко А.* Процессуальный порядок применения Указа об общей политической амнистии // *Журн. Министерства юстиции*. 1917. № 4. С. 220.

¹⁶ *Лазаренко А.* Указ. соч. С. 224 – 225.

¹⁷ *Хартулари К.Ф.* Право суда и помилование как прерогатива российской державности. СПб., 1899.

¹⁸ *Лист Ф. фон.* Учебник уголовного права, общая часть. М., 1903. С. 323.

¹⁹ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 407 – 410.

²⁰ *Люблинский П.И.* Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 3.

²¹ *Люблинский П.И.* Право амнистии... С. 6.

²² *Там же*.

²³ *Там же*. С. 17 – 21.

²⁴ *Люблинский П.И.* Мартовские амнистии. С. 11.

²⁵ *Люблинский П.И.* Право амнистии... С. 137, 263 – 264.

²⁶ *Там же*. С. 254.

²⁷ *Кукушкина О.Ю.* Не от сумы, но от тюрьмы... Когда к военнослужащему применяется амнистия? // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 1. С. 100 – 101.

Производство освидетельствования командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемные моменты

Аннотация: в статье определяются проблемы, которые могут возникнуть у командира воинской части, проводящего в качестве органа дознания освидетельствование, а также пути их разрешения.

Ключевые слова: командир воинской части, орган дознания, следственные действия, освидетельствование, полномочия.

Sazonova I.G.,

Lecturer of the Department of the Criminal Proceeding
Military University of the Russian Federation Ministry of Defense,
i.g.sazonova@mail.ru

Conduct of the crime examination by unit commander of Armed Forces of Russian Federation: problems and asks

Because unit commander, like inquiry institute, can make crime examination, also in article are described problems and solutions of the crime examination.

Key words: unit commander, inquiry institute, investigation actions, crime examination, authority.

Действующий УПК РФ относит командира воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации к органам дознания (п. 3 ч. 1 ст. 40). Как орган дознания командир воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации правомочен возбуждать уголовные дела и выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, а также осуществлять иные, предусмотренные УПК РФ, полномочия (п. 2 ч. 2 ст. 40).

Если говорить о перечне неотложных следственных действий, которые вправе произвести командир воинской части как орган дознания, то следует отметить, что ни УПК РФ, ни Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утвержденная приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 г. № 150 (далее – Инструкция), не содержат подобного перечня. Круг неотложных следственных действий определяется с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления – гласит ст. 62 Инструкции.

Неотложные следственные действия осуществляются органом дознания, дознавателем в целях:

- 1) обнаружения и фиксации следов преступления;
- 2) получения доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ).

УПК РФ допускает производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела в рамках доследственной проверки, что свидетельствует о его значимости в процессе доказывания по уголовному делу.

По содержанию ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование – это следственное действие, проводимое в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

Освидетельствование как следственное действие имеет важное значение в достижении назначения уголовного судопроизводства. Несмотря на то что данное следственное действие знакомо уголовно-процессуальной науке и правоприменительной практике давно, нельзя сказать, что не осталось проблемных моментов в определении правовой сущности, процессуального порядка производства освидетельствования. По поводу производства освидетельствования возникает ряд вопросов. Законодательная регламентация рассматриваемого следственного действия недостаточно совершенна.

Все указанные факторы значительно затрудняют работу командира воинской части в качестве органа дознания и могут негативным образом отразиться на процессе доказывания по уголовному делу и ходе расследования преступления в целом. Военные органы дознания практически не используют освидетельствование в качестве средства доказывания по уголовному делу.

Освидетельствование как следственное действие имеет длительную историю своего становления. Как самостоятельное следственное действие оно обрело право на существование с принятием УПК РСФСР 1960 г. Ранее освидетельствование воспринималось как разновидность осмотра. Но уже в то время ученые видели в процессуальной сущности освидетельствования признаки самостоятельности и выступали за признание за ним статуса самостоятельного следственного действия¹.

УПК РФ 2001 г. также определяет освидетельствование как следственное действие. Освидетельствованию посвящена гл. 24 УПК РФ, входящая в разд. 8 «Предварительное расследование» части второй «Досудебное производство». Статья 179 УПК РФ раскрывает сущность освидетельствования как следственного действия, устанавливает правила его производства на досудебной стадии уголовного процесса, ст. 180 УПК РФ посвящена фиксации результатов освидетельствования.

Вместе с тем, в современных условиях некоторые ученые продолжают считать освидетельствование разновидностью осмотра. Так, С.Н. Чурилов определяет освидетельствование как особый вид следственного осмотра, осмотр людей². Но все же в научной литературе более распространена иная точка зрения, согласно которой освидетельствование является самостоятельным следственным действием. Подобного мнения придерживаются, например, Ю.Г. Торбин, А.П. Рыжаков³.

По отношению к освидетельствованию осмотр является конкурирующим следственным действием. Нельзя отрицать, что по некоторым признакам освидетельствование имеет некоторое сходство с осмотром, но осмотр в данном случае должен расцениваться как метод познания.

В пользу того, что освидетельствование – полноценное следственное действие, носящее самостоятельный характер, свидетельствует и то обстоятельство, что оно обладает всеми признаками, присущими следственным действиям.

Во-первых, освидетельствование имеет свою цель (установление обстоятельств, подлежащих доказыванию), во-вторых, является одним из способов собирания доказательств, в-третьих, проводится указанными в УПК РФ должностными лицами (дознавателем, сле-

дователем, судом), имеет свою предусмотренную уголовно-процессуальным законом процедуру проведения, нарушение которой повлечет признание полученных путем производства освидетельствования доказательств недопустимыми. Кроме того, ход и результаты данного следственного действия, согласно закону, необходимо фиксировать в протоколе. В качестве еще одного довода в пользу самостоятельности освидетельствования как следственного действия можно привести то, что его производство обеспечивается принудительной силой государства.

В качестве метода познания при производстве и освидетельствования, и осмотра используется непосредственное исследование и восприятие признаков объекта. Освидетельствованию присущи элементы, методы познания, характерные для осмотра как следственного действия. Однако на основе указанных обстоятельств нельзя судить об освидетельствовании как разновидности осмотра.

Объект освидетельствования довольно специфичен – это тело живого человека. Осмотр в качестве объекта тело живого человека не предусматривает, возможен только осмотр трупа.

Через освидетельствование происходит воздействие на тело человека, что может привести к ограничению конституционных прав освидетельствуемого лица. Не случайно для рассматриваемого следственного действия предусмотрена особая процедура производства, направленная на защиту прав человека и гражданина.

От освидетельствования как следственного действия необходимо отличать судебно-медицинское освидетельствование. Последнее проводится по поручению органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие, и суда. По результатам исследования составляется акт судебно-медицинского освидетельствования, который носит непроцессуальный характер. Данный вид освидетельствования проводится врачом (экспертом) согласно требованиям, установленным для производства экспертизы. Следственное же действие – освидетельствование – проводится следователем (дознавателем), судом. Для получения доказательственной информации посредством указанного действия наличия познаний в области медицины не требуется, проводится визуальное обследование тела человека.

УПК РФ предусматривает случаи, когда следственное действие – освидетельствование может проводиться врачом, и, несмотря на это, его не следует отождествлять с судебно-медицинским освидетельствованием, врач здесь выступает как специалист, привлеченный для участия в следственном действии. Результаты оформляются протоколом, а не актом освидетельствования. Судебно-медицинские освидетельствования часто проводятся в рамках доследственной проверки, как правило, они назначаются по делам о причинении телесных повреждений.

По результатам устного опроса офицеров, назначенных приказом командира воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации дознавателями, проходивших курсы повышения квалификации на базе Военного университета, был сделан вывод о том, что указанные должностные лица органа дознания часто не различают судебно-медицинское освидетельствование (когда врачом составляется акт судебно-медицинского освидетельствования) и процессуальное освидетельствование (по результатам производства которого должен быть составлен протокол следственного действия).

Подобная ситуация объясняется тем, что УПК РФ недостаточно четко обозначил цели освидетельствования и порядок его производства. Положения Инструкции (ст. 76) в части регламентации освидетельствования лишь дублируют положения УПК РФ и никаким образом их не конкретизируют.

Правоприменитель (офицерам, назначенным приказом командира воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации дознавателями) не совсем ясны положения ч. 3 и ч. 4

ст. 179 УПК РФ, согласно которым в случае необходимости к участию в освидетельствовании привлекается не врач, причем при освидетельствовании лица другого пола следователь (дознатель) не присутствует, если освидетельствование сопровождается обследованием освидетельзуемого лица. В этом случае освидетельствование проводится врачом ввиду того, что он обладает специальными познаниями в области медицины. Врач помогает лицу, проводящему следственное действие, обнаружить, исследовать и грамотно охарактеризовать особые приметы, телесные повреждения и иные следы.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда по поручению следователя, который с освидетельзуемым лицом разного пола, данное следственное действие проводится врачом, при этом оформляется протоколом медицинского, а не следственного освидетельствования, причем подписывается он следователем⁴.

Таким образом, если даже следователи, которые являются профессиональными участниками уголовного судопроизводства, не различают категории судебно-медицинского освидетельствования и освидетельствования как следственного действия, вследствие чего допускают ошибки, то подвергать жесткой критике офицеров, исполняющих функции дознавателей в Вооруженных Силах Российской Федерации, не следует.

Для того чтобы предупредить ошибки при производстве освидетельствования в практике военных органов дознания, связанные с сущностью освидетельствования, следует внести соответствующие коррективы в Инструкцию.

Для уяснения сущности освидетельствования как следственного действия считаем целесообразным провести сравнительную характеристику между рассматриваемым следственным действием и судебно-медицинской экспертизой.

Судебная экспертиза – это процессуальное действие, назначаемое по постановлению лица, производящего предварительное расследование, суда, состоящее в проведении исследований и даче заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует наличия специальных познаний в области науки, ремесла, искусства, техники в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Производство судебной экспертизы, по сравнению с освидетельствованием, носит более сложный характер. Несмотря на то что объектом исследования и в первом и во втором случае является тело живого человека, данные действия различны по процессуальному порядку их производства. Прежде чем дать заключение, эксперту требуется провести ряд научных исследований, используя медицинские методы и приемы. Освидетельствование же заключается в визуальном исследовании тела живого человека. Проводить какие-либо научные исследования не требуется.

В качестве еще одной цели освидетельствования действующий УПК РФ определил выявление состояния опьянения. Представляется не совсем верным, что в ходе следственного действия следует устанавливать состояние опьянения. Для выявления состояния опьянения необходимо провести ряд специальных исследований. Не случайно существуют нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок производства исследований данного вида, основания направления для освидетельствования, критерии опьянения⁵.

Так, ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусматривает возможность направления на медицинское освидетельствование по постановлению прокурора, следователя, органа дознания лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманной, находится в состоянии наркотического опьянения либо употребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача.

Методика выявления опьянения, применяемая в наркологии, достаточно сложна, для этого используется специальное оборудование, исследуются изъятые образцы для сравни-

тельного исследования. Посредством производства процессуального освидетельствования возможно установить лишь частичные внешние признаки состояния опьянения, такие как запах, несвязная речь, шатающаяся походка и др. Однако в некоторых случаях проявление подобных признаков возможно и при течении определенных заболеваний. Таким образом, сделать однозначные выводы о наличии или отсутствии состояния опьянения посредством производства процессуального освидетельствования достаточно сложно. Целью освидетельствования как следственного действия не должно быть установление физиологических состояний человека.

Все противоречия и проблемные моменты в законодательной регламентации освидетельствования оказывают негативное влияние на применение уголовно-процессуального законодательства командиром воинской части как органом дознания, с учетом того факта, что последний не является профессиональным юристом, а исполняет полномочия органа дознания лишь в исключительных случаях. Положения Инструкции должны не дублировать нормы УПК РФ, а конкретизировать их, дополнять. В целях повышения эффективности реализации командиром воинской части полномочий органа дознания, а также расследования уголовных дел в целом следует на законодательном уровне устранить имеющиеся противоречия в определении процессуальной природы освидетельствования.

Библиографический список

Монографии, учебники, учебные пособия

1. *Выдря, М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / М.М. Выдря. – М. : Госюриздат, 1955. – 118 с.
2. *Рыжаков, А.П.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / А.П. Рыжаков. – М. : Юрайт, 2009. – 928 с.
3. *Чурилов, С.Н.* Тактика следственных действий (в свете нового Уголовно-процессуального кодекса) [Текст] : учеб. пособие / С.Н. Чурилов. – М. : Юркнига, 2003. – 176 с.

Статьи из журналов

1. *Торбин, Ю.Г.* Освидетельствование в свете нового УПК РФ [Текст] / Ю.Г. Торбин // Рос. судья. – 2002. – № 11. – С. 16 – 24.
2. *Торбин, Ю.Г.* Процессуальная сущность освидетельствования по ст. 179 УПК РФ [Текст] / Ю.Г. Торбин // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 73 – 75.

---

¹ *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 82.

² *Чурилов С.Н.* Тактика следственных действий (в свете нового Уголовно-процессуального кодекса). М., 2003. С. 68.

³ *Торбин Ю.Г.* Освидетельствование в свете нового УПК РФ // Рос. судья. 2002. № 11. С. 16 – 24; *Рыжаков А.П.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2009. С. 486.

⁴ *Торбин Ю.Г.* Процессуальная сущность освидетельствования по ст. 179 УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 1. С. 73.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 930 «Об утверждении правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов»; приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения».

Туганов Ю.Н.,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Российского университета правосудия,
yurij-tuganov@yandex.ru;
Чижикова О.Ю.,
кандидат юридических наук,
сотрудник Центра исследования проблем российского права «Эквита»

Кассационный и надзорный порядок пересмотра судебных решений военных судов по уголовным делам¹

Аннотация: в статье авторы раскрывают отдельные аспекты правового регулирования порядка рассмотрения уголовных дел в военных судах кассационной инстанции и в суде надзорной инстанции.

Ключевые слова: военные суды, кассационный суд, суд надзорной инстанции, порядок рассмотрения кассационных и надзорных жалоб, представления.

Tuganov J. N.,
honoured lawyer of the Russian Federation,
doctor of legal Sciences, associate Professor,
chief researcher of the Russian University of justice,
yurij-tuganov@yandex.ru;
Chizhikova O.Yu.,
candidate of law Sciences,
employee of the center of research of problems
Russian law Equitas

Cassation and Supervisory procedure for review of judgments of military courts on criminal cases

Abstract: In the article the authors reveal certain aspects of the legal regulation of the procedure of consideration of criminal cases in military courts of cassation and Supervisory instance.

Key words: military courts, the cassation court, Supervisory authority, the order of consideration of the cassation and supervising complaints, representations.

Значительные изменения, внесенные в апелляционную инстанцию в связи с вступлением в силу нового уголовно-процессуального законодательства², в такой же мере затронули и кассационный порядок пересмотра судебных решений. Если ранее кассационному обжалованию подлежали не вступившие в законную силу судебные решения, которые могли обжаловаться сторонами по существу³, то теперь суды кассационной инстанции (для военных судов – это окружные (флотские) военные суды и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации) проверяют по жалобе или представлению вступившие в законную силу судебные решения на соответствие процессуальному и материальному закону⁴. Главная задача кассационной инстанции состоит в том, чтобы

содействовать единству судебной практики путем единообразного применения судами законов на основе их толкования в точном соответствии с буквой и духом правовой нормы.

Вступивший в законную силу приговор может обжаловаться в суд кассационной инстанции участниками процесса в той части, в которой затрагивает их права и законные интересы⁵.

Примечательно, что ст. 444 УПК РФ исключила из числа решений, подлежащих кассационному обжалованию, постановление о применении к лицу принудительной меры медицинского характера. Такая позиция законодателя противоречит порядку обжалования судебных решений о прекращении, изменении и продлении применения к лицу указанной принудительной меры, допускающему подачу кассационной жалобы, представления (ч. 8 ст. 445 УПК РФ). Выявленная коллизия была разрешена п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

В результате рассмотрения уголовного дела кассационная инстанция вправе, в частности, отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу; отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение либо возвратить дело прокурору; отменить приговор суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение; отменить решение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение; внести изменения в приговор, определение или постановление суда (ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ).

Основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Это оценочные основания – устанавливаются судом кассационной инстанцией, исходя из конкретных обстоятельств отдельного уголовного дела.

Обязательной является отмена судебного решения судом кассационной инстанции ввиду устранения обстоятельств, из-за которых дело о тяжких и особо тяжких преступлениях рассмотрено без участия подсудимого в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, или выявления препятствий для судебного разбирательства по делу, установленных ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ. Если в первом случае уголовное дело направляется в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, то в последнем – возвращается прокурору. При наличии оснований к прекращению уголовного дела и уголовного преследования, предусмотренных гл. 4 УПК РФ (основания те же, что и у апелляционной судебной инстанции), кассационный суд отменяет судебные решения и прекращает производство.

Суд кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела может смягчить назначенное осужденному наказание или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении. Пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (ст. 401.6 УПК РФ, п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2).

Однако суд кассационной инстанции не связан доводами кассационных жалобы или представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ре-

визионные полномочия). Если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а кассационные жалобы или представления принесены только одним из них или в отношении некоторых из них, суд кассационной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных. При этом суд не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых кассационные жалобы или представления не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение (ст. 401.16 УПК РФ).

Закон предусматривает возможность повторного обращения с обжалованием в кассационном порядке ряда судебных решений (п. 2 и п. 5 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ). Условно говоря, «вторым» кассационным судом является Судебная коллегия по уголовным делам и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, если только указанные судебные органы не были «первым» кассационным судом.

Те судебные решения, которые не могут обжаловаться в кассационном порядке: судебные решения судов первой инстанции, которые рассматривались Верховным Судом Российской Федерации в апелляционном порядке, и сами апелляционные решения этого суда; кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, подлежат обжалованию в Президиум Верховного Суда Российской Федерации в порядке надзора⁶.

Надзорную жалобу могут подать не только участники судебного разбирательства, но и лица, не принимавшие участия в деле. При этом они должны указать, какие их права, свободы или законные интересы нарушены вступившим в законную силу судебным решением.

При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации проверяет правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов нижестоящими судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов надзорных жалобы, представления. В интересах законности Президиум Верховного Суда Российской Федерации вправе выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора (ст. 412.12 УПК РФ).

В результате рассмотрения уголовного дела суд надзорной инстанции вправе, в частности, отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу; отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение; отменить решение суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение; отменить решение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение; отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и вернуть уголовное дело прокурору; внести изменения в приговор, определение или постановление суда (ст. 412.11 УПК РФ).

Основания отмены или изменения судебных решений в порядке надзора являются существенные нарушения уголовного (и/или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Такие основания устанавливаются надзорным судом каждый раз при проверке судопроизводства по конкретному уголовному делу.

По общему правилу поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора не допускается. В качестве исключения возможен пересмотр приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разби-

рательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации вступает в законную силу с момента его провозглашения. Относительно возможности его дальнейшего пересмотра определенных указаний в УПК РФ нет. Исходя из того что Президиум Верховного Суда Российской Федерации является надзорной судебной инстанцией и ему подлежат обжалованию в надзорном порядке постановления Президиума этого суда (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ), можно предположить, что пересмотр решений надзорного суда осуществляется самим надзорным судом.

Существует еще одна исключительная стадия уголовного процесса, в которой производится проверка законности и обоснованности приговора и иных судебных решений, – возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельства. Это отдельная судебная процедура, однако она является составной частью института пересмотра приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу.

«По своему содержанию и предназначению возобновление дел, т. е. их новое рассмотрение, выступает в качестве механизма, дополняющего все обычные способы обеспечения правосудности приговоров. Этот вид производства, имеющий как бы резервное значение, используется, когда не применимы или были исчерпаны другие средства процессуально-правовой защиты»⁷.

Поскольку решение о возобновлении производства принимают те же суды, которые выполняют в уголовном судопроизводстве функции апелляции, кассации и надзора, а возобновление уголовного дела влечет отмену или изменение ранее состоявшихся судебных решений, полагаем необходимым рассмотреть указанную судебную процедуру в настоящей работе.

Наличие такого вида пересмотра судебных решений, как возобновление производства по уголовному делу, вызвано тем, что иногда после вступления приговора в законную силу выявляются новые факты, свидетельствующие о его незаконности и необоснованности. Так как эти обстоятельства не были известны при рассмотрении дела судам всех инстанций, то они и не могли быть учтены.

Выделяются два вида обстоятельств, при наличии которых производство по делу может возобновляться: вновь открывшиеся и новые. Под вновь открывшимися обстоятельствами закон понимает те из них, которые существовали на момент вступления судебного решения в законную силу, но не были известны суду:

1) заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая неправильность перевода, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения или постановления;

2) преступные действия дознавателя, следователя или прокурора, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения либо постановления;

3) преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела (ч. 3 ст. 413 УПК РФ).

Вновь открывшиеся обстоятельства должны быть установлены вступившим в законную силу приговором, определением или постановлением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии или акта помилования, в связи со смертью обвиняемого или недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Злоупотреб-

ления должностных лиц могут выразиться в незаконном и необоснованном привлечении к уголовной ответственности заведомо невиновного, в прекращении дела в отношении заведомо виновного, в фальсификации доказательств и т. д., т. е. должны быть связаны с рассматриваемым уголовным делом.

К новым обстоятельствам УПК РФ относит те, которые были неизвестны на момент вынесения судебного решения, в то время как они устраняют преступность и наказуемость деяния, или же подтверждают наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления:

1) признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации;

2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего Конвенции, иными нарушениями положений Конвенции;

3) наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

4) иные новые обстоятельства (ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Процессуальный закон не раскрыл содержание иных новых обстоятельств, поскольку дать исчерпывающий их перечень невозможно.

К иным новым обстоятельствам обычно относят сведения о совершении преступления другим лицом, а не тем, которое осуждено за его совершение; данные о появлении потерпевшего, который ранее считался убитым, в связи с чем конкретное лицо было осуждено за совершение убийства; самооговор и т. п.

Для установления вновь открывшихся и новых обстоятельств прокурор проводит проверку или направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для производства расследования. По итогам составляется и подается в суд заключение о необходимости возобновления производства по уголовному делу. Аналогичные выводы содержит представление Председателя Верховного Суда Российской Федерации, которое приносится в Президиум этого суда ввиду постановления Конституционным Судом Российской Федерации или Европейским Судом по правам человека указанных выше решений.

Признав мнение о необходимости возобновления производства по уголовному делу обоснованным, суд отменяет состоявшиеся судебные решения и передает уголовное дело для производства нового судебного разбирательства или прекращает его при наличии к тому оснований либо возвращает дело прокурору, если имеются обстоятельства, препятствующие судебному разбирательству (ст. 418 УПК РФ).

Помимо этого, Президиум Верховного Суда Российской Федерации по представлению председателя этого суда может изменить судебные решения соответственно постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, если последние это позволяют (ч. 5 ст. 415 УПК РФ).

При этом смерть осужденного не является препятствием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в целях его реабилитации.

Пересмотр оправдательного приговора, или определения, постановления о прекращении уголовного дела, или обвинительного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении допускается лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и не позднее одного года со дня выявления вновь открывшихся обстоятельств. Пересмотр обвинительного приговора ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в пользу осужденного никакими сроками не ограничен.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрена еще одна процедура, в порядке которой изменяются или отменяются судебные решения. Речь идет об исполнении приговора суда иностранного государства. Хотя суд и признает приговор суда иностранного государства вынесением соответствующего постановления, однако правомочен внести в него изменения (ст. 472 УПК РФ).

Если по УК РФ за данное преступление предельный срок лишения свободы меньше, чем назначенный по приговору суда иностранного государства, то суд определяет максимальный срок лишения свободы за совершение данного преступления, предусмотренный УК РФ.

В случае когда УК РФ не предусматривает лишение свободы в качестве наказания за совершенное лицом преступление, суд определяет иное наказание, наиболее соответствующее наказанию, назначенному по приговору суда иностранного государства, в пределах, установленных УК РФ за данное преступление.

Если приговор суда иностранного государства относится к двум или нескольким деяниям, не все из которых являются преступлениями в Российской Федерации, то суд определяет, какая часть наказания, назначенного по приговору суда иностранного государства, применяется к деянию, являющемуся преступлением.

В случае отмены или изменения приговора суда иностранного государства либо применения в отношении лица, отбывающего наказание в Российской Федерации, изданных в иностранном государстве актов об амнистии или о помиловании вопросы исполнения пересмотренного приговора суда иностранного государства, а также применения актов об амнистии или о помиловании решаются в таком же порядке.

Таким образом, нормативное регулирование оснований отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в надзорной инстанции во многом сходно с аналогичными правовыми субинститутами кассационного производства, однако наличие многочисленных нормативных ограничений для принятия окончательного судебного решения в порядке надзора дает основание отнести эту стадию уголовного процесса к исключительным.

На наш взгляд, изменения, внесенные в УПК РФ, в целом свидетельствуют о появлении у военных судов дополнительной реальной возможности для реализации конституционного права каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом, как это закреплено в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Данный постулат, хотя и не в полной мере, уже нашел свое подтверждение в судебной практике военных судов.

Библиографический список

1. Давыдов В.А. Надзорное производство в уголовном процессе. Практика применения гл. 48 УПК РФ [Текст] / В.А. Давыдов. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/2860>.
2. Денисенко Д.В. Новеллы института надзорного обжалования в уголовном процессе [Текст] / Д.В. Денисенко // Советник юриста. – 2011. – № 1.
3. Калмыков В.Б. Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Б. Калмыков. – М., 2010.
4. Ковтун Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года [Текст] / Н. Н. Ковтун

// Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегородской Академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 179 – 184.

5. Обжалование приговора в уголовном процессе [Текст] / сост. В.М. Фридман. – М. : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 56 с. – (Серия «Знай свои права!»).

6. *Туганов Ю.Н., Быстров П.Г.* Апелляционные инстанции военных судов в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю.Н. Туганов, П.Г. Быстров // Право в Вооруженных Силах. – 2011. – № 4. – С. 55 – 60.

---

¹ Рецензент – В.В. Бараненков, доктор юридических наук, профессор.

² См. об этом: *Туганов Ю.Н., Быстров П.Г.* Апелляционные инстанции военных судов в уголовном судопроизводстве // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 4. С. 55 – 60.

³ См. об этом, напр.: *Калмыков В.Б.* Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

⁴ *Ковтун Н.Н.* Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегородской Академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 179 – 184.

⁵ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 9). Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70291934/> (дата обращения: 6.11.2015).

⁶ См. об этом п. 1 постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2012 г. «О рассмотрении вопросов, возникших у судов в связи со вступлением в силу с 1 января 2013 года Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”». Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70291934/>. См. также: *Давыдов В.А.* Надзорное производство в уголовном процессе. Практика применения гл. 48 УПК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/2860> (дата обращения: 6.11.2015); *Денисенко Д.В.* Новеллы института надзорного обжалования в уголовном процессе // Советник юриста. 2011. № 1.

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 74 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1305319/> (дата обращения: 19.10.2013).

Обеспечение законности и правопорядка в деятельности военных организаций

Дмитриев Д.А.,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
007dmitriev@list.ru

Дисциплинарные казармы Армии США в Форте Ливенворт: историко-правовые аспекты создания и функционирования¹

Аннотация: в статье рассматривается история создания и особенности деятельности Дисциплинарных казарм Армии США в Форте Ливенворт.

Ключевые слова: армейская исправительная система, Дисциплинарные Казармы Армии США, Форт Ливенворт.

Dmitriev D.A.,
researcher of the
Research Institute Affiliated to the Academy
of the R.F. General Prosecutor's Office,
007dmitriev@list.ru

United States Disciplinary Barracks history of creation and functioning

The article deals with the history of formation of Army correctional facilities, aims of activity and administrating of United States Disciplinary Barracks.

Key words: Army Corrections System, United States Disciplinary Barracks, Fort Leavenworth.

Основную роль в исполнении уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, в Вооруженных Силах США играют Дисциплинарные Казармы, расположенные в Форте Ливенворт, Канзас.

Дисциплинарные Казармы (U.S. Disciplinary Barracks – USDB) являются высшим органом Армейской исправительной системы (Army Corrections System, ACS) и главным исправительным учреждением Армии США, представляющим собой военную тюрьму максимального уровня безопасности. Дисциплинарные Казармы предназначены для содержания военнослужащих, осужденных на срок заключения свыше 10 лет, офицеров и заключенных, осужденных за преступления, посягающие на национальную безопасность, а также приговоренных к смертной казни. В USDB также могут приводиться в исполнение смертные приговоры.

История создания Дисциплинарных Казарм начинается в конце XIX в. Существовавшая система уголовных наказаний не могла решить задачи исправления военнослужащих. К осужденным военнослужащим применялись порка, заключение в кандалы, были даже наказания в виде нанесения татуировок, одиночного заключения и казни. При этом осуж-

денные к лишению свободы военнотружущие содержались в 32 различных тюрьмах в разных штатах.

Все наказания, за исключением одиночного заключения и смертной казни, ввиду их низкой эффективности были запрещены в армии в начале 1871 г. Тем не менее, проблема контроля за 346 заключенными, разбросанными по 11 различным штатам, решена не была. В связи с этим в 1871 г. бригадный генерал Томас Ф. Барр направил письмо министру обороны с просьбой организовать единую исправительную систему в целях экономии средств и организации контроля над осужденными военнотружущими со стороны Министерства обороны.

Министр обороны направил комиссию офицеров в Монреаль и Квебек для изучения действовавшей там британской военной пенитенциарной системы. Комиссией было сделано множество выводов относительно направлений модернизации пенитенциарной системы вооруженных сил США. Но главный вывод касался рекомендации по строительству единого военного исправительного учреждения на базе Нью-Йоркского военного поста. Однако данное предложение не устроило конгресс США, члены которого предложили в качестве базы для новой тюрьмы Арсенал, находящийся в Рок Айленде, штат Иллинойс. Данное предложение встретило сильное сопротивление со стороны министра обороны, поскольку, по его мнению, допускать заключенных к оружию и боеприпасам было нельзя. В результате долгих переговоров и согласований местом для новой тюрьмы был выбран Форт Ливенворт, штат Канзас.

Форт Ливенворт является старейшим действующим гарнизоном Армии США к западу от Вашингтона, округ Колумбия. Его история насчитывает более 180 лет. Форт Ливенворт также известен как «интеллектуальный центр армии США»². Сам Форт занимает 2 300 гектаров и около 700 квадратных километров жилых и нежилых помещений в 1 000 зданий и 1 500 казармах.

На реконструкцию Форта и строительство новой военной тюрьмы из бюджета было выделено около 125 тыс. долл. Ответственным за строительство тюрьмы приказом министра обороны от 30 апреля 1875 г. был назначен майор Джеймс Робертсон, командир 3-й артиллерийской бригады. Самым проблемным вопросом стало отсутствие должного медицинского обеспечения. Для его организации дополнительно было выделено еще 12 тыс. долл. В 1876 г. на 332 заключенных приходилось около 80 охранников. В этом же году Форт посетил министр обороны, удостоверившись, что тюрьма полностью готова к введению в эксплуатацию.

С увеличением количества заключенных было решено заменить деревянный частокот каменной стеной. В это же время комендант тюрьмы получил разрешение привлечь не менее 75 осужденных для производства обуви, одежды, продовольствия. В одном из зданий Форта был оборудован магазин, где продавалась данная продукция.

До 1878 г. военнотружущие гарнизонов западного побережья, приговоренные к заключению на срок более одного года, направлялись для отбытия наказания в тюрьму Алькатрас (Alcatraz), находившуюся в ведении федерального правительства. В 1878 г. Министерство обороны приняло решение о помещении всех военных заключенных в Форт Ливенворт.

В конце 1881 г. количество заключенных в Форте достигает 447 человек. В связи с тем что тюрьма была способна вместить только 450 заключенных, комендант приостанавливает прием заключенных.

В течение 1882 – 1883 гг. Форт модернизируют и он становится способен принимать до 600 заключенных. В этот же период расширяется спектр производимой заключенными продукции, что дает ощутимые поступления в бюджет.

В 1889 г. Министерство обороны решает ввести в практику фотографирование вновь прибывших заключенных в целях их идентификации. Таким образом, тюрьма Форта Ли-

венворт стала одним из первых исправительных учреждений, использовавших фотографию как средство идентификации заключенных.

В 1885 г. ввиду нехватки мест в гражданских тюрьмах, несмотря на все возражения Министерства обороны, военная тюрьма в Форте Ливенворт переходит в ведение Министерства юстиции и становится федеральной тюрьмой США, в которую помещались как военные, так и гражданские заключенные, осужденные на срок более одного года лишения свободы.

После указанных преобразований Армия США возвращается к практике предварительного содержания военных на гауптвахте, а осужденные военнослужащие направляются в Алькатрас или другие федеральные тюрьмы.

Однако такое положение вещей не устраивало Министерство обороны, поскольку содержание на гауптвахте не приносило положительных результатов, так как охранниками выступали бывшие сослуживцы помещенного под арест. Привлечение солдат к охране своих сослуживцев плохо сказывалось на моральном состоянии личного состава.

Еще одной проблемой была невозможность привлечь заключенных к труду. Поскольку находящиеся на гауптвахте не приносили никакой финансовой выгоды, а затраты на их содержание были примерно такие же, как и на обычного военнослужащего, руководство страны в 1905 г. передало тюрьму в Форте Ливенворт вновь в ведение Министерства обороны.

В 1908 г. началась еще одна реконструкция военной тюрьмы. Для этого был возведен кирпичный завод рядом с Фортотом, и все кирпичи делались исключительно заключенными.

Новое здание Дисциплинарных Казарм было построено по лучевому принципу, т. е. из его центральной части подобно лучам расходились блоки с одиночными камерами для заключенных.

В 1914 г. приказом министра обороны Дисциплинарные Казармы, дислоцированные в Форте Джей (Fort Jay), и Атлантический филиал военной тюрьмы стали отделениями Дисциплинарных Казарм Форта Ливенворт. Этим же приказом министр обороны назначает начальника административно-строевого управления Сухопутных войск ответственным за управление всеми вышеназванными объектами.

После того как в 1917 г. США вступили в Первую мировую войну и численность армии США выросла с 30 тыс. до 4 млн человек, существенно возросла нагрузка на пенитенциарную систему Армии США. Возможности пенитенциарной системы Армии США были не в состоянии справиться с увеличившейся нагрузкой. Поэтому в 1917 г. USDB пережили почти феноменальный рост и модернизацию.

На территории USDB были организованы молочные фермы, птицефабрики, консервный завод и оранжерея. В 1917 г. численность заключенных достигла 1,5 тыс. человек, однако по подсчетам Министерства обороны численность должна была увеличиться вдвое. Возможности USDB позволяли разместить до 5 тыс. заключенных. Однако 3 тыс. должны бы были содержаться во временных казармах, 1,5 тыс. – в открытых камерах и только 500 – в закрытых, оснащенных по всем правилам камерах.

После Первой мировой войны в связи с большой загруженностью федеральных тюрем было принято решение о передаче USDB в ведение Министерства юстиции. Однако приближение Второй мировой войны заставило руководство пересмотреть свое решение, и в 1940 г. USDB вновь перешел в ведение Министерства обороны США.

Вторая мировая война внесла свои коррективы в численность армии. Так, если в 1939 г. численность армии составляла 188 тыс. человек, то в 1941 г. – 1,5 млн. К маю 1945 г. численность личного состава вооруженных сил США составила более 8 млн человек. Количество заключенных в указанный период превысило 37 тыс. человек.

В то время как в 1943 г. USDB могли принять только 1 600 заключенных, к середине 1944 г. численность заключенных возросла до 2 800 – 3 000 человек. Были возведены временные казармы, но ситуация с переполненностью ухудшалась практически с каждым днем.

В 1944 г. Армией США было открыто десять филиалов Дисциплинарных Казарм для того, чтобы справиться с потоком заключенных.

В период Второй мировой войны, а также в послевоенный период, кроме содержания под стражей, USDB выполняли также очень важную функцию по восстановлению заключенных на службе. Так, в период с 1943 по 1947 гг. около 7 тыс. заключенных были восстановлены на службе.

В 1950-е гг. произошло значимое изменение – на форме заключенных вместо надписи «USDB» стали указывать их имена и порядковый номер.

С 1945 г. в USDB помещались служащие как Сухопутных войск, так и Военно-воздушных сил. В 1974 г. на основе соглашения между Министерством армии и Министерством ВМС заключенные данных ведомств также стали помещаться в USDB. В 1974 г. был произведен первый набор женщин на службу в USDB. В 1976 г. в USDB начали поступать первые женщины-заключенные.

В том же году были введены в эксплуатацию новые ультрасовременные на тот момент здания USDB, рассчитанные на содержание 515 заключенных. Стоимость проекта составила около 68 млн долл. Занимаемая USDB площадь составила 210 квадратных километров. Территорию USDB огородили двумя отдельными четырехметровыми заборами³.

USDB состоят из трех блоков, каждый из которых может вместить до 142 заключенных в отдельных камерах. Блоки, называемые «контейнеры», имеют треугольную форму. Посередине блока имеется открытый холл с платным телефоном и телевизором. Внутри камер расположены двухъярусные кровати. Камеры имеют прочные двери и окна, на которых нет решеток, в связи с этим в новых камерах USDB гораздо тише по сравнению с их предшественниками. Небольшие двухэтажные здания позволяют надежно изолировать заключенных от личного состава гарнизона.

Персонал USDB состоит из сотрудников, занимающихся образовательными и тренировочными программами заключенных, капеллана, психиатров, психологов, социальных работников, военных юристов и медицинских работников. Для начальника USDB по должности предусматривается звание полковника.

Подготовка персонала USDB (армейские специалисты по исправлению⁴) осуществляется в школе военной полиции Армии США, расположенной в Форте Леонард Вуд, штат Миссури (Fort Leonard Wood, Missouri).

В 2009 г. USDB рассматривались как одно из возможных мест для размещения 220 заключенных, содержащихся в тюрьме Гуантанамо. Однако сенаторы штата Канзас выступили против такой инициативы, поскольку для этого потребовалось бы отчуждение около 800 гектаров частной собственности для обеспечения должной безопасности местного населения.

С 1988 г. USDB проходят процедуру аккредитации Американской исправительной ассоциации (ACA) в качестве исправительного учреждения. В 2012 г. USDB получили 100-процентный рейтинг среди исправительных учреждений и были удостоены нескольких наград. USDB проверялись тремя независимыми комиссиями по более чем 500 критериям, в том числе по качеству оказания психиатрической помощи, вопросам безопасности и другим аспектам, связанным с обращением с заключенными. USDB получили высший рейтинг по всем критериям, несмотря на то, что часть военного персонала в тот момент находилась в Ираке.

У USDB также есть свое собственное кладбище. Там хоронят казненных и умерших заключенных, которые никем не востребованы. На территории кладбища находится около 300 могил, датированных периодом с 1894 по 1957 гг.

Начиная с 1945 г. в USDB было казнено около 20 заключенных, в том числе четырнадцать немецких военнопленных. Последняя казнь в USDB состоялась 13 апреля 1961 г., когда был повешен рядовой первого класса Джон А. Беннетт, приговоренный к смертной казни за изнасилование и покушение на убийство 11-летней девушки. Казнь Беннетта состоялась через четыре года после того, как приговор был утвержден Президентом США Д. Эйзенхауэром.

После указанной казни все остальные смертные приговоры в USDB должны были приводиться в исполнение путем смертельной инъекции. По состоянию на 2013 г. в USDB содержалось шесть заключенных, приговоренных к смертной казни.

Интересным также является случай самого длительного содержания в USDB заключенного, приговоренного к смертной казни. Дело касается Рональда А. Грея⁵, который был приговорен к смертной казни в 1988 г. Лишь 28 июля 2008 г. приговор был утвержден Президентом США Дж. Бушем. Рональд А. Грей был признан виновным в изнасиловании, двух убийствах и покушении на убийство трех женщин, две из которых были солдатами армии, а третья – гражданским водителем такси.

История развития Дисциплинарных Казарм Армии США показывает, насколько правильным было решение руководства страны создать отдельную пенитенциарную систему для вооруженных сил США. Неоднократные попытки передать руководство пенитенциарной системой армии под юрисдикцию Министерства юстиции не увенчались успехом. Поскольку, как мы видим, основное развитие исправительные учреждения получили в то время, когда руководство ими осуществлялось Министерством обороны США.

Библиографический список

1. History of Fort [Электронный ресурс]. – Режим доступа : garrison.leavenworth.army.mil/Visitors/History/Our_History.asp.
2. Military correctional facilities [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.law.cornell.edu/uscode/text/10/subtitle-A/part-II/chapter-48.
3. Дмитриев Д.А., Воробьев А.Г. Исправительная система Армии США [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». – 2015. – Вып. 3. – Режим доступа : <http://voennoepravo.ru>.
4. Заказнова А.Н., Воробьев А.Г. Исправительные учреждения Военно-морских сил США [Электронный ресурс] // ЭНИ Военное право. – 2015. – Вып. 3. – Режим доступа : <http://voennoepravo.ru>.
5. Сухопутные войска США [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.zvo.su/suhoputnye-voyska/suhoputnye-voyska-ssha.html.

¹ Рецензент – А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор.

² URL: garrison.leavenworth.army.mil/Visitors/History/Our_History.asp

³ URL: armymilitarypolice.tpub.com/MP1025/MP10250049.htm

⁴ Согласно кодовому обозначению военно-учетной специальности (military occupational specialty code, MOS).

⁵ URL: salem-news.com/articles/december022008/gray_lives_longer_12-2-08.php

Кириченко Н.С.,
капитан юстиции,
старший офицер отделения судебной защиты
и договорно-претензионной работы отдела
правовой работы управления
Северо-Кавказского регионального командования
внутренних войск МВД России,
nikolay_kirich@mail.ru

К вопросу о профилактике фактов виновного причинения военнослужащими материального ущерба воинской части

Аннотация: рассмотрены вопросы профилактики причинения военнослужащими материального ущерба. Автор считает, что профилактика причинения военнослужащими материального ущерба государству в лице воинской части требует большего внимания и закрепления на законодательном уровне.

Ключевые слова: воинская часть, материальный ущерб, профилактика.

Kirichenko N.S.,
The captain of justice,
A senior officer of the Department
of judicial protection and the claims
of Department of legal work of the office regional command internal
troops of the MIA of Russia,
nikolay_kirich@mail.ru

To the question about prevention of the facts of causing material damage by the servicemen of the military unit

The issues of prevention of causing soldiers material damage. The author believes that the prevention of causing material damage to the state by military personnel in the face of a military unit, requires more attention and fixing it on the legislative level.

Key words: military unit, property damage prevention.

Выполнение воинскими частями, соединениями, оперативно-территориальными объединениями, образовательными и иными военными учреждениями¹ возложенных на них задач невозможно без ведения ими финансово-хозяйственной деятельности, в процессе осуществления которой нередко государству в лице конкретной воинской части причиняется материальный ущерб, в том числе по вине военнослужащих.

Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы², за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, а также порядок возмещения причиненного ущерба, определены Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»³. Действие Федерального закона распространяется на военнослужащих,

проходящих военную службу по призыву и по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также в других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба.

Таким образом, Федеральный закон регламентирует порядок действий должностных лиц воинских частей с момента обнаружения причиненного военными служащими материального ущерба. Вопросы профилактики фактов причинения военными служащими материального ущерба Федеральным законом не затрагивает.

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ), утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, предусматривает в качестве одной из обязанностей должностных лиц воинских частей проведение мероприятий по профилактике правонарушений. К такому мероприятию можно, в частности, отнести работу по профилактике причинения материального ущерба, так как это также является правонарушением. Однако мы полагаем, что обязанность по профилактике правонарушений лишь косвенно затрагивает вопрос профилактики материального ущерба. Согласно ст. 16 УВС ВС РФ к общим обязанностям военнослужащих относится и обязанность беречь военное имущество. Но, на наш взгляд, она также не является нормой прямого действия, направленной на профилактику причинения военными служащими материального ущерба государству. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации в качестве одного из грубых дисциплинарных проступков определяет непринятие командиром в пределах его компетенции необходимых мер по предупреждению или пресечению дисциплинарного проступка, совершенного подчиненным ему по службе военными служащими, привлечению военного служащего к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка либо по устранению причин и условий, способствовавших его совершению, а равно сокрытие командиром информации о совершении подчиненным ему по службе военными служащим преступления, административного правонарушения или дисциплинарного проступка. При этом за причинение его подчиненным материального ущерба государству, а равно за непринятие мер по профилактике причинения такого ущерба командир ответственности не несет.

Понятие «профилактика», означаящее в широком смысле предупреждение каких-либо нежелательных явлений, с 1970-х гг. начало наполняться правовым содержанием. По мнению А.П. Закалюка, под профилактикой преступности понимается деятельность по устранению причин и условий совершения преступлений лицом, которое еще не проявило преступного умысла, но его поведение свидетельствует о высокой вероятности перерастания последнего в преступное деяние⁴. Профилактика правонарушений, в частности, рассматривается как особый вид социальной практики, который обеспечивает преобразование общественных отношений, в результате чего устраняются либо нейтрализуются условия (причины, факторы), способствующие отклоняющемуся от нормы поведению.

Более конкретное определение сущности профилактики правонарушений сформулировал Н.И. Ветров, который понимает под ней совокупность социально-экономических, идеологических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих мер, направленных на выявление и устранение причин правонарушений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, на исправление и перевоспитание лиц, имеющих отклонения в поведении, на предостережение членов общества от противоправных деяний⁵.

В одной из своих работ преподаватель Новороссийского филиала Современной гуманитарной академии кандидат юридических наук Ю.П. Оноколов писал об актуальности проблемы профилактики рецидивной преступности, ведя речь об административном надзоре, который является необходимой частью системы предупреждения правонарушений⁶.

О необходимости повышения качества работы по профилактике правонарушений, в том числе среди военных служащих, различными авторами написано много работ, которые

в большинстве посвящены профилактике именно преступлений. Безусловно, уголовно наказуемые деяния по своей тяжести имеют большую общественную опасность, чем факты причинения материального ущерба, но такие факты причинения ущерба нередко влекут причинение больших затрат для государства, чем отдельно взятое преступление (с экономической точки зрения). В то же время научных работ, посвященных профилактике причинения ущерба государству со стороны военнослужащих, к сожалению, очень мало.

По нашему мнению, вопрос профилактики причинения военнослужащими материального ущерба государству в лице воинской части требует большего внимания и закрепления его на законодательном уровне.

В обоснование данного мнения приведем следующие доводы. Федеральный закон за причинение военнослужащими ущерба предусматривает полную материальную ответственность (ст. 5), а также ограниченную материальную ответственность (ст. 4).

Далее приведем один пример. Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, на учебных занятиях осваивает практические навыки управления специальным беспилотным летательным аппаратом. Стоимость данного аппарата в десятки раз превышает месячный размер денежного довольствия данного военнослужащего. В результате неосторожных действий военнослужащего указанный аппарат падает на землю и приходит в полную негодность. По факту причинения материального ущерба проведено административное расследование. Согласно заключению по результатам его проведения военнослужащий признается виновным в причинении материального ущерба и встает вопрос о привлечении его к материальной ответственности. Командование воинской части направляет в суд исковое заявление о взыскании с виновного суммы, равной полной стоимости поврежденного имущества.

Решением суда, что вполне предсказуемо, с военнослужащего в пользу воинской части в счет возмещения ущерба взыскивается денежная сумма в размере двух окладов месячного денежного содержания данного военнослужащего и двух его месячных надбавок за выслугу лет. Должностными лицами воинской части были предприняты исчерпывающие меры по обжалованию данного решения суда, но высшими надзорными судебными инстанциями оно оставлено без изменения. Соответственно остаток невозмещенного материального ущерба по-прежнему составляет значительную денежную сумму.

В связи с тем что командование воинской части предприняло исчерпывающие меры по возмещению ущерба и его остаток возместить за счет виновных лиц нереально, такой остаток подлежит списанию в порядке, предусмотренном Положением об особенностях списания федерального имущества, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 834, и различными приказами руководителей федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, в которых предусмотрена военная служба. После проведения соответствующих процедур и принятия решений остаток ущерба списывается и снимается с учетов. Таким образом, даже после принятия исчерпывающих, предусмотренных законом, мер по возмещению материального ущерба осталась невозмещенной значительная его часть. И таких примеров можно привести множество. В сложившейся сложной политической ситуации в мире, в условиях возникшего экономического кризиса в нашем государстве, данная ситуация приобретает еще более актуальный характер.

В связи с изложенным при наличии нормативных актов, позволяющих принимать законные решения (при наличии соответствующих условий) о списании части материального ущерба, причиненного государству, нереального для взыскания за счет виновных лиц, следует повысить эффективность мер, направленных на профилактику и предупреждение причинения военнослужащими материального ущерба воинским частям. Полагаем, это позволит снизить общий размер материального ущерба, причиняемого федеральному бюджету.

Многие согласятся с мнением о том, что лучше предупредить совершение какого-либо правонарушения путем проведения профилактических мероприятий, чем ликвидировать последствия уже совершенного вредоносного деяния.

Ведя речь о проведении профилактических мероприятий в указанном направлении, необходимо упомянуть и о том, какими же способами необходимо проводить данную профилактику.

1. Проведение различных занятий с личным составом.

На наш взгляд, это основное мероприятие теоретического и практического характера, направленное на профилактику причинения военнослужащими материального ущерба. Необходимо отметить, что при проведении занятий в обязательном порядке следует доводить до личного состава действующее законодательство Российской Федерации, регламентирующее меры ответственности военнослужащих за причинение материального ущерба воинской части. По результатам проведения таких занятий рекомендовано принимать зачеты для определения степени усвоения военнослужащими теоретического материала. Также необходимо проводить практические занятия, направленные на повышение у личного состава навыков и знаний о различной технике (аппаратуре и т. п.).

Очень эффективными будут занятия, проводимые с привлечением работников органов военной прокуратуры и военного суда. Конечно, такие занятия должны иметь комплексный характер, т. е. быть направленными не только на профилактику причинения материального ущерба, но и на профилактику совершения дисциплинарных проступков и преступлений. Такие занятия оказывают глубокое воздействие на подсознание военнослужащих, особенно проходящих военную службу по призыву. Нередко военнослужащие указанной категории совершают различные проступки просто «по незнанию».

2. Привлечение военнослужащих, виновных в причинении материального ущерба, к дисциплинарной ответственности.

Понятие ответственности тесно связано с жизнью общества, так как является одним из основных в определении взаимоотношений между его индивидами. Именно ответственность придает общественным отношениям присущую им упорядоченность и предсказуемость. Суть ответственности состоит в том, что принятые в обществе правила поведения человека или групп людей должны восприниматься ими как необходимое условие существования, как залог осуществления естественных прав и свобод. В данном контексте ответственность обычно называют социальной. Социальная ответственность рассматривается, с одной стороны, как осознанная необходимость действовать в соответствии с принятыми в обществе нормами, а с другой – как возможность негативной реакции общества на поведение лица, нарушающего эти нормы⁷.

Ответственность играет важную роль в регулировании поведения участников общественных отношений. Она применяется в связи с нарушениями установленных правил поведения и заключается в наступлении для нарушителей этих правил неблагоприятных последствий, в претерпевании ими ограничений личного, морального или материального характера⁸.

Многие командиры воинских частей по итогам проведения административных расследований по факту причинения материального ущерба виновного военнослужащего привлекают только к материальной ответственности (чаще всего, это случаи привлечения к ограниченной ответственности). Но, к большому сожалению, часто имеют место случаи, когда со стороны таких военнослужащих наблюдается рецидив таких фактов. И в таких случаях, по нашему мнению, необходимой мерой является привлечение военнослужащего и к дисциплинарной ответственности. Такая мера оказывает сильное профилактическое воздействие на военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, так как наличие

дисциплинарного взыскания влечет за собой приостановление выплаты военнослужащему денежной премии и снимается оно лишь после того, как сыграет свою воспитательную роль либо после истечения года со дня его наложения. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, регулярно допускающие факты причинения материального ущерба, должны быть досрочно уволены с военной службы по соответствующим законным основаниям.

3. Доведение фактов привлечения виновных военнослужащих к дисциплинарной и материальной ответственности за причинение ущерба воинской части.

Доведение данной информации до военнослужащих также оказывает положительное профилактическое воздействие. Многие военнослужащие, переосмысливая данную информацию, побоятся совершать такие же деяния, чтобы избежать наступления таких же негативных последствий в отношении их.

4. Контроль над военнослужащими со стороны начальников.

Анализ фактов причинения материального ущерба и, к сожалению, фактов травматизма в воинских частях показал, что нередко фактором, способствующим возникновению таких негативных событий, является отсутствие надлежащего контроля над военнослужащими со стороны их начальников.

Например, военнослужащим рядового состава поставлена задача по обслуживанию и ремонту военной техники. Командир отделения, который должен осуществлять контроль над военнослужащими, с места проведения работ отлучился (самоустранился). В результате бесконтрольности, «ребячества» и недисциплинированности военнослужащие, проводящие ремонтные работы, по неосторожности повреждают военное имущество, причиняя тем самым материальный ущерб воинской части. О том, в каком порядке и размере данный ущерб будет возмещен, и о том, что часть ущерба может остаться не возмещенной, мы уже упоминали ранее. А такие случаи могут иметь и печальный конец...

Постоянный контроль должен осуществляться над военнослужащими всех категорий. Каждый из них должен знать, что его деятельность находится под постоянным контролем руководителя и что за каждый его проступок неизбежно наступит наказание.

5. Проведение мероприятий воспитательного характера.

Ведя работу в данном направлении, в частности, необходимо учить военнослужащих бережно относиться к имуществу воинской части.

Таким образом, мы полагаем, что проблема профилактики причинения военнослужащими материального ущерба государству заслуживает большего внимания. Мы считаем, необходимо законодательно закрепить обязанность командиров воинских частей по проведению профилактических мероприятий, направленных на предупреждение фактов причинения военнослужащими ущерба государству в лице конкретного органа военного управления. Это можно сделать путем внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон или хотя бы издания ведомственных приказов. Но в любом случае, даже если таких изменений в действующее законодательство не будет внесено, полагаем, что командиры воинских частей обязаны проводить перечисленные профилактические мероприятия, так как указанные командиры являются руководителями, которые отвечают за финансово-хозяйственную деятельность воинской части, а следовательно, и за наличие в ней невозмещенного материального ущерба.

Библиографический список

1. *Ветров Н.И.* Криминологическая характеристика правонарушений молодежного возраста. – М., 1981.
2. *Военное право* : учеб. / под общ. ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. – М. : За права военнослужащих, 2004.

3. *Закалюк А.П.* Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. – М., 1986.
4. *Кудашкин А.В.* Материальная ответственность военнослужащих // Рос. юстиция. – 2000. – № 6. – С. 45 – 47.
5. *Оноколов Ю.П.* Административный надзор – необходимая часть системы профилактики правонарушений // Административное право и процесс. – 2014. – № 4. – С. 60 – 63.
6. *Самощенко И.С., Фарушкин М.К.* Ответственность по советскому законодательству. – М., 1971.

---

¹ Далее – воинские части.

² Далее – военнослужащие.

³ Далее – Федеральный закон.

⁴ *Закалюк А.П.* Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1986. С. 16.

⁵ *Ветров Н.И.* Криминологическая характеристика правонарушений молодежного возраста. М., 1981. С. 9.

⁶ *Оноколов Ю.П.* Административный надзор – необходимая часть системы профилактики правонарушений // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 60 – 63.

⁷ Военное право : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004.

⁸ *Самощенко И.С., Фарушкин М.К.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 8.

Лужин К.Н.,
преподаватель военной кафедры
при Российском государственном университете правосудия,
государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса,
kicunai@mail.ru

Аспекты эволюции взглядов на военные суды как органы правосудия в России до установления советской власти

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты эволюции взглядов на военные суды как органы правосудия в России до установления советской власти, а также основные этапы становления военных судов.

Ключевые слова: судебная власть, военные суды, военно-судебные органы, военное законодательство.

Luzhin K.N.,
prepodavately of military chairstateat the Russian state
University of justice state counselor of justice of the Russian Federation 2 class,
kicunai@mail.ru

Aspects of evolution views on military courts as the justice system in Russia before the establishment of Soviet power

The article discusses some aspects of the evolution of views on military courts as the justice system in Russia until the establishment of Soviet power, as well as the main stages of formation of military courts.

Key words: judiciary, military courts, military judiciary, military legislation.

Какие бы события не происходили в стране, –
во время войны и во время мира, в период покоя и в эпоху смуты, –
судебная власть остается неизменной:
врач лечит, учитель учит, судья судит.

*В.М. Гессен,
российский государственный
и политический деятель XIX – XX вв.*

При рассмотрении вопросов о военных судах необходимо уточнить, прежде всего, особенности судебной власти¹.

Главные отличия судебной власти от других ветвей власти состоят в консервативности, стремлении в максимальной степени сохранить уже выработанные теории и практикой положения. И.А. Ильин отмечал, что нормальное развитие власти, т. е. всех ветвей, предполагает не только государственность программы, но и то, что программа власти может включать в себя только осуществимые меры реформы².

Огосударствление судебной власти в различных правовых цивилизациях происходило различными путями и совершенно разными темпами, что относится в полной мере и к во-

енно-судебной системе. Мировой опыт деятельности военных судов различен: они существовали как в рамках единой судебной системы, так и в виде отдельно существующей военно-судебной системы. Военные суды существовали как на постоянной основе, так и на временной: создавались и функционировали только в определенный исторический период либо создавались для разрешения только конкретного дела.

В связи с изложенным вопрос о возможности или невозможности существования военно-судебных органов следует рассматривать во взаимосвязи с историей их становления и развития и значимостью их в правовой системе государства. В этом отношении мы разделяем в полной мере позицию М.Н. Марченко о том, что «вопрос будущего судейского права... и судебной практики как источника права необходимо решать не в изоляции от других социально-значимых явлений, институтов и учреждений, а в едином комплексе, в их взаимодействии друг с другом»³.

В становлении и развитии военно-судебной системы Российского государства, на наш взгляд, следует выделить следующие этапы.

Специальные органы правосудия практически возникли в первой четверти XVIII в., хотя в предшествующий период уже существовали определенные нормы поведения служивых людей как в мирное, так и в военное время и уже были установлены различные меры ответственности за их нарушение. Необходимо отметить, что представления о праве судьи, о преступлении и наказании, ответственности воинов, защищающих свое Отечество, за различного рода правонарушения складывались под непосредственным влиянием норм морали и нравственности, а также различных взглядов⁴. Защита нерушимости границ государства, жизни и здоровья соотечественников, их имущества считалась весьма почетной обязанностью и заслуживала уважения и похвалы, но и спрос с этих лиц за неблагодарные поступки был повышенный. Каких-либо процедурных правил привлечения воинов к ответственности не существовало, так как действовал принцип: возглавлявший войско решает и судьбу провинившегося. Все законодательные, исполнительные и судебные функции принадлежали князю, который одновременно был и военачальником, вследствие чего «право суда принадлежало ему и воеводам, а в народных ополчениях их начальникам – тысячникам. Кроме того, лица, входящие в состав этих ополчений, за нарушение своих обязанностей могли подлежать, как и все граждане, суду народного вече»⁵.

Первые уложения о суде содержатся в «Повести временных лет»⁶, а затем в Уставе князя Владимира Святославовича, принятом в начале XI в.⁷ Четкое выделение военной подсудности мы находим в ст. 149 Соборного уложения 1649 г., где указывалось, что все дела в отношении служивых людей подлежат суду воевод или назначаемых им полковых судей. По существу, до государственных преобразований Петра I судебная власть в войсках всецело принадлежала военному командованию⁸.

При разработке военного законодательства, обоснованного созданием регулярной армии, учитывался как собственный опыт, так и опыт европейских стран. Особо пристальное внимание привлекает «Уложение или право военного поведения», подготовленное в 1702 г. с учетом деятельности военно-судебных органов европейских стран под руководством генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметьева, а также «Краткой артикулы» генералиссимуса А.Д. Меншикова 1706 г. Важнейшим же актом, подробно определявшим судоустройство и судопроизводство в военных судах, стал Военный устав 1716 г. По существу, его можно рассматривать как первый военно-уголовный военно-процессуальный кодекс. Прежде всего, для уяснения сущности военного суда как органа правосудия отметим, что в Военном уставе 1716 г. прослеживается четкая тенденция отступления от существовавшего в армии принципа «кто управляет, тот и судит» и наметился совершенно новый подход – стремление к законодательному регулированию деятельности специальных органов правосудия,

действующих в вооруженных силах государства, – военных судов. Хотя отделения судебной власти от административной еще не было, командирам предоставлялись достаточно широкие права по формированию военного суда, утверждению решений военного суда, исполнению приговоров и т. д.⁹

В послепетровский период неоднократно предпринимались попытки усовершенствовать законодательство о судоустройстве и судопроизводстве не только в общих, но и в военных судах, для чего создавались различные комиссии. Однако реальных результатов так и не было достигнуто.

Наиболее существенный вклад в разработку теоретических проблем организации и деятельности военных судов был внесен разработчиками проекта Судебной реформы 1864 г. и последовавшей за ней военно-судебной реформы 1867 г. Следует особо отметить, что к проведению военно-судебной реформы привлекались не только представители армии, самих военно-судебных органов, но и представители общественности, научных учреждений. В этот период наметилась тенденция рассматривать военные суды как составную часть общей судебной системы государства, хотя они и имеют специфику в своей деятельности при осуществлении правосудия в условиях армии и флота, что требует специальной подготовки военных судей – профессионалов и разработки специального законодательства¹⁰.

С созданием Военно-юридической академии разработка военно-научных проблем приобрела масштабный характер. Появились две противоположные тенденции: 1) признание военного права как особой отрасли российского права¹¹; 2) отрицание такого понимания роли военного права¹². Дискуссия по этим вопросам продолжалась в последующие годы, которые можно рассматривать как период «контрреформ»¹³. Значительным вкладом в развитие науки уголовного процесса в целом и развитие представлений о военно-судебных учреждениях, их месте в судебной системе Российского государства и особенностях судоустройства и судопроизводства следует, на наш взгляд, считать издание специально созданной комиссией под руководством А.Ф. Поворинского полного систематического указателя юридической литературы по этим вопросам¹⁴. Следует отметить, что эти вопросы, как правило, в той или иной мере затрагивались в издаваемой учебной литературе¹⁵.

При анализе сущности военно-судебной системы недостаточно исследовать только Военно-судебный устав и Военно-морской устав, которые по своей сути являлись уголовно-процессуальными кодексами для военных судов, учрежденных в армии и на флоте. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в развитие этих основополагающих законов, регулирующих достаточно детально вопросы судопроизводства и судоустройства в военно-судебной системе, было разработано дополнительно более 30 законопроектов – в 1868 г. – Воинский устав о наказаниях, который можно приравнять к Закону об уголовной ответственности за воинские преступления; в 1869 г. – Дисциплинарный устав, в 1874 г. – Устав о воинской повинности и т. п., в которых также в той или иной мере содержались правовые нормы, имеющие прямое отношение к осуществлению правосудия военно-судебными органами¹⁶. Существенно были преобразованы и органы военной прокуратуры¹⁷.

Особого внимания заслуживает то, что Военно-судебный устав 1867 г. определял особенности организации и деятельности военных судов в военное время и в боевой обстановке¹⁸.

Указанные законодательные нормы применялись во время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В этот период значительно были расширены полномочия военного командования в уголовном процессе, а затем почти такие же права были предоставлены и генерал-губернаторам в целях реализации мер «к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», что дало основание рассматривать военные суды как органы репрессии с инакомыслящими, а также возможность значительного расширения подсудно-

сти им уголовных дел и рассмотрения уголовных дел в порядке, лишающем процессуальных гарантий лиц, преданных военному суду¹⁹. В связи с этим В.А. Соболевский справедливо указывал, что начальство нередко обращается к правосудию для того, чтобы «выместить свою злобу на солдате», и что «у самих судей преобладает общее убеждение, что военные судьи подчинены военным начальникам округов, что их могут третировать все высокие генералы наравне со всеми»²⁰.

Против практики передачи в подсудность военным судам уголовных дел о преступлениях гражданских лиц высказывался М.В. Духовской, считая это возможным лишь в экстраординарных условиях. Он также считал, что дела о преступлениях в военном быту нет необходимости рассматривать в военных судах, поскольку «основы военного быта просты, несложны и доступны для понимания если не каждого, то во всяком случае лиц, юридически образованных»²¹.

Существенные изменения взглядов о военно-судебных органах мы наблюдаем в период прихода к власти Временного правительства России, сразу же приступившего к созданию новых органов государственной власти, в том числе и судебных. Для этого было образовано юридическое совещание²².

Распоряжением от 7 марта 1917 г. «Об образовании временных судов в Петрограде» (а вскоре и на всей территории России) учреждались мировые суды. В состав такого суда включались «представитель армии и представитель рабочих»²³. Уже 20 марта 1917 г. постановлением Временного правительства устанавливались требования к кандидатам на судебные должности, всем прежним чиновникам было предложено «уйти по велению совести и по собственной инициативе или болезни в отставку», а 25 марта 1917 г. была образована Министерством юстиции Комиссия по восстановлению основных положений Судебных уставов 1864 г., на которую возлагалась задача «определить то судебное устройство, которое народом будет признано наилучшим»²⁴.

Однако эйфория первых дней прихода к власти вскоре прошла, условия безвластия, объявление полной амнистии, экономическая и политическая неопределенность способствовали разгулу преступности и даже разгрому судебных учреждений, в первую очередь военных (Главное военно-судное управление, Кронштадтский военно-морской суд и т. п.)²⁵. Руководители органов военной юстиции, особенно находящихся в составе фронтовых частей, настойчиво требовали преобразований во всей судебной системе, но прежде всего в военно-судебной. При этом предлагались различные меры: введение в состав военно-окружного суда временных членов в равном количестве солдат и офицеров; введение в состав полковых судов солдат для рассмотрения уголовных дел в отношении равных по должностному положению, с предоставлением права решать вопросы о вине и наказании; отмена смертной казни; смягчение суровых наказаний за воинские преступления; отмена военно-полевых судов; ограничение прав командования на утверждение приговоров военных судов; ограничение подсудности уголовных дел военным судам и даже ликвидация военной юстиции вообще.

В одном из донесений указывалось, что «подсудность всех преступлений военнослужащих военным судам представляет собой несомненный пережиток кастовой, обособленной организации армии, совершенно не соответствующей той народной армии, которую отныне будет иметь свободная Россия, и поэтому все граждане, в том числе входящие в состав армии, должны судиться за общеуголовные преступления в одних и тех же общих судах»²⁶.

Следует отметить, что к разработке предложений по реорганизации военно-судебной системы в новых, сложившихся к тому времени, условиях были привлечены преподаватели Александровской Военно-юридической академии, которые подготовили «Основные положения реформы военной юстиции»²⁷. В них указывалось, что «во все времена, у всех культур-

ных народов, при различных формах государственного устройства и способах комплектования армии военная юстиция существовала и существует как самостоятельный институт».

В обоснование данной позиции приводились такие аргументы:

1. Жизнь, быт, вопросы военной службы регулируются соответствующим военным законодательством, имеющим существенные особенности.

2. Для того чтобы понять внутреннее и внешнее содержание норм военного права, необходимо не только специальная профессиональная, но и психологическая подготовка, личное участие в жизни и в службе армии, ибо по книге нельзя ни обучить этому, не понять армию, в связи с чем судить в армии могут только военные, имеющие опыт военной службы.

3. Военная юстиция может быть только органом, поддерживающим и сохраняющим правопорядок в армии, установленный государством, и не должна быть органом политической борьбы и средством умаления или ограничения гражданских прав.

4. Отступления в судоустройстве и судопроизводстве в военных судах от начал, установленных для общих судов, могут быть допущены только в пределах, определяемых особенностями устройства армии, требованиями военной службы и воинской дисциплины.

5. Разрешение специфических воинских преступлений в обычном гражданском суде, в составе которого судьи не знают особенностей военного законодательства, специфики воинских правоотношений, жизни и быта армии, недопустимо.

Для обсуждения вопросов реорганизации органов военной юстиции в августе 1917 г. был образован и приступил к работе «Всероссийский Союз юристов, призванных на военную службу», основной целью которого, согласно утвержденному Уставу, было «внести в воинскую жизнь элементы правосознания и утвердить правопорядок»²⁸.

Участвовали в правотворчестве непосредственно и представители армейских коллективов. К примеру, при участии представителей действующей армии и флота и делегатов от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов специально созданной комиссией было разработано Положение о дисциплинарных судах, введенное в действие приказом по Военному ведомству № 213 от 1 апреля 1917 г. Дисциплинарный суд предназначался для рассмотрения дел о нарушениях солдатами порядка и дисциплины, не влекущих уголовной ответственности, а также для разбора различного рода недоразумений бытового характера.

Указанный суд был вправе налагать дисциплинарные взыскания, предусмотренные Уставом, включая дисциплинарный арест до пяти суток.

Дисциплинарный суд состоял из председателя – офицера и двух солдат основного состава и такого же представительства запасного состава, избираемых на общем собрании сроком на шесть месяцев.

На первом Всероссийском съезде офицерских депутатов, проводившемся 8 мая 1917 г., отмечалось, что дисциплинарные суды – это мера, ограничивающая преступную волю и произвол в армии, где в данный момент таких сдерживающих начал не имеется, и что принцип выборного начала в этих судах, где устранена единоличная дисциплинарная власть, вполне соответствует движению по пути демократических реформ²⁹.

Предпринимались попытки совершенствования деятельности и непосредственно военных судов. Так, в приказе по Военному ведомству № 336 от 6 июня 1917 г. объявлялось постановление Временного правительства России о новом судопроизводстве военно-окружных и корпусных судов: в их состав для рассмотрения уголовных дел вводились присяжные заседатели из числа офицеров и солдат в равном количестве: от каждого полка избиралось восемь офицеров и восемь солдат. В судебном заседании в качестве председателя участвовали один из военных судей штатного состава, военный прокурор либо его помощник и не менее восьми присяжных заседателей, а в районе боевых действий – не менее шести (в равном количестве представители офицерского и рядового состава).

Военные присяжные заседатели участвовали в рассмотрении уголовных дел по жребию, они выносили на основе исследованных в их присутствии доказательств немотивированный ответ на вопросы, поставленные на их разрешение, о виновности или невиновности подсудимого. После вынесения вердикта о виновности в совещательную комнату вместе с присяжными заседателями удалялся и председательствующий для решения вопроса о наказании виновного. Но он имел право только совещательного голоса, давая разъяснения о правилах назначения наказания, возможностях, предусмотренных законом, ужесточения наказания либо его смягчения. Решение принимали только присяжные заседатели большинством голосов.

В районах боевых действий такие суды рассматривали уголовные дела о преступлениях, совершенных как военнослужащими, так и гражданскими лицами.

Это были попытки демократизировать военные суды: введение присяжных, в том числе в равном количестве от солдат и офицеров, участие их по жребию. Однако ввиду громоздкости процедуры формирования скамьи присяжных заседателей, трудностей с их прибытием к месту заседания военного суда в тех конкретно-исторических условиях практика их работы не получила широкого распространения. Здесь уместно привести мнение по поводу этих судов генерала А.И. Деникина: «будучи убежденным сторонником института присяжных для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенного недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушений воинской дисциплины. Война – явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными»³⁰.

В борьбе с усилившейся анархией и неизбежным ростом преступности Временное правительство попыталось использовать и чрезвычайные органы – военно-полевые суды, что, однако, не спасло его от неизбежного краха, predetermined историей.

Библиографический список

1. Правосудие в современном мире : моногр. [Текст] / под ред. В.М. Лебедева, Т.Е. Хабриевой. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. – С. 97 – 145.
2. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации [Текст] / под ред. В.В. Ершова. – М. : РАП, 2011. – С. 53 – 80.
3. Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве [Текст] / И.А. Ильин. – М. : Хранитель, 2006. – С. 369.
4. Марченко, М.Н. Судебное производство и судейское право [Текст] / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2008. – С. 394.
5. Кронштадский, И. Христианская философия [Текст] / И. Кронштадский. – М., 1992. – С. 162 – 212.
6. Христианское учение о преступлении и наказании [Текст] / под ред. К.В. Харабета, А.А. Толкаченко. – М. : Норма, 2009.
7. Девятова, С.В. Христианство и наука [Текст] / С.В. Девятова. – М. : МНЭПУ, 1999.
8. Тер-Акопов, А.А. Христианство, государство, право. К 2000-летию христианства [Текст] / А.А. Тер-Акопов. – М. : МНЭПУ, 2000.
9. Зюбанов, Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / Ю.А. Зюбанов. – М., 2007.
10. Столетие военного министерства (1802 – 1902). – Т. 12. – Кн. 1. – СПб., 1902. – С. 5.
11. Юшков, С.С. История государства и права СССР [Текст] / С.С. Юшков. – М., 1961. – С. 85 – 87.
12. Буробин, В.Н. правовой статус военного судьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Н. Буробин. – М., 1996. – С. 8.

13. *Латкин, В.Н.* Лекции по внешней истории русского права: Московское государство – Российская империя [Текст] / В.Н. Латкин. – СПб., 1888.
14. *Зарудный, С.И.* Основы судебной реформы [Текст] / С.И. Зарудный. – М., 1891.
15. *Квачевский, А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г. [Текст] / А. Квачевский. – СПб., 1867.
16. *Шендзаковский, Н.А.* О военном суде в военное время [Текст] / Н.А. Шендзаковский. – СПб., 1892.
17. *Таганцев, Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву [Текст] / Н.С. Таганцев. – СПб., 1887 – 1892. – Вып. 1 – 4.
18. *Гессен, И.В.* Судебная реформа. В прошлом и настоящем [Текст] / И.В. Гессен. – М., 2007.
19. *Кистяковский, А.Д.* О значении судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия [Текст] / А.Д. Кистяковский. – Киев, 1870.
20. *Буцковский, Н.А.* Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года [Текст] / Н.А. Буцковский. – СПб., 1874.
21. *Виленский, Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России [Текст] / Б.В. Виленский. – Саратов, 1869.
22. *Головачев, А.А.* Десять лет реформ. 1861 – 1871 [Текст] / А.А. Головачев. – СПб., 1872.
23. *Случевский, В.К.* Учебник русского уголовного процесса [Текст] / В.К. Случевский. – СПб., 1910.
24. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. [Текст] / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1910.
25. *Познышев, С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса [Текст] / С.В. Познышев. – М., 1913.
26. *Фельдштейн, Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству [Текст] / Г.С. Фельдштейн. – М., 1915.
27. *Баишев, М.И.* Военно-судебные реформы (60-х – 70-х гг. XIX в.) [Текст] / М.И. Баишев. – М., 1955.
28. *Петухов, Н.А.* Деятельность военных судов России в особый период (в военное время и в боевой обстановке) [Текст] / Н.А. Петухов // Военная юстиция России: история и современность. – М., 2013. – С. 70 – 108.
29. *Чельцов-Бebutov, М.М.* Очерки по истории советского уголовно-процессуального права [Текст] / М.М. Чельцов-Бebutov. – М., 1957. – С. 8 – 11.
30. *Карев, Д.С.* Роль командования в советском военно-уголовном процессе [Текст] / Д.С. Карев // Труды ВЮА КА. – Вып. 4. – М., 1945.
31. *Кобликов, А.С.* Полномочия военного командования в уголовном процессе [Текст] / А.С. Кобликов. – М. : ВПА, 1962.
32. *Соболевский, В.А.* Правосудие и правопорядок в войсках [Текст] / В.А. Соболевский. – СПб., 1882. – С. 93, 453.
33. *Духовской, М.В.* Русский уголовный процесс [Текст] / М.В. Духовской. – М., 1908. – С. 435 – 441.
34. Сборник указов и постановлений Временного Правительства. – Пг., 1917. – Вып. 1. – Отд. VI. – С. 3.
35. Сила земли. – 1917. – 6 авг.
36. Армия и флот Свободной России. – 1917. – 14 мая.

---

¹ Правосудие в современном мире: моногр. / под ред. В.М. Лебедева, Т.Е. Хабриевой. М., 2012. С. 97 – 145; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации / под ред. В.В. Ершова. М., 2011. С. 53 – 80.

- ² Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 369.
- ³ Марченко М.Н. Судебное производство и судейское право. М., 2008. С. 394.
- ⁴ См. об этом подробнее: Кронштадский И. Христианская философия. М., 1992. С. 162 – 212; Христианское учение о преступлении и наказании / под ред. К.В. Харабета, А.А. Толкаченко. М., 2009; Девятова С.В. Христианство и наука. М., 1999; Тер-Акопов А.А. Христианство, государство, право. К 2000-летию христианства. М., 2000; Зюбанов Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2007.
- ⁵ Столетие военного министерства (1802 – 1902). Т. 12. Кн. 1. СПб., 1902. С. 5.
- ⁶ Юшков С.С. История государства и права СССР. М., 1961. С. 85 – 87.
- ⁷ 80 лет Верховному Суду Российской Федерации. М., 2003. С. 7.
- ⁸ Буробин В.Н. Правовой статус военного судьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 8.
- ⁹ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство – Российская империя. СПб., 1888.
- ¹⁰ Зарудный С.И. Основы судебной реформы. М., 1891; Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г. СПб., 1867.
- ¹¹ Шендзаковский Н.А. О военном суде в военное время. СПб., 1892; Его же. Военный суд: его защитники и разрушители. СПб., 1893.
- ¹² Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1887 – 1892. Вып. 1 – 4.
- ¹³ Гессен И.В. Судебная реформа. В прошлом и настоящем. М., 2007; Кистяковский А.Д. О значении судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия. Киев, 1870; Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874; Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1869; Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861 – 1871. СПб., 1872; Лекции по истории уголовного процесса России / под ред. И.В. Смольковой. Иркутск, 2010. С. 1 – 32; 376 – 397.
- ¹⁴ Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному: с начала прошлого столетия до 1 октября 1895 г. Т. 1. СПб., 1896; СПб., 1905.
- ¹⁵ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1910; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1910; Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915 и др.
- ¹⁶ Баишев М.И. Военно-судебные реформы (60-х – 70-х гг. XIX в.). М., 1955.
- ¹⁷ См. об этом: Загорский Г.И. Становление и развитие органов военной прокуратуры: основные исторические этапы // Военная юстиция России: история и современность. М., 2013. С. 199 – 204; Деркач А.А. Об истории органов военной прокуратуры // Там же. С. 205 – 228.
- ¹⁸ Петухов Н.А. Деятельность военных судов России в особый период (в военное время и в боевой обстановке) // Военная юстиция России: история и современность. С. 70 – 108.
- ¹⁹ Чельцов-Бебутов М.М. Очерки по истории советского уголовно-процессуального права. М., 1957. С. 8 – 11; Карев Д.С. Роль командования в советском военно-уголовном процессе // Труды ВЮА КА. Вып. 4. М., 1945; Кобликов А.С. Полномочия военного командования в уголовном процессе. М., 1962.
- ²⁰ Соболевский В.А. Правосудие и правопорядок в войсках. СПб., 1882. С. 93, 453.
- ²¹ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 435 – 441.
- ²² См. об этом: Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного Правительства и аппарат ее проведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 18 – 23; Науменко А.В.

Правовые основы организации и деятельности военно-судебных органов Временного Правительства России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

²³ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Пг., 1917. Вып. 1. Отд. VI. С. 3.

²⁴ Там же. Вып. 1. Отд. VI. С. 43.

²⁵ РГВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 19. Л. 8 – 10.

²⁶ РВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 33 – 34.

²⁷ РВИА. Ф. 9. Оп. 19/88. Ед. хр. 10. Л. 15 – 19.

²⁸ Сила земли. 1917. 6 авг.

²⁹ Армия и флот Свободной России. 1917. 14 мая.

³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 года. Париж ; Берлин, 1921 – 1924.

Николаев Ю.А.,
юрист, соискатель степени кандидата
юридических наук Военного университета,
ya.nikolaev73@yandex.ru

Некоторые аспекты совершенствования нормативной правовой базы по противодействию коррупции в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса

Аннотация: в статье исследуются и анализируются вопросы дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы по противодействию коррупции в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, военная техника, обороноспособность страны, безопасность государства, коррупция.

Nikolaev YU.A.,
lawyer, applicant degree of Candidate
of Military Sciences of the University,
ya.nikolaev73@yandex.ru

Some aspects of improving the normative legal framework for combating corruption in the sphere of the state defense order and development of the military-industrial complex

The article examines and analyzes the issues of further improvement of normative legal base on combating corruption in the sphere of the state defense order and development of the military-industrial complex.

Key words: state defense order, military equipment, the country's defense, state security and corruption.

Следует отметить, что в последнее время пришло понимание того, что коррупция в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса является прямой и явной угрозой национальной безопасности и обороноспособности России. В этой связи встает вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы с более широким и комплексным подходом к вопросу противодействия коррупции в этой сфере.

Проявления коррупции в жизни государства и общества значительно дифференцированы. Коррупции подвержены как сфера государственного управления, так и частный сектор.

В российском законодательстве понятие коррупции изложено в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где под коррупцией законодателем понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным ин-

тересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

В данном определении законодатель постарался дать исчерпывающий перечень незаконных действий, являющихся коррупцией, в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, т. е. получения исключительно материальных благ.

По мнению Р.В. Закомолдина, коррупция – это сложное социальное явление, имеющее различные формы проявления, которые не всегда очевидны. Было бы неверно понимать коррупцию лишь как совершение преступлений коррупционной направленности. Специалисты совершенно справедливо отмечают, что коррупция проявляется в целом спектре правонарушений. Это и преступления коррупционной направленности, и административные правонарушения, и дисциплинарные проступки, и гражданско-правовые деликты¹.

А.В. Кудашкин отмечает, что понимание коррупции только как совершения преступлений коррупционной направленности не соответствует реалиям коррупционной практики, что, в свою очередь, не способствует формированию эффективной системы противодействия ей. В этой связи коррупция проявляется: в совершении преступлений коррупционной направленности (хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп и т. д.); в совершении административных правонарушений (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие составы, предусмотренные КоАП РФ; в совершении дисциплинарных правонарушений, т. е. использовании своего статуса для получения некоторых преимуществ или уклонении от исполнения некоторых обязанностей по соблюдению антикоррупционных запретов и ограничений, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание; в совершении запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг государственному служащему третьими лицами и подобные деяния)².

Отсутствие единого мнения относительно определения коррупции и связанных с данным термином других понятий (коррупционное преступление, коррупционное правонарушение и др.) является одним из основных препятствий к созданию эффективного механизма борьбы с коррупцией³.

Тем не менее, несмотря на ряд трудностей и неразрешенных проблем, к настоящему времени удалось разработать комплексную систему мер противодействия преступлениям коррупционной направленности⁴.

Однако предпринимаемые со стороны государства усилия радикального изменения ситуации в сфере противодействия коррупции не повлекли. Развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей противодействие коррупции, осуществляется стремительными темпами, порой без необходимой проработки и проведения соответствующих научных исследований действительности и обоснованности принимаемых решений, без учета их влияния на регулируемые отношения и специфики правового статуса различных категорий субъектов антикоррупционных отношений⁵.

По мнению И.В. Кулешова, на сегодняшний день антикоррупционное законодательство в Российской Федерации применяется достаточно условно, мероприятия носят формальный характер, а система мер, реализуемая в отдельных органах власти, закономерно стала лишь дополнительным видом отчетности⁶.

Вышеизложенное позволяет выделить наиболее распространенные коррупционные проявления в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса, в основе которых заложена материальная выгода: хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения (перевод наиболее прибыльных производств и ценных активов дочерним предприятиям с последующим получением значительных прибылей уже не на основном предприятии с большой долей государственного участия, а на частном дочернем предприятии⁷), дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп, хищение и нецелевое использование бюджетных средств⁸, лоббирование интересов конкретных производителей комплексов и систем вооружения, военной и специальной техники.

Кроме того, можно выделить такие деяния, как протекционизм, фаворитизм и nepoтизм, которые также необходимо отнести к коррупционным деяниям. Указанные деяния не всегда имеют явно выраженную материальную заинтересованность; тем более, доказать такую заинтересованность практически невозможно. Видимо, по этой причине законодатель в своем определении коррупции не акцентировал на них внимание. Такого вида деяния нельзя напрямую отнести к уголовно и административно наказуемым правонарушениям, к дисциплинарным проступкам и гражданско-правовым деликтам. Они скорее относятся к морально-нравственной сфере личности, но при определенных условиях способны нанести значительный ущерб безопасности государства и обороноспособности страны (государственная измена, карьерный рост любимыми средствами и т. д.).

В.М. Корякин следующим образом определяет понятие коррупционного протекционизма и его разновидностей применительно к армейской среде. Коррупционный протекционизм есть подбор военнослужащих на воинские должности не по деловым и профессиональным качествам, а по знакомству, по блату, по протекции. Коррупционный фаворитизм – это положение, при котором военно-кадровая политика обуславливается влиянием любимцев, фаворитов. Коррупционный nepoтизм – служебное покровительство родственникам и своим людям⁹, так называемое «кумовство»¹⁰.

Первопричиной данного рода деяний является кадровая политика, проводимая высшими должностными лицами государственных заказчиков и организаций оборонно-промышленного комплекса. В итоге к руководству организаций и структурных подразделений приходят некомпетентные, слабо разбирающиеся в специфике производства кадры, вызывающая «цепную реакцию».

В своем послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации заявил: «Как прямой удар по национальной безопасности надо рассматривать нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований на государственный оборонный заказ, и работать по таким фактам так же серьезно и строго, как по пресечению финансирования терроризма»¹¹.

Позднее ряд депутатов Государственной Думы Российской Федерации выступили с инициативой о внесении поправки к УК РФ, которая существенно ужесточает ответственность за расхищение бюджетных средств. Авторы законопроекта предлагают ввести в законодательство новые составы преступлений – расхищение бюджетных средств и средств внебюджетных фондов – и наказывать за это в зависимости от тяжести содеянного на срок от десяти лет до пожизненного заключения¹².

Стремление депутатов радикальным способом пресечь растущую волну расхищений средств федерального бюджета и внебюджетных фондов выглядит на первый взгляд вполне логично.

Здесь обращает на себя внимание сообщение Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки на докладе Президенту Российской Федерации В.В. Путину 15 сентября 2014 г., согласно которому экономический ущерб от преступлений в сфере оборонно-про-

мышленного комплекса с начала года превысил 20 млрд руб. С января по август 2014 г. в общей сложности выявлено свыше 7 тыс. нарушений закона, в результате чего к дисциплинарной ответственности привлечены 800 виновных лиц и возбуждено более 300 дел об административных правонарушениях и 131 уголовное дело¹³.

По мнению автора, только ужесточением мер ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере государственного оборонного заказа и развития оборонно-промышленного комплекса¹⁴ данную проблему не решить, необходимо формировать комплексную, состоящую из различных мер, эффективную систему противодействия коррупции.

Принятие Федерального закона от 29 декабря 2013 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» не решило существующих проблем оборонно-промышленного комплекса. Условия, подчас вынуждающие к коррупционным действиям руководителей организаций оборонно-промышленного комплекса, сохранились. Приходится решать дилемму: или получение заказов любым путем вплоть до предоставления «откатов», или увольнение своих сотрудников в связи с неспособностью обеспечения их работой и достойной зарплатой¹⁵.

Кроме того, столь длительные сроки заключения могут послужить соблазном и явиться средством избавления от неудобных, имеющих собственный взгляд на существующие проблемы и пути их решения, руководителей предприятий оборонно-промышленного комплекса, а также от прямых конкурентов.

Применение такой меры наказания хотя бы к одному первому заместителю генерального директора – генеральному конструктору, отвечающему за целое направление перспективных систем и комплексов вооружений, способно нанести непоправимый урон обороноспособности страны.

Также необходимо учесть, что характерной особенностью коррупционной преступности является ее высокая латентность¹⁶. Учеными отмечается, что латентная преступность в России превышает зарегистрированную в 3 – 5 раз¹⁷. Следовательно, только небольшой процент лиц, виновных в коррупционных преступлениях, несут реальную ответственность.

Таким образом, в ходе работы, направленной на совершенствование нормативной правовой базы в сфере противодействия коррупции, акцент должен быть сделан на мерах контроля и надзора, а также на мерах предупреждения и профилактики преступлений коррупционной направленности.

К указанным мерам можно отнести:

1. Совершенствование системы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов органами прокуратуры Российской Федерации. Необходимо разработать комплекс критериев экспертизы: срок исследования, что конкретно исследуется, на предмет каких коррупционных возможностей проводится экспертиза.

2. Создание вертикали прокурорского надзора на уровне Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наделенной соответствующими полномочиями по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах оборонно-промышленного комплекса.

3. Обязательный мониторинг должностей, в наибольшей степени подверженных риску коррупции. Критериями обязательного мониторинга должностей, в наибольшей степени подверженных риску коррупции, могут быть:

- оценка наличия самой возможности совершения лицом, занимающим определенную должность, действий, ведущих или способных привести к конфликту интересов;
- оценка потенциально возможного размера ущерба (например: незначительный, средний, в особо крупном размере) при совершении лицом, занимающим определенную должность, коррупционного преступления;
- оценка степени доступности и открытости сведений о деятельности и принимаемых решениях лица, занимающего определенную должность;

– оценка знаний соответствующими подразделениями организации антикоррупционного законодательства.

4. Создание межведомственных экспертных сообществ, способных проводить комплексные и квалифицированные экспертизы эффективности предлагаемых научно-технических, организационных, экономических и других решений, направленных на создание систем и комплексов вооружений в интересах государства.

Библиографический список

1. *Алешин, В., Елюшкин, В.* Коррупционные риски в ОПК сохраняются [Текст] / В. Алешин, В. Елюшкин // Военно-промышленный курьер. – 2013. – № 27 (495).
2. *Дамаскин, О.В.* Коррупция: состояние, причины, противодействие [Текст] : моногр. / О.В. Дамаскин. – М. : Триумфальная арка, 2009.
3. *Зайков, Д.Е.* Законность и обоснованность распространения на работников военных организаций ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных гражданских служащих, под вопросом [Текст] / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 7.
4. *Закомолдин, Р.В.* Служебные преступления [Текст] : учеб. пособие / Р.В. Закомолдин; Самар. гуманитар. акад. – Самара, 2013.
5. *Корякин, В.М.* Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия [Текст] : моногр. / В.М. Корякин. – М. : За права военнослужащих, 2009.
6. *Кудашкин, А.В.* Антикоррупционная экспертиза: теория и практика [Электронный ресурс] / А.В. Кудашкин. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Кулешов, И.В.* Система мер по противодействию коррупции в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Текст] / И.В. Кулешов // Науч. вестн. Уральской академии государственной службы. – 2011. – Вып. № 4 (17).

¹ *Закомолдин Р.В.* Служебные преступления : учеб. пособие. Самара, 2013. С. 105 – 108.

² *Кудашкин А.В.* Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : науч.-практ. пособие. М., 2012.

³ *Корякин В.М.* Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: моногр. М., 2009. С. 13.

⁴ Ее основу составляют: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”»; Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы»; Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 2012 г. № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012 – 2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции»; Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 – 2015 годы»; Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» (вместе с Типовым положением о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, Типовым положением о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, Типовым положением об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений).

³ См., напр.: *Зайков Д.Е.* Законность и обоснованность распространения на работников военных организаций ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных гражданских служащих, под вопросом // *Право в Вооруженных Силах*. 2013. № 7. С. 102 – 107; *Его же.* Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! // Там же. 2014. № 1. С. 2 – 9.

⁶ *Кудшов И.В.* Система мер по противодействию коррупции в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Науч. вестн. Уральского академии государственной службы*. 2011. Вып. № 4 (17).

⁷ Российская «оборонка»: кому это НАТО? [Электронный ресурс]. URL: <http://abos.ru/?p=26306> (дата обращения: 30.10.2015).

⁸ В ходе традиционной встречи с руководством Минобороны, командующими родами и видами войск и с ведущими конструкторами оборонных предприятий президенту доложили: оказывается, по некоторым позициям цены на заказанные оборонно-промышленному комплексу (ОПК) вооружения и военную технику (ВВТ) с момента начала работ выросли аж в 11 раз! [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-07-17/1_rubl.html (дата обращения: 01.11.2015).

⁹ Со времени преобразования ФГУП «Московский НИИ приборостроения» в ОАО «Концерн «Вега»» руководителем и главным конструктором предприятия является почетный радист и заслуженный деятель науки Российской Федерации Владимир Верба. А с 2008 г. работает в концерне и его дочь – Елена Верба. Она возглавляет главное коммерческое структурное подразделение концерна – «Торговый дом Вега». Юридически торговый дом существует на правах самостоятельного отдела маркетинга и продаж в ОАО «Инженерно-маркетинговый центр концерна “Вега”» (ИМЦ «Вега» – 100-процентная «дочка» госкомпании). В 2011 г. под руководством Елены Вербы от торговых операций компания получила убыток в размере 93,6 млн руб. СМИ: в оборонном концерне вскрылись «факты кумовства» (URL: <http://polit.ru/news/2013/04/30/of/> (дата обращения: 30.10.2015).

¹⁰ *Корякин В.М.* Указ. соч. С. 284, 290, 292.

¹¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.

¹² *Козлов В.* Расхищение и наказание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2764169> (дата обращения: 02.11.2015).

¹³ Ущерб от преступлений в сфере ОПК превысил 20 миллиардов рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/15/defence/> (дата обращения: 05.11.2015).

¹⁴ Следует указать, что с 1 июля 2014 г. вступили в силу изменения в КоАП РФ, предусматривающие дисквалификацию должностного лица на срок до трех лет за грубое нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу (Федеральный закон от 2 декабря 2013 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»).

¹⁵ *Алешин В., Елюшкин В.* Коррупционные риски в ОПК сохраняются // *Военно-промышленный курьер*. 2013. № 27 (495).

¹⁶ *Дамаскин О.В.* Коррупция: состояние, причины, противодействие : моногр. М., 2009. С. 16.

¹⁷ *Криминология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.В. Симоненко [и др.]; под ред. С.М. Иншакова, А.В. Симоненко.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 39.

Овчаров О.А.,
кандидат юридических наук,
кафедра военной администрации,
административного и финансового права
Военного университета Министерства
обороны Российской Федерации,
o.oleg.1968@mail.ru

Содержание правовой работы в области обороны: вопросы совершенствования

Аннотация: в статье кратко рассмотрены и проанализированы история возникновения и развития правовой работы, законодательства о правовой работе, в том числе и в военной организации государства, показано влияние содержания правовой работы на состояние обороны страны, выделены внутреннее и внешнее содержание правовой работы.

Ключевые слова: правовая работа, право, правовое средство, оборона.

Ovcharov O.A.,
candidate of Law, chair of the military administration,
the administrative and financial rights
of the Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation, o.oleg.1968@mail.ru

The content of legal work in the field of defense: issues of improving

The article briefly reviewed and analyzed the history and development of the legal work, legislation on legal work, including and the state military organization, shows the influence of the content of the legal work on state defense, allocated internal and external maintenance of legal work.

Key words: legal work, law, legal means, defense.

Конституционным основанием, предопределяющим необходимость осуществления в государстве правовой работы и указывающим объем содержания этой работы, является ст. 1 Конституции Российской Федерации, устанавливающая, что Россия есть правовое государство. Для того чтобы соответствовать этому требованию, государство должно вести планомерную и упорную работу в данном направлении. Такая работа уполномоченных органов или должностных лиц и называется правовой.

Правовая работа представляет собой уникальное социальное явление по упорядочению совместной деятельности людей в направлении достижения ими общего блага, различных социально полезных целей, в том числе и в области обороны государства. Явление это очень емкое, а потому сложное для понимания и проведения четких понятийных его границ. Вместе с тем, правовая работа требует глубокого и всестороннего изучения, поскольку занимает исключительно важное место в государственном строительстве, организации обороны и безопасности страны. Ведь именно от состояния правовой работы зависит качество и законодательства, и четкого его применения, качество всего государственного правового механизма и бесперебойность его работы по объединению, слаженности усилий

общества и достижению благих целей государства. Без правовой работы ни государство, ни полноценное существование общества немислимы. Государство и право обязаны своему существованию именно правовой работе, в результате которой они и создаются, и совершенствуются.

Под правовой работой принято понимать специфическую деятельность людей в области права. Но не просто деятельность, а совместный слаженный труд, направленный на достижение конкретных целей или решение возникающих перед обществом (либо коллективом людей) задач. Особенностью этого труда являются правовые средства, создавая и применяя которые люди и стараются достигать эти общепользные цели, облегчать, улучшать и благоукрашать свою жизнь, повышать уровень государственного и своего благосостояния, как материального, так и духовного, укреплять оборону, боеготовность частей и подразделений.

Деятельность, связанная с созданием правовых норм и претворением их в жизнь, укреплением правосознания, а также с управлением обществом и государством посредством права, обязательных для граждан предписаний, осуществлялась на Руси с давних времен. Представляет определенный интерес сохранившаяся в истории оценка качества проводимой в то время правовой работы глазами зарубежных обозревателей.

Как сообщал в XVII в. курляндский дворянин Яков Рейтенфельс, по принятии христианства Владимир первый написал законы, и с тех пор, по мере того как являлась надобность, вновь составлялись последующими царями новые весьма полезные законы. Сравнительно правовую работу, проводимую на Руси, Рейтенфельс выделяет ее достоинства, отмечая, что на Руси не допускают того, «чтобы ходатаи по делам – которых они никак не терпят – обращались бы легкомысленно с законными правами и имуществом граждан в бесконечных тяжбах, что почти по всей Европе служит основанием великого бедствия. У москхов действительно без всякой лишней траты слов и времени – т. к. никакие споры законников не допускаются – в час времени разбираются запутаннейшие жалобы и тяжбы, которые в другой стране тянулись бы целое столетие»¹.

Другой иностранец – итальянский историк Иовий (1485 – 1552) так отзывался о достоинствах правовой работы, осуществляемой на Руси в средние века: «Московия управляется самыми простыми законами, основанными на правосудии Государя и беспристрастии его сановников и, следовательно, весьма благодетельными, ибо смысл оных не может быть искажен и перетолкован хитростью и корыстолюбием судей»².

Английский писатель XVI в. Адам Климент отмечал: «У русских нет величайшего из республиканских зол – законников, а каждый сам за себя адвокат, и жалоба обвинителя, равно как и опровержение противника, в форме прошений представляется Князю для решения»³.

Шведский резидент в Москве (1647 – 1650) Карл Поммеренинг так характеризовал наблюдаемую им правовую работу на Руси: «Его Царское Величество ежедневно работает сам со своими сотрудниками над тем, чтобы устроить хорошие порядки, дабы народ, насколько возможно, был удовлетворен... Здесь работают все еще прилежно над тем, чтобы простолюдины и прочие удовлетворены были хорошими законами и свободою»⁴.

Как видно из приведенных мнений иностранцев о содержании и качественном состоянии правовой работы в России, этой работе в целом дается положительная оценка, а в отдельных случаях подчеркивается и ее явное превосходство перед аналогичной деятельностью в западных государствах. Следует в первую очередь отметить, что правовая работа неразрывно связана с правовой системой государства, определяет ее и в то же время определяется ею. В определенном смысле право – это результат правовой работы, и в то же время правовая работа организовывается и ведется исходя из действующей в государстве системы права, его внутреннего содержания.

Содержание правовой работы, ее направленность, организационные формы и объем во многом определяются целями и задачами того ведомства, организации, органа управления, в которых она осуществляется. Для Министерства обороны Российской Федерации это, прежде всего, организация обороны государства и обеспечение надежной защиты Отечества от военных угроз. Под эти главные цели должна выстраиваться вся деятельность не только Министерство обороны Российской Федерации, но и других ведомств, с этой деятельностью в той или иной степени связанных.

По мнению Б.И. Пугинского и О.Г. Неверова, в современных условиях содержание правовой работы образуют два (ведущих и определяющих все остальные) аспекта, через которые ими и определяется правовая работа как *осуществляемая в организации система мер по исполнению законодательных предписаний и запретов и применению правовых средств для решения хозяйственных и иных задач*⁵.

Представляет особый интерес и заслуживает повышенного внимательного исследования приводимый по рассматриваемому вопросу в научной литературе некоторыми авторами более многоплановый подход, согласно которому правовая работа по своему содержанию носит универсальный характер, так как охватывает собой все стороны деятельности организаций, пронизывает все сферы правовой действительности: нормотворчество и правореализацию, анализ практики применения текущего законодательства и правовое воспитание⁶. Подобный подход наиболее полно раскрывает содержательный элемент правовой работы. Здесь уже обнаруживается взгляд на правовую работу не с позиции организации или отрасли народного хозяйства – проблема рассматривается в масштабах всего государства.

Вместе с тем, правовое воспитание следует поставить на первое место, так как оно, как выше указывалось, формирует и укрепляет правосознание, на фундаменте которого и осуществляется и нормотворчество, и правореализация, и анализ практики применения текущего законодательства в различных областях человеческой деятельности, а по сути, выстраивается вся правовая работа. Правовое воспитание представляет собой, таким образом, внутреннее содержание правовой работы, направленное на повышение уровня правосознания и правовой культуры должностных лиц и рядовых граждан, которые с помощью этого правосознания и осуществляют правотворчество и правоприменение, что представляет собой уже внешнее содержание правовой работы. Чем выше уровень правосознательной деятельности, уровень правосознания, тем выше уровень и качество правотворчества и правоприменения, а значит, всей правовой работы в целом.

Первоначальным актом именно о правовой работе явилось принятое 30 июля 1970 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», в котором впервые употребляются термины «правовая работа» и «методическое руководство правовой работой». Более того, *в целях осуществления методического руководства правовой работой* в народном хозяйстве в соответствии с п. 2 названного Постановления были образованы Министерство юстиции СССР, а также министерства юстиции союзных и автономных республик⁷.

Таким образом, министерства юстиции и Советского Союза, и его республик обязаны своим появлением на свет правовой работе, точнее, необходимости осуществления методического руководства правовой работой в народном хозяйстве. Данный факт свидетельствует о понимании на самом высоком государственном уровне того огромного значения, которое имеет правовая работа в государстве в целом и в народном хозяйстве в частности.

Следующим актом, вышедшим вслед за вышеназванным и имеющим не менее важное значение (в деле совершенствования правовой работы), является Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 г. № 1025 «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве»⁸. В этом документе правовая работа выведена на первый план и

появляется уже в самом названии правового документа, в котором, в частности, была отмечена необходимость принятия партийными органами и органами исполнительной власти мер по повышению уровня правовой работы и строгому соблюдению законности в деятельности предприятий и организаций, более широкому использованию правовых средств для успешного решения задач по повышению экономической эффективности общественного производства.

Как видно из названного Постановления, повышение уровня правовой работы в начале семидесятих годов прошлого столетия, на заре юридического оформления правовой работы, законодатели усматривали и полагали достигнуть, прежде всего, в двух главных направлениях деятельности управленческих органов страны – в укреплении законности и в расширении и активном использовании правовых средств для успешного решения задач производства (улучшения экономических показателей).

Кроме того, Постановление от 23 декабря 1970 г. № 1025 (в развитие и дополнение, по сути, ранее изданного Постановления – установившего органы, осуществляющие методическое руководство правовой работой) закрепило формы осуществления Министерством юстиции СССР методического руководства правовой работой: министерство знакомится с состоянием правовой работы в министерствах, ведомствах, на предприятиях и в организациях, изучает и обобщает практику постановки правовой работы, ее эффективность и дает рекомендации по ее улучшению.

Далее, несколько позже, в развитие вышеуказанных норм о правовой работе и органах, осуществляющих методическое руководство ею, Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1972 г. № 194 утверждается Положение о Министерстве юстиции СССР⁹, в котором более полно и конкретно определялись формы методического руководства правовой работой, осуществляемого Министерством юстиции СССР: ознакомление с состоянием этой работы в министерствах, ведомствах, на предприятиях; заслушивание сообщений представителей министерств и ведомств о состоянии правовой работы; разработка методических указаний и рекомендаций по улучшению правовой работы; изучение и обобщение практики постановки правовой работы; распространение положительного опыта работы юрисконсультов.

Таким образом, постепенно правовая работа и методическое руководство ею наполняется все более и более конкретным содержанием деятельности тех или иных должностных лиц. Как видно, вся эта деятельность нацелена на совершенствование и неуклонное улучшение работы в целом всего правового механизма государства в направлении достижения главных целей и задач государственного строительства.

Вслед за Постановлением, утвердившим Положение о Министерстве юстиции СССР, был определен правовой статус другого важного субъекта правовой работы – юридической службы. Своим Постановлением от 22 июня 1972 г. № 467 Совет Министров СССР утвердил первое союзное Общее положение о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения¹⁰, в соответствии с которым для проведения правовой работы в министерстве (ведомстве) СССР, союзной, автономной республики, исполнительном комитете краевого, областного, городского, районного Совета депутатов трудящихся, на предприятии, в организации, учреждении в зависимости от объема, характера и сложности работы создается, как правило, в качестве самостоятельного структурного подразделения юридический отдел (бюро) или вводятся должности главного юрисконсульта, старшего юрисконсульта, юрисконсульта.

Постановление от 22 июня 1972 г. № 467 – первый документ общесоюзного значения, регламентирующий деятельность юридической службы для всех государственных орга-

нов и организаций, который до настоящего времени сохраняет свою юридическую силу. Таким образом, выстраивалась иерархия специальных субъектов правовой работы: на союзном и республиканском уровне методическое руководство ею и общую координацию осуществляли соответствующие министерства юстиции, а на более низких уровнях, на местах – подразделения юридической службы.

Вскоре после утверждения Общего положения в союзных республиках были утверждены аналогичные положения. В частности, Постановлением Совета Министров РСФСР от 12 сентября 1972 г. № 584 было утверждено Положение о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся¹¹.

Необходимо отметить, что составной частью законодательства о правовой работе являлись одно время также и законы СССР. Прежде всего, следует назвать Закон СССР о Совете Министров СССР¹², в ст. 13 которого устанавливались полномочия Совета Министров СССР по обеспечению соблюдения законодательства министерствами и госкомитетами СССР, другими подведомственными ему организациями; определению основных направлений правовой работы в органах государственного управления, на предприятиях, в объединениях и др.

Это уже большой шаг в направлении совершенствования правовой работы, которая с уровня министерства юстиции выходит на более высокий уровень – Совета Министров СССР, в полномочия которого законодательно вносится обязанность по определению основных направлений правовой работы в стране.

Кроме Совета Министров СССР, на который было возложено, по сути, общее руководство правовой работой, руководство этой работой, но уже более конкретное, было возложено также и на краевые, областные Советы народных депутатов. В соответствии с п. 1 ст. 20 Закона СССР от 25 июня 1980 г. № 2351-Х «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов»¹³ краевой, областной Совет народных депутатов принимает меры по совершенствованию правовой работы, осуществляет руководство этой работой на предприятиях, в учреждениях и организациях краевого, областного подчинения, организует разъяснение законодательства и оказание юридической помощи населению.

Таким образом, постепенно правовая работа выходит на первый план, регламентируется законами СССР, а также законодательно обретает специальных субъектов своей деятельности (министерства юстиции, подразделения юридической службы), а затем и главных субъектов (Совет Министров СССР, Советы народных депутатов).

Изданные в девяностых годах прошлого столетия Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4174-1 «О Совете Министров – Правительстве Российской Федерации», а также принятый после него Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» уже подобных требований по вопросам правовой работы не содержат.

Как видно из вышеизложенного, в 70-х и 80-х гг. XX в. правовой работе и ее улучшению уделялось большое внимание, причем на самом высоком уровне. Как справедливо отмечают ряд авторов, в результате анализа законодательства о правовой работе этого периода можно сделать некоторые важные выводы, касающиеся его содержания. Во-первых, во всех перечисленных актах употребляется термин «правовая работа», однако ни в одном из них не содержится определения данного понятия. Иными словами, определение правовой работы не получило своего законодательного закрепления¹⁴. Во-вторых, ни один из анализируемых актов не определяет хотя бы общий перечень субъектов, призванных осуществлять правовую работу (за исключением Общего положения о юридическом отделе). В-третьих,

в анализируемых актах не закреплены основные направления, по которым ведется правовая работа, ее главные задачи (цели)¹⁵.

Вскоре после перехода к рыночным отношениям в экономике России (в начале 90-х гг. прошлого столетия), произошедших в результате этого преобразований во всех сферах общественной жизни, практически полной переработки всей законодательной базы вопросы правовой работы «выпали» из внимания органов государственного управления и на общедоинтересном уровне с конца 80-х гг. прошлого столетия по 2001 г. никаких нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы правовой работы, практически не издавалось.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в целом по стране в 90-х гг. XX в. интерес к правовой работе упал, в Вооруженных Силах Российской Федерации в этот период шла активная работа по подготовке специалистов этого профиля и укреплению структуры юридической службы. Были введены юридические должности в штаты дивизий (с 1989 г.), полков (с 1994 г.), в Уставе гарнизонной и караульной служб, утвержденном Указом Президента Российской Федерации в 1993 г., впервые предусматривается среди руководства гарнизона должность помощника начальника гарнизона по правовой работе с перечислением обязанностей по этой должности, при Военном университете в середине 90-х гг. был создан специальный факультет по подготовке специалистов в области правовой работы для войск и увеличивается объем преподавания дисциплины «Правовая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации» (до 22 тем, в которых подробно изучаются все основные направления правовой работы).

Во второй половине 90-х гг. был издан ряд приказов и директив министра обороны Российской Федерации по отдельным вопросам правовой работы. В частности, приказом министра обороны Российской Федерации 1998 г. № 100 утверждено новое Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации, в 1999 г. издан приказ министра обороны Российской Федерации № 333 о правовом обучении, директива министра обороны Российской Федерации № Д-6 о правовых минимумах, приказ министра обороны Российской Федерации 2001 г. № 10 «Об утверждении Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» и др. Данные правовые документы свидетельствуют о том, что военное ведомство по-прежнему старается управлять правовой работой, совершенствовать ее и тем самым совершенствовать организацию обороны страны.

Таким образом, несмотря на то, что государство на общедоинтересном уровне уже более двух десятков лет не осуществляет управления в сфере правовой работы, не занимается системно ее совершенствованием, такая работа продолжает самостоятельно осуществляться и развиваться в отдельных государственных ведомствах, в частности в Министерстве обороны Российской Федерации, что свидетельствует о ее востребованности и жизненной необходимости для полноценного функционирования организаций в условиях постоянно меняющегося и расширяющегося правового пространства, динамично развивающихся правоотношений, что ставит вопрос о возвращении правовой работы, ее системного совершенствования на общедоинтересный уровень в интересах всей страны и ее обороны.

Библиографический список

1. Организация правовой работы в народном хозяйстве / А.А. Бикеев [и др.]. – Казань, 1988. – 279 с.
2. Пугинский, Б.И., Неверов, О.Г. Правовая работа. – М. : Зерцало-М, 2004. – 324 с.
3. Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век / сост. Р. Балакшин. – М. : Сретенский монастырь, 2004. – 521 с.

4. Солдатова, В.И. Законодательство о правовой работе: проблемы совершенствования. – М. : ВНИИ советского законодательства, 1987. – 191 с.

5. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – 1898. – Кн. 1. – 612 с.

¹ Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. / сост. Р. Балакшин. М., 2004. С. 379, 381.

² Библиотека иностранных писателей о России. 1836. № 1. С. 47.

³ См. об этом: Журн. министерства народного просвещения. 1838. № 10. С. 59.

⁴ Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1898. Кн. 1. С. 428 – 429.

⁵ Пугинский Б.И., Неверов О.Г. Правовая работа. М., 2004. С. 14, 18, 21.

⁶ Организация правовой работы в народном хозяйстве / А.А. Бикеев [и др.]. Казань, 1988. С. 11.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 11. С. 551.

⁸ СП СССР. 1971. № 1. Ст. 1.

⁹ Там же. 1972. № 6. Ст. 32.

¹⁰ Там же. № 13. – Ст. 70.

¹¹ СП РСФСР. 1972. № 16. Ст. 99.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 28. Ст. 436.

¹³ Там же. 1980. № 27. Ст. 526.

¹⁴ См., напр.: Пугинский Б.И., Неверов О.Г. Правовая работа. С. 12.

¹⁵ Солдатова В.И. Законодательство о правовой работе: проблемы совершенствования. М., 1987. С. 12.

Плотников Д.М.,
старший преподаватель кафедры
управления повседневной деятельностью войск
Военного университета,
кандидат экономических наук, подполковник;
Коробков В.С.,
преподаватель Военного университета, майор

Актуальные вопросы обеспечения правопорядка органами военной полиции¹

Аннотация: в статье на основе анализа Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации обоснованы направления совершенствования его положений, связанные с пресечением фактов неправомерного ношения военной формы одежды. Кроме того, предложены изменения в КоАП РФ, направленные на предоставление должностным лицам военной полиции права на привлечение лиц, неправомерно носящих военную форму одежды, к административной ответственности.

Ключевые слова: военная форма одежды, военнослужащий, военная полиция, патрульная служба, документ, удостоверяющий личность и правовое положение военнослужащего, административная ответственность.

Plotnikov D.M.,
senior lecturer in management of daily operations troops
of the Military University, Ph.D., Lieutenant Colonel;
Korobkov V.S.,
lecturer in management of daily operations troops
of the Military University, Major

Topical issues of law order provision by the Military Police bodies

The article is based on the Analysis of the Charter of the Military Police of the Russian Federation Armed Forces and it supports areas of improvement of its provision connected with prevention of improper uniform wear. Besides, it suggests modifications of Russian Federation Administrative Offense Code directed on granting the Military Police executives the right of imposition of administrative sanctions on the persons who improperly wear military uniform.

Key words: military uniform, military man, Military Police, patrol duty, ID and legal status of a military man, administrative sanctions.

Военная форма одежды всегда являлась для русского воинства особым предметом гордости и почитания. В настоящее время, будучи обязательным атрибутом военной службы, военная форма одежды позволяет определять принадлежность человека к Вооруженным Силам Российской Федерации.

Военная форма одежды является унифицированным по существенным внешним признакам комплектом военной одежды и военной обуви (обмундирования), а также военного снаряжения, предназначенного для ношения военнослужащими².

Право (так же как обязанность) ношения военной формы одежды предоставлено только военнослужащим³.

Однако бывают случаи, когда данным правом злоупотребляют лица, не имеющие отношения к военной службе, в том числе из корыстных побуждений. В средствах массовой информации неоднократно освещались случаи использования мошенниками военной формы одежды для создания доверительных отношений с патриотично настроенными гражданами⁴. Злоупотребляют военной формой одежды и попрошайки на улицах наших городов⁵.

Борьбу с вышеуказанными категориями лиц, незаконно присвоившими себе право ношения военной формы одежды, до недавнего времени вели только правоохранительные органы. Однако в настоящее время данное направление деятельности может быть усилено за счет включения в нее военной полиции.

Так, в соответствии с Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Устав) одним из предназначений военной полиции является защита прав военнослужащих, а также противодействие преступности и защита других охраняемых законом правоотношений в области обороны⁶.

На основании изложенного военная полиция должна принимать меры по защите исключительного права военнослужащего на ношение военной формы одежды и противодействовать правонарушениям, совершаемым с незаконным использованием военной формы одежды.

В настоящее время военная полиция наделена большими полномочиями по поддержанию законности и правопорядка как в Вооруженных Силах Российской Федерации, так и в районе ответственности территориального органа военной полиции.

Так, на основании приказа начальника отдела военной полиции – территориального органа военной полиции, действующего, как правило, в пределах территориального гарнизона, для обеспечения правопорядка и противодействия преступности среди военнослужащих организуется патрульная служба, которая уполномочена вести патрулирование на улицах, площадях и стадионах, в скверах и парках, на транспортных магистралях и вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах, других общественных местах, т. е. как раз в тех пунктах, где недобропорядочные граждане активно используют из корыстных побуждений военную форму одежды⁷.

Таким образом, наряд патрульной службы военной полиции при осуществлении своей деятельности способен выявлять лиц, неправомерно носящих военную форму одежды.

Начальник патруля, исходя из требований закона о предоставлении права ношения военной формы одежды только военнослужащим, изначально имеет право принять любого гражданина, носящего элементы военной формы одежды, за военнослужащего и проверить у него документы, удостоверяющие личность. В случае если у военнослужащего отсутствует документ, удостоверяющий личность, начальник патруля наделен полномочиями по задержанию данного военнослужащего и доставлению его в отдел военной полиции.

Однако, по нашему мнению, в данной норме Устава имеется определенный пробел, так как документами, удостоверяющими личность на территории Российской Федерации, помимо удостоверения личности военнослужащего Российской Федерации и военного билета солдата, матроса, сержанта, старшины, прапорщика и мичмана, являются:

- паспорт гражданина Российской Федерации⁸;
- временное удостоверение личности⁹.

Таким образом, мошенник, незаконно носящий военную форму одежды, предъявив начальнику патруля военной полиции паспорт гражданина Российской Федерации, не может быть задержан последним.

Данная норма Устава требует уточнения.

Представляется, что при проверке документов у человека, одетого в военную форму одежды, начальник патруля в первую очередь должен убедиться в принадлежности проверяемого к числу военнослужащих.

В настоящее время документами, удостоверяющими личность и правовое положение военнослужащих, являются:

– у офицеров, прапорщиков и мичманов – удостоверение личности военнослужащего Российской Федерации¹⁰;

– у солдат, матросов, сержантов, старшин – военный билет солдата, матроса, сержанта, старшины, прапорщика и мичмана¹¹.

Таким образом, предлагается следующая редакция п. 4 ст. 76 Устава: «задерживать и незамедлительно доставлять в отдел военной полиции лиц в военной форме одежды: при отсутствии документов, удостоверяющих личность и правовое положение военнослужащих, предусмотренных законодательством...».

Аналогичные изменения, касающиеся документов, удостоверяющих личность военнослужащего, необходимо внести в пп. 3, 4 ст. 21, п. 2 ст. 24, п. 3 ст. 76, п. 2 ст. 77, п. 5 ст. 265, п. 2 ст. 285, п. 2 ст. 286 Устава.

Такая трактовка положений Устава позволит военной полиции задерживать граждан, незаконно носящих военную форму одежды, и доставлять их в отдел военной полиции.

После доставления в отдел военной полиции, при невозможности в течение трех часов установить личность задержанного, начальник отдела военной полиции обязан сообщить об этом военному прокурору, который обязан не позднее чем через 48 часов с момента задержания принять решение.

Законодательством за незаконное ношение военной формы одежды предусмотрена административная ответственность. Так, требованиями ч. 1 ст. 17.12 КоАП РФ за незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов предусмотрено административное наказание в виде штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пяти сот рублей с конфискацией форменной одежды, знаков различия, символики государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов.

Однако военный прокурор не уполномочен выносить постановления о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении гражданина, не имеющего отношения к Вооруженным Силам Российской Федерации, неправоммерно носившего военную форму одежды, в результате чего материалы прокурорской проверки (которая может проводиться в срок до одного месяца) будут направлены в территориальную прокуратуру или орган Министерства внутренних дел Российской Федерации, а оттуда уже в суд.

Вместе с тем, срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 17.12 КоАП РФ не должен превышать трех месяцев со дня совершения правонарушения, в нашем случае – со дня задержания. В этот срок также входит период времени, связаный с принятием судом решения о привлечении к административной ответственности.

Таким образом, в рамках действующего законодательства физическое лицо, неправоммерно носящее военную форму одежды, после задержания военной полицией фактически невозможно привлечь к административной ответственности.

Представляется, что в целях неотвратимости наказания граждан, незаконно присвоивших себе право ношения военной формы одежды, необходимо наделить должностных лиц военной полиции правом по привлечению нарушителей к административной ответственности.

Данное право позволит должностным лицам военной полиции в кратчайшие сроки оформлять протоколы об административных правонарушениях, являющиеся документальной основой для возбуждения дел об административных правонарушениях, минуя промежуточные звенья (военную прокуратуру, территориальные органы прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации), самостоятельно направлять материалы для рассмотрения непосредственно в суд.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что совершенствование норм Устава и расширение полномочий военной полиции по привлечению правонарушителей, незаконно носящих военную форму одежды, позволит защитить исключительное право военнослужащих на ношение комплектов военной формы и воинских знаков отличия, а также усилить противодействие преступности и защиту охраняемых законом правоотношений в области обороны.

Библиографический список

1. В России будут наказывать попрошайк в военной форме [Электронный ресурс]: QHA. – 2015. – 25 сент. – Режим доступа: <http://qha.com.ua/ru/obschestvo/v-rossii-budut-nakazivat-poproshaek-v-voennoi-forme/148612>.
2. В Хабаровске суд отправил в колонию генерала-афериста [Электронный ресурс]: ПРОВИНЦИЯ.РУ. – 2015. – 22 окт. – Режим доступа: <http://www.province.ru/habarovsk/news/item/4680>.
3. Для попрошайк в военной форме хотят ввести статью в УК [Электронный ресурс]: IZVESTIA.RU. – 2015. – 25 сент. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/591991>.
4. Милиция Югры ищет пострадавших от мошенника в военной форме [Электронный ресурс]: NewsProm.ru : интернет-издание. – 2009. – 26 марта. – Режим доступа : <http://newsprom.ru/news/Proisshestvija/112654.html>.
5. На территории Брянской области появился мошенник в военной форме! [Электронный ресурс]: БРЯНСК.RU : ежеднев. интернет-газета. – 2008. – 10 июня. – Режим доступа: <http://briansk.ru/incidents/na-territorii-bryanskoj-oblasti-poyavilsya-moshennik-v-voennoj-forme.2008610.139782.html>.
6. «Не корми мошенника». 10 типов профессиональных попрошайк [Электронный ресурс]: AIF.RU. – 2014. – 23 июля. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/people/1214034>.
7. Подпольный ВУЗ. Мошенник шесть лет проводил обучение студентов в своем «Учебном заведении» [Электронный ресурс]: МК.RU. СПб. – 2012. – 18 июня. – Режим доступа: <http://spb.mk.ru/articles/2012/06/18/715905-podpolnyiy-vuz.html>.

¹ Рецензент – А.И. Емельянова, кандидат юридических наук.

² Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 293 «О военной форме одежды, знаках различия военнослужащих и ведомственных знаках отличия».

³ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

⁴ В Хабаровске суд отправил в колонию генерала-афериста // ПРОВИНЦИЯ.РУ. 2015. 22 окт. URL: <http://www.province.ru/habarovsk/news/item/4680> (дата обращения: 31.10.2015); Милиция Югры ищет пострадавших от мошенника в военной форме // NewsProm.ru : интернет-издание. 2009. 26 марта. URL: <http://newsprom.ru/news/Proisshestvija/112654.html> (дата обращения: 31.10.2015); На территории Брянской области появился мошенник в военной форме! // БРЯНСК.RU : ежеднев. интернет-газета. 2008. 10 июня. URL: <http://briansk.ru/incidents/na-territorii-bryanskoj-oblasti-poyavilsya-moshennik-v-voennoj-forme.2008610.139782.html> (дата обращения: 31.10.2015); Подпольный ВУЗ. Мошенник шесть лет проводил обучение студентов в своем «Учебном заведении» // МК.RU. СПб. 2012. 18 июня. URL: <http://spb.mk.ru/articles/2012/06/18/715905-podpolnyiy-vuz.html> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵ В России будут наказывать попрошайк в военной форме // QHA. 2015. 25 сент. URL: <http://qha.com.ua/ru/obschestvo/v-rossii-budut-nakazivat-poproshaek-v-voennoi-forme/148612/> (дата обращения: 31.10.2015); Для попрошайк в военной форме хотят ввести статью в УК //

IZVESTIA.RU. 2015. 25 сент. URL: <http://izvestia.ru/news/591991> (дата обращения: 31.10.2015); «Не корми мошенника». 10 типов профессиональных попрошайек // AIF.RU. 2014. 23 июля. URL: <http://www.aif.ru/society/people/1214034> (дата обращения: 31.10.2015).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

⁷ Там же.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации».

⁹ Приказ ФМС России от 30 ноября 2012 г. № 391 «Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации».

¹⁰ Приказ министра обороны Российской Федерации от 13 мая 2003 г. № 150 «Об удостоверении личности военнослужащего Российской Федерации».

¹¹ Приказ министра обороны Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 495 «Об утверждении Инструкции по обеспечению функционирования системы воинского учета граждан Российской Федерации и порядка проведения смотров-конкурсов на лучшую организацию осуществления воинского учета» (вместе с Порядком проведения смотров-конкурсов на лучшую организацию осуществления воинского учета, проводимых органами военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации, военными комиссариатами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления).

Сазонов В.А.,
майор, начальник курса прокурорско-следственного
факультета Военного университета,
соискатель кафедры уголовного процесса
Военного университета,
i.g.sazonova@mail.ru

Военные суды среднего звена в дореволюционной России: их влияние на становление современной военно-судебной системы

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ правового регулирования военно-судебной системы, в частности окружных (флотских) военных судов в дореволюционный исторический период и в условиях современности, а также исследуются эволюционные процессы, затронувшие подсистему военно-судебных органов среднего звена.

Ключевые слова: военно-судебная система, окружные (флотские) военные суды, правосудие, дореволюционный исторический период.

Sazonov V.A.,
major, the Head of the course
of the procuracy and investigation faculty
of the Department of the Criminal Proceeding
Military University of the Russian
Federation Ministry of Defense,
i.g.sazonova@mail.ru

Middle-level military courts in pre revolutionary Russia: their influence for formation of modern military court system

In article is spent the relative analysis of military court system's law regulation, including district (naval) military courts in pre revolutionary historical and modern times, also evolutionary processes of middle level military court's institutions is researched in the article.

Key words: military court system, district (naval) military court, justice, prerevolutionary historical time.

Действующая военно-судебная система Российской Федерации основана на нормах Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

В соответствии с вышеуказанными нормативными правовыми актами окружные (флотские) военные суды являются судами общей юрисдикции среднего звена, действуют на определенных федеральным законом территориях одного или нескольких субъектов Российской Федерации, на которых дислоцируются воинские части и учреждения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, и рассматривают в первой инстанции гражданские и административные дела, связанные с государствен-

ной тайной, уголовные дела, отнесенные к компетенции данного военного суда УПК РФ), и дела по административным исковым заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным гарнизонным судам. Также окружные (флотские) военные суды рассматривают дела по жалобам и представлениям на решения, приговоры, определения и постановления гарнизонных военных судов, вступившие в законную силу, и постановления, принятые окружным (флотским) военным судом в апелляционной инстанции. Рассмотрение дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в отношении вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений гарнизонных военных судов также относится к подсудности окружных (флотских) военных судов.

Окружной (флотский) военный суд рассматривает дела в составе одного судьи, коллегии из трех судей и суда с участием присяжных заседателей в зависимости от категории дела.

Подсистема окружных (флотских) военных судов в том виде, в котором она существует в настоящее время, функционировала не всегда, она, как и каждое правовое явление, прошла свой определенный процесс становления и развития.

В научной литературе выделяют следующие исторические этапы:

- 1) допетровский период;
- 2) период, связанный с эпохой правления Петра I;
- 3) послепетровский период;
- 4) период проведения Судебной реформы 1864 г. и последовавшей за ней военно-судебной реформы 1867 г.;
- 5) период правления Временного правительства России;
- 6) период после Великой Октябрьской социалистической революции, окончания Гражданской войны и до начала Великой Отечественной войны;
- 7) период Великой Отечественной войны; послевоенное же время как этап военно-судебной реформы не рассматривается;
- 8) период становления военно-судебных органов в Российской Федерации после распада СССР, который не завершен и продолжается до настоящего времени¹.

Определенный интерес для исследования представляет дореволюционный период в эволюции военных судов. Именно на начальных этапах развития российской государственности происходит зарождение военно-судебной системы, элементом которой являются военные суды среднего звена, к которым и относятся современные окружные (флотские) военные суды.

К дореволюционному этапу развития военных судов среднего звена относятся следующие наиболее значимые периоды: допетровский, петровский периоды, период проведения военно-судебной реформы 1867 г.

Под допетровским периодом подразумевается временной отрезок, начинающийся с ранней стадии развития русской государственности (когда все правоотношения регулировались обычным и договорным правом), включающий в себя период правления князя Иоанна III, царя Иоанна IV – Грозного, царя Алексея Михайловича Романова и до вступления на престол императора Петра I. Основными нормативными правовыми актами, действовавшими в рассматриваемый исторический период, были Русская Правда, Псковская судная грамота 1467 г., Новгородская судная грамота 1456 г., Судебник 1497 г. Великого князя Московского Иоанна III, Судебник 1550 г. царя Иоанна IV – Грозного, Устав об установлении сторожевой и станичной службы, утвержденный царем 16 февраля 1571 г., Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

Не углубляясь в подробный анализ каждого из названных документов, попытаемся сделать некоторые обобщенные выводы, характеризующие развитие военных судов, в том числе и среднего звена. В рассматриваемый исторический период уже существует армия, проис-

ходит поступательное развитие законодательства в сторону определения положений о судопроизводстве и судоустройстве, уже намечается выделение из общей массы воинских преступлений. Однако о военных судах в законодательстве того времени не упоминается. Несмотря на это, уже намечается тенденция к инстанционности и установлению звеньев при разрешении конфликтных ситуаций. Военных людей судили, как правило, князья, военачальники, административные учреждения – военные приказы, разграничение административной и судебной власти отсутствовало. Осуществляющие судебные полномочия в войсках должностные лица и органы подразделяются на высшие и низшие. Начальники отдельных частей войск (пушкарские, стрелецкие, казачьи головы и др.) реализовывали судебную власть в отношении подчиненных им военнослужащих в качестве низового звена. Приказы (пушкарский, стрелецкий, казачий и др.) признавались высшими судами для военных.

Несмотря на то что военные суды на данном историческом этапе еще не оформились, они являются значимым для становления не только военных судов среднего звена, но и всей военно-судебной системы, поскольку в этот период была заложена первоначальная база для их дальнейшего развития.

Петровский период связан с реформами, проводимыми Петром I.

Как отмечает К.И. Попов, днем появления в российской армии военного суда как коллективного органа судебной власти считают 27 января 1702 г. – дату утверждения военно-уголовного устава «Уложение, или Право воинского поведения генералов, средних и младших чинов и рядовых солдат». Именно тогда было положено начало истории военных судов России, введены определения воинских преступлений, а также положения о судоустройстве и военно-уголовном судопроизводстве, которые позднее были более детально регламентированы в «Кратком артикуле» 1706 г.²

В 1716 г. Петр I принял Воинский устав, выделивший военные суды в отдельную систему. Согласно третьей части Воинского устава «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» военные суды (кригсрехты) делились на два уровня: верхний и нижний, компетенция которых зависела от должностного положения участников процесса и характера дела.

В качестве прообраза современных окружных (флотских) военных судов условно можно назвать высшие (генеральные) суды. Они возглавлялись председателем (президентом), который имел звание генерала или фельдмаршала. В состав суда также входили, как правило, шесть заседателей (ассессоров), два в звании генерал-поручика, два – генерал-майора, два – бригадира и полковника. Высшие (генеральные) суды рассматривали дела о тяжких преступлениях (например, о государственных преступлениях, о деяниях, совершенных целыми частями и подразделениями), а также гражданские и уголовные дела в отношении высших офицерских чинов (генералов, штаб-офицеров). Генеральные суды не функционировали на постоянной основе и назначались командованием.

Для того чтобы более точно определить место Высших (генеральных) судов как военных судов среднего звена в петровский период их развития, следует также рассмотреть и общую характеристику иных элементов военно-судебной системы.

Нижние (полковые) суды, возглавляемые председателем (президентом) в звании полковника, а в некоторых случаях – подполковника, и даже майора, с участием, как правило, шести заседателей (ассессоров), двух в звании капитанов, двух – поручиков, двух – прапорщиков, рассматривали все остальные гражданские дела, а также дела о преступлениях, совершенных нижними чинами и обер-офицерами. Они, как и генеральные суды, назначались командованием и функционировали не на постоянной основе.

В военно-судебную систему входили постоянный нижний и скорорешительный суды. К подсудности постоянного нижнего суда относились дела об отклонениях от военной служ-

бы военнослужащих, задержанных в Москве и ее окрестностях. Скорорешительные же суды действовали только в условиях боевой обстановки.

Суды военных судов не были профессиональными юристами, в целях оказания правовой помощи офицерам, осуществляющим правосудие, к судам были прикреплены аудиторы.

Высшим военно-судебным органом была Военная коллегия, к полномочиям которой относилось утверждение всех приговоров о смертной казни, а также осуществление судебного надзора за деятельностью всех военных судов.

Исторический период, связанный с правлением Петра I и проводимыми им реформами, имеет важное значение для становления военно-судебной системы Российского государства. Именно в этот период предприняты первые попытки отделения судебной власти от власти административной. Однако командование от осуществления правосудия полностью не отстранено, военачальники по-прежнему имеют широкий спектр полномочий, вплоть до утверждения судебных приговоров. Несмотря на это, военно-судебная реформа, проводимая Петром I, носила прогрессивный для своего времени характер.

В послепетровский период военно-судебная система существенных изменений не претерпела, и следующим, третьим, значимым для развития и становления окружных (флотских) военных судов и всей военно-судебной системы является период проведения военно-судебной реформы 1867 г.

Одной из предпосылок судебной реформы стала ситуация, сложившаяся в системе судебных органов Российской империи. Разобщенность и запутанность судебных органов и инстанций, сословность судов, тотальная зависимость судебной власти от административных органов, волокита, невысокие нравственные качества лиц, отправлявших правосудие, отсутствие гласности и непосредственности при рассмотрении дел в суде, карательный уклон в деятельности судов, несоблюдение законов отразились в умах той эпохи самым непосредственным образом³. Военно-судебная реформа завершилась принятием Военно-судебного устава и Военно-морского устава.

Военно-судебная система того времени состояла из двух вертикальных подсистем военных судов, самостоятельно действовавших в армии и на флоте. Военно-судебная система осуществляла правосудие параллельно с военно-морской судебной системой. Существенных различий в организации и функционировании между указанными подсистемами не устанавливалось. Судебная власть в армии осуществлялась полковыми, военно-окружными судами, Главным военным судом. На флоте судебная власть принадлежала экипажным, военно-морским судам (при главных портах), а также Главному военно-морскому суду.

Военными судами среднего звена являлись военно-окружные суды в армии и военно-морские суды на флоте. В настоящей статье рассмотрим лишь особенности функционирования военно-окружных судов ввиду того, что структура и полномочия военно-морских судов выстраивались с учетом принципов, используемых и для военных судов.

В отличие от военных судов среднего звена петровского и послепетровского периода военно-окружные суды действовали на постоянной основе, а не созывались лишь для рассмотрения определенных дел. Они рассматривали по первой инстанции дела о преступлениях, совершенных генералами, штаб- и обер-офицерами, чиновниками военного ведомства, а также дела о преступлениях нижних чинов, за совершение которых предусматривалось наказание более строгое, нежели исправительные и дисциплинарные наказания, не подсудные полковым судам. Также к подсудности военно-окружных судов относились дела о преступлениях против государства, совершенных военнослужащими, а в условиях военного положения – и гражданскими лицами. Кроме рассмотрения дел по первой инстанции, военно-окружные суды осуществляли контроль за полковыми судами.

Военно-окружные суды создавались военным командованием в каждом из существующих военных округов и состояли из постоянных (председатель, военные судьи, военные следователи) и временных (назначаемые из войск шесть штаб- и обер-офицеров, четверо из которых занимали командные должности) членов. Постоянные судьи должны были соответствовать определенным требованиям, а именно иметь звание штаб-офицера или генерала, а также юридическое образование. Постоянных членов суда (председателей, военных судей, военных следователей) выбирал военный министр, а на должность они назначались императором. Секретари и помощники военно-окружного суда подбирались председателями соответствующих судов и назначались на должность военным министром.

Помимо военно-окружных судов, в судебную систему рассматриваемого исторического периода входили временные военные суды, занимавшие в судебной системе положение, равнозначное военно-окружным судам. Временные военные суды создавались командующим военным округом в целях рассмотрения дел в тех местностях, где военно-окружные суды не справлялись с нагрузкой. Наряду с временными военными судами, могли создаваться и особые военные суды, которые также не являлись постоянно действующими и создавались для рассмотрения дел о государственных преступлениях военнослужащих.

Для точного определения места военно-окружных судов как военных судов среднего звена в судебной системе эпохи военно-судебной реформы 1867 г. будет целесообразным рассмотреть и охарактеризовать иные составные части военно-судебной системы.

Основным звеном военно-судебной системы считались полковые суды. Они рассматривали дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, совершенных низшими чинами. Полковые суды назначались командиром полка или начальником воинской части, при которой они создавались, и состояли из председателя (в звании штаб-офицера) и двух членов (в звании обер-офицера). Приговор полкового суда утверждался командиром, после утверждения вступал в законную силу и подлежал исполнению. Командир своим решением мог изменить приговор в сторону его смягчения, а также обжаловать ввиду его мягкости в военно-окружной суд. Иные лица права на обжалование не имели.

Высшим звеном военно-судебной системы являлся Главный военный суд, который состоял из председателя в звании генерала и членов суда (из числа председателей военно-окружных судов и прокурорских работников). К полномочиям Главного военного суда относился судебный надзор за деятельностью нижестоящих судов, он следил за тем, чтобы полковые суды и суды военно-окружного уровня единообразно применяли закон, и с этой целью занимался обобщением судебной практики и давал разъяснения по вопросам применения законодательства. Приговоры военно-окружного суда могли быть опротестованы прокурором либо обжалованы осужденным в Главный военный суд для рассмотрения в кассационном порядке.

Несмотря на то что военно-судебная реформа внесла огромный вклад в развитие окружных (флотских) военных судов и всей системы военных судов в целом, с позиции современности созданная в результате реформы судебная система не была совершенной. Военные суды всех уровней, как и ранее, продолжали находиться в зависимом от органов военного управления состоянии, хотя были предприняты попытки ограничения власти военного командования.

Можно сказать, что в дореволюционной России существовали военно-судебные органы, являющиеся прототипом современных военных судов среднего звена (в допетровский период – приказы, в петровский период – высшие (генеральные) военные суды (кригсрехты), в период проведения Судебной реформы 1864 г. и военно-судебной реформы 1867 г. – военно-окружные суды в армии, военно-морские суды на флоте). Конечно, в ранние периоды развития Российского государства данные органы сложно назвать военными судами среднего звена в том смысле, в котором мы их понимаем в современных условиях.

Первоначально осуществлявшие правосудие в войсках военно-судебные органы среднего звена функционировали не на постоянной основе, они формировались военным командованием для рассмотрения конкретных дел. Постепенно (с 1867 г.) военные суды среднего звена стали действовать на постоянной основе. Для рассматриваемого исторического периода характерно то, что правосудие в войсках и на флоте осуществлялось только военнослужащими, имевшими высокие воинские звания. Подсудность дел военным судам среднего звена зависела, прежде всего, от должностного положения и воинского звания лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Исследование вопросов становления окружных (флотских) военных судов является достаточно важным с точки зрения поиска оптимальных путей развития всей военно-судебной системы. Исторический опыт преобразования военных судов среднего звена, имевший место в допетровский период, в период, связанный с реформами, проводимыми Петром I, в послепетровский период, а также эпоху военно-судебной реформы 1867 г., непременно должен учитываться при совершенствовании системы военно-судебных органов, тем более в современных условиях. Определяя пути дальнейшего развития окружных (флотских) военных судов, а также повышения эффективности их деятельности, следует принимать во внимание все факторы, имевшие место в исторической действительности, как позитивного, так и негативного характера. Только при подобном подходе будет возможно разработать оптимальные варианты дальнейшего развития окружных (флотских) военных судов, избегав ошибок прошлого.

Библиографический список

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Григорьев, О.В. Военная юстиция России: история и современность [Текст] / О.В. Григорьев, Г.И. Загорский. – М.: Право, 2013. – 512 с.
2. Жариков, Ю.С. Правоохранительные органы [Текст]: учеб. для бакалавров / Ю.С. Жариков, К.И. Попов. – СПб.: Книжный Дом, 2012. – С. 52.
3. Кутафин, О.Е. Судебная власть в России. История, документы [Текст]: в 6 т. – Т. 1: Начала формирования судебной власти / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – 701 с.
4. Петухов, Н.А. История военных судов России [Текст]: моногр. / Н.А. Петухов. – М.: Норма, 2003. – 352 с.

Статьи, доклады из сборников

- Качалова, О.В. Накануне великих реформ (к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г.) [Текст] / О.В. Качалова // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 г.): материалы Междунар. науч.-практ. конф.; Российская академия правосудия. – М., 2014. – С. 8 – 15.

---

¹ Григорьев О.В., Загорский Г.И. Военная юстиция России: история и современность. М., 2013. С. 21 – 29; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История, документы. Т. 1. М., 2003; Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 7.

² Жариков Ю.С., Попов К.И. Правоохранительные органы: учеб. для бакалавров. СПб., 2012. С. 52.

³ Качалова О.В. Накануне великих реформ (к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г.) // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 г.): материалы III Междунар. науч.-практ. конф., проводимой в Российской академии правосудия. М., 2014. С. 35.

Хорев В.П.,
заведующий кафедрой экономических
теорий и военной экономики федерального государственного
казенного военного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Военный университет»,
доктор экономических наук, профессор,
horev.52@mail.ru;
Горева О.Е.,
старший помощник начальника
учебно-методического отдела федерального
государственного казенного военного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Военный университет»,
кандидат экономических наук, доцент

К вопросу о реформировании системы внутреннего финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации¹

Аннотация: для Министерства обороны Российской Федерации, с учетом значимости и масштабности решаемых задач, а также объема выделяемых для этих целей бюджетных средств, вопросы контроля эффективности и правомерности их использования являются приоритетными. В связи с этим в настоящей статье предложены основные направления реформирования системы внутреннего финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовый контроль, реформирование, система, Министерство обороны Российской Федерации, инспекция, контрольно-ревизионные органы, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Horev V.P.,
head of the department of economic
theory of the war economy and the treasury of
the Federal State Institution of Higher Military
Professional Education «Military University»,
Doctor of Economics, professor,
horev.52@mail.ru;
Goreva O.E.,
senior assistant to the chief
educational-methodical department of the Federal
State treasury of military education
institutions of higher education
«Military University»,
Candidate of Economic Sciences, docent

Proposals for reform of the system of internal financial control in the Armed Forces of the Russian Federation

For the Ministry of Defence of the Russian Federation, given the importance and magnitude of the problems to be solved, and the amount allocated for this purpose budget issues for monitoring the effectiveness and legitimacy of their use is a priority. In this connection, the basic directions of reforming the system of internal financial control in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: financial control, reform of the system, the Ministry of Defence of the Russian Federation, inspection, auditing bodies, the Armed Forces.

Система организации и осуществления финансового контроля в Министерстве обороны Российской Федерации, построенная на принципах подконтрольности и финансирования, до определенного времени позволяла решать поставленные перед ней задачи. Однако в новых условиях реформирования бюджетного процесса требуется разработка новых подходов к ее построению, совершенствованию методологии и методики организации внутреннего финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации. Возможность осуществления финансового контроля в Министерстве обороны Российской Федерации вытекает из контрольной функции государственных финансов и финансов Вооруженных Сил Российской Федерации, однако она сама по себе не порождает финансовый контроль. Для реализации указанных функций необходимо наличие соответствующих организационных и методических условий, к числу которых относятся: создание особых органов контроля; укомплектование их квалифицированными специалистами; регламентация их прав и обязанностей.

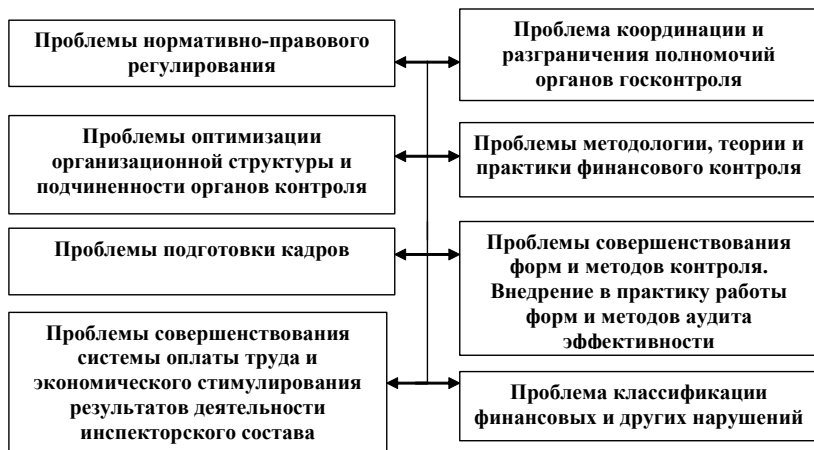
Финансовый контроль в Вооруженных Силах Российской Федерации выступает как деятельность органов государственной власти и государственного управления, общественных и финансово-экономических органов по систематической проверке и анализу состояния финансового обеспечения армии и флота в целях достижения законности и наибольшей эффективности расходования государственных средств, выделяемых на оборону.

На правомерность выделения финансового контроля в качестве важного звена системы управления экономикой Вооруженных Сил Российской Федерации в первую очередь указывает то, что посредством его определяется эффективность каждого элемента и управленческой деятельности в целом. Это означает, что финансовый контроль пронизывает всю систему управления финансово-экономической деятельностью войск, дает возможность своевременно реагировать на происходящие в армии и на флоте изменения, а при необходимости корректировать ранее принятые решения, объективно их оценивать, выявлять имеющиеся резервы и определять пути их использования.

Рассматривая сущность финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации, необходимо остановиться на вопросах его организации. В понятие «организация финансового контроля» входят следующие элементы:

- 1) система органов, осуществляющих финансовый контроль (субъекты контроля);
- 2) сфера их контрольной деятельности (объекты контроля);
- 3) правовое регулирование взаимоотношений между субъектами и объектами контроля;
- 4) формы и методы финансового контроля.

В научной литературе высказывается огромное количество предложений по изменению системы ведомственного финансового контроля. Однако анализ этих предложений позволяет сделать вывод, что в настоящее время требуют решения следующие основные проблемы (рис. 1):

Рис. 1. Схема основных проблем организации и осуществления финансового контроля в Министерстве обороны Российской Федерации ²

В Министерстве обороны Российской Федерации данные проблемы в условиях реформирования бюджетного процесса, перехода к новой системе доведения бюджетных средств стоят наиболее остро. Это связано также и с особенностями функционирования экономики Вооруженных Сил Российской Федерации, спецификой складывающихся в ней военно-экономических отношений и финансовых потоков. Рассматривая проблемы нормативно-правового регулирования процесса контрольно-ревизионной работы необходимо отметить, что в современных условиях развития экономических отношений в стране и в Вооруженных Силах Российской Федерации появилась необходимость обязательной проверки новых направлений финансово-хозяйственной деятельности. При переработке нормативных актов по финансовому контролю необходимо наиболее полно учитывать все аспекты контрольно-ревизионной работы. Этот процесс должен осуществляться в едином русле с нормативной регламентацией системы государственного контроля в целом³.

Соответственно изменением нормативных актов государственного уровня предстоит существенная переработка ведомственных нормативных актов, особенно по организации и осуществлению финансового контроля в Министерстве обороны Российской Федерации. При этом важно достичь максимального учета как общих для всех министерств изменений, определенных федеральными законами и реальными условиями финансово-экономической и хозяйственной деятельности, так и специфических для военного ведомства и других силовых структур вопросов.

С учетом возросшего значения и перспектив повышения действенности контроля подлежат переработке некоторые нормативные документы, применяемые в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В ходе подготовки новых положений и инструкций предстоит отработать вопросы по следующим основным направлениям:

1) адаптация системы государственного финансового контроля к новой системе доведения бюджетных средств до их получателей;

2) переработка руководящих документов и методических материалов с учетом вновь появившихся обстоятельств и внедрение аудита эффективности;

3) исключение позиций нормативных документов, утративших свое значение в связи с произошедшими за последние годы изменениями;

4) выделение положений, противоречащих действующей нормативной базе, современному характеру и организационной структуре государственных, негосударственных и ведомственных участников экономических отношений;

5) проведение детального анализа структуры фондов бюджетных и внебюджетных средств Министерства обороны Российской Федерации, современных хозяйственных и финансовых связей с участием воинских формирований, характерных нарушений и злоупотреблений на предмет выявления вопросов, не отраженных в действующих руководящих документах.

Такая выборка позволит предусмотреть и соответствующим образом регламентировать элементы современной эффективной системы контроля. Необходимый правовой уровень перерабатываемых документов не может быть обеспечен без детального их соответствия нормативным актам, регламентирующим современные направления финансово-хозяйственной деятельности (безналичные и наличные расчеты, система бюджетного учета, вопросы аренды, платных услуг, договорная дисциплина и др.).

Для успешного решения проблем, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации в области нормативно-правового и методического обеспечения контрольно-ревизионной работы, необходимо решить ряд задач:

1. Определить области компетенции органов государственного финансового контроля, обязанных осуществлять вневедомственный, ведомственный и внутренний контроль, а также порядок координации их деятельности.

Необходимо организовать взаимодействие в области контроля финансовых инспекций (контрольных органов) всех звеньев с региональными налоговыми органами, контрольно-ревизионными органами регионов, органами федерального казначейства и другими органами, обеспечить право безусловного доступа инспекторского состава к информации о деятельности партнеров проверяемых объектов.

2. Переработать руководства, положения 1980-х гг., не имеющие в настоящее время юридической силы, издать новые нормативные акты по финансово-экономической и хозяйственной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации в целях приведения их в соответствие системе бюджетного процесса, бюджетного учета и отчетности.

3. Принять меры по внедрению в практику работы органов финансового контроля элементов, форм и методов аудита эффективности.

4. Все увеличивающийся объем информации настоятельно требует разработки для органов контроля методического аппарата (пособий, методик, других инструктивных документов), что позволит контрольным органам (инспекторскому составу) работать целенаправленно, не теряя времени на отбор подлежащих проверке вопросов. Кроме того, соответствующие программы оказывают значительную помощь при проверках нетиповых объектов. Повышения уровня методической обеспеченности органов финансового контроля можно достичь путем разработки нового справочника инспектора-ревизора как основного методического (инструктивного) документа и справочного пособия.

5. Предусмотреть современные трактовки условий и размеров причиненного ущерба в Положении о материальной ответственности военнослужащих и гражданского персонала по каждому из возможных экономически убыточных последствий от небрежных или умышленных действий (бездействия) должностных лиц. Возможна систематизация типовых практических (в том числе проблемных) ситуаций по аналогии с Комментариями к ТК РФ. Например, относятся ли нарушения штатной дисциплины к умышленным действиям должностных лиц, подпадающим под случаи привлечения к полной материальной ответственности. Такие комментарии к каждой из основных статей указанного Положения не только позволят инспекторскому составу ориентироваться при доказательстве фактов, размеров и условий причинения ущерба, их документальном подтверждении, но и окажут помощь должностным лицам, которые проводят текущие административные расследования и не имеют достаточного уровня правового образования⁴.

Четкость и обоснованность изложения в акте ревизии или проверки выявленных недостатков и нарушений является важным качественным показателем и достигается посредством указания причин допущенных недостатков со ссылками на соответствующие нормативные акты, которые нарушены или не соблюдаются, а также на подлинные оправдательные документы. Соблюдение единой схемы описания выявленных нарушений создаст возможность их комплексного анализа.

6. Изучить практику привлечения к ответственности юридических и физических лиц за нецелевое использование средств федерального бюджета, принятие мер по обеспечению сохранности государственного имущества, а также подготовить на этой основе предложения по внесению дополнений в гражданское, административное, уголовно-процессуальное, уголовное законодательства, направленные на повышение персональной ответственности должностных лиц за допущенные незаконные расходы и злоупотребления.

Особое место в переработке данных вопросов принадлежит Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих», который на настоящий момент требует пересмотра ряда отдельных статей, Положению о финансовом контроле в Министерстве обороны Российской Федерации, Временной инструкции по проведению ревизии финансовой и хозяйственной деятельности, не в полной мере отвечающей особенностям проведения ревизии воинской части. При разработке Инструкции следовало в большей степени унифицировать ее в целях осуществления контроля финансово-хозяйственной деятельности всех хозяйствующих субъектов.

7. В законодательном порядке повысить статус Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (рис. 2) и всех ее звеньев до уровня, при котором проверяющие имели бы право беспрепятственно получать от государственных и коммерческих организаций информацию об отпущенных воинским частям товарах и оказанных услугах либо уплаченных им денежных средствах за услуги, оказанные воинскими частями.

8. Автоматизировать по вертикали систему контрольно-ревизионных органов в рамках единой информационной программы, что позволит снять ряд проблем при оформлении результатов ревизий и проверок, повысить качество и результативность встречных проверок в торгующих и оказывающих услуги организациях, своевременно доводить требования руководящих документов, быстро реагировать на выявленные нарушения.

Рис. 2. Структура контрольно-ревизионных органов Министерства обороны Российской Федерации

9. Законодательно обеспечить охрану труда лиц инспекторского состава, поскольку они выявляют не меньше, а порой и больше злоупотреблений, чем представители других контролирующих органов, имеющих такую защиту. Так, например, безопасность сотрудников Федеральной налоговой службы осуществляет специальная служба физической защиты. Защита представителей Федерального казначейства производится в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

10. В целях повышения престижа работы лиц инспекторского состава, создания необходимого материального обеспечения и социальных гарантий их деятельности выполнить ряд первоочередных мер, а именно:

а) пересмотреть в сторону увеличения тарифные разряды ревизоров на всех уровнях, а руководителя контрольно-ревизионного подразделения – на уровне соответствующего начальника финансового органа (главного бухгалтера) управления, службы, отдела;

б) производить оплату труда инспекторского состава в зависимости от количества и качества труда. Количество труда должно быть учтено в наименовании должности, размере тарифного разряда и должностного оклада. Качество труда предлагается определять, проводя аттестацию инспекторов-ревизоров с присвоением квалификационной категории. Квалификационная категория, присваиваемая в Министерстве обороны Российской Федерации, должна соответствовать принятым в стране стандартам, для чего необходимо согласовать квалификационные требования с правительственными органами. Это повысит статус инспектора-ревизора и обеспечит возможность оценивать качество его труда. По результатам аттестации выдавать свидетельство на право заниматься контрольной деятель-

ностью и присваивать квалификационную категорию на срок до пяти лет с правом ее повышения. В случае выявления фактов некачественной работы и халатности при исполнении служебных обязанностей предлагается предусмотреть право вышестоянной комиссии снижать квалификационную категорию или лишать права заниматься лицензированной контрольной или аудиторской деятельностью на территории Российской Федерации;

в) в связи с тем что инспекторский состав привлекается к проведению ревизий и проверок по постановлениям правоохранительных органов и подвергается повышенной опасности, предлагается применить к инспекторскому составу Министерства обороны Российской Федерации норму, повышающую его экономическую заинтересованность и компенсирующую риск, установить работникам финансовых инспекций, занимающимся проведением ревизий и проверок по поручениям и постановлениям органов предварительного следствия или определениям судов (постановлениям судей), ежемесячную надбавку за время фактического проведения таких проверок;

г) создать в распоряжении начальника Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации специальный денежный фонд, куда перечислять часть сумм, взысканных по результатам ревизий и проверок. Разработать порядок использования средств фонда и представления отчетности, отражающей степень эффективности их использования, средства направлять на развитие материально-технической базы Контрольно-финансовой инспекции, повышение образования, материальное стимулирование и улучшение социально-бытовых условий работников⁵.

Существуют и другие проблемы, от положительного решения которых зависит усиление деятельности контрольно-ревизионного аппарата. К ним могут быть отнесены вопросы приоритетного обеспечения лиц инспекторского состава и членов их семей жильем, санаторно-курортным лечением и т. д.

Предложенные меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования контрольно-ревизионной работы могут улучшить ее качество, обеспечить целевое и законное расходование средств, снизить уровень финансовых нарушений, что позволит повысить эффективность использования выделяемых ассигнований.

Проводить преобразования необходимо, но следует подходить к ним комплексно, учитывая, что изменение одной составляющей нормативно-правового регулирования неизбежно затронет и другие, что в конечном итоге отразится на степени обеспечения боевой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации. Развивать нормативно-правовое регулирование экономической деятельности в армии и на флоте важно в одном направлении с общегосударственным законодательством. Для этого необходимы тщательный анализ опыта происходящих в правовом поле страны преобразований и применение его с учетом особенностей Вооруженных Сил Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Закутнев С.Е.* Среднесрочное бюджетирование, ориентированное на военный результат: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011.
2. *Карпова Е.О.* Организация ведомственного финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации и направления его совершенствования : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010.
3. *Конюхова Т.В., Гармаева М.А., Горева А.В.* Правовое обеспечение финансового контроля в Российской Федерации // *Право и экономика*. – 2006. – № 4.
4. *Кузык Б.Н.* Экономика военной сферы: учеб. – М. : Знание, 2006.
5. *Леднев А.И.* Особенности проведения ревизий в силовых структурах: учеб.-метод. пособие. – М. : Московский университет МВД РФ, 2004.

6. Мобилизация внутренних источников финансирования в Министерстве обороны Российской Федерации в современных условиях (аренда, реализация, услуги) / под ред. Н.З. Кунца. – М. : МО РФ, 1995.

7. Финансы и кредит в экономике Вооруженных сил : словарь. – М. : ВФЭУ МО РФ, 2001.

8. Экономика военного строительства: новая парадигма / под ред. Г.А. Лавринова, С.Ф. Викулова. – Ярославль : Литера, 2008.

---

¹ Рецензент – А.М. Кушнир, профессор кафедры экономических теорий и военной экономики федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный университет», доктор экономических наук, профессор.

² Закутнев С.Е. Среднесрочное бюджетирование, ориентированное на военный результат: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011.

³ Леднев А.И. Особенности проведения ревизий в силовых структурах : учеб.-метод. пособие. М., 2004.

⁴ Мобилизация внутренних источников финансирования в Министерстве обороны Российской Федерации в современных условиях (аренда, реализация, услуги) / под ред. Н.З. Кунца. М., 1995.

⁵ Карпова Е.О. Организация ведомственного финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации и направления его совершенствования : дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

Проблемные вопросы применения законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих

Вербицкая Т.В.,
преподаватель кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета,
aquitania-17@ya.ru

О статусе женщин-военнослужащих в условиях вооруженного конфликта¹

Аннотация: в статье рассмотрены особенности закрепления статуса женщин-военнослужащих по сравнению с правовым положением мужчин-военнослужащих в Российской Федерации и зарубежных странах, а также проблемные аспекты реализации норм международного гуманитарного права в отношении статуса женщин-военнослужащих.

Ключевые слова: женщины-военнослужащие, военный конфликт, военное положение.

Verbitskaya T.V.,
professor of chair of constitutional law
of Ural state law university,
aquitania-17@ya.ru

To the question of status of military women within martial law

The author considers the peculiarities of fixation of status of military women in comparison with law position of military men in Russian Federation and foreign countries, so as problem aspects of realization of international humanitarian law within status of military women.

Key words: military women, military conflict, martial law.

Прежде всего, необходимо отметить, что исторически, как в рамках военного законодательства зарубежных стран, так и на международном уровне, не существовало специального статуса женщин-военнослужащих в условиях вооруженных конфликтов².

На современном этапе правового регулирования данной сферы общественных отношений на уровне военного законодательства зарубежных государств существует три варианта установления статуса женщин-военнослужащих по сравнению со статусом мужчин-военнослужащих.

Первый вариант – аналогичность статуса мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих. Подобный вариант закрепления статуса женщин-военнослужащих существует до настоящего времени в Израиле, Эритрее, Перу, Малайзии, Северной Корее и Ливии³. Считается, что в интересах наилучшего обеспечения обороны государства не должно существовать разницы в правовом положении мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих, ведь речь идет о столь жизненно важном для государства виде государственной службы⁴. В основном аналогичность статуса мужчины-военнослужащего и женщины-военнослужащей заключается только в том, что женщины, так же как и мужчины, проходят

обязательную военную службу, однако в течение меньшего по продолжительности времени, и фактически выполняют в основном только вспомогательные функции; кроме того, объем социальных гарантий женщин-военнослужащих существенно ниже по сравнению с объемом гарантий мужчин-военнослужащих⁵.

Второй вариант – стремление к обеспечению равенства прав мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих. Подобный вариант характерен для государств – членов Европейского союза.

На территории Европы вплоть до XX в. женщины нередко вообще не могли служить в составе вооруженных сил. Тем более, не существовало равенства в правовом положении мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих (даже во Франции, законодательство которой более, чем в иных государствах Европы, стремится уравнивать в правах мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих)⁶. В настоящее время государства – члены Европейского союза обеспечивают все большую приближенность в правовом положении мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих – женщинам все чаще разрешают служить в тех военных подразделениях и выполнять те виды работ, которые были им недоступны ранее⁷.

Однако анализ нормативных правовых актов Европейского союза в целом свидетельствует, что равенство в статусе мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих на территории Европы не будет достигнуто. В судебной практике Суда Европейских Сообществ постоянно подтверждается верховенство права Европейского союза над нормами национального права (в том числе военного права) его государств-членов, независимо от того, какое место данная норма права занимает в системе источников норм национального права⁸. Решение указанного Суда по знаменитому делу Крейль, касающемуся недискриминации женщин, желающих проходить военную службу, может быть воспринято в качестве указания на несовместимость равенства в правовом положении мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих в соответствии с положениями абз. 5 ст. 12а директивы Совета Европейского союза, в соответствии с которыми в сфере обороны женщины не могут служить в тех воинских формированиях, в которых требуется применение оружия⁹. Суд не учел конституционный характер рассматриваемых положений¹⁰. Однако мужчины также не были наделены равными с женщинами правами, в частности в сфере права на отпуск по уходу за ребенком для военнослужащих, ведь речь идет об обороне страны, основную роль в обеспечении которой играют мужчины. Кроме того, решение вопроса о несении профессиональной службы осуществляется лицом самостоятельно. Делая подобный выбор, оно соглашается и на определенные условия, связанные с видоизменением определенных элементов статуса.

Третий вариант – мужчины-военнослужащие и женщины-военнослужащие пользуются равными правами¹¹, за исключением случаев, прямо предусмотренных действующим законодательством (речь идет о предоставлении в определенных сферах женщинам-военнослужащим большего объема гарантий, прежде всего, в социальной сфере, чем мужчинам-военнослужащим)¹². Данный вариант является синтезом первых двух вышеприведенных вариантов нормативного регулирования статуса женщин-военнослужащих в зарубежных странах. С одной стороны, равенство в правовом положении мужчины-военнослужащего и женщины-военнослужащей, с другой – предоставление женщинам-военнослужащим большего объема гарантий, чем мужчинам-военнослужащим в связи с позиционированием государства как социального¹³. Наиболее ярким примером подобного варианта законодательного закрепления статуса военнослужащих является нормативное регулирование Российской Федерацией указанного вопроса. В Российской Федерации правовой статус женщин-военнослужащих аналогичен правовому статусу мужчин-военнослужащих с предостав-

лением большего объема гарантий женщинам-военнослужащим в социальной сфере¹⁴ – в части предоставления отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком (ч. 13 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих») и в части привлечения к ответственности – к женщинам-военнослужащим не может быть применен дисциплинарный арест – ч. 3 ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Данная разница в правовом положении мужчин и женщин в полном объеме находится в рамках ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации.

На международном уровне¹⁵ в соответствии с Женевской конвенцией 1864 г. «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны», Положением, прилагаемым к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», раненые и военнопленные женщины-военнослужащие пользовались наравне с мужчинами общей правовой защитой.

Впервые больший объем защиты военнопленным женщинам-военнослужащим по сравнению с мужчинами был предоставлен на основании ст.ст. 3, 4 Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными».

В Женевских конвенциях 1949 г. существует два варианта закрепления статуса женщин, в том числе женщин-комбатантов: обращение без какой бы то ни было дискриминации (на основании ст. 14 III Женевской конвенции), либо «отношение со всем полагающимся их полу особым уважением» (ст.ст. 12.I и 12.II Женевских конвенций)¹⁶.

Проблемным аспектом является то, что ни в Женевских конвенциях, ни в действующем военном законодательстве как Российской Федерации, так и зарубежных стран не разъяснено, в чем состоит указанное «особое уважение».

Следующий проблемный аспект – введение в научный оборот в Российской Федерации термина «боевая обстановка». Указанное «особое уважение» женщинам по Женевским конвенциям 1949 г. оказывается в условиях вооруженного конфликта. Соответственно необходимо установить, в чем состоит разница вооруженного конфликта и боевой обстановки и пользуются ли женщины-военнослужащие «особым уважением» в условиях боевой обстановки.

Вооруженный конфликт представляет собой любое вооруженное насилие: а) между вооруженными силами государств, б) между вооруженными силами государства и неправительственными организованными вооруженными силами или в) между неправительственными организованными вооруженными силами¹⁷. В случаях б) и в) такое насилие должно осуществляться длительное время (оценочный критерий).

При этом правомерные военные действия – это любые действия, направленные на выведение из строя неприятеля (в том числе посредством причинения вреда его военнослужащим, объектам военной инфраструктуры).

Военные действия осуществляются в военное время (это период фактического нахождения государства в состоянии войны), которое также именуют боевой обстановкой.

В.А. Владимиров под боевой обстановкой понимает такое положение, при котором воинская часть находится в непосредственном соприкосновении с противником или готовится к выполнению боевого задания как во время войны, так и в мирное время¹⁸. Данную точку зрения разделяет Н.П. Смирнова, в соответствии с позицией которой боевая обстановка – это такое положение, при котором воинская часть, выполняя боевую задачу, находится в непосредственном соприкосновении с противником. При этом Н.П. Смирнова считает возможным возникновение подобного положения как в военное, так и в мирное время¹⁹. С.Н. Красильников считает, что боевая обстановка представляет собой совокупность разных факторов и условий, сложившихся к определенному моменту времени, при которых осуществляется подготовка и ведение боя или операции²⁰. Согласно точке зрения

В.М. Чхиквадзе, М.Я. Савицкого, при «боевой обстановке» воинская часть располагается в непосредственном соприкосновении и близости с неприятельскими войсками²¹. Подобное положение может возникнуть не только в условиях ведения боевых действий, но и в тылу (в случае высадки вражеских десантов или совершения воздушных налетов). Также, согласно указанной точке зрения, боевая обстановка может возникнуть не только в военное, но и в мирное время. Однако нельзя не отметить недопустимость формального подхода к ведению боевых действий – независимо от того, было объявлено военное положение или нет, в любом случае складывается боевая обстановка, идет ли речь о вооруженном нападении иностранного государства или военных действиях внутри государства (вооруженном конфликте немеждународного характера). В соответствии со ст. 2 Первой Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», ч. 1 ст. 1 Второго Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г.²² данные акты применяются в случае объявления войны или возникновении всякого другого вооруженного конфликта, даже в том случае, если государство не признает состояния войны. Таким образом, понятия «боевая обстановка» и «военное положение» равнозначны. Тем более что в доктрине, посвященной вопросам обороны, термин «военное положение» не применяется и использование данного термина необходимо для предоставления «особого уважения» женщинам-военнослужащим по Женевским конвенциям²³.

Исходя из вышеуказанных точек зрения, можно выделить следующие признаки совершения военных действий (использование военнослужащих в составе вооруженных сил или иных воинских формирований) как юридического факта, вследствие которого требуется оказание «особого уважения» женщинам-военнослужащим. Во-первых, такое использование возможно только при наличии определенной в международном гуманитарном праве и внутригосударственными правовыми актами, посвященными вопросам обороны, совокупности факторов и условий; во-вторых, данные факторы и условия являются юридическими фактами начала ведения военных действий – вооруженное противостояние, вооруженное столкновение, применение боевого оружия и средств ведения войны. Необходимо отметить, что некоторые авторы считают возможным ведение боевых действий в мирное время при осуществлении ведомствами, в компетенцию которых входит обеспечение национальной безопасности, антитеррористических операций по уничтожению незаконных вооруженных формирований (вооруженных банд)²⁴, что опять же противоречит положениям указанной Женевской конвенции и Второго Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям.

Боевая обстановка (военное положение), как сложная система, включает в себя совокупность таких элементов, как деятельность военнослужащих в составе вооруженных сил, иных воинских формирований (в соответствии с поставленными задачами по защите суверенитета), направленная на достижение определенной цели; оружие и другая военная техника, с помощью которой осуществляется указанная деятельность; противник, действия которого оказывают влияние на задачи и цели боевых действий войск.

В первом случае предполагается, что государство вступило в вооруженный конфликт в целях самозащиты (правоммерные действия государства); т. е. возникает ситуация вооруженного конфликта (который может быть международным, внутригосударственным с вмешательством 3-й стороны (3-го государства), внутригосударственным (как между правительством и неправительственными вооруженными силами, так и между неправительственными вооруженными силами), в рамках которого происходит ведение военных действий – действий, направленных на выведение противника из строя).

Существенный проблемный аспект в возможности оказания «особого уважения» женщинам-военнослужащим в зарубежных странах состоит в том, что нередко государства вместо военного положения (в рамках международного гуманитарного права) вводят иные режимы. Как указывает Мартин ван Кревельд, нередко государства именуют вооруженный конфликт борьбой с терроризмом для того, чтобы не применять нормы международного гуманитарного права²⁵. В указанных условиях оказание «особого уважения» женщинам-военнослужащим в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. становится затруднительным.

Таким образом, исходя из изложенного, согласно нормам международного гуманитарного права женщины-военнослужащие пользуются равными правами с мужчинами-военнослужащими и, кроме того, требуется оказание им «особого уважения», необходимого «в соответствии с их полом». Иными словами, статус женщин-военнослужащих аналогичен статусу мужчин-военнослужащих, а также им предоставляются необходимые для них дополнительные гарантии. Для предоставления подобных гарантий необходимо на внутригосударственном уровне определить содержание термина «особое уважение» и условия его предоставления (отступления от принципа равенства прав мужчины-военнослужащего и женщины-военнослужащей).

Библиографический список

1. Hazleton L. *Israeli Women: The Reality Behind the Myths*. – New York, Simon and Schuster, 1977. – 239 p.
2. *Izraeli D. N. Paradoxes of Women's Service in the Israeli Defense Forces // Military, State and Society in Israel*. New Brunswick (USA). Transaction Publishers, 2001. – 834 p.
3. Koukoulis-Spiliotopoulos S. Maintenir et développer l'acquis en matière d'égalité des genres // *Revue du droit de l'égalité des genres*. – 2008. – № 1. – P. 16 – 25.
4. Sorin K. Femmes en armes, une place introuvable? Le cas de la féminisation des armées // *L'InHarmattan*, 2003. – 548 p.
5. Tsakyrakis S. Proportionality: An Assault on Human Rights? // *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 7. – 2009. – № 3. – 456 p.
6. Владимиров В.А. Советское уголовное право. Часть Особенная. – М. : Юрид. лит., 1979. – 1009 с.
7. Давид. Э. Принципы права вооруженных конфликтов. – М. : МККК, 2000. – 740 с.
8. Ефремов А.В. О некоторых вопросах, связанных с предоставлением гарантий лицам, воспитывающим детей без матери, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, при расторжении трудового договора // *Право в Вооруженных Силах*. – 2012. – № 9. – С. 88 – 92.
9. Ефремов А.В. Особенный правовой режим в отношении труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время // *Право в Вооруженных Силах*. – 2012. – № 9. – С. 70 – 72.
10. Зайков Д.Е. Историко-правовая характеристика развития института равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». – 2009. – Вып. 4. – С. 22 – 31. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru>.
11. Кревельд М. ван. Трансформация войны / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 577 с.
12. Криль Ф. Международное гуманитарное право о защите женщин // *Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве : сб. ст. и док.* – М. : МККК, 1999. – 376 с.
13. Кудашкин А.В. Военная организация государства : понятие, структура, правовое положение, проблемы институционализации [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». – 2015. – Вып. 1. – С. 4 – 11. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru>.

14. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации : теория и практика правового регулирования : моногр. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 750 с.

15. Мусаев Х.А. Боевая обстановка как конструктивный признак состава преступления // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 14 : в 2 т. – Т. 2. – М. : Юрист, 2014. – 1 007 с.

16. Рыбка Л.П. Структура механизма реализации принципа равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы по контракту [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». – 2011. – Вып. 4. – С. 113 – 120. – Режим доступа : <http://www.voennopravo.ru>.

17. Словарь основных военных терминов / под ред. С.Н. Красильникова. – М., 1965. – 1034 с.

18. Смирнова Н.П. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2 : Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы России. – СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1997. – 930 с.

19. Терешина Е.В. Правовой статус военнослужащих-женщин и его реализация в пограничных органах Федеральной службы безопасности. – М., 2005. – 187 с.

20. Чихвадзе В.М., Савицкий М.Я. Положение о воинских преступлениях (комментарий). – Ашхабад : ВЮА, 1943. – 348 с.

---

¹ Рецензент – С.Э. Несмеянова, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета.

² История реализации принципа равенства мужчин и женщин – военнослужащих отражена в статье: Зайков Д.Е. Историко-правовая характеристика развития института равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2009. Вып. 4. С. 22 – 31. URL: <http://www.voennopravo.ru>.

³ Hazleton L. *Israeli Women: The Reality Behind the Myths*. New York, Simon and Schuster, 1977. С. 77.

⁴ Tsakyrakis S. Proportionality: An Assault on Human Rights? // *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 7. 2009. №. 3. P. 468 – 493.

⁵ Izraeli D. N. *Paradoxes of Women's Service in the Israeli Defense Forces* // *Military, State and Society in Israel*. New Brunswick (USA). Transaction Publishers, 2001. P. 34 – 90.

⁶ Подробный анализ военного законодательства государств – членов Европейского союза содержится в работе: Терешина Е.В. Правовой статус военнослужащих-женщин и его реализация в пограничных органах федеральной службы безопасности. М., 2005. С. 53 – 75.

⁷ Sorin K. *Femmes en armes, une place introuvable? Le cas de la féminisation des armées* // *LynHarmattan*, 2003. С. 45 – 60.

⁸ Решение Суда Европейских Сообществ от 15 июля 1964 года, Costa/E.N.E.L., дело 6/64, Rec., 1964, С. 1141; от 9 мая 1978 года, Симменталь, дело 106/77, Rec., 1978, С. 609.

⁹ Directive 2000/78/CE du Conseil du 27 novembre 2000 portant création d'un cadre général en faveur de l'égalité de traitement en matière d'emploi et de travail // JO 2000, L 303. P. 16.

¹⁰ Решение Суда Европейских Сообществ от 11 января 2000 года, дело C-285/98, Крейль, Rec., 2000, С. 1 – 69.

¹¹ Структура принципа равенства мужчины и женщины при прохождении военной службы по контракту отражена в статье: Рыбка Л.П. Структура механизма реализации принципа равенства мужчин и женщин при прохождении военной службы по контракту [Электронный ресурс] // ЭНИ «Военное право». 2011. Вып. 4. С. 113 – 120. URL: <http://www.voennopravo.ru>.

¹² Koukoulis-Spiliotopoulos S. Maintenir et développer l'acquis en matière d'égalité des genres // Revue du droit de l'égalité des genres. 2008. № 1. P. 16 – 25.

¹³ См. об этом подробнее: Ефремов А.В. О некоторых вопросах, связанных с предоставлением гарантий лицам, воспитывающим детей без матери, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, при расторжении трудового договора // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 88 – 92.

¹⁴ Ефремов А.В. Особенный правовой режим в отношении труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 70 – 72.

¹⁵ Криль Ф. Международное гуманитарное право о защите женщин // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве : сб. ст. и док. М., 1999. С. 47, 50.

¹⁶ Женевские Конвенции от 12 августа 1949 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.

¹⁷ Из определения вооруженного конфликта, данного Международным трибуналом по Югославии в деле Тадича Д. // Давид. Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 90.

¹⁸ Владимиров В.А. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1979. С. 533.

¹⁹ Смирнова Н.П. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2 : Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы России. СПб., 1997. С. 97 – 99.

²⁰ Словарь основных военных терминов / под ред. С.Н. Красильникова. М., 1965. С. 67.

²¹ Чхиквадзе В.М., Савицкий М.Я. Положение о воинских преступлениях (комментарий). Ашхабад, 1943. С. 43.

²² Дополнительные Протоколы к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающиеся защиты жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb31.htm>.

²³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

²⁴ Мусаев Х.А. Боевая обстановка как конструктивный признак состава преступления // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 14 : в 2 т. Т. 2. М., 2014. С. 669.

²⁵ Кревельд М. ван. Трансформация войны / пер. с англ. М., 2005. С. 47.

К вопросу предоставления достойных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим и членам их семей

Аннотация: в статье рассматриваются правоотношения, связанные с предоставлением государственных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим и членам их семей в случае повреждения здоровья или гибели (смерти) военнослужащего.

Ключевые слова: риск, безопасность, смерть, военная служба, возмещение вреда, призыв, контракт, инвалидность, пенсия, гарантия, компенсация, военнослужащий.

Efremov A.V.,
head of the legal branch of the
military commissariat of the Republic of Chuvashia,
ds28806@chebnet.com

On the issue of decent social guarantees and compensations to servicemen and members of their families

The article considers the relationship relating to the provision of state social guarantees and compensations to servicemen and their family members in the event of damage to health or death (death) of a serviceman.

Key words: risk, safety, death, military service, compensation for damage, call a contract, a disability pension guarantee payment, soldier.

Есть некоторые профессии, избирая которые, человек сознательно подвергает свою жизнь серьезному риску. В ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» специально указывается: «На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии и компенсации».

Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации¹ прямо устанавливает: «Воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего беспрекословно выполнять поставленные задачи в любых условиях, в том числе с риском для жизни, стойко переносить трудности военной службы». Гражданин, добровольно выбирая такую профессию, потенциально распоряжается своим правом на жизнь. Государство не осуждает подобное поведение, а, как видно, наоборот, поощряет, устанавливая систему льгот, компенсаций и специальных выплат. Однако в данном случае риск для жизни может и не носить реального характера, выбор возникает только в конкретной ситуации. Гражданин может установить приоритет не в пользу интересов выбранной службы. Другое дело, что он будет нести

за это ответственность, в том числе уголовную. В любом случае российский военнослужащий не камикадзе, подписавший контракт на обязательную смерть².

Например, направление военнослужащего в зону боевых действий является ничем иным, как актом распоряжения жизнью военнослужащего, так как риск причинения смерти максимален (исходя из существа права на жизнь, гарантированного ст.ст. 20 и 55 Конституции Российской Федерации). В условиях мирного времени это возможно только с согласия военнослужащего, но даже при наличии такого согласия командование должно принять все меры, направленные на обеспечение его безопасности как тактическими средствами и способами ведения боя, так и путем формирования навыков и умений у каждого военнослужащего. Несоблюдение вышеизложенных требований по обеспечению безопасности позволяет ставить под сомнение законность направления военнослужащего в зону вооруженного конфликта, качество предварительного обучения (подготовки) для ведения боевых действий в условиях горной местности, города и т. д. А значит, и гарантии безопасности военной службы также должны быть установлены на федеральном уровне. Однако в условиях боевых действий гарантировать безопасность практически невозможно, можно обеспечить лишь имущественные гарантии на случай причинения вреда³.

Следовательно, под безопасностью военнослужащего необходимо понимать состояние защищенности его интересов, выражающееся в отсутствии реальных возможностей наступления вредных для него обстоятельств. В данном определении говорится об отсутствии реальных возможностей наступления вредных обстоятельств, поскольку они возникают из абстрактных обстоятельств, появление которых предотвратить невозможно. В реальной действительности по многочисленным причинам безопасность военнослужащего как таковая недостижима, так как каждому из нас всегда угрожают какие-то опасности, о которых мы не всегда помним и которые не всегда осознаем. Тем не менее, они реальны, особенно в ходе выполнения обязанностей военной службы, которые сопряжены с прямым или косвенным риском для жизни. Из принципиальной недостижимости безопасности военнослужащего вовсе не следует, что к ней не следует стремиться как к идеалу, постоянно повышая степень защищенности военного человека, последовательно и параллельно обеспечивая ему витальный, физический, психический, духовный, интеллектуальный и другие компоненты безопасности.

Исходя из уяснения сущности безопасности военнослужащего, можно определить обеспечение безопасности военнослужащего как деятельность, препятствующую возникновению и воплощению в жизнь реальных возможностей наступления вредных для конкретного военнослужащего обстоятельств. Тогда под правовым обеспечением безопасности военнослужащего следует понимать деятельность отдельных людей, в том числе самого военнослужащего, должностных лиц, специальных подразделений и структур по недопущению и устранению реальных возможностей наступления вредных обстоятельств для военнослужащего на основе права, с помощью сил и средств, предусмотренных законами⁴.

Таким образом, военнослужащий, независимо от формы прохождения им военной службы – по контракту или по призыву, должен знать о том, что в случае его гибели или повреждения его здоровья ему или членам его семьи (в случае его гибели) будут предоставлены вполне достойные государственные социальные гарантии и компенсации, а также различные меры социальной поддержки со стороны государства, которое он защищает не щадя своей жизни⁵.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что различия в условиях приобретения отдельными категориями граждан права на пенсию и реализацию пенсионных прав не должны устанавливаться произвольно. Они допустимы, если объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для до-

стижения этих целей правовые средства соразмерны им. В сфере пенсионного обеспечения соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (п. 3.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 12-П).

Также, например, размеры пенсии по инвалидности дифференцируются у военнослужащих в зависимости от группы и причины инвалидности, у остальных категорий граждан – только в зависимости от группы инвалидности. Из сравнения понятия военной травмы, закрепленного в подп. 1 п. 2 ст. 15 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о государственном пенсионном обеспечении) и подп. «а» ст. 21 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (далее – Закон 1993 г.), пенсия по инвалидности вследствие военной травмы не назначается бывшим военнослужащим, проходившим военную службу по призыву и ставшим инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных во время их пребывания в плену. Таким образом, можно говорить о неравноправном положении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. И хотя в настоящее время в связи с отсутствием крупномасштабных войн такое различие может не иметь большого практического значения, принципиальный подход законодателя к пенсионному обеспечению указанных категорий военнослужащих не может быть, на наш взгляд, оценен как соответствующий Конституции Российской Федерации.

Согласно ст. 15 Федерального закона о государственном пенсионном обеспечении военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, размер пенсии по инвалидности устанавливается как процент социальной пенсии. В соответствии со ст. 22 Закона 1993 г. размер пенсии военнослужащим, проходившим службу по контракту, устанавливается в процентном отношении от суммы денежного довольствия. На наш взгляд, условия назначения пенсии для всех военнослужащих должны быть одинаковыми, поскольку условия их службы принципиально не различаются. И призывники, и контрактники подчиняются одним и тем же воинским уставам, одинаково должны рисковать здоровьем при исполнении своих обязанностей, несут одинаковую дисциплинарную и уголовную ответственность и т. д. Вместе с тем, размер пенсии, составляющий 300 % социальной пенсии у солдата-призывника, может оказаться менее размера пенсии (85 % денежного довольствия) у солдата-контрактника. Данная проблема возникла после перехода на контрактную основу и повышения денежного довольствия военнослужащим. На наш взгляд, более справедливым является установление проходящим службу по призыву солдатам, матросам, сержантам и старшинам денежного довольствия на уровне денежного довольствия равных им по званию военнослужащих, проходящих службу по контракту, и исчисление размера пенсии по инвалидности из него по правилам Закона 1993 г.⁶

Юридическим фактом, с которым закон связывает право членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего на более высокие меры социальной поддержки, является гибель (смерть) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы⁷.

Исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы, установлен п. 1 ст. 37 Федерального закона от

28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». При этом как для назначения пенсии по случаю потери кормильца в более высоком размере, так и для назначения выплат определяющее значение при смерти военнослужащего от заболевания имеет не тот факт, что смерть наступила при исполнении обязанностей военной службы (например, в госпитале, в служебном кабинете, при следовании на службу или с нее), а то, что заболевание, от которого умер военнослужащий, находится в прямой причинной связи с исполнением им обязанностей военной службы, подтверждаемой заключением военно-врачебной экспертизы (далее – ВВЭ). Действующее законодательство не позволяет оспорить должностным лицам (в соответствии с п. 5 ст. 61 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») заключения ВВЭ являются обязательными для исполнения всеми должностными лицами на территории Российской Федерации, т. е. для всех органов власти, в том числе и для работников военных комиссариатов) соответствующие медицинские заключения, вынесенные военно-врачебными комиссиями, субъектом, наделенным правом на их обжалование, является только сам освидетельствуемый военнослужащий, а в случае смерти (гибели) военнослужащего правом на обжалование наделены его близкие родственники (выгодоприобретатели)⁸.

Заключения военно-врачебных комиссий могут быть оспорены в судебном порядке. Данные гражданские дела подсудны военным судам, поскольку военно-врачебные комиссии обладают признаками органов военного управления в сфере организации и проведения медицинского освидетельствования военнослужащих и граждан, поступающих на военную службу⁹.

Судами, в том числе Конституционным Судом Российской Федерации¹⁰, нередко рассматриваются дела, связанные со спорными вопросами назначения (определения размера) пенсий по случаю потери кормильца родителям погибших (умерших) во время прохождения военной службы по призыву военнослужащих. При этом размер пенсии по случаю потери кормильца зависит от того, произошла ли гибель (смерть) военнослужащего вследствие военной травмы или нет. Более льготное пенсионное обеспечение (более высокий размер пенсии по случаю потери кормильца) предоставляется родителям военнослужащих, умерших (погибших) вследствие военной травмы. Так, в соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»:

- на каждого нетрудоспособного члена семьи погибшего (умершего) вследствие военной травмы кормильца выплачивается пенсия в размере 200 % размера социальной пенсии;
- если кормилец умер вследствие заболевания, полученного в период военной службы, размер пенсии составит 150 % размера социальной пенсии¹¹.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 17 июля 2003 г. № 268-О высказал правовую позицию, заключающуюся в том, что установление зачета периодов прохождения военной службы в выслугу лет в льготном исчислении для назначения пенсии военнослужащим, проходившим военную службу в особых условиях в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин, и соответственно дифференциация в пенсионном обеспечении, в том числе в правилах исчисления выслуги лет в зависимости от того, осуществлялась ли военная служба на профессиональной, контрактной основе либо она проходила по призыву, не могут рассматриваться как не соответствующие с требованиями конституционного принципа равенства всех перед законом и судом и равенства прав и свобод человека и гражданина и нарушающие право на пенсионное обеспечение. А также из вышеуказанного определения Конституционного Суда Российской Федерации следует, что именно федеральный законодатель, учитывая финансовые возможности государства и иные факторы, в том числе связанные с необходимостью более широкого привлечения граждан Российской Федерации на военную службу на контрактной основе, вправе решать, целесообразно ли ус-

танавливать правило о том, чтобы время их военной службы по призыву в особых условиях засчитывалось им в выслугу лет при назначении пенсии в соответствии со ст. 13 Закона 1993 г. не в календарном, а в льготном исчислении. 22 сентября 1993 г. Советом Министров – Правительством Российской Федерации принято Постановление № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службы в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» (далее – Постановление).

В п. 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах”» от 21 июля 1993 г. № 5481/1-1 указано на то, что при применении ч. 2 ст. 2 Закона Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» в целях исчисления трудового стажа для назначения пенсий в соответствии со ст. 94 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» военнослужащие, выполняющие задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, считаются проходящими военную службу в действующей армии. Таким образом, военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, засчитывается в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсий один месяц военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах за три месяца, о чем издаются приказы соответствующих командиров (начальников)¹².

Наверное, нет ничего страшнее в нашей жизни, чем потеря близких людей. Труднее всего осознавать гибель родных людей родителям погибших военнослужащих. Граждане такой категории должны иметь, на взгляд автора настоящей статьи, особый социальный статус. И особенно важно, чтобы они могли практически реализовать социальные гарантии, обусловленные их социальным статусом. Отмеченные в последние годы высокие темпы законодательства по широкому спектру вопросов социального обеспечения таких граждан свидетельствуют о некоторой стабильности и проработанности действующих законодательных норм. Однако справедливости ради следует признать и другое: назрела необходимость серьезного пересмотра мер социальной защиты, предоставляемых родителям погибших в связи с исполнением обязанностей военной службы военнослужащих, проходивших военную службу по призыву.

Так, в одной ситуации родители погибшего военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, имеют право на льготы независимо от того, находились они на иждивении военнослужащего или нет, а в другой ситуации, чтобы воспользоваться своим правом на определенную льготу, граждане указанной категории должны быть признаны находившимися на иждивении у погибшего военнослужащего. Когда такие ситуации связаны с военнослужащими, проходившими военную службу по контракту, на взгляд автора статьи, все предельно ясно: военнослужащий, проходивший военную службу по контракту, до своей гибели перечислял денежные средства, приобретал медицинские препараты и т. д. своим родителям,

родители в судебном порядке смогут доказать, что они находились на его иждивении. А как быть с военнослужащими, погибшими при исполнении обязанностей военной службы и проходившими военную службу по призыву, которые в силу своего небольшого денежного довольствия не могли оказывать действительную помощь своим родителям? Ведь совершенно ясно, что здесь у родителей возникнут огромные трудности при представлении в суд доказательств того, что они находились на иждивении у военнослужащего. Не каждый из родителей погибших военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, способен при таком горе, постигшем его семью, обратиться в суд за защитой своих прав.

Например, совершенно непонятно, почему родители погибшего при исполнении служебных обязанностей военнослужащего, проходившего военную службу по призыву в районе боевых действий, не отнесены федеральным законодателем к членам семьи военнослужащего в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»? Родители, воспитавшие достойных сыновей своего Отечества, которые с оружием в руках до последней капли крови защищали свою Родину, не имеют права быть признанными членами их семей? Это не только не логично, но и социально необоснованно. Молодые граждане мужского пола от 18 до 27 лет, призванные на военную службу, не успев создать свои семьи, часто не имея своих детей, погибая на поле брани, защищая свое Отечество, уже не могут обеспечить достойную старость своих родителей, принося своей гибелью лишь вечное горе и чувство несправедливости в этом мире. И не отнести родителей военнослужащих, проходивших военную службу по призыву (а также по контракту, так как статус военнослужащего един по своей природе) и погибших при исполнении служебных обязанностей, к членам их семей не просто не разумно, а, на взгляд автора, и социально опасно для общества и социального государства в целом.

Библиографический список

1. *Жаворонков, Р.Н.* Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / Р.Н. Жаворонков. – М., 2014.
2. Комментарий законодательства о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих [Текст] / под ред. В.М. Калинина. – М. : За права военнослужащих, 2004.
3. *Романовский, Г.Б.* О праве на смерть [Текст] / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. – 2012. – № 6.
4. *Борисов, О.А.* Правовое обеспечение безопасности военной службы как составная часть правового обеспечения прохождения военной службы [Текст] / О.А. Борисов // Рос. военно-правовой сб. – 2006. – № 5. – С. 77.
5. *Ефремов, А.В.* Проблемы единства объема социально-пенсии граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей [Текст] / А.В. Ефремов // Гражданин и право. – 2015. – № 9.
6. *Балабанов, Н.Н.* Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам [Текст] / Н.Н. Балабанов, Ю.Н. Туганов. – М. : За права военнослужащих, 2011.
7. *Ефремов, А.В.* О некоторых вопросах, возникающих при назначении родителям погибшего при прохождении военной службы по призыву пенсии по случаю потери кормильца (по материалам судебной практики) [Текст] / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 6.
8. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» [Текст] / под ред. К.В. Фатеева, А.В. Кудашкина. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : За права военнослужащих, 2009.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

² Романовский Г.Б. О праве на смерть // Гражданин и право. 2012. № 6.

³ Калинин В.М. Комментарий законодательства о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих. М., 2004. С. 91 – 92.

⁴ Борисов О.А. Правовое обеспечение безопасности военной службы как составная часть правового обеспечения прохождения военной службы // Рос. военно-правовой сб. 2006. № 5. С. 77.

⁵ Ефремов А.В. Проблемы единства объема социально-пенсионных прав граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей // Гражданин и право. 2015. № 9.

⁶ Жаворонков Р.Н. Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 245 – 246.

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 82-В08-9.

⁸ Ефремов А.В. Права членов семьи умершего военнослужащего на получение единовременных пособий, ежемесячных денежных выплат и пенсии по случаю потери кормильца на льготных условиях зависят от причинно-следственной связи смерти военнослужащего с исполнением им обязанностей военной службы, установленной военно-врачебной экспертизой // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 6.

⁹ Балабанов Н.Н., Туганов Ю.Н. Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам. М., 2011.

¹⁰ См., например, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 1131-О.

¹¹ Ефремов А.В. О некоторых вопросах, возникающих при назначении родителям погибшего при прохождении военной службы по призыву пенсии по случаю потери кормильца (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 6.

¹² Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

Заневская Н.А.,
преподаватель кафедры гражданского права
Военного университета,
zan_natalia@mail.ru

Правовое регулирование установления надгробного памятника умершим (погибшим) военнослужащим¹

Аннотация: в статье раскрывается порядок осуществления увековечения памяти умерших (погибших) военнослужащих в форме установления надгробного памятника. Проведенный анализ позволяет выявить круг лиц, имеющих право осуществлять установку надгробия, разъяснить правовые термины «исполнитель волеизъявления», «лицо, ответственное за место захоронения». В статье рассматриваются случаи запрета осуществлять увековечение памяти в данной форме.

Ключевые слова: лицо, ответственное за место захоронения, установление надгробного памятника, увековечение памяти, надгробие, могила.

Zanevskaya N.A.,
teacher of civil law Department
of the Military University
of the Ministry of defense of the Russian Federation,
zan_natalia@mail.ru

Legal regulation of the establishment of a tombstone to deceased (dead) military personnel

The article reveals the exercise of memorialization of the deceased (dead) military personnel in the form of the establishment of tombstone. The analysis allows us to identify the range of persons entitled to carry out the installation of the gravestone, to explain the legal terms «executor of will», «the person responsible for a burial place». The article examines the cases of the prohibition to exercise the perpetuation of the memory in this form.

Key words: the person responsible for a burial place, establishment of tombstone, memorialization, tombstone, tomb.

Характер деятельности военнослужащих в сфере обороны, связанный с вооруженной защитой страны в целях обеспечения безопасности государства, обуславливает наделение военнослужащих рядом специфических прав и обязанностей. Исполнение таких обязанностей военнослужащими происходит вне зависимости от наличия риска для их жизни и здоровья. Специфика прохождения военной службы заключается в «повышенной (в сравнении с другими видами профессиональной деятельности) вероятности получить травму, ранение, даже погибнуть в ходе исполнения обязанностей военной службы»². В такой ситуации правомерно говорить о наличии дополнительных обязательных гарантий со стороны государства в отношении лиц, осуществляющих свою деятельность в крайне сложных условиях. Такие гарантии имеют место в различных сферах как во время прохождения гражданами военной службы, так и в случае их смерти (гибели).

В случае гибели военнослужащего при прохождении им военной службы, а равно смерти в результате полученного им заболевания или увечья государством выделяются денеж-

ные средства (за счет средств Министерства обороны Российской Федерации) на погребение этого лица, а также на установку надгробного памятника.

Такие гарантии распространяются также и на иные категории лиц, перечисленные в положениях приказа министра обороны Российской Федерации от 13 января 2008 г. № 5³.

Учитывая применение законодателем нескольких сходных терминов и во избежание разночтений, укажем, что «намогильное сооружение» представляет собой архитектурно-скульптурное сооружение, содержащее мемориальную информацию, предназначенное для увековечения памяти умерших или погибших, устанавливаемое на месте захоронения⁴. Намогильное сооружение может называться «надгробие», что подразумевает равное юридическое значение этих категорий. Намогильное сооружение может быть нескольких видов и представлять собой памятник (в виде стелы, обелиска, плиты, скульптуры, камня, креста) или построено в виде отдельного помещения (склепа, пanteона, мавзолея). Таким образом, «надгробный памятник» (этот термин применяется в военном законодательстве) является одним из видов намогильного сооружения и соотносится с ним как частное и общее.

По своей природе погребение и установка надгробного памятника военнослужащему являются одной из форм увековечения памяти, т. е. деятельности, направленной «на сохранение в воспоминаниях потомства»⁵ лиц и событий, а следовательно, к ним применяются ограничения, установленные федеральным законодательством. Так, увековечение памяти не производится в отношении лиц, погибших или умерших в плену, оказавшихся там хотя и в силу сложившейся боевой обстановки, но при этом либо изменивших Родине, либо утративших свою честь и достоинство. Отказ в увековечении памяти не может быть принят лишь на основании субъективного восприятия события и действий лица, факт совершения тех или иных поступков умершего (погибшего) в плену военнослужащего должен быть установлен в надлежащем порядке. Анализ положений норм Закона «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» дает основание сделать заключение о наличии запрета проводить мероприятия по увековечению указанной категории лиц органам государственной власти и органам местного самоуправления. Открытым остается вопрос о возможности проводить такие мероприятия частными лицами. Другим случаем установления запрета увековечивать память лица после его смерти можно считать приведение в исполнение в отношении его смертной казни. В данном случае увековечение лица в форме установления намогильного сооружения, в том числе надгробия, невозможно в силу отсутствия доступа кого-либо из заинтересованных лиц как к телу умершего, так и к месту его захоронения.

От запрета производить увековечение военнослужащего путем установки надгробных памятников следует отличать случаи, когда возмещение затрат на увековечение в данной форме не производится по иным причинам. В некоторых случаях отказ возместить расходы на установление надгробного памятника происходит в силу отсутствия у умершего (погибшего) лица права быть увековеченным данным образом за счет средств государства. Порой признание лица неприобретшим такое право возникает вследствие наличия различных технических ошибок и опечаток, когда данные, индивидуализирующие лицо, указанные в одних документах, не соответствуют данным, указанным в других. Случаи отказа в возмещении расходов по данному обстоятельству встречаются достаточно часто, а допущенные ошибки датируются различными периодами. В других случаях налицо неправильное отнесение умершего лица к числу категорий, удостоенных права быть увековеченными за счет средств государства, что возникает при ошибочном толковании нормативных правовых актов родственниками умершего и иными лицами, осуществлявшими установку намогильного памятника. Если в первом из приведенных случаев возмещение затрат может быть произведено после устранения причин произведенного отказа (например, путем уста-

новления факта принадлежности документов одному лицу), то во втором случае возмещение затрат может быть произведено лишь в случае установления еще одной категории лиц, на которых распространяются данные права.

Положения нормативных правовых актов в сфере погребения и увековечения памяти содержат различные термины, такие как «лицо, ответственное за захоронение», «лицо, взявшее обязанности по увековечению памяти», «исполнитель волеизъявления умершего», соотношение между которыми на законодательном уровне не установлено. В связи с этим, а также в целях реализации гражданами своих прав в указанной сфере необходимым видится проведение анализа названных категорий путем их сопоставления.

Интересным также представляется вопрос, какое лицо вправе установить надгробный памятник и требовать возмещения расходов на его изготовление и установку за счет средств Министерства обороны Российской Федерации.

Исполнителем волеизъявления умершего признается лицо, взявшее на себя обязанность исполнить волеизъявление умершего в достойном отношении к его телу. Круг вопросов, разрешаемых исполнителем волеизъявления, строго ограничен и сводится к решению юридической судьбы органов и (или) тканей, а также тела (останков) умершего. Обычно исполнителем волеизъявления назначается лицо, указанное в самом волеизъявлении умершего (погибшего). С учетом характера волеизъявления о достойном отношении к телу после смерти как односторонней сделки для ее совершения необходимо и достаточно выражения воли только одной стороны, т. е. самого волеизъявителя. Согласие лица, на которое налагаются такие обязанности, в момент совершения данной сделки не требуется, такое согласие будет необходимо лишь после смерти волеизъявителя. В связи с тем что исполнителем данной сделки – это право, а не обязанность, лицо, указанное как исполнитель волеизъявления, может как принять на себя исполнение обязательства, так и отказаться от него. В случае отказа такого лица, а равно в случаях, когда волеизъявитель не воспользовался правом указать такое лицо, обязанности по достойному отношению к телу (в том числе погребение) исполняются супругом, близкими родственниками, иными родственниками либо законным представителем умершего. В определенных случаях эти обязанности могут быть исполнены иным лицом.

Обязанности по достойному отношению к телу считаются исполненными с момента погребения тела (праха) умершего (погибшего) лица.

Несмотря на то что лицу, взявшему на себя исполнение обязанностей по осуществлению организации погребения, необходимо выполнить весь процесс организации погребения от оформления документов до принятия на себя ответственности за место захоронения⁶, последнее является правом, а не обязанностью лица. Поэтому лицо, осуществившее организацию погребения, может как стать ответственным за место захоронения, так и отказаться от этого права. Такой отказ может быть осуществлен как непосредственно после проведения погребения, так и в любой момент с одновременной передачей права ответственности за могилу иному, готовому принять на себя такую ответственность, лицу.

Согласно положениям п. 2.1.15, п. 2.2.4 Национального стандарта ГОСТ Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения» ответственным за место захоронения является лицо, взявшее на себя обязательство обеспечивать надлежащее содержание места захоронения и постоянный уход за ним. Документом, подтверждающим наделение лица такими обязанностями в отношении конкретного захоронения, признается удостоверение о захоронении.

Статус ответственного за место захоронения связан с предоставлением лицу определенных прав и с наложением ряда обязанностей. Первые сводятся к возникновению права дальнейшего использования места захоронения, т. е. принятия решения о последующих погреб-

бениях, перезахоронениях, а также установке надмогильных сооружений и т. д. Таким образом, только лицо, ответственное за место захоронения, вправе производить установку надмогильного сооружения, проводить благоустройство прилегающей территории, включая установление ограды, озеленение, установку дополнительного освещения, ремонт указанных объектов и т. д., а также требовать возмещения ущерба, причиненного могиле, надмогильному сооружению. У иных лиц, по собственному желанию осуществляющих уход за могилой, но официально не обладающих специальным статусом, не возникает право требовать совершения каких-либо действий в отношении захоронения (кроме требования перерегистрации ответственности на себя).

Так, истцу по делу № 2-11/2015 было отказано в перезахоронении тела, восстановлении ограды и компенсации морального вреда в связи с тем, что истец не является лицом, ответственным за захоронение, удостоверение о захоронении ему не выдавалось, а потому истец не может быть признан надлежащим истцом, имеющим право заявлять данные требования⁷.

Перечень обязанностей ответственного за место захоронения лица установлен Рекомендацией о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации МДК 11-01.2002 и сводится к обязанности поддержания чистоты и порядка на месте захоронения и проведения ремонта надмогильных сооружений и ухода за могилой. Сходные обязанности ответственного лица устанавливаются и законами субъектов Российской Федерации. Чаще всего эти обязанности заключаются в надлежащем уходе за местом погребения и прилегающей к могиле территорией, а их неисполнение может стать основанием принудительного изменения ответственного лица. Именно в связи с ненадлежащим исполнением своих обязанностей лицом, ответственным за место захоронения, Савеловским районным судом г. Москвы был удовлетворен иск о перерегистрации захоронения⁸. Аналогичное решение принято этим же судом по делу № 2-7305/14⁹.

Обратиться же за возмещением расходов на изготовление и установку надгробного памятника умершему (погибшему) военнослужащему могут лица, взявшие на себя обязанности по увековечению памяти умершего лица. Принимая во внимание то, что надмогильное сооружение может быть установлено только по решению лица, ответственного за место захоронения, можно заключить, что возмещение затрат будет осуществлено гражданину, одновременно имеющему обязанности по увековечению памяти военнослужащего и по уходу за местом погребения, подтверждаемые удостоверением о захоронении. Отметим, что возмещение затрат производится только после фактической установки надгробного памятника, т. е. после завершения всего спектра работ и в размере норм расходов денежных средств. Это означает, что в случаях, когда размер затрат лица составил сумму, меньшую или равную норме расходов, установленных Правительством Российской Федерации, оплате подлежат произведенные расходы в полном объеме. Когда же размер произведенных затрат на установку надмогильного памятника превышает указанные нормы, оплата производится в сумме, равной этой норме, а оставшаяся сумма относится на счет лица, осуществившего увековечение памяти. Факт установки необходимо подтвердить предоставлением фотографии.

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации предусмотрен механизм увековечения памяти умерших (погибших) военнослужащих в форме установления надгробного памятника, осуществляемого за счет средств государства.

Библиографический список

1. Савин, И.Г. Правовое регулирование предоставления выплат членам семей погибших (умерших) военнослужащих [Текст] / И.Г. Савин // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 1. – С. 24 – 30.

---

2. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1062454>.

---

¹ Рецензент – В.Н. Старцун, доктор юридических наук, профессор.

² *Савин И.Г.* Правовое регулирование предоставления выплат членам семей погибших (умерших) военнослужащих // *Право в Вооруженных Силах*. 2014. № 1. С. 24.

³ Приказ министра обороны Российской Федерации от 13 января 2008 г. № 5 «О погребении погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, уволенных с военной службы».

⁴ Пункт 2.6.1 Национального стандарта ГОСТ Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения», утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 декабря 2008 г. № 516-ст (М., 2009).

⁵ Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1062454> (дата обращения: 28.10.2015).

⁶ Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации МДК 11-01.2002. (рекомендованы Протоколом Госстроя РФ от 25.12.2001 № 01-НС-22/1). М., 2002.

⁷ Решение Староюрьевского районного суда Тамбовской области № 2-11/2015 2-11/2015(2-449/2014;)~М-417/2014 2-449/2014 М-417/2014 от 3 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PssxIwI0j8t/> (дата обращения: 02.03.2015).

⁸ Решение Савеловского районного суда города Москвы № 2-5519/2014 2-5519/2014~М-6067/2014 М-6067/2014 от 16 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xKlr3aCtWroX/> (дата обращения: 02.03.2015).

⁹ Решение Савеловского районного суда города Москвы № 2-7305/14 2-7305/2014 2-7305/2014~М-8475/2014 М-8475/2014 от 24 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cImesa6giI6p/> (дата обращения: 02.03.2015).

Иванеев С.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры Военного учебно-научного центра
Сухопутных войск «Общевойсковая Академия
Вооруженных Сил Российской Федерации»,
sivaneev@yandex.ru

Некоторые вопросы реализации свободы совести в органах военного управления¹

Аннотация: статья посвящена конституционно-правовым вопросам введения института помощников командира по работе с верующими военнослужащими в армии и на флоте.

Ключевые слова: военное духовенство, правовое воспитание, культ, свобода совести, светскость, религия.

Ivaneev S.V.,
PhD, Associate Professor of Military Training
and Research Center, Dry Putney troops
«Combined Military Academy of the Armed Forces
of the Russian Federation»,
sivaneev@yandex.ru

Some issues freedom of conscience the bodies of military control

The article is devoted to constitutional and legal issues of introducing the institution of assistant commander of the believers of military officers in the army and navy.

Key words: military clergy, legal education, religion, freedom of conscience, secularism and religion.

В феврале 2011 г. состоялась дискуссия за круглым столом среди известных конституционалистов², где обсуждались такие вопросы, как соотношение прав человека и интересов общества в целом в современных конституционных системах, универсализация конституционных ценностей, построение международного конституционализма, столкновение секуляризма и клерикализма. При этом, как ни странно, остались не рассмотренными вопросы антиконституционного введения института помощников командира по работе с верующими военнослужащими в армии и на флоте.

Непосредственно в Вооруженных Силах Российской Федерации органы военного управления как специально созданные государством обособленные органы, осуществляющие функции исполнительной власти, представляют определенную систему, созданную применительно к основным звеньям организационной структуры Вооруженных Сил Российской Федерации: центральные органы; органы управления военных округов, флотов, объединений, соединений, воинских частей; военные комиссариаты (территориальные органы военного управления); начальники гарнизонов, военные коменданты³.

Органы военного управления войсковыми объединениями, соединениями, воинскими частями состоят из воинских должностных лиц, осуществляющих функции командования, которые в соответствии с п. 4 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиоз-

ных объединениях» не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии.

Вместе с тем, серьезным препятствием на пути реализации свободы совести в органах военного управления является введение в штаты Минобороны России должностей помощников командиров по работе с верующими военнослужащими.

24 января 2010 г. министр обороны Российской Федерации А. Сердюков утвердил Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, которое 1 марта 2011 г. появилось в Интернете на одном из клерикальных сайтов⁴. При этом была нарушена ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Более того, целый год Минобороны России скрывало от научно-экспертного сообщества и российской общественности указанное Положение.

При этом в федеральных законах не был определен круг прав и обязанностей священнослужителей, их зона ответственности и компетенция. По крайней мере, все это публично не обсуждалось⁵.

Современные антиконституционные тенденции законодательства противоречат конституционно-правовым основам светского государства, так как принцип отделения религиозных объединений от государства для военной службы как разновидности государственной службы означает, что религиозные объединения не участвуют в организации и осуществлении военной службы, не оказывают какого-либо влияния на деятельность военнослужащих.

Право военнослужащих на свободу вероисповедания регламентировано Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», которым установлено, что право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 2 ст. 3); военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии (ч. 4 ст. 4); создание религиозных объединений в воинских частях запрещается (ч. 3 ст. 6); командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях и других религиозных обрядах (ч. 4 ст. 16).

Сущность реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания заключается в создании в воинских частях необходимых благоприятных условий для исповедания военнослужащими своей религии.

Однако обязанности командования по созданию благоприятных условий возникают только с момента обращения военнослужащих к командованию с изложением намерений воспользоваться своим правом. Применительно к российским военнослужащим реализация свободы совести и вероисповедания ограничена только в служебное время.

В настоящее время в нарушение ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в воинских частях и на кораблях существует огромное количество православных религиозных общин в виде религиозных групп, ведется прямо-таки соревнование по строительству культовых объектов.

Примером нарушения законодательства о свободе совести явилось десантирование под Рязанью из самолета Ил-76 на парашютной платформе сборно-разборных конструкций полкового мобильного храма, который священнослужители собрали на площадке приземления.

А ведь финансирование из бюджета подобных «учений» является нарушением ст. 14 Конституции Российской Федерации и нарушением прав налогоплательщиков, в том числе военных пенсионеров. Тем более что Воздушно-десантные войска (ВДВ) – род войск, предназначенный для ведения боевых действий в тылу противника, где надо не молиться, погрузившись в религиозные иллюзии и встав на колени в рабскую позу, а выполнять поставленную боевую задачу.

Как известно, в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президента Российской Федерации В.В. Путина от 12 декабря 2012 г. озвучена следующая целевая установка: *«Мы должны... укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России».*

Нравственными, гармоничными людьми, ответственными гражданами России в первую очередь, безусловно, должны быть военнослужащие, весь без исключения командный и рядовой состав Вооруженных Сил Российской Федерации – армии и флота. Задача формирования нравственных и гармоничных людей – ответственных граждан, из которых и может состоять цивилизованное гражданское общество, не нова и является практической работой в большинстве государств современного мира. Для этого в них постоянно работает система гражданского образования, отсутствующая, к сожалению, в нашей стране, что делает реализацию вышеприведенной целевой установки Послания Президента Российской Федерации практически невыполнимой.

Повышение уровня сознания военнослужащих посредством обучения современным гражданским знаниям, изменение парадигмы общественного развития – с превалирования насаждения *«страха Божьего, страха как нравственной категории»*⁶ на более действенную: их воспитание, обучение и просвещение – является главной задачей военно-политического руководства страны.

Одной из опасностей рискованного эксперимента по внедрению различных религиозных культов в Вооруженные Силы Российской Федерации является то, что клерикализация армии и флота нарушает основополагающие принципы самой концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил нашей страны. Согласно этим принципам требуется установить в информационно-воспитательной работе, в какой степени удастся формировать у обучаемых научное мировоззрение, убеждения, представления, моральные нормы и принципы поведения (приложение № 3 к приказу министра обороны Российской Федерации 2004 г. № 70).

В своей статье автор не собирается критиковать институт военного духовенства, так как считает, что он необходим, и об этом говорит международный опыт демократических стран, которые сумели на практике воплотить капелланское служение, сохранив единство воинских контингентов и межрелигиозный мир. Вместе с тем, автор вынужден признать научную интуицию А.В. Пчелинцева, предупреждавшего в 2010 г. об опасности прямой угрозы *дедовщины по религиозному принципу*, т. е. разделения по религиозному признаку, когда большинство будет избивать меньшинство за то, что кто-то исповедует «не нашу веру» либо не исповедует никакой, так как во главе вероучения России встанет православный священнослужитель⁷.

А.В. Пчелинцев был прав, когда предупреждал, что единственный назначенный священнослужитель будет своего рода идеологическим воспитателем, «замполитом», так как должность помощника командира по работе с верующими – всего одна и священнослужителя, согласно п. 13 вышеназванного Положения, обязывают «участвовать в укреплении

правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий». Опасения А.В. Пчелинцева полностью подтверждаются дисциплинарной практикой Минобороны России, когда «замполитами в рясах» нарушаются права и законные интересы гуманистов, свободомыслящих, антиклерикалов, рационалистов, секуляристов, атеистов, и просветителей.

За последнее время в органах военного управления увеличились случаи нарушения свободы совести со стороны помощников командиров по работе с верующими. Подтверждением научной позиции автора по данному вопросу является вопиющий случай нарушения в отношении его свободы совести со стороны помощника начальника ВА РВСН им. Петра Великого по работе с верующими военнослужащими священником Яковлевым А.С., который не принял его научной рецензированной статьи и не пустил автора на военно-научную конференцию только лишь из-за фразы К. Маркса в научной статье.

Сама статья была посвящена осуществлению правового обучения и формированию правовой культуры военнослужащих-мусульман и не нарушала религиозные чувства верующих.

Причем фраза молодого Маркса в эпиграфе статьи носила научный характер и не имела политического подтекста, способного вызвать раздражение у священнослужителя-цензора: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»⁸. Но, видимо, ненависть к Марксу у представителя «черносотенного духовенства» стала решающим фактором, заставившим его забыть о своей должности секретаря оргкомитета конференции (sic!).

Военным прокурором Власихинского гарнизона полковником юстиции Мосиным О.В. в адрес автора был направлен ответ (№ 1096 от 27.03.2014), в котором указано, что решение об исключении его из числа участников конференции было принято единолично секретарем оргкомитета конференции – помощником начальника академии по работе с верующими военнослужащими священником Яковлевым А.С. и с начальником академии генерал-лейтенантом Федоровым В.А. не согласовывалось. По результатам проверки в связи с выявленными нарушениями закона в адрес начальника штаба РВСН внесено представление об их устранении.

Парадоксально, но военным прокурором Власихинского гарнизона полковником юстиции Мосиным О.В. в адрес автора вторично был направлен ответ (№ 4379 от 27.10.2014), в котором указано, что начальником управления по работе с верующими Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации Суровцевым А.И. со священником Яковлевым А.С. была проведена беседа о необходимости неукоснительного соблюдения законодательства Российской Федерации, регулирующего государственно-конфессиональные отношения, а также о недопустимости произвольного изложения действующих правовых актов. Яковлеву А.С. было указано на необходимость направления материалов в редакцию научного журнала «Гуманитарный вестник», выпускаемого Военно-техническим университетом Минобороны России, для опубликования опровержения на свою статью в соавторстве с доктором философских наук, профессором политологии Беляковым Б.Л., в которой они делают выводы о том, что *атеистическое* мировоззрение является основой деградации личности. Для специалистов в области государственно-конфессиональных отношений интересным может являться эпизод избегания ответственности священником РПЦ Яковлевым А.С.: во время прокурорской проверки он сообщил, что не является автором статьи, ее окончательной редакции перед опубликованием не видел и не согласен с приведенной в ней формулировкой. Он (Яковлев) как священнослужитель лишь консультировал Белякова по отдельным вопросам православной культуры. Опрошенный профессор Беляков Б.Л. подтвердил позицию Яковлева А.С., со-

общив, что статья является его (Белякова) личным суждением. И это несмотря на то, что с момента опубликования статьи Б.Л. Белякова в соавторстве с А.С. Яковлевым «К проблеме светского и духовно-религиозного в высшей военной школе современной России (уроки и выводы из шестнадцатилетней истории факультета православной культуры Военной академии РВСН имени Петра Великого)» до прокурорской проверки прошло 1, 5 года.

В таких случаях говорят: «Круг замкнулся!»

Сможет ли назначенный православный священнослужитель, занимающий должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими, «участвовать в укреплении правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий» в подразделениях с призывниками из Северного Кавказа? Конечно, нет. Они его просто не будут воспринимать.

Один из авторов научной монографии «Молодежь о религии и религиозном экстремизме» – профессор С.Ш. Муслимов⁹ провел в январе – мае 2013 г. социологическое исследование среди молодежи Дагестана по теме «Идеологические основы профилактики экстремизма и терроризма». Более 40 % опрошенных однозначно считают ислам истинной и последней мировой религией, которую должны принять все народы мира добровольно или по принуждению.

Таким образом, представляется целесообразным пересмотреть складывающуюся в Минобороны России практику и ее законодательное регулирование с учетом современных реалий, интересов противодействия межнациональным и межконфессиональным конфликтам в целях формирования реальных условий признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина согласно общепринятым принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации¹⁰.

Sapientiat! (лат.) – Для понимающего достаточно!

Библиографический список

1. Витрук, Н.В. Конституционализм: реальный или имитационный : сб. материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. [Текст] / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М. : Институт права и публичной политики, 2012. – 255 с. – (Серия «Современные конституционные исследования»).
2. Военно-административное право (военная администрация) [Текст] : учеб. / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. – М. : За права военнослужащих, 2008. – С. 22.
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1501407.html>.
4. Дамаскин, О.В. Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности [Текст] / О.В. Дамаскин. – М., 2007.
5. Интернет-журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kapellan.ru/>.
6. Лункин, Р.Н. Открытое обращение Института религии и права к министру обороны РФ Анатолию Сердюкову по поводу введения в России института военного духовенства [Текст] / Р.Н. Лункин, А.В. Пчелинцев // Религия и Право – Информ.-аналит. журн. – 2010. – № 2 (53).
7. Маркс, К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (между 15 января и 10 февраля 1842 г.) [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 1. – С. 7.
8. Муслимов, С.Ш. Какая вера нам нужна? [Текст] / С.Ш. Муслимов // Здравый смысл. – 2011 – 2012. – № 61 – 62. – С. 86 – 90.
9. Пчелинцев, А.В. Государство и церковь: изменение структуры отношений [Текст] / А.В. Пчелинцев // Религия и Право – Информ.-аналит. журн. – 2010. – № 2 (53).

¹ Рецензент – И.Н. Караваев, доктор военных наук, доцент.

² Конституционализм: идеал и/или реальность : сб. материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 г. / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. М., 2012. 255 с. (Серия «Современные конституционные исследования»).

³ См. подробнее: *Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В.* Военно-административное право (военная администрация) : учеб. М., 2008. С. 22.

⁴ URL: / <http://kapellan.ru/>

⁵ *Пчелинцев А.В.* Государство и церковь: изменение структуры отношений // Религия и Право – Информ.-аналит. журн. 2010. № 2 (53).

⁶ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1501407.html>.

⁷ *Лункин Р.Н., Пчелинцев А.В.* Открытое обращение Института религии и права к министру обороны РФ Анатолию Сердюкову по поводу введения в России института военного духовенства // Религия и Право – Информ.-аналит. журн. 2010. № 2 (53).

⁸ *Маркс К.* Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (между 15 января и 10 февраля 1842 г.) // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 7.

⁹ *Муслимов С.Ш.* Какая вера нам нужна? // Здравый смысл. 2011 – 2012. № 61 – 62. С. 86 – 90.

¹⁰ См. подробнее: *Дамаскин О.В.* Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности. М., 2007.

Манжула Е.В.,
кандидат технических наук, доцент,
преподаватель Военного учебно-научного центра
«Общевойсковая Академия Вооруженных Сил
Российской Федерации»,
manjulaev@mail.ru

Актуальные вопросы применения законодательства об альтернативной гражданской службе¹

Аннотация: в статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с применением законодательства об альтернативной гражданской службе. Автор приходит к выводу, что проблема отказа от военной службы и замены ее альтернативной – это не только юридическая и философская проблема, но и политическая.

Ключевые слова: альтернативная гражданская служба, право, призыв, военная служба, военный комиссариат.

Manzhula E.V.,
Ph.D., Associate Professor,
teacher Military Training and Research Center
«Combined Military Academy of the Armed Forces
of the Russian Federation»,
manjulaev@mail.ru

Current issues of legislation on alternative civil service

In the article discussion questions associated with the application of the legislation on alternative civilian service. The author comes to the conclusion that the problem of conscientious objection to military service and its replacement alternative is not only a legal and philosophical problem, but also political.

Key words: alternative civil service, law, recruiting, military service, military Commissariat.

В последние годы наряду с расширением добровольно-контрактной системы комплектования вооруженных сил во многих странах используются различные виды исполнения воинской обязанности, допускающие службу без оружия. Это объясняется тем, что не все молодые люди морально готовы к выполнению задач, предусматривающих использование различных форм и методов вооруженного насилия. Имеется множество причин для обоснования отказа служить в армии с оружием в руках – от духовно-нравственных ограничений религиозного или политического характера до обыкновенного малодушия. В результате этого значительное число молодых людей уклоняются от военного призыва.

Данные обстоятельства побудили военно-политическое руководство и парламенты ряда государств, прежде всего европейских, создать институт альтернативных видов служб, что позволяет определенной части призывной молодежи выполнять гражданский долг в областях, не связанных с вооруженными силами. Во Франции, Германии и Италии альтернативная служба была введена свыше 30 лет назад. Различные ее виды практикуются и в других странах Западной Европы. В России большинство вопросов отношений и процедур, связанных с реализацией гражданами нашей страны конституционного права на заме-

ну обязательной военной службы по призыву службой гражданской, урегулированы Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе». Порядок прохождения альтернативной гражданской службы регламентирован одноименным Положением, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2004 г. № 256.

Альтернативная гражданская служба (АГС) – это особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву.

В ст. 2 Конвенции Международной организации труда № 29 оговорено, что не является запрещенным принудительным или обязательным трудом любая обязательная военная служба, а в странах, в которых в качестве законного признается отказ от военной службы по легитимным основаниям, – и служба, назначенная вместо обязательной военной службы (например, альтернативная гражданская служба). Любая служебная деятельность является разновидностью трудовой деятельности, а военная служба по своей социальной сущности представляет собой ее особую разновидность.

Провозглашая право каждого на свободный выбор рода деятельности или профессии, Конституция Российской Федерации предусматривает возможность ограничения прав и свобод в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороноспособности и безопасности государства².

Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, если:

1) несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию.

При этом ни в Конституции Российской Федерации, ни в законе об АГС ничего не сказано о том, какие именно убеждения признаются противоречащими несению военной службы, и что вообще следует понимать под словом «убеждения». Из этого следует единственный вывод: в России основанием для предоставления права на АГС могут служить любые убеждения. При единственном условии: это должны быть не какие-то абстрактные убеждения «ни о чем», а твердые, осмысленные убеждения, препятствующие конкретному гражданину идти на военную службу. Если верующие могут отказаться от службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, обосновав это своим вероисповеданием, то другие граждане вправе заявлять не о вере, а об убеждениях, несовместимых с военной службой. Убеждения могут быть миротворческие, философские, морально-этические, политические, правовые либо иметь взаимодополняющее, комплексное содержание.

Почти две тысячи лет назад прозвучали слова рекрута Максимилиана Тебесского: «Мне непозволительно воевать, потому что я христианин». На всем протяжении этих двух тысячелетий вопрос остается актуальным – и для людей определенных убеждений совести, и для государства, для его стабильности и обороноспособности. Право на отказ от воинской службы по убеждениям совести нельзя считать проблемой, не заслуживающей самого серьезного беспокойства или находящейся вне рамок работы международного сообщества по защите и укреплению прав человека. Право на отказ от воинской службы по убеждениям является важнейшим составляющим элементом права на свободу мысли, совести и вероисповедания, сформулированного во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека.

В нашей стране каждому гарантируется свобода совести и убеждений. Статья 19 Конституции Российской Федерации гарантирует равенство всех людей перед законом. Не имеет значения, к какой конфессии принадлежит человек. Все абсолютно равны. А убеждения человека, в том числе религиозные, могут носить индивидуальный и неповторимый харак-

тер и в ряде случаев не совпадают с позицией конфессии, к которой принадлежит молодой человек.

Даже если призывник не является членом какой-либо религиозной организации, он все равно имеет право на альтернативную гражданскую службу. Конечно, членство в религиозной организации – это важный фактор, это подтверждение того, что человек верует. Но у нас много и так называемых свободных христиан, которые церковь не посещают, но имеют свои четкие, обоснованные религиозные убеждения. При постановке на воинский учет говорить о своих убеждениях вовсе не обязательно, но если в будущем молодой человек планирует заявлять о праве на альтернативную гражданскую службу, то разумно сказать о своих убеждениях сразу;

2) гражданин относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами.

Призывнику необходимо подтвердить свою принадлежность к коренному малочисленному народу. Это можно сделать с помощью паспорта, в котором указано место регистрации, совпадающее территориально с регионом проживания этого малочисленного народа. При этом гражданин должен заниматься традиционными для его народа промыслами и вести традиционное хозяйство. По сути, являться хранителем и продолжателем традиций своих предков. И именно эти традиционные виды промысла должны быть основным видом деятельности и единственным источником дохода гражданина.

К сожалению, бывают случаи, когда сотрудники военных комиссариатов и судьи, не разобравшись в ситуации, отказывают в замене военной службы на альтернативную гражданскую. Более того, если человека в военкомате или где-то еще, в том числе и в суде, просят документально доказать свои убеждения – это грубейшее нарушение Конституции Российской Федерации и закона об АГС.

К примеру, и призывная комиссия, и суд отказали призывнику в праве на прохождение АГС. Человек призван на военную службу. Как в этом случае должно поступить командование воинской части? Как военнослужащий будет принимать присягу, если это противоречит его убеждениям? А согласно Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» присягу обязаны принять все военнослужащие без исключения. Иначе они не смогут заступить в караул и на боевое дежурство, их нельзя привлекать к выполнению иных боевых задач. Поэтому когда в воинскую часть прибывает военнослужащий, который отказывается принимать присягу, брать в руки оружие, возникает очень серьезная проблема, которой вполне можно было бы избежать еще во время призыва.

За полгода до предполагаемой даты призыва гражданин должен подать заявление о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в военный комиссариат, где он состоит на воинском учете. Изъявивший желание заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой должен обосновать, что несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию. В заявлении указываются причины и обстоятельства, побудившие гражданина ходатайствовать об этом. К заявлению прилагаются автобиография и характеристика с места работы или учебы³.

Право (а не обязанность!) гражданина – приложить к заявлению другие документы и (или) указать лиц, которые согласны подтвердить достоверность его доводов о том, что несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию.

Право на замену военной службы альтернативной гражданской службой, согласно принципу прямого действия Конституции Российской Федерации, должно быть предоставлено каждому гражданину независимо от принятия соответствующего федерального закона, устанавливающего порядок реализации указанного конституционного права граждан.

Заявление рассматривается в присутствии гражданина, его подавшего. Основываясь на выступлении призванного, иных лиц, анализе представленных призванным документов и иных материалов, призывная комиссия выносит заключение о замене гражданину военной службы по призыву альтернативной гражданской службой либо принимает мотивированное решение об отказе в такой замене.

Гражданину, в отношении которого вынесено заключение о замене военной службы альтернативной гражданской, вручается повестка для прибытия на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии для решения вопроса о направлении на АГС. Как правило, граждане проходят альтернативную гражданскую службу за пределами территорий субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно проживают⁴.

В настоящее время срок АГС – 21 месяц (включая два отпуска), а для проходящих ее на гражданских должностях в организациях военной сферы – 18 месяцев, также с двумя отпусками.

Трудовая деятельность граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, регулируется ТК РФ, но с некоторыми особенностями. В частности, гражданин, проходящий альтернативную службу, не вправе по собственной инициативе расторгнуть трудовой договор, участвовать в забастовках, подрабатывать по совместительству в других организациях. Он имеет право на получение образования по заочной или вечерней форме обучения.

Граждане проходят альтернативную гражданскую службу в организациях и на должностях, предусмотренных Перечнями видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы, утвержденными приказом Минздравсоцразвития России от 15 февраля 2011 г. № 135н⁵.

Работодатель, к которому гражданин прибыл из военного комиссариата для прохождения альтернативной гражданской службы, заключает с ним срочный трудовой договор на период ее прохождения в этой организации. С учетом специфики возникающих правоотношений (заключение трудового договора, наименование сторон: «работник» и «работодатель», установление заработной платы и др.) представляется несколько некорректным использование термина «альтернативная гражданская служба», так как по своей правовой природе такая деятельность является для гражданина работой, а не службой. Возможно, более правильно назвать альтернативу военной службе по призыву «трудовая деятельность, замещающая службу по призыву».

В заключение хотелось бы отметить, что проблема отказа от военной службы и замены ее альтернативной – это не только юридическая и философская проблема, но и политическая, так как если право свободы совести и убеждений не гарантируется государством, то такое государство неизбежно «сползает» к диктатуре.

В некоторых странах Западной Европы на АГС отправляется до 35 % призывников. Они успешно служат обществу в больницах, домах престарелых, включая благотворительные центры при религиозных организациях. В России альтернативную гражданскую службу проходят всего лишь не более 1,5 % призывников.

В настоящее время в России альтернативную гражданскую службу несут около 1,2 тыс. человек. А вообще за последние десять лет всего лишь около 8 тыс. россиян изъявили желание вместо военной службы поработать по альтернативным специальностям.

Это объясняется культурно-историческими традициями и отчасти игнорированием требований законов некоторыми сотрудниками военных комиссариатов, которые препятствуют направлению призывников на данный вид государственной службы, а также несовершенством правового регулирования в сфере АГС.

Библиографический список

1. *Корякин, В.М.* Военно-административное право (военная администрация) [Текст] : учеб. / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. – М. : За права военнослужащих, 2008. – 496 с.
2. Военное право [Текст] : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. – М., 2004. – 640 с.
3. *Буров, В.С.* Комментарий к закону об альтернативной гражданской службе [Текст] / В.С. Буров. – М. : МарТ, 2003. – С. 4 – 64.
4. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников [Текст] : учеб. пособие / М.А. Бочарникова [и др.] ; под ред. Ю.П. Орловского. – М. : КОНТРАКТ, 2014. – С. 142 – 144.

---

¹ Рецензент – И.Н. Караваев, доктор военных наук, доцент.

² См. подробнее: *Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В.* Военно-административное право (военная администрация): учеб. М., 2008. С. 22.

³ См. подробнее: Военное право : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 20.

⁴ См. подробнее: *Буров В.С.* Комментарий к закону об альтернативной гражданской службе. М., 2003. С. 4 – 64.

⁵ См. подробнее: Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников: учеб. пособие / М.А. Бочарникова [и др.] ; под ред. Ю.П. Орловского. М., 2014. С. 142 – 144.

Шветова К.Г.,
научный сотрудник
Центра правовых исследований,
vpravo@mail.ru

Ведомственный статус военнослужащих Российской Федерации¹

Аннотация: в статье рассматриваются правовой статус военнослужащих Российской Федерации, особенности правового статуса сотрудников различных ведомств. Предлагается введение понятия «ведомственный статус военнослужащих».

Ключевые слова: правовой статус, права, обязанности, ответственность, военнослужащие Российской Федерации, ведомство, ведомственный статус.

Shvetova K.G.,
Scientific research centre,
vpravo@mail.ru

The departmental status of servicemen of the Russian Federation

The article examines the legal status of servicemen of the Russian Federation, as well as the legal status of employees of various departments. It is proposed to introduce the concept of «departmental status of the serviceman».

Key words: legal status, rights, duties, responsibilities, servicemen of the Russian Federation, the Agency and departmental status.

Правовой статус военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и органов представляется целесообразным рассматривать как интегрированное целое, образуемое сочетанием различных правовых статусов. Это обусловлено тем, что, как справедливо отмечает В.В. Бараненков, понятие «правовой статус» тесно связано с понятием «личность»; в свою очередь, с позиций системного подхода личность в психологии представляет собой динамическую психологическую систему, интегрированное целое, образуемое взаимодействием свойств, реализующих функции внутренней регуляции и внешнего обмена с социальной средой.

С этих позиций рассматривается личность не только конкретных индивидов, но и личность различных групп субъектов (военнослужащих, юристов и т. п.), что позволяет выявить их типологические свойства, определяющие особенности их поведения².

Следует отметить отождествление в научной литературе правового статуса субъекта правоотношений с его правовым положением³, что представляется не совсем удачным, так как применение в правовых исследованиях различных терминов, идентичных по содержанию, обозначающих одно и то же явление, так же как и «расплывчатость», недостаточная определенность содержания какого-либо понятия, неизбежно влекут проблемы правового регулирования. Проведенный В.В. Бараненковым сравнительный семантический анализ терминов «правовой статус» и «правовое положение» позволил выявить их существенные различия и сделать вывод о возможности использования термина «правовой статус» для обозначения статической характеристики (четко определенного уровня развития правового положения) лица, а также о зависимости статуса от оценки некоего другого субъекта⁴.

Таким образом, правовой статус военнослужащего в различных видах правоотношений всегда фиксирован, четко определен по содержанию и времени его возникновения, изменения и прекращения⁵.

По мнению В.В. Бараненкова, правовое положение лица обуславливается его правовым статусом, который можно определить как фиксированный начальный уровень правового положения субъекта. Развитие правового положения до определенного критического уровня (образу сложный юридический состав) влечет его скачкообразное существенное изменение, создает качественно новый статус лица, влекущий значительное изменение его правового положения (возникновение нового юридического состояния).

С.В. Шанхаев указывает, что доктринальное толкование норм законодательства о статусе военнослужащих позволяет сделать вывод, что в отдельных случаях прохождение военной службы (в рамках перемещения по службе) влияет на правовой статус военнослужащих, в частности на права военнослужащих, связанные с продвижением по службе (карьерой). Перемещения военнослужащих самым непосредственным образом затрагивают служебно-правовое положение военнослужащих, нередко довольно сильно меняют круг их служебных обязанностей и прав, а также условия и порядок дальнейшего прохождения ими военной службы (например, при переводах из одного рода войск в другой, при первичных назначениях на офицерские должности и т. д.)⁶.

В связи с изложенным можно согласиться с мнением В.В. Кудашкина о том, что правовое положение является понятием более широким, чем статус⁷, характеризующим в том числе и совокупность правовых статусов субъекта, «достигнутых» им к определенному моменту времени⁸. Правовое положение более точно, но в то же время более динамично характеризует субъект, чем правовой статус, более устойчивый по своей природе⁹. Так, если статус военнослужащего характеризует лицо лишь в самом общем виде, то правовое положение, например, курсанта военного института включает в себя, помимо статуса военнослужащего, и иные статусы: обучающегося, военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, командира отделения и т. п.

Правовой статус военнослужащего в законодательстве используется для обозначения лица, наделенного особой правосубъектностью, но он является одинаковым для всех граждан, вне зависимости от их воинских званий, специальности и т. п., своего рода «начальным уровнем» их военно-правового положения, необходимым любому лицу для участия в военно-административных и некоторых иных видах правоотношений. Поэтому статус свидетельствует лишь о том, что лицо проходит военную службу, но не позволяет определить индивидуальные или типологические особенности его правосубъектности (прав, обязанностей, ответственности и т. п.).

Так, например, такой «общий» правовой статус военнослужащего позволяет определить лишь общие обязанности военнослужащего. Но в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих включает в себя общегражданские права и свободы (закрепленные в Конституции Российской Федерации¹⁰), *общие обязанности, специальные и должностные*¹¹. Таким образом, в военном праве традиционно выделяются, помимо общих, еще должностные обязанности (определяемые общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации¹², ведомственными приказами¹³), специальные обязанности (например, обязанности часового)¹⁴. Кроме того, можно выделить права вышеуказанных категорий военнослужащих¹⁵, а также профессиональные права и обязанности (права и обязанности военных водителей, медицинских работников и т. п.)¹⁶, права и обязанности командира (начальника)¹⁷ и т. д.

Совершенно очевидно, возникает необходимость научно обоснованной классификации указанных категорий прав и обязанностей, иных элементов их правового статуса.

Рассматривая особенности правового статуса в целом, важно отметить, что специфика деятельности соответствующих государственных органов определяет особенности правового статуса их сотрудников (служащих), важнейшими взаимосвязанными элементами которого являются их особые права, обязанности, ответственность, ограничения, льготы, компенсации. Особенности правового статуса военнослужащих обуславливаются спецификой выполняемых ими задач и реализуемых ими государственных функций.

Итак, помимо общих, специальных и служебных обязанностей на военнослужащих налагаются дополнительные обязанности, запреты и ограничения. Представляется возможным назвать их *ведомственными*¹⁸, так как их действие распространяется на военнослужащих определенного ведомства (например, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов внешней разведки).

С учетом изложенного представляется целесообразным выделить следующие виды (уровни) правового статуса военнослужащих:

- общегражданский статус (конституционные права и свободы);
- государственный статус (права и обязанности, распространяющиеся на государственных служащих, которые касаются и военнослужащих в частности)¹⁹;
- общий статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, касающиеся военнослужащих всех родов и войск);
- ведомственный статус военнослужащих (права, обязанности, ограничения и запреты, определяемые в соответствии с осуществляемой деятельностью);
- должностной статус военнослужащих (права и обязанности, налагаемые на военнослужащего в соответствии с занимаемой должностью);
- специальный статус военнослужащих (дополнительные права и обязанности, налагаемые в определенные моменты и временно, например, такие как применение оружия, силы; предъявление требований, обязательных для исполнения в период несения боевого дежурства)²⁰.

При этом *структура правового статуса* каждого уровня включает в себя следующие *элементы*:

- 1) права;
- 2) обязанности;
- 3) ограничения;
- 4) запреты;
- 5) ответственность;
- 6) льготы (преимущества)²¹;
- 7) компенсации;
- 8) стимулы²².

Рассматривая *ведомственный правовой статус* военнослужащего, следует учитывать, что правовое положение каждого конкретного военнослужащего, принадлежащего определенному ведомству, включает в себя, помимо статуса военнослужащего, и иные статусы: гражданина, государственного служащего, специалиста в определенной сфере и т. д. Указанные статусы находятся в системной связи друг с другом. Поэтому с позиций современной военно-правовой науки для правильного определения правового положения военнослужащего, принадлежащего определенному ведомству, важно учитывать не только его военно-правовой статус, но и весь комплекс правоотношений, в которых он участвует (конституционные, военно-административные, гражданско-правовые и т. п.)²³.

Особенности правового статуса военнослужащих различных категорий обуславливаются спецификой выполняемых ими задач и реализуемых ими государственных функций.

Так, например, военнослужащие внутренних войск МВД России считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях, определенных Федеральным законом от

28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». При этом должностные и специальные обязанности военнослужащих внутренних войск и порядок их исполнения определяются не только указанным Федеральным законом, другими законодательными актами Российской Федерации, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, но и Уставом внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России²⁴.

В соответствии с законодательством Российской Федерации сотрудникам органов государственной охраны запрещается заниматься предпринимательской деятельностью или оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении такой деятельности. Также они не вправе совмещать военную службу с другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению ими служебных обязанностей, за исключением случаев, если это вызвано служебной необходимостью²⁵. Сотрудники органов государственной охраны обладают специальными правами при осуществлении своей деятельности (например, правом применять физическую силу, специальные средства и оружие в случаях, определенных законодательством).

На военнослужащих органов внешней разведки Российской Федерации распространяется действие федеральных законов, регулирующих прохождение военной службы, с учетом установленных Федеральным законом от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» и иными федеральными законами особенностей, обусловленных спецификой выполняемых указанными военнослужащими функций. Сотрудники органов внешней разведки Российской Федерации обладают правами и исполняют обязанности, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации для граждан Российской Федерации, за исключением ограничений, устанавливаемых федеральными законами.

Особенность правового статуса кадрового состава органов внешней разведки заключается в том, что для выполнения своих функциональных обязанностей данные сотрудники могут занимать должности в федеральных органах исполнительной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях. Должностные лица указанных федеральных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций несут установленную федеральными законами ответственность за разглашение сведений о принадлежности этих сотрудников к органам внешней разведки Российской Федерации.

Правовой статус военнослужащих органов федеральной службы безопасности характеризуется наличием дополнительных ограничений и запретов, особых требований к служебному поведению. Помимо Федерального закона «О статусе военнослужащих», их деятельность регулируется также Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и связана с обеспечением безопасности государства. Статья 16 данного Закона определяет требования, предъявляемые к сотруднику органов безопасности, например: «сотрудником органов федеральной службы безопасности может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства, способный по своим личным, профессиональным и психологическим качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности, квалификационные требования к уровню образования, стажу, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей сотрудника органов федеральной службы безопасности, которые устанавливаются руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности или уполномоченными им должностными лицами».

Также в данной статье указываются специфические основания увольнения сотрудников органов безопасности, например:

а) непредставление документов или сведений, подлежащих обязательному представлению в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо представление подложных документов или заведомо ложных сведений;

б) наличие зарегистрированного за пределами Российской Федерации права собственности на имущество, если это не обусловлено решением задач оперативно-служебной деятельности.

Обязанностью граждан Российской Федерации, поступающих на военную службу в органы федеральной службы безопасности, военнослужащих и гражданского персонала органов безопасности является представление в подразделения кадров информации, относящейся к обеспечению собственной безопасности органов федеральной службы безопасности, в соответствии с перечнем и в порядке, определенным, руководителем органа безопасности (ст. 16.2 вышеназванного Закона).

Также на военнослужащих органов федеральной службы безопасности налагается ряд запретов, одним из которых является запрещение размещать в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информацию (в том числе фото-, видеоматериалы и другие материалы) о себе, других сотрудниках органов федеральной службы безопасности, позволяющую раскрыть ведомственную принадлежность к кадровому составу органов федеральной службы безопасности, о своей служебной деятельности, деятельности органов федеральной службы безопасности, за исключением случаев, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

С учетом изложенного представляется возможным и целесообразным для дифференциации правового положения военнослужащих Российской Федерации и других категорий военнослужащих (иных ведомств) ввести в научный оборот термин «ведомственный правовой статус военнослужащего», под которым понимается комплексная, интеграционная категория, отражающая систему типичных правовых качеств военнослужащего, обусловленных спецификой прохождения службы в определенном ведомстве и обуславливающих сущностные особенности их участия в различных видах правоотношений.

Библиографический список

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Бараненков, В.В. Юридическая личность военных организаций [Текст] : моногр. / В.В. Бараненков. – М., 2008. – 370 с.

2. Малько, А.В. Большой юридический словарь [Текст] : учеб. / А.В. Малько. – М. : Проспект, 2009. – С. 352.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] : учеб. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2004. – 797 с.

4. Кудашкин, В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами [Текст] : учеб. / В.В. Кудашкин. – М., 2007. – Разд. 2.5.4.5.

Статьи из сборников

1. Бараненков, В.В. Соотношение понятий «военная организация», «ведомство» и «федеральный орган исполнительной власти»: проблемы правовой терминологии [Текст] / В.В. Бараненков // Рос. военно-правовой сб. – 2007. – № 9. – С. 119 – 125.

2. *Корякин, В.М.* Теоретико-правовые основы статуса ветерана в Российской Федерации [Текст] / В.М. Корякин // Рос. военно-правовой сб. – 2007. – № 9. – С. 270, 274.

3. *Шанхаев, С.В.* Перемещение по службе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, как основание изменения их правового статуса [Текст] / С.В. Шанхаев // Рос. военно-правовой сб. – 2007. – № 9. – С. 317.

Статьи из журналов

1. *Бараненков, В.В.* Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица [Текст] / В.В. Бараненков // Юрид. мир. – 2006. – № 2 (110). – С. 20 – 22.

2. *Кудашкин, В.В.* Внешнеторговые сделки в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты [Текст] / В.В. Кудашкин // Военно-правовой обозреватель: Правовая энциклопедия военнослужащего. – 2007. – № 79. – С. 80 – 82.

3. *Кудашкин, А.В.* К вопросу о сущности военной службы и ее месте в системе государственной службы [Текст] / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 8.

4. *Кудашкин, А.В.* Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» [Текст] / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 10.

Электронные ресурсы

1. *Шветова, К.Г.* О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих [Электронный ресурс] / К.Г. Шветова. – Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/commlaw/1820>.

2. *Кудашкин, А.В.* Военная организация государства: понятие, структура, правовое положение, проблемы институционализации [Электронный ресурс] / А.В. Кудашкин // ЭНИ «Военное право». – 2015. – № 1. – С. 4 – 11. – Режим доступа : <http://www.voennoepravo.ru/node/5552/>.

3. *Кудашкин, А.В.* Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» [Электронный ресурс] / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. – Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/commlaw/1820>.

---

¹ Рецензент – В.В. Бараненков, доктор юридических наук, профессор.

² *Бараненков В.В.* Юридическая личность военных организаций : моногр. М., 2008. С. 18 – 19.

³ Обзор различных взглядов на соотношение указанных понятий см. подробнее, напр.: *Кудашкин В.В.* Внешнеторговые сделки в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты. М., 2007. С. 80 – 82. По мнению самого В.В. Кудашкина, статус субъекта правоотношений является одним из наиболее важных элементов его правового положения.

⁴ *Бараненков В.В.* Юридическая личность военных организаций. С. 19. См. также: *Бараненков В.В.* Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // Юрид. мир. 2006. № 2 (110). С. 20 – 22.

⁵ Как правило, определяется приказом по личному составу.

⁶ *Шанхаев С.В.* Перемещение по службе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, как основание изменения их правового статуса // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 317.

⁷ Так, например, по мнению В.В. Кудашкина, «правовое положение лица охватывает значительно более широкий круг аспектов правоспособности, включая статические элементы, собственно статус, а также динамические элементы при осуществлении лицом какой-либо деятельности и отражающих специфику правового регулирования этой деятельности в зависимости от сфер действия локальных запретов (ограничений) и общих запре-

тов» (Кудашкин В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами. М., 2007. Разд. 2.5.4.5).

⁸ Как, например, указывает В.М. Корякин, «одно и то же конкретное лицо (гражданин) может быть носителем одновременно различных специальных статусов в зависимости от тех социальных позиций, которые он занимает в обществе. Например, гражданин, проходящий военную службу, выполнявший ранее задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике и имеющий выслугу лет на военной службе 20 лет и более, одновременно является носителем нескольких специальных статусов: статуса военнослужащего, статуса ветерана боевых действий, статуса ветерана военной службы» (Корякин В.М. Теоретико-правовые основы статуса ветерана в Российской Федерации // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 270). «С точки зрения структуры правовой статус ветерана в Российской Федерации состоит из общей части, относящейся к правовому статусу гражданина России; специальной части, представляющей собой совокупность общих для всех категорий ветеранов мер социальной поддержки; особенной части, характеризующей правовое положение ветеранов определенной категории; единичной части, включающей в себя особенности правового положения конкретного ветерана» (Там же. С. 274). См. также: Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица. С. 21.

⁹ Так, например, правовое положение физического лица может характеризоваться такими его статусами, как статус военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, старшего офицера, слушателя военной академии, дееспособного лица, имеющего право управления автомобилем, избирателя, кандидата в депутаты Государственной Думы, супруга и родителя. В то же время наличие у физического лица определенных конкретных льгот, выслуги лет, курса обучения, участие в конкретных правоотношениях в качестве, например, одаряемого, пассажира автобуса, представителя, действующего по доверенности и т. п., характеризуют не статус, а конкретное правовое положение указанного лица на определенный момент времени (Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица. С. 21).

¹⁰ Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.

¹¹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О статусе военнослужащих».

¹² Статья 94 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. №1495 (с изменениями и дополнениями).

¹³ Приказ МВД России от 6 мая 2013 г. № 241 «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наказания дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации».

¹⁴ Статья 24 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹⁵ Так, в частности, военнослужащие, находящиеся на боевом дежурстве, могут исполнять специальные обязанности, для чего наделяются дополнительными правами, такими как применение оружия, силы, предъявление требований, обязательных для исполнения, и другими правами (ст.ст. 26, 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

¹⁶ Помимо общих требований, определяемых общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, на данных военнослужащих распространяются дополнительные требования, связанные с определенной профессией на военной службе.

¹⁷ Статья 75 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹⁸ Бараненков В.В. Соотношение понятий «военная организация», «ведомство» и «федеральный орган исполнительной власти»: проблемы правовой терминологии // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 119 – 125.

¹⁹ О проблемах соотношения статусов военнослужащего и государственного служащего см. подробнее: Кудашкин А.В. К вопросу о сущности военной службы и ее месте в системе государственной службы // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 8.

²⁰ Шветова К.Г. О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих [Электронный ресурс]. URL: <http://nir.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 20.06.2014).

²¹ Кудашкин А.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1820>.

²² См., например, приказ Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России и ФТС России от 12 июля 2007 г. № 288/627/386/369/855 «О мерах по совершенствованию работы по определению квалификации летного состава государственной авиации».

²⁴ Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации».

²⁵ Федеральный закон от 8 декабря 2011 г. № 424-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной охране» и отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

В любом почтовом отделении России с любого месяца можно подписаться на уникальные военно-правовые издания РОД «За права военнослужащих» по каталогу «Роспечать»:

1. Журнал **«Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»** – это разъяснение военных законов, приказов руководителей Минобороны, внутренних войск МВД, ФСБ, МЧС и других «силовых» структур России; тематические рубрики («Правовая страница командира»; «Социальная защита военнослужащих»; «Жилищное право и военнослужащий»; «Дела судебные»; «Правовая консультация»; «Увольняемому с военной службы»; «Труд гражданского персонала» и др.); шесть вкладок, в том числе «Новое военное законодательство» и «Финансово-экономическая деятельность в военных организациях».

Журнал, издаваемый с 1997 г. и включенный на основании директивы министра обороны РФ в коллективную подписку на газеты и журналы, всегда первым дает полные, глубокие, подробные комментарии новых нормативных актов по вопросам военной службы.

Журнал включен в Перечень ВАКовских изданий, действующий с 1 декабря 2015 года.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Объем – 128 стр. **Подписные индексы – 72527 (на полугодие).**

2. Серия книг практической направленности по актуальным вопросам военной службы **«Право в Вооруженных Силах – консультант»**. **Подписной индекс – 79205.**

Телефон для справок: (495) 334-98-04 (10.00 – 17.00 в будние дни, время московское).

Наш адрес в Интернете – <http://www.voennoepravo.ru>, связь по электронной почте – pvs1997@mail.ru.

Российский военно-правовой сборник № 21 : Актуальные вопросы правового обеспечения совершенствования и развития военной организации государства : международная научно-практическая конференция / отв. ред. д. ю. н., профессор А.В. Кудашкин. – М. : За права военнослужащих, 2016. – Вып. 144. – 288 с.

Редактор *Тюрина О.А.*

Оператор компьютерной верстки *Зулькарнаев А.Б.*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 030863 от 18 ноября 1998 г.

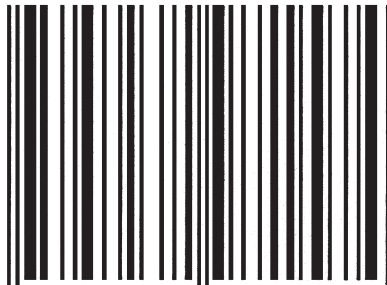
Подписано в печать 19.01.2016. Формат 60 x 88/16. Гарнитура Times New Roman.

Бумага газетная. Печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство Общественного движения
«За права военнослужащих»
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, д. 2

ISBN 978-5-93297-157-4

9 785932 971574